

**ИГОРЬ
КОНЬЧЕВ**

**ВРЕМЯ
БЕЗДУШНЫХ**

Вторжение демонов в Светлые Земли удалось сдержать. Но цена оказалась слишком высокой — все до единого рыцари ордена Сидония Воздаятеля отдали свои жизни на алтаре жесточайшей битвы, а часть материка навсегда осталась измененной Бездной. Где-то за стеной Святой Преграды, в самом центре искаженных злом Потерянных земель, находится обитель Нерушимых Врат — потерянная цитадель павших в неравном бою рыцарей. Знала ли юная заклинательница демонов, что ей и ее друзьям из гильдии авантюристов предстоит поход по ту сторону стены, да еще и в компании фанатичных монахов ордена Гирита Защитника, прозванных Бездушными? Нет. Никто не знал о том, что уготовила судьба. Каждый из героев преследует свои цели, но лишь объединив усилия они смогут сохранить души от Зла, обитающего за стеной...

Игорь Конычев

Время Бездушных

Метка

Одинокая, ветхая избушка почти сливалась с лесом. Заросшая мхом, она низко пригибалась к земле, словно под тяжестью своих лет и, казалось, что ей может навредить даже легкий порыв ветра. Бревна давно потемнели от сырости и покрылись плесенью, среди которой белыми пятнами росли склизкие грибы.

Крыша сильно просела и виною тому, от части, послужил ствол сломанного много лет назад дуба, перебивший стропила и разделивший верхнюю часть избушки на две части, немного покосив короткую трубу, толстыми ветвями.

Растекшееся неподалеку болото медленно наступало на ветхую постройку, будто стремясь заключить ее в свои холодные, вязкие объятия. Из бурой тины, в двадцати шагах от неровного берега, торчали трухлявые доски. Вольготно расположившиеся на них лягушки протяжно квакали и, наверное, только они знали, сколько домов насчитывала заброшенная деревня, теперь погребенная под мутными водами.

Захлопали черные крылья, и большой ворон опустился на край затонувшей крыши, распугав своих зеленых соседок. С недовольным кваканьем, лягушки скрылись в воде, оставив после себя лишь следы из мерно колышущихся зеленых рясок.

Не обращая на болотную растительность никакого внимания, ворон моргнул черными бусинками глаз и принялся деловито чистить блестящие перья, недоверчиво косясь на лесную опушку. Там, из-за редких деревьев выглядывали низкие холмики, между которыми неторопливо расхаживала фигура в черных одеждах.

Низкие тучи, медленно плывшие по ночному небу над болотом, начали ронять холодные капли дождя, побеспокоившие птицу и та, взмахнув крыльями, поднялась в воздух. Всего несколько ударов сердца понадобилось ворону, чтобы пролететь над единственной, пока не пожранной болотом избушкой, и опуститься на плечо мужчине, мерно шагающему между невысоких холмиков — всего, что осталось от местного кладбища.

Корни деревьев побеспокоили некоторые могильники, другие, давно были разорены дикими животными и лишь одна могила, по неизвестным причинам осталась не тронутой. Остановившись рядом с невысоким холмиком, мужчина в черных одеждах довольно улыбнулся.

На вид незнакомцу было не больше трех десятков зим и его узкое, с тонкими чертами лицо можно было бы назвать красивым, если бы не жуткая улыбка и всегда остающиеся бесстрастными, бесцветными глазами: холодные и цепкие, они не выражали никаких эмоций. Зачесанные назад волосы цветом сливались с перьями птицы, сидевшей на плече незнакомца, и резко контрастировали с бледной кожей мужчины.

Стоило первым каплям дождя, просочившимся сквозь кроны деревьев, коснуться поросшей травой земли, как человек набросил на голову глубокий темный капюшон. Ворон, побеспокоенный резким движением, громко каркнул и слетел с плеча мужчины. Устроившись на одной из низких ветвей, птица продолжила наблюдать за происходящим.

Гнетущую тишину разорвал раскат грома и, спустя несколько мгновений, затянутое

тучами небо распорол сверкающие паутинки молний. Дождь, словно только и ждавший сигнала, незамедлительно перешел в ливень.

Не обращая внимания на капризы природы, мужчина слегка приподнял свой витой посох, выполненный из черного дерева и обтянутый множеством растрепавшихся и посеревших от времени лент, чьи незакрепленные концы беспокойно затрепетали под порывами усилившегося ветра.

— Долго же мне пришлось искать, — голос мужчины оказался тихим, спокойным и, отчего-то, пугающим. Леденящий душу тон и полное безразличие говорившего, лишь усиливали этот эффект. — Надеюсь, в этот раз я не ошибся.

Концом своего причудливого посоха мужчина начал чертить на земле странные символы, на распев, произнося слова на каком-то шипящем наречии.

Густая трава в тех местах, где ее касалось черное дерево, сразу же меняла свой цвет, увядая прямо на глазах. Дождь лил, не переставая но, не смотря на град крупных капель, рисунок на древнем могильнике все ярче разгорался зеленоватым пламенем, чьи блики, неуместные в своей радости, весело плясали на лице человека в черном.

Речь мужчины становилась все тише и тише, пока ее полностью не заглушил шум ливня. Когда же бледные губы замерли в безмолвии, человек вонзил посох точно в центр испещренного символами круга, охватывающего всю могилу.

Ярко зеленое пламя всколыхнулось к темному небу и сразу же низкий, утробный стон донесся откуда-то снизу. Земля под ногами мужчины поднялась, словно что-то пыталось выбраться на поверхность.

— Даже фигура Вечного покоя тебя не берет? — Быстро отойдя на пару шагов назад, незнакомец рывком сорвал с головы капюшон, и в его бесцветных глазах промелькнуло неожиданное любопытство. — Неужели я все же смог отыскать тебя? — спросил он, казалось бы, обращаясь к кому-то невидимому.

Словно в ответ на вопрос, земля дернулась, еще раз и еще, словно где-то под ней забилось огромное сердце. Каждый удар был мощнее предыдущего и вскоре небольшие трещины разрослись до довольно глубоких разломов, из которых непрерывно доносился многоголосый стон, полный чего-то древнего и мрачного.

Забеспокоившийся ворон захлопал черными крыльями, поднимаясь со своего места. Однако птица не стала далеко улетать и лишь перебралась повыше, устроившись на самой верхушке крепкого дерева.

Ворон пронзительно каркнул, но раскат грома заглушил этот звук. Сразу же сверкающая молния ударила в дерево неподалеку от того, на котором сидела птица и обугленный ствол, дымясь, развалился на части. Не успели потемневшие щепки коснуться земли, как та, содрогнувшись, словно в приступе конвульсивной боли разверзлась, и огромная рука появилась на поверхности.

Кое-где мертвенно бледная кожа отсутствовала, обнажая серую плоть, за которой желтели кости. Пальцы, словно в судорогах, быстро сжимались и разжимались. Они пытались поймать что-то невидимое взору, что-то постоянно ускользающее из-под них.

Так продолжалось всего несколько мгновений, пока рука, едва коснувшись края разлома, судорожно не вцепилась в него, вытягивая остальное тело. Стало заметно, что кожа ровным срезом заканчивалась на кисти и дальше виднелись лишь кости руки лишенные плоти. Обломанные ногти все глубже впивались в землю. В свете вспышки молний, на безымянном пальце руки сверкнуло серебром широкое кольцо, выполненное в форме змеи,

кусающей себя за хвост.

— Невозможно... — мужчина в черном проворно отскочил назад, и вырвавшаяся из объятий земли вторая рука, полностью лишенная кожи и плоти, упала на землю в том месте, где он только что находился. — Столько силы!.. Это точно оно!

Костяные пальцы, каждый размером с взрослого человека, терзали влажную почву, оставляя на ней глубокие борозды. Казалось, что время вокруг остановилось и даже капли дождя, разбивающиеся об огромный, пожелтевший череп, поднимающийся из разлома, разлетались поразительно медленно.

Во впадинах глаз зарождалось зеленоватое пламя, разгоравшееся все сильнее и сильнее. Могильники, беспорядочно разбросанные по округе, разрывались, и вылетающие из них обломки костей, объятые тусклым свечением, устремлялись в разлом, откуда неспешно поднимался огромный скелет.

— Наконец-то! — Тонкие губы незнакомца растянулись в торжествующей улыбке, однако его глаза, по-прежнему, оставались холодными и даже, немного, печальными. — Я нашел тебя.

Мужчина неспешно отступил на несколько шагов, наблюдая за творящейся прямо на его глазах магией. Древнее волшебство было столь темным, что человеческое естество трепетало перед ним. Но мужчина в черных одеждах не был обычным человеком.

Раскинув руки в стороны, незнакомец выпусти свой посох, однако тот не спешил падать на мокрую покрывшуюся трещинами землю. Ветер яростно затрепал ленты, охватывающие черное дерево.

Посох медленно развернулся в воздухе и теперь, словно указывал на поднимающийся из недр земли скелет своим навершием, чем-то напоминающим человеческий череп, чьи челюсти разверзлись в немом крике нестерпимой и сводящей с ума боли.

Между тем, незнакомец бережно вытащил из своей сумки сверток черной, бархатной ткани. Он принялся осторожно раскрывать его, шепотом произнося слова на все том же шипящем языке. Когда бархат, подхваченный завывающим ветром, беззвучно коснулся пожухлой травы, в руках мужчины оказался потрескавшийся человеческий череп, вполне реальный, в отличие от того, что венчал его посох.

Не обращая внимания на огромный скелет, почти полностью выбравшийся на поверхность и теперь угрожающе возвышающийся над ним, незнакомец продолжал произносить заклинание на языке, непонятном большинству живых. Забытое, теперь уже мертвое наречие каждым звуком отравляло пространство вокруг, наполняя его вначале легким запахом тлена, постепенно переходящим в смрад разложения.

Когда в бесцветных глазах незнакомца заплясали зловещие зеленоватые искры, он пальцами правой руки коснулся конца своего посоха, левой продолжая сжимать череп, трещины на котором расширялись все сильнее. Губы человека безостановочно двигались, но ветер, словно обезумев, вырывал произносимые шепотом слова, стремясь унести их как можно дальше и не позволить никому из живых услышать только что сказанное.

Но в этих лесах уже не было живых, по крайней мере, в полном смысле этого слова.

Губы незнакомца неожиданно замерли, и их коснулась едва заметная, довольная ухмылка. В тот же миг череп в его руке раскололся, прямо на глазах распадаясь в прах. Зеленая трава у ног мужчины в один миг обратилась в бурый перегной, когда он прошептал короткое слово, на все том же языке. То был язык Смерти, на котором в незапамятные времена общались жрецы позабытого бога загробного мира — Велеса Скорбящего.

И произнесенное слово было:

— Тлен.

Оббитый лентами посох изогнулся, словно живое существо и вздрогнул. Потрепанные полосы ткани, прижимающиеся к черному дереву, замерли, в едином порыве устремившись к наверхию — черепу, содрогающемуся, будто в предсмертных конвульсиях.

Разверзнув деревянные челюсти еще шире, венчающий посох череп выплюнул луч ярко зеленого света. Он ударил в правую глазницу огромного скелета, как раз собиравшегося схватить незнакомца, что потревожил его вечный покой.

Голова пробужденного темной магией чудовища дернулась, и задняя стенка его черепа с треском разлетелась, позволяя зеленому лучу позабытой магии разрезать небеса и, ярко вспыхнув, пропасть среди их тьмы.

Огромный скелет пошатнулся, но не упал.

Пальцы на огромной левой руке сжались в кулак, словно кузнечный молот, устремившийся к незнакомцу.

Не двинувшись с места, мужчина в темных одеждах перехватил свой посох, ткнув им, словно копьем, в грозящую раздавить его конечность скелета. Сравнявшийся ростом с лишившимися листьев деревьями, скелет замер, не в силах до конца опустить кулак, наткнувшийся на столь хрупкую, на первый взгляд, преграду.

Впившись невидящем взглядом уцелевшей глазницы в стоящего на месте мужчину, порождение древней магии закрипело редкими, обломанными зубами. Низкий утробный стон раскатился по окраинам. Всем своим немалым весом существо подалось вперед, но все оказалось тщетно. Почти скрытый под рукой скелета мужчина не двигался. Лишь его одежда, да ленты на посохе неистово трепетали на ветру.

— Тлен! — Вновь произнес человек, на все том же языке, и новый луч пробил костяной кулак насквозь.

Разбросав обломки в разные стороны, заклинание врезалось в ребра скелета и те, с противным сухим хрустом сломались, опадая рваными клочьями пепла, сразу же прибиваемыми к земле тяжелыми каплями ливня. Подобный стволу дуба позвоночник треснул, не выдержав удара зеленого луча и огромное, созданное из множества костей тело, накренилось, тяжело опершись на уцелевшую руку.

Изуродованная костяная ладонь взметнулась вверх и резко упала вниз, но незнакомец больше не пытался задержать ее. Быстро отскочив в сторону, он избежал удара, от которого сотряслась земля.

В четыре широких прыжка оказавшись рядом с обтянутой кожей рукой скелета, мужчина запрыгнул на большой палец, в обхвате превосходивший все его тело, и взмахнул посохом. Прошептав очередное заклинание, незнакомец ловко провел черным деревом по тому месту, где серая кожа обрывалась ровным срезом, и огромное тело скелета затряслось, когда его кость начала дымиться.

Изуродованная рука костяной громадины обрушилась на мужчину сверху, но тот вновь успел уклониться. Послышался противный треск, заглушаемый жутким ревом боли и досады. Скелет великан затрясся в судорогах, сжимая левой рукой обломок правой, не выдержавшей его собственного удара, предназначавшегося дерзкому человеку.

Взявшись за посох обеими руками, мужчина в черных одеждах прикрыл глаза и быстро зашевелил бледными губами:

— Пей мою кровь.

Ленты на черном дереве, подобно змеям, плотно обвили руки мужчины, и посох мелко задрожал. Тьма быстро стянулась к ногам незнакомца. Неровной волной мрак пробежала по телу и перетек по рукам в посох. Закрутившись вокруг черного дерева по спирали, тени достигли наверх. Собравшись в единый комок, они сорвались с него столпом непроницаемого мрака, бьющего из глазниц венчающего посох черепа.

Заклинание, настолько древнее и темное, что даже немногие из некромантов отважились бы произнести его, врезалось в голову гигантского скелета, растекшись по нему грязной кляксой. Вязкая жидкость встрепенулась, неуловимым движением забравшись в пустую глазницу, и скелет замер на месте. Его кости стремительно темнели и бесшумно падали на землю. Едва коснувшись размытой дождем почвы, они рассыпаясь прахом. Всего за несколько ударов сердца от порождения темной магии осталась лишь горстка пыли, почти смытая дождем в разлом, из которого оно и появилось.

Мужчина устало опустил посох, ленты которого теперь безвольно трепетали на ветру вдоль черного древка.

Звуки леса робко возвращались к заброшенной деревне: с болот начало доноситься нестройное кваканье, противно вмешивающееся в шелест листьев и шум дождя. Сварливо закаркал ворон, покосившись блестящими бусинками глаз на неподвижно стоящего человека.

Сбросив с себя мимолетное оцепенение, вызванное концентрацией на темном волшебстве и, закатав широкий рукав, незнакомец поморщился, разглядывая кровавые следы на руках в тех местах, где их касались ленты. Кожа по краям широких ран воспалилась и теперь пульсировала болью, на которую незнакомец, впрочем, не обращал никакого внимания. Такова была плата. Тяжело опираясь на посох мужчина, прихрамывая, приблизился к лежащей на земле руке — единственному, что осталось от его недавнего противника.

Потерянная скелетом конечность уменьшилась в размерах и теперь сравнялась с человеческой. Мужчина, невзирая на непрекращающийся дождь и грязь, устало опустился на землю рядом со своим трофеем. Он довольно продолжительное время разглядывал бледную, обтянутую серой кожей кисть, уделяя особое внимание кольцу.

Наконец, решившись, незнакомец коснулся пальцами холодной плоти и поднял обмякшую руку. Отложив посох в сторону, он попытался стянуть с опухшего пальца сверкающее кольцо. Несмотря на проведенное под землей время, украшение выглядело так, словно недавно покинуло мастерскую ювелира. Сначала мужчина тянул несильно, но кисть мертвеца упорно не желала расставаться с украшением, буквально сросшись с ним.

Тогда незнакомец достал из-за пояса узкий, слегка изогнутый кинжал с ониксовым лезвием и костяной рукоятью. Он примерился было отрезать палец с кольцом, но, еще немного поразмыслив, убрал причудливое оружие обратно.

Мужчина чувствовал сокрытую в кольце силу и понимал, что такие вещи нельзя сравнивать с бессмысленными побрякушками, которыми многие привыкли украшать себя. Еще раз, придирчиво осмотрев отрубленную конечность, незнакомец улыбнулся своим мыслям. Как он и предполагал — пропитанное магией кольцо к руке привязывало мощное заклятье, и снять его мог лишь владелец.

Но подобное развитие событий не устраивало того, кто недавно одержал верх над столь мощным порождением темной магии, как костяной голем. Сейчас кольцо на руке мертвеца не более чем декоративное украшение. Что бы с ним не делали, оно не явит свою силу

никому, кроме своего владельца.

Однако древний артефакт не являлся единственной интересной вещью на жутковатом трофее. Серую кожу на ладони украшал символ, вид которого заставил незнакомца довольно улыбнуться; треугольник, вписанный в ровный, охваченный темным пламенем круг, делился на четыре части, в каждой из которых застыло немигающее око. Вдоль сторон вписанной в круг фигуры тянулись надписи на древнем языке, давно позабытом, но от этого лишь более опасном.

— Интересно... — незнакомец, положив трофей перед собой, один за другим стянул три перстня со своей правой руки. Аккуратно положив их рядом, он снова вытащил кинжал.

Пока губы мужчины беззвучно двигались, он все крепче смыкал левую ладонь на холодной костяной рукояти. Закончив читать заклинание, он коснулся отточенным лезвием правой ладони. Ни один мускул не дрогнул на бесстрастном лице, когда густая алая кровь закапала на траву.

Ни ветер, ни ливень не тревожили кровь, быстрым ручейком растекающуюся вокруг мужчины и формирующую на траве точно такой же рисунок, как на отсеченной руке.

Едва круг, охватывающий треугольник замкнулся, как ониксовое лезвие резко опустилось, и кисть мужчины упала на траву, рядом с отсеченной серой конечностью. Пригвоздив свою еще теплую ладонь к земле кинжалом, мужчина, поднял серую руку с кольцом-змеей и плотно прижал к своему кровотокающему обрубку. При этом лицо его сохраняло спокойное выражение, а взгляд был отстраненным, безжизненным.

Побледневшие губы вновь пришли в движение, произнося слова давно не звучавшие под небом этого мира. Мрак ониксового лезвия ключьями тумана, плавно растекаясь по пригвожденной к земле руке, полностью скрыв ее и растворив в себе, после чего вернулся обратно.

Торжествующая улыбка тронула тонике губы незнакомца, когда прямо на его глазах, приставленная к обрубку руки кисть начала обрастать недостающей плотью и менять свой серый цвет на более естественный.

Стоило мужчине закончить творить заклинание, как он резко сжал пальцы на правой руке в кулак, ощутив, как новая конечность полностью подчиняется ему. В тот же миг кольцо-змея ожило — пасть змея разжалась, выпуская кончик его же хвоста. Серебряное существо несколько раз скользнуло вокруг пальца, замерев на том же месте и вновь сомкнув клыки, будто ничего и не произошло.

К этому времени новую правую руку незнакомца уже было не отличить от его собственной. Лишь белый рубец вокруг кисти обозначал то место, где кожу рассекло ониксовое лезвие. Повернув новую конечность раскрытой ладонью к себе, человек в черных одеждах, не мигая, смотрел на символ, словно напивавшийся силой и ставший более явственным.

Темное пламя, охватывающее круг с заключенными в нем символами на миг ожило и обожгло кожу вспышкой боли, едва не лишившей мужчину сознания. Боль ушла так же неожиданно, как и появилась.

Переведя дух, незнакомец убрал кинжал, предварительно очистив его от налипшей к лезвию земли. Затем он медленно вернул на место свои перстни и еще раз сжал правую руку в кулак.

— Теперь ты принадлежишь мне, — едва слышно прошептал человек и, упав на мокрую траву, лишился сознания.

— Вы очнулись, господин Эгистес? — поинтересовался совсем еще юный женский голос, звучавший абсолютно безучастно. Несмотря на приятный тон, в нем не чувствовалось никаких эмоций, присущих молодым девушкам.

— Зачем спрашиваешь, если видишь, Алира? — Мужчина в черных одеждах сел. Морщась от чувства слабости во всем теле, он огляделся по сторонам.

Теперь, в свете, судя по положению полуденного солнца, дня, заброшенная деревня выглядела гораздо менее пугающе, чем в дождливую ночь. Запели птицы, мягко шелестела листва под теплым ветром, а на неспешно колышущемся ковре зеленой травы драгоценными камнями блестели капельки росы.

Освещенный ярким солнечным светом брошенный дом, заросший мхом по самую провалившуюся крышу, выглядел теперь даже уютно, а не пугающе, как во вспышках молний и неровном лунном свете.

Все это мужчина заметил мельком, не заостряя внимания. Подняв к лицу правую ладонь, он еще раз изучил руку, неприятно морщась при малейшем движении, когда вымокшая за ночь одежда неприятно касалась кожи и прилипала к ней, обжигая холодом.

Пальцы слушались превосходно, кожа, вместе с цветом приобрела чувствительность и самое главное — кольцо, кажется, признало нового хозяина, а значит и сила, заключенная в нем теперь не будет прозябать зря в сырой земле.

— Простите меня, мой глупый господин, но я хотела убедиться, что с вами все в порядке.

— Убедилась? — Тот, кто носил имя Эгистес Отверженный, недовольно скосил глаза на сидящую рядом девушку.

Она разместилась в двух шагах от него, усевшись на расстеленный плащ. Темные прямые волосы, ниспадающие до середины спины, открывали бледное миловидное личико со строгими чертами и внимательными темными глазами, смотрящими на мир с нескрываемым высокомерием. Прямой нос, тонкие губы и манера держаться свидетельствовали о далеко не деревенском происхождении девушки, которой на вид можно было дать не больше пятнадцати зим.

— Более чем, — ее, не по-детски серьезное лицо сохраняло безразличное и даже слегка брезгливое выражение. — Однако смею заметить, что вы явно поторопились с решением...

— Не умничай, — довольно грубо оборвал девочку Эгистес, с трудом поднимаясь на ноги. — Я потратил слишком много сил в бою с големом и должен был спешить. А ты, вместо того чтобы помочь мне, пряталась в этой развалине! — Он указал рукой в сторону старого дома.

— Простите, — девушка, насколько можно было судить по ней, сникла. — Я боюсь грозы.

— Какая теперь разница? — Отмахнулся мужчина, пытаясь одновременно отряхнуть свои темные одежды. — Я уже много раз говорил тебе — нет смысла в извинениях: сделанного не вернешь, а раскаяния — это пустой звук. Не более.

— Я помню. — Утвердительно кивнув, девушка легко встала на ноги, зашелестев пышными юбками.

Она привычным движением поправила свое длинное, черное платье с темно

фиолетовой отделкой, больше подходящее для званных вечеров, а не для прогулок по глухим лесам.

— Сказанное мной не более чем долг вежливости и моему воспитанию.

— И это твоё воспитание позволяло бросить меня одного? — Кривая ухмылка тронула губы мужчины, словно уродливый шрам, разделив его лицо на две части.

— Я верила в вас, господин. — И глазом не моргнув, парировала девушка. — К тому же, у вас при себе имелся череп висельника, а голем пробыл под землей слишком много лет, чтобы быть хоть сколь-нибудь опасным.

— Жаль в данный момент я не могу познакомить вас и попросить тебя повторить свои слова ему.

Эгистес присел и пошарил в траве, после чего поднял из нее свой посох. Намокшие ленты висели грязными, потрепанными тряпками, а древко стало скользким из-за влаги.

— Но ты права, годы существенно ослабили даже такую мощную магию и, если бы не рука Фирота Лишенного Скорби, эта дрянь даже не поднялась бы из-под земли. Собственно говоря, я думаю, что голем и появился здесь в результате высвобожденной из руки магии. Ты же знаешь, что когда-то именно здесь произошла битва между Алардом Дарием и одним из величайших некромантов всех времен, — Эгистес огляделся. — Полагаю, что тогда это место выглядело иначе. — Пришел он к выводу, еще раз взглянув на лес и растекшееся кругом болото. — А может, и нет, кто знает, сколько алые храмовники преследовали Фирота. Да и какая теперь разница? Я нашел то, что искал.

— Я рада, что все обошлось, — несмотря на произнесенные слова в голосе спутницы Эгистеса не слышалось и намёка на радость. — Вы так долго искали это кольцо и, наконец, смогли его отыскать. Хотя рука...

— Кольцо — метка, указывающая путь, помогающая найти себя, — мужчина в очередной раз принялся разглядывать серебряного змея, обвившегося вокруг безымянного пальца. — Сначала я думал, что дело в нем, но нет... Разумеется, кольцо наделено магической силой и бесспорно является отличным приобретением, но главное это символ. — Развернув ладонь к Алире, мужчина продемонстрировал ей рисунок на теперь уже своей ладони. — Символ — это ключ.

— К чему? — Девушка удостоила руку лишь мимолетного взгляда. Ей явно было неприятно смотреть на нее, и Алира вновь сосредоточилась на расправлении многочисленных складок платья.

— К силе!

— А, вот в чем дело... — безразлично протянула Алира. — Вы, как всегда, помешаны на силе, господин. Но в этот раз вы удивили даже меня. Одно дело рыскать повсюду в поисках очередного артефакта эпохи Войны векового Мрака, а другое калечить свое тело, ради довольно сомнительной выгоды. — Твой длинный язык соизмерим лишь с твоей вредностью, Алира. Пожалуй, мне следует задуматься над тем, чтобы оставить тебя где-нибудь в лесу...

— В таком случае вы рискуете сойти с ума от одиночества, господин. — Бесстрастно заявила девушка. — Ваша необщительность, замкнутость, одержимость силой, чрезмерная язвительность и скверный характер полностью лишают вас даже самой скудной возможности завести друзей, по крайней мере, из мира живых. Ах да, я совсем забыла упомянуть, что мало кто из жителей Светлых земель захочет общаться с некромантом, пусть и имеющим патент от Совета магов и благословение богов.

— Я знал, что ты всегда поддержишь меня, — недовольно пробурчал Эгистес Отверженный.

— Вы всегда можете на меня рассчитывать, господин. — Девушка грациозно поклонилась, немного приподняв кончиками пальцев подол своего дорогого платья. — Ведь у меня нет иного выбора. — Так же спокойно добавила она.

— Я сдержу свое слово. Как только найду посох твоего отца — ты получишь свободу.

— Именно поэтому я и помогаю вам, скорбно, но стойко снося все тяготы пути и то обстоятельство, что мне приходится находиться под одним небом с вами.

— Осталось недолго, — уверенно произнес Эгистес, сжав пальцы и скрыв символ на своей ладони. — Теперь, когда у меня есть и метка и ключ, осталось лишь разобраться в значении символа, — он уставился на ладонь. — Кажется, это какая-то печать или же... Хм... Похоже на заклинание по искажению пространства, смешанное с чем-то еще. В любом случае, мое новое приобретение поможет мне прийти и забрать посох, что заточен в обители!

— Звучит так, будто Вы говорите о лошади. — Фыркнула Алира. — Конечно, нет ничего проще, чем пройти по Потерянным землям, просто кишачными разнообразными кровожадными тварями. Это вам не какой-нибудь кусок оскверненной земли, оставшийся после запечатывания Врат Бездны. Это — Потерянные земли. Я уже не говорю о том, что пробраться в павшую две тысячи лет назад Обители Нерушимых Врат, кажется Вам хорошей идеей.

— Просто ты не знаешь того, что знаю я, Алира.

— Удивите же меня, о, мой недалекий господин.

Эгистес пропустил оскорбление мимо ушей:

— Множество искателей приключений часто отправляются в оскверненные земли.

— Именно, что в оскверненные. Вы понимаете разницу между ними и тем, что лежит по ту сторону Стены? — Нам нужно просто побыть в ближайшей пограничной крепости у Стены Святой Преграды, — невозмутимо продолжил Эгистес. — И дожидаться подходящего отряда авантюристов и...

— Я несколько не сомневалась в вашей глупости, господин. Но ее безграничность, признаюсь, впечатляет даже меня. — Безрадостно отозвалась Алира. — Отправиться в столь опасное путешествие вместе с людьми, которых вы увидите первый раз в жизни, поистине, довольно изощренный способ расстаться с жизнью. К тому же, вы, случаем, не запомнили, какое проклятье лежит на землях за Стеной? Если вы и я еще сможем углубиться в Потерянные земли настолько, чтобы добраться до стен Обители, то эти ваши авантюристы потеряют разум и обратятся в одержимых еще до того, как увидят стены утерянной твердыни. Без Бездушных храмовников и их пастырей лучше даже не думать о том, чтобы углубиться в Потерянные земли. В крайнем случае, можно обратиться за помощью к зверолодам, но эти дикари вряд ли станут вас слушать. Если, разумеется, у вас не найдется кучи денег, чтобы нанять их.

— Я знал, что ты скажешь нечто подобное. — Улыбнулся мужчина. — Но тебе следовало дать мне закончить.

Алира обратила к спутнику свои темные глаза и выжидающе приподняла бровь.

— Мой эскорт к Обители Нерушимых Врат впечатлит даже тебя, — самоуверенно заявил Эгистес.

— Вы, правда, так считаете? — Голос девушки не дрогнул. — И кто же...

Внезапно грянул гром и Алира, разом потеряв всю свою серьезность, подскочила на месте, быстро юркнув за спину спутника и прижавшись к нему.

— Теперь ты ведешь себя так, как и полагается девочке твоих лет, наверное... — Снисходительно произнес мужчина, погладив спутницу по голове.

— Вряд ли Вы сможете где-нибудь найти девочку моих лет, — в голосе Алиры в первый раз за время их разговора промелькнула тень печали, когда она произнесла два последних слова. — К тому же гром... Это последнее, что я помню.

Выглянувшая из-за верхушек деревьев туча неумолимо поплыла к солнцу, стремясь поглотить его и скрыть в своих свинцовых недрах. Первые капли дождя упали с темнеющих небес, оставив на глади болота неровные круги. Небосвод разорвала ломаная нить молний, и последующий за вспышкой раскат грома заставил Алиру вздрогнуть всем телом.

— Как бы то ни было, ты еще ребенок. — Примирительно произнес Отверженный, протягивая девочку руку.

Алира робко коснулась руки спутника, спрятав в ней свою узкую ладонь, и тот повел девочку прочь от брошенной деревни, не обращая внимания на то, что кожа спутницы неестественно холодна.

Черный ворон, огласив лес хриплым карканьем, сорвался с ветки дерева и, несколько раз взмахнув широкими крыльями, уселся на плечо некроманта.

— Куда мы идем теперь? — К одному странному старику. Я слышал, что он много лет работает над заклинаниями по изменению пространства и уверен, что смогу заинтересовать его.

— Одного мага будет недостаточно, чтобы пройти по Потерянным землям, — снова заметила Алира. — У этого старика есть влияние и возможность заинтересовать тех, кто мне нужен — Бездушных храмовников.

— Это не лучшие спутники, для таких, как мы, господин, — голос Алиры стал серьезным. — Они безумные фанатики.

— Зато нам с ними по пути. — Как и думала девочка, некроманта интересовала лишь конечная цель, ради которой он мог примириться со многим. — Вряд ли кто-то больше Бездушных жаждет попасть в обитель Нерушимых Врат и это нам на руку.

— Как скажете, — безнадежно вздохнула девочка, давно привыкшая к странностям своего спутника.

Начало пути

Мужчина стоял в центре площади. Он возвышался над всеми, подобно нерушимой скале, решительно глядя прямо перед собой. В облаченных в боевые шипованные перчатки руках, он сжимал тяжелую алебарду. Массивные латные доспехи полностью скрывали тело, оставляя непокрытой лишь гордо вскинутую голову.

Наверняка, его плащ и табард красиво трепетали бы на ветру, если бы не были выполнены из холодного мрамора, так же как и все изваяние.

Кисара грустно вздохнула, глядя на статую Верховного лорда Аларда Дария, святого воина, храмовника, последователя Сидония Воздаятеля. Он погиб почти две тысячи лет назад, защищая, тогда еще Империю, от вторжения демонических сил.

Герой, именуемый Карающей Дланью Сидония, Клинком Возмездия и Вершителем Правосудия, пал в неравном бою, сражаясь бок о бок со своими братьями, удерживая

Обитель Нерушимых Врат до последнего вздоха.

Рыцари так и не дождались подкрепления. Император не отдал приказа армии. Юный наследник престола едва разменял свой первый десяток зим, и за него все решила мать, недолюбливающая храмовников, и после смерти супруга, имевшая весьма тесную связь с одним из его советников.

Несшие службу во всех уголках Империи Алые стражи не получили никакого содействия со стороны власти, более того, им запретили покидать обители.

Но, несмотря на заперты, все без исключения сидониты, презрев волю Императора, бросились на выручку своим братьям. Никто не остался в стороне.

Они пали, так и не добравшись до осажденной обители. Силы демонов оказались столь велики, что храмовники, сколь бы сильны и отважны они не были, не смогли пробиться сквозь бесчисленные орды порождений Бездны и еретиков. Им удалось отбросить нечестивую армию назад, но цена за это оказалась велика — пусть Скверна и была уничтожена, но и все храмовники погибли.

На останках героев воздвигли стену Святой Преграды, их победу присвоили себе императорские войска и гиритцы, а самих сидонитов признали изменниками, распустив и без того уничтоженный орден.

Разглядывающая каменное изваяние девушка стиснула зубы от бессильной злобы и внезапно нахлынувшей грусти. Она давно смирилась с тем, что мир не идеален. Сейчас Кисара жила в свободном Фририарде — городе-стране, что первым откололся от старой Империи, когда та лишилась последнего законного наследника.

Во Фририарде Кисара обрела новый дом и верных друзей. Но когда девушка отправлялась в королевство Ариард, то неизменно натыкалась на презрительные, полные затаенной злобы взгляды. Народ Ариарда, некогда бывшего сердцем Империи, до сих пор жил предрассудками войны Векового Мрака и, предшествующей ей Буре Некромантов.

Кисара еще в детстве получила патент от Совета магов и благословение добрых богов, полностью разрешающий ей находиться на территории Светлых земель и пользоваться темным волшебством, если это не вредит мирным жителям и не идет в разрез с общепринятыми законами. Но, несмотря на это, на нее смотрели, словно Кисара не человек, а воплощение Зла, по которому плачут очищающие костры или плаха.

Заглянув в безжизненные глаза статуи, девушка печально улыбнулась своим мыслям о том, что Алард Дарий, так и не узнал, что случилось с его орденом. Он погиб с верой в свои идеалы и бескорыстным желанием защитить жителей Империи. Храмовник так и не узнал, что те, за кого он отдал жизнь, отвернулись от него самого и от его братьев, защищающих людей даже после своей гибели.

Приняв героическую смерть в бою против кровожадных порождений Бездны, павшие сидониты освятили место своей кончины кровью и праведными молитвами, выкрикиваемыми ими в бою. Их сила, даже спустя два тысячелетия, сдерживает нечестивые легионы и отравляющую все вокруг Скверну.

— Снова глазеешь на своего возлюбленного, сестрица? — юный девичий голос, прозвучавший совсем рядом, заставил Кисару вздрогнуть от неожиданности.

Обернувшись, девушка с укоризной взглянула на ту, что столь бесцеремонно потревожила чужой покой. Невысокая загорелая девочка, не старше дюжины зим, смотрела на Кисару веселыми красными глазами, накручивая на пальчик локон такого же цвета волос, собранных в два пышных хвостика, почти скрывающих ее заостренные на концах ушки.

Черты лица этого странного ребенка больше походили на эльфийские, нежели на человеческие — узкие брови, вздернутый острый носик, слегка раскосые глаза и, сейчас растянувшиеся в улыбке, тонкие губы, из-под которых виднелись два острых клыка.

Одета девочка была под стать своей необычной внешности — доходящее до колен платье зеленого цвета с ядовито желтой отделкой, кружевами по подолу и широким рукавам. Черные гольфы и красные туфельки, добавляли еще большей неординарности этому странному на вид ребенку.

— Вечно ты подкрадываешься ко мне, Миаджи, — вздохнула Кисара, отбросив с плеча гриву шикарных черных волос, вьющихся, как и у всех уроженок южного королевства Шахриат.

— Всего лишь невинная шалость, — еще шире улыбнувшись, сказала ярко одетая девочка и, подойдя ближе, ловко запрыгнула на резные перила, на которые облокачивалась ее собеседница. — Каждый раз, когда ты выходишь сюда, то становишься такой печальной и отрешенной, что я не могу не жалеть тебя и стараюсь хоть как-то встряхнуть.

— Подумать только, какая забота, — Кисара протянула изящную руку и, звякнув браслетами, потрепала девочку по головке.

— Естественно, мы же сестры! — Слегка обиженно протянула Миаджи, жмурясь от удовольствия, вызванного легким поглаживанием вкупе с теплыми лучами полуденного солнца. — А ты такая неуверенная в себе и стеснительная, что за тобой нужен постоянный присмотр!

Слегка приоткрыв один глаз, она украдкой взглянула на девушку, которую звала сестрой, хотя они абсолютно не были похожи друг на друга. Недавно встретившая свой двадцать шестой день рождения, Кисара являлась южанкой, с черными, ниспадающими до пояса вьющимися локонами, оливковой кожей, пухлыми губами и большими желтыми, миндалевидными глазами.

Как и большинство уроженок Шахриата, Кисара предпочитала темные, просторные одежды из легкой, почти невесомой ткани, выгодно подчеркивающие ее чувственное тело. Но, в отличие от своих же соотечественниц, не очень жаловала украшения: пара колец, округлые серьги, браслеты и две нитки ониксовых бус — ничтожно мало для уроженки юга, особенно если принимать во внимание, что украшения являлись зачарованными предметами и оберегами. Помимо красоты, драгоценности ощутимо усиливали магический потенциал своей обладательницы.

— Ты специально выбрала именно эту комнату, когда заселялась сюда? — Видя, что Кисара вновь погрузилась в размышления, спросила Миаджи. — Чтобы видеть его? — Девочка скосила глаза на статую храмовника, расположенную в центре площади, на которую выходил небольшой балкон, где и расположились девушки.

Даже с высоты третьего этажа Миаджи показалось, что выполненный из мрамора сидонит смотрит на нее сверху вниз, хотя его обритая голова находилась значительно ниже. Девочка незаметно сплюнула и поспешно отвела взгляд.

— Что в этом плохого? — вздохнула Кисара.

Наконец отвернувшись от статуи, она отошла от резных перил, и опустилась на белый, пушистый ковер, расстеленный на полу и окруженный обилием разнообразных цветов. Кисара с детства питала слабость к зелени, столь редкой на ее родине, поэтому, едва переехав во Фририард, она первым делом обставила свое жилище всевозможной растительностью.

— Ну не знаю... — протянула Миаджи, наморщив лоб и сделав вид, что глубоко задумывается. — Возможно то, что ты еще молода и, вместо того, чтобы найти себе кого-нибудь живого, ты вздыхаешь по тому, кто погиб задолго до твоего рождения? Еще и портрет его повесила, мало тебе этой статуи, — она еще раз, с опаской взглянула на мраморного храмовника, готового, казалось, в любое мгновение сойти со своего усыпанного свежими цветами каменного пьедестала, чтобы защитить нуждающихся.

От взгляда Миаджи не ускользнуло и то, что многочисленные прохожие, снующие по площади каждый по своим делам, смотрели на статую с благоговением, некоторые даже останавливались, чтобы низко поклониться герою, еще при жизни причисленному к святым.

Двое совсем еще маленьких ребятишек, под одобрительными взорами своих родителей, приблизились к статуе. Мальчуган с напускной важностью преклонил перед изваянием колени, опустив кучерявую голову, в знак почтения, а девочка аккуратно положила на постамент букетик полевых цветов, ослепительно улыбнувшись бесстрастному и благородному каменному лицу.

Во всем Фририарде чтит память сидонита, спасшего от вторжения демонов остров, тогда еще входящий в состав Империи. Точно так же, как чтит и помнит его боевых братьев, принесших себя в жертву ради жизни мирных людей.

В те мрачные дни, врата в Бездну распахнулись в западном квартале города и из них хлынули кровожадные создания Тьмы, жаждущие человеческой плоти и одержимые лишь одной мыслью — доставить своим жертвам как можно больше мук. С тех самых пор западная часть Фририарда была отрезана от остального города высокой стеной, усиленной берегами и магическими куполами, призванными не допустить дальнейшего распространения Скверны.

Выбравшиеся в мир твари начали прорываться к королевскому дворцу, оставляя за собой лишь кровь, хаос и мертвые тела. Неизвестно, что стало бы со всем городом, если бы не Алард Дарий, который по счастливой случайности или же наоборот, по провидению Сидония, оказался во Фририарде.

Врата местной обители храмовников распахнулись и из них выступили рыцари в алой броне, хищно сверкающей в лучах заходящего солнца. Бесстрашно вступили они в битву с врагом, ведомые своим Верховным лордом, несущим благословение бога Воздаятеля. Именно на этой площади, где сейчас стояла статуя Аларда Дария, герой пронзил сердце принца-демона Ларгризона. С тех самых пор изваяние, защищенное от воздействия времени и погоды мощными чарами, служило напоминанием жителям Фририарда о великом подвиге, благодаря которому город до сих пор существовал. Путь, по которому двигались демоны, скрывали массивные каменные плиты, с выгравированными на них молитвами, навсегда похоронившие под собой выжженную демонами землю, уничтожив зародившуюся в ней Скверну.

Если во всем Ариарде предпочли забыть о подвигах сидонитов, то здесь, во Фририарде, до сих пор чтит память храмовников и ежегодно устраивали торжественные церемонии в честь павших воинов. Жрецы всех божеств возносили своим покровителям молитвы о защитниках Светлых земель.

— Ты недолюбливаешь Аларда Дария, потому что он посвятил всю свою жизнь борьбе с такими как ты? — нарушила затянувшееся молчание Кисара.

— Алард Дарий был не только безжалостным демоноборцем, — важно заявила Миаджи, подняв пальчик со слегка изогнутым острым ногтем, выкрашенным в красный

цвет. — Если ты, по какой-то причине, вдруг забыла, то напомню, что на твоей родине этого сидонита называли не иначе как Халрим ал Шризан — Погибель Чернокнижия. Возможно и твои дальние родственники, в свое время, пострадали от рук этого мужчины.

— Это осталось в прошлом, — отмахнулась Кисара. — К тому же, некроманты и чернокнижники древности мало чем отличались от еретиков, обитающих за Стеной или в самой Бездне. Они были настолько коварны и кровожадны... Да что я тебе рассказываю? Будто ты сама не знаешь, какие зверства они творили.

— Знаю, — Миаджи легко соскользнула с перил, на которых сидела. — Веселое было времечко — песок великих пустынь окрасился в алый цвет, от крови, пролитой в войнах за юг. Столько народу погибло, ради присоединения Шахриата к Империи только для того, чтобы он потом вновь стал независим.

— Если бы не смерть последнего Императора, этого бы не случилось, — возразила Кисара.

— Ты же не будешь спорить, что Империя утратила все свое величие, когда на престол взошел этот самый последний наследник? Сопливый мальчишка, за которого правил его советник и мать. Исход Империи был предначертан с тех пор, как сидонитов обрекли на верную смерть.

— Я рада, что Фририард отделился и Шахриат последовал его примеру. — Не стала спорить Кисара и согласно кивнула.

— Но еще больше ты рада, что в этом королевстве до сих пор чтят память сидонитов и, в то же время, нормально относятся ко всем, кто принимает местные законы. В частности к таким, как мы.

— Ты права, — Кисара вновь согласилась со своей собеседницей. По мере продолжения диалога лицо девушки утратило отстраненное выражение, став еще более привлекательным.

— А тебя не смущает тот факт, дорогая сестрица, — лилейным голоском начала Миаджи. — Что если бы ты встретила с Клинком Возмездия, он бы, не задумываясь, убил бы тебя только за то, что ты можешь использовать темную магию?

— И две тысячи лет назад некоторые демонологии и некроманты благополучно служили Светлым землям. — Назидательным тоном произнесла южанка. — Но какая, теперь уже, разница, — поднявшееся было настроение Кисары, вновь испортилось. Она быстро поднялась на ноги и браслеты на запястьях девушки сердито звякнули от резкого движения.

— Умоляю, сестрица, хватит уже страдать от неразделенной любви к тому, кто убил бы тебя за то, что ты просто есть. — Страдальчески закатив глаза, Миаджи направилась следом за девушкой, скрывшейся за бархатной занавеской, отделяющей балкон от остальных помещений в то время, когда разделяющая их дверь оставалось открытой. — Я еще понимаю, что в детстве ты, как и многие другие девочки, мечтала о настоящем герое. Я даже не стала спорить, когда ты решила посетить Фририард, покинув отчий дом, только для того чтобы взглянуть на эту статую. Но Кисара, пора отделить детские мечты от реальности!

— Если ты о том, чтобы вернуться в Шахриат, то я — против! — В приятном голосе Кисары появились решительные нотки.

Девушка, словно таинственный оберег, погладила узкое кольцо на безымянном пальце левой руки — символ того, что южанка прошла все необходимые проверки и получило дозволение находиться в Светлых землях, несмотря на свой дар. Небольшое золотое солнце, украшавшее серебряный обруч кольца, как всегда, оказалось теплым.

— Стоит мне пересечь порог, как мать и тетя сразу же сосватают меня за какого-нибудь необразованного мужлана, относящегося к женщине, как к предмету мебели! — Бесшумно ступая босыми ногами по мягкому ковру, которыми были устланы все полы в жилище девушки, та приблизилась к круглому столу в центре овальной комнаты. Она взяла хрустальный графин с водой и продолжила:

— Я уже взрослая и сама зарабатываю себе на жизнь. Так что я вправе решать, как мне жить дальше! — Звякнув графином, Кисара налила себе стакан воды и жадно выпила ее, словно пытаясь затушить пламя разгорающегося в душе гнева и негодования. — Я не для того столько училась, чтобы стать служанкой для какого-то самца, навязанного мне в мужья!

— Родные хотят для тебя блага...

— Хватит! — Окончательно всплыв, Кисара громко ударила доньшком опустевшего стакана по столу, едва не разбив хрупкий хрусталь.

Отвернувшись от преследующей ее девочки, Кисара пересекла комнату, петляя между горшков с цветами и растениями, некоторые из которых почти доставали до довольно высокого потолка. Скрывшись в другом помещении, где пространство занимала огромная круглая кровать, почти скрытая под полупрозрачным балдахином, Кисара упала на нее, зарывшись в ворох подушек.

— Ты не спрячешься от меня, — настойчивая Миаджи улеглась рядом. — Прости, — мягко произнесла она, видя, что ранила чувства девушки. — Я не хотела давить на тебя или обидеть. Хочешь жить во Фририарде? Почему бы и нет, мне здесь вполне нравится!

— Своевременное суждение, особенно если учесть, что мы живем здесь уже более шести лет. — Все еще сердито буркнула Кисара из-под подушек.

— Для таких, как я, время имеет несколько иное значение, вот почему я так переживаю за тебя. — Миаджи нежно обняла девушку за плечи. — Я не хочу, чтобы ты тратила всю жизнь, на мечты...

Кисара вдруг резко села на кровати и пристально посмотрела на собеседницу.

— Что-то не так? — невинно захлопала длинными ресницами Миаджи.

— Что-то ты слишком добра и учтива сегодня, — недоверчиво прищурившись, произнесла Кисара. — Весь ваш род только и умеет, что отравлять окружающим жизнь, а тут такая забота.

— О чем ты? — делано изумилась девочка. — Тебе просто показало... Ай!

Договорить Миаджи не успела, так как более крупная Кисара легко повалила ее на спину и, вцепившись пальцами в щеки, принялась растягивать их.

— От-ат-фусты! — Девочка тщетно попыталась оказать сопротивление, однако ее соперница, которой, видимо, надоела одна пытка, принялась щекотать ребенка.

— Что ты задумала, маленькая демоница, отвечай?! — С напускной суровостью спросила Кисара, продолжая щекотать до слез смеющуюся Миаджи.

— Не — хи-хи!.. Не!.. А-а-а, — девочка силилась что-то сказать и, наконец, у нее это получилось: — Не скажу! — почти выкрикнула она.

— Неправильный ответ! — Вынесла свой вердикт Кисара, продолжая истязать извивающуюся Миаджи. — Попробуй еще раз!

Вдруг в дверь постучали и запыхавшаяся Миаджи, освободившись от объятий той, кого она называла сестрой, устало растянулась на кровати, полностью лишившись сил. На лбу девочки появились маленькие рожки, а из-под помявшейся юбки выглянул черненький хвостик. Но это нисколько не смутило Кисару — девушка озадаченно смотрела в сторону

двери.

Стук повторился.

— Кисара, девочка, для тебя есть работа, — добрый, пропитанный заботой женский голос донесся до слуха южанки.

— Входи, Гвинет! — отозвалась девушка, переведя взгляд на бессильно распростертую на подушках демоницу. — Твое поведение, как-то связано с предложением мастера гильдии?

— Скоро сама все узнаешь... — казалось, что Миаджи расстроилась. — Я знала, что у меня не получится тебя отговорить.

— Отговорить от чего?

Миаджи не успела ответить, так как в комнату вошла высокая женщина средних лет. В ее каштановых волосах, сложенных в высокую, замысловатую прическу, серебром блестела седина. С округлым добрым лицом и слегка сгорбленным носом, она немного походила на выточенную из дерева сову, венчавшую ее прямой посох, а длинный коричневый плащ, с нашитыми на него перьями, лишь усиливал это сходство.

— Развлекаетесь, девочки? — ласково поинтересовалась Гвинет, окидывая взглядом разбросанные по полу подушки.

— Пыталась выбить из сестрицы ненужные и несбыточные мечты, — встав с кровати, Миаджи с видом оскорбленной невинности принялась расправлять свое платье.

— Зачем же? — Удивилась вошедшая женщина. — Мечты — это прекрасно! Хотя... — в глазах Гвинет, на мгновение, промелькнула грусть. — Ты говоришь о...

— О Аларде Дарие. — Закончила Миаджи, гордо подбоченившись.

— Так что там за работа, мастер? — Игнорируя девочку, спросила Кисара.

— А? — Глава гильдии Крылья Удачи несколько раз моргнула. — А! — Новый звук прозвучал более уверенно, нежели его предшественник. — Тебе она понравится... Наверное, — озадаченно прислонив указательный палец к губам, Гвинет уставилась на картину, висевшую в центре дальней стены.

Встретившись взглядом с сияющими глазами изображенного на холсте храмовника, женщина почтительно склонила голову так, как это делали почти все жители Фририарда, при виде портрета или изваяния изображающего Верховного лорда Аларда Дария. Храмовника почитали здесь как святого героя, спасшего остров, в жестоких боях уничтожив открывшиеся на нем врата в Бездну, самолично сразив младшего принца демонов — Ларгризона.

Выпрямившись, Гвинет еще несколько мгновений с благоговением смотрела на мужчину в ярко алых доспехах с золотой отделкой, на чьем белоснежном табарде красовалась красная шипованная латная перчатка, со сжатыми в кулак пальцами — символ Сидония Воздаятеля.

— Мастер, — нетерпеливо окликнула Гвинет Кисара.

— А? — По-птичьи склонив голову на бок и округлив глаза, переспросила женщина, став еще больше похожей на сову.

— Работа, — вежливо напомнила девушка.

— Точно! — щелкнув пальцами, Гвинет широко улыбнулась. — Работа опасная но, я уверена, тебе она понравится!

— Началось... — театрально закатив красные глазки, Миаджи рухнула на подушки, старательно имитируя глубокий обморок, однако никто не обратил на нее внимания.

— Разговор длинный, так что, милочка, не угостишь меня чаем?

— Конечно! Я совсем недавно заварила особые травы...

Чашки с ароматным дымящимся напитком постепенно пустели и глаза Кисары, внимательно слушающей мастера своей гильдии, разгорались от любопытства, сменяющегося восхищением и нетерпением.

* * *

— Долго еще ждать? — сидевший рядом с Кисарой мужчина широко зевнул, даже не озаботившись тем, чтобы прикрыть ладонью рот.

Не дожидаясь ответа на вопрос, который он повторил уже не менее пяти раз, мужчина взял со стола аппетитную румяную булочку и за раз откусил больше половины. Перед тем, как его белые заостренные зубы сомкнулись на податливой сдобе, из-под обрамленных темно-рыжей щетиной губ, блеснули длинные клыки.

— Прекрати ныть, Таллаг, пожалуйста, — голос Кисары звучал немного раздраженно, однако причиной этому являлась отнюдь не скудное терпение ее собеседника. Сейчас южанка выглядела иначе, чем вчера. Пышную гриву своих волос девушка заплела в тугую косу, просторные одежды ее народа сменила шелковая блуза, с накинутой поверх короткой курткой из выделанной красной кожи и темные шаровары, заправленные в красные же высокие сапоги. За темный кушак были засунуты дорогие ножны с изогнутым кинжалом. Рядом с девушкой, на скамье лежала небольшая сумка.

Жующий булочку мужчина, чей мускулистый торс скрывала лишь меховая жилетка, недовольно нахмурился, однако не стал ничего говорить, то ли потому что внял словам Кисары, то ли от того, что слишком увлекся горячей сдобой.

По словам Гвинет, заказчики должны были явиться сразу после полудня, но время уже приближалось к вечеру, а в таверне, расположенной на первом этаже гильдейского здания, скучали лишь завсегдатаи — члены гильдии, которые либо ждали новых заказов, либо отдыхали после выполненной работы.

Сегодня помещение почти пустовало — основная масса любителей выпивки и веселой компании подтягивалась ближе к вечеру, а днем, как правило, отсыпалась после очередной бурной гулянки.

Для авантюристов каждый прожитый день, по сути своей — праздник. Отправляешься на задание — посиди с друзьями, ведь вы можете больше не увидеться. Вернулся целым — за это тем более стоит выпить.

Правда, Гвинет, не смотря на свою напускную мягкость, держала подчиненных в узде и периодически отправляла на изнурительные тренировки, дабы никто не утратил хватки и чрезмерно не расслаблялся, ведь это могло существенно понизить шансы выжить при выполнении очередной работы.

Гильдия Крылья Удачи, благодаря стараниям Гвинет стала настоящей семьей и, как в настоящей семье, никто здесь не желал терять близких. Многие искатели приключений жаждали вступить в Крылья Удачи, но лишь немногие удастаивались подобной чести. Гвинет очень придирчиво отбирала кандидатов, отчего новички в доме гильдии появлялись не чаще чем раз в несколько лет.

Сейчас в светлом и просторном зале разместились лишь шестеро посетителей, да стоящий за стойкой коренастый орк, выполнявший роль трактирщика. Ближе к вечеру к нему

на помощь придут две помощницы и родной брат, с которым они вместе всем заправляли в таверне.

Грук и Брук уже давно состояли в гильдии и редко, но все же отправлялись на задания. О паре седых орков — ветеранов ходили не самые приятные слухи, нисколько не приукрашивающие их кровожадность в моменты боевого безумия.

Сами же зеленокожие братья себя жестокими не считали и без устали повторяли, что если бы молодежь сама со всем управлялась, то им, старикам, не приходилось бы оставлять дела в таверне и мотаться по Светлым землям.

Сейчас за стойкой возвышался хмурый Грук, старательно протирающий стакан, почти утонувший в его здоровенной зеленой ладони.

Грук с рождения был воином своего народа, о чем свидетельствовали его многочисленные шрамы и внушительные мускулы. Кроме того, боевой топор орка всегда находился у хозяина под рукой, так что в вышибалах и сторожах заведение не нуждалось.

Закончив с одним стаканом, Грук аккуратно поставил его на стойку и, почесав лысую, покрытую татуировками голову, с сосредоточенным сопением принялся оттирать следующий. Он не обращал никакого внимания на посетителей, пока те не обращались к нему и вели себя прилично.

Кстати, драка в понимании орка, являлась вполне нормальным поведением, если происходила без применения магии или оружия. В противном случае, старый ветеран начинал ворчать, топорща седую бороду и протягивая мозолистую ладонь к потертой рукояти топора. Этого жеста всем вполне хватало для того, чтобы успокоиться.

Пусть Грук, как и все его собратья, не сильно превосходил людей в росте, зато был почти вдвое шире и мощнее, а о боевом неистовстве, в которое орк впадал в битве, многие вообще предпочитали не слышать. Так что буяны в таверне всегда знали о том, что им дозволено и никогда не преступали этих, пусть и довольно широких, рамок. Клыкастая голова Грука поднялась, когда к стойке легкой бесшумной походкой подошел худощавый мужчина в темных облегающих одеждах.

— Сделаешь нам свое фирменное, старина? — Слегка нараспев произнес посетитель, отбросив с плеча тугую косу серебряных волос, резко контрастирующих с его темной кожей.

— А ты не подохнешь, остроухий? — хмыкнул орк, окидывая нарушителя своего спокойствия недовольным взглядом. — Отправишься на встречу с вашим богом-ящерицей, а Гвинет потом мне всю плешь проест, что я, мол, отправил в лучший мир смуглого задохлика, оставив его сестру без единственного родственника, а гильдию без лучших стрелков. Не, не надо мне такого!

Со стороны могло показаться, что эта пара абсолютно не ладит, но то было лишь первым впечатлением. Калеос, а именно так звали темного эльфа, сейчас стоящего с противоположной стороны стойки, и его сестра Исель, ожидавшая брата за столом Кисары, являлись далеко не новичками в гильдии и Грук относился к ним как к равным, ну или почти так.

Старый орк просто любил поворчать и лишний раз подчеркнуть свою важность вкупе с напускной неприступностью. На самом деле все члены гильдии знали, что бывалый вояка, не задумываясь, убьет за любого, кого он считает своим другом, а все, кто состоял в Крыльях удачи, входили в число друзей орка.

— Это так трогательно, что ты переживаешь о нашем здоровье, Грук, — тонкие губы темного эльфа растянулись в беззаботной улыбке, а красные глаза хитро прищурились.

— Вот только за вас я еще не переживал, мелочь желторотая! — Буркнул Грук, зазвенев бутылками причудливой формы. — На четверых пойла треба?

— Нет, девушки вряд ли оценят твои изыски, а вот и я Таллаг — не откажемся.

— Ха, в зверолюде-то я не сомневался! — Ослабился орк, посмотрев в сторону Таллага, меланхолично поедающего очередную булочку и уже пожирающего плотоядным взглядом разных по цвету глаз другую.

Ощувив на себе взгляд орка, мужчина обернулся к нему и энергично кивнул, отчего грива его рыжих волос, кое-где заплетенных в косички, увешанные странными оберегами и лентами, сместились, обнажая слегка заостренные уши.

Ни для кого не было секретом, что в давние времена между племенами звероловов, к которым относился Таллаг и дикими орками, шла непримиримая вражда. Но, когда Империя объединила в себе эти народы, им пришлось научиться уживаться друг с другом. И орки и звероловы, будучи довольно злопамятными, не сразу нашли общий язык, однако уважение к воинскому умению и храбрости друг друга послужило первым шагом для построения союзных отношений.

Конечно, вначале случались кровавые стычки, но теперь, по прошествии трех тысяч лет, от становления Империи, эти два народа притерлись друг к другу, а их вожди, поклялись на собственной крови, что не допустят войны между своими племенами.

Возможно, перемирию поспособствовало и то, что, как говорили шаманы обоих народов, согласно божественному провидению, огромный кусок суши, соединяющий когда-то земли звероловов и орков, ни с того ни с сего отделился от материка. Став островом, который называли Скитающимся, он дрейфовал в Тихом море по сей день. Именно на этом куске суши и было заключено древнее перемирие между двумя народами, что, по мнению их вождей и провидцев, было угодно богам обеих рас. С того момента и по сей день, орки и звероловы вполне мирно уживались не только друг с другом, но и с остальными народами Светлых земель, за исключением нескольких особо воинственных кланов зеленокожих, не принимающих никого, кроме себе подобных.

— Мне две порции! — не вставая с места, гаркнул Таллаг немного хриплым рычащим голосом.

— Харя-то не треснет, звереныш? — деловито осведомился орк, колдуя над напитком.

Вместо ответа зверолод широко улыбнулся, демонстрируя орку острые клыки и подмигнул трактирщику зеленым глазом с вертикальным зрачком, второй глаз зверолода был карим, перечеркнутым старым шрамом.

Собственно говоря, основным отличием звероловов от людей была немного необычная, пусть и почти человеческая внешность и диковатые повадки, вкупе с более мощным телосложением. Отличить одних от других, впрочем, не составляло особого труда.

— Молодежь... — многозначительно произнес орк, подвигая к Калеосу три пенные кружки. — Лишь бы лясы точить, да дармовое пойло лакать! Вот мы с братом в ваши годы...

— Уже успели сразиться с таким количеством страшных противников, что нам и не снилось! Угадал? — Глаза темного эльфа смеялись.

Вообще народ Калеоса не отличался дружелюбием и словоохотливостью, в особенности, если дело касалось других рас, и он сам вел себя так же с незнакомцами. Однако за годы жизни на поверхности, в обществе друзей, темный эльф научился вести себя иначе, точно так же, как и его сестра.

— Шаманиз тебя, как из меня колдун, — орк сплюнул на пол, сразу же старательно

затерев плевков сапогом. — Забирай пойло и проваливай к друзьям! Нечего меня тут отвлекать!

— Конечно-конечно! Спасибо, Грук. — Изящно поклонившись, эльф забрал кружки и направился к столу, за которым его ждали друзья.

Орк лишь хмыкнул. Налив себе кружку пенного напитка, он залпом осушил ее, после чего невозмутимо вернулся к протиранию стаканов, вновь потеряв всякий интерес к происходящему.

Проходя через зал, к ожидавшим его друзьям, Калеос остановился рядом со столом, за которым разместились двое молодых мужчин. Один из них, с короткой стрижкой и глубокими залысинами неторопливо потягивал пиво, уставившись задумчивым взглядом в одному ему видимую точку где-то на потолке. Второй, довольно крупный и слегка полноватый вольготно расположился на стуле, закинув ногу на ногу. Он сосредоточенно тыкал пальцем в какую-то коробочку, дымя трубочкой. Его светлые волнистые волосы были взъерошены и он, время от времени проводя по ним ладонью, лишь усугублял положение.

— Пытаешься решить очередную головоломку, Холвит? — Участливо спросил темный эльф у взъерошенного мужчины.

— Можно подумать, он еще чем-то занимается, кроме этого, — тот, что был с залысинами, хмыкнул, сделав солидный глоток и вытерев губы тыльной стороной ладони, смахивая влагу с длинной щетины.

— Ты слишком строг к нему, Ингвар, кстати, как новая повесть? О чем пишешь?

— О сотворении Светлых земель. Ты же знаешь, что на заре мира, все земли были едины и существа их населяющие, жили в порядке и гармонии, под благодушным взглядом Ифриила Созидателя?

— Конечно, — с готовностью кивнул темный эльф. Подобные истории всегда занимали его, и эльф с радостью готов был услышать что-то новое, так как на его родине не слишком жаловали богов. — Все знают, что этот бог, покровитель и создатель всех существующих рас.

— Именно, — Ингвар улыбнулся, обрадовавшись неожиданному слушателю. — Ифриил так сильно любил чад своих, что безоговорочно в них верил, и именно в этом доверии заключалась его слабость! — Заметив заинтересованный взгляд Калеоса, рассказчик оживился:

— Время шло. Мир, созданный Ифриилом — расцветал, становясь все прекраснее. Но! — Мужчина поднял вверх указательный палец, став похожим на наставника, втолковывающего прописные истины в головы несообразительных учеников. — Как червь точит спелые плоды, так и пороки оставляли свои следы, становившиеся все ощутимее. Гордыня, злость, зависть — все они крепко пустили свои гнилые корни в единый мир. И наступил тот черный миг, когда брат пошел на брата в всколыхнувшейся войне, затронувшей всех без исключения.

— Я слышал об этом, — согласился эльф. — Не веря глазам своим, Ифриил Созидатель смотрел, как его создания убивают друг друга. Слезы текли из его глаз, когда прекрасный мир, что он создал из звездной пыли и надежд, тонет в крови его детей, обращаясь в безжизненные руины, — процитировал Калеос строки из древнего писания. — Тогда он решил начать все заново.

— Не совсем, — собеседник эльфа покачал головой, лукаво улыбнувшись. — Так пишут сейчас, а старые свитки говорят о несколько ином развитии событий! Ифриил осознал, что гордыню, сгубившую его детей и мир, породил он сам, возгордившись своими творениями!

Скорби его не было предела и он решился на то, чего всеми силами старался избежать: бог Созидатель — расколочил единый мир, разверзнув сушу, и отделив враждующих детей своих друг от друга. Ифриил собрал всю Скверну, что жила в его сердце и бьющихся с ним сердцах его детей, но не смог уничтожить её — столь могущественной стала тьма, выкормившись на людских пороках и на гордыне самого Созидателя.

— Хочешь сказать, что возвращенная созданиями Ифриила и им самим, Скверна стала сама его созданием? У тебя после подобных заявлений не будет проблем с бездушными храмовниками? — Калеос не выглядел удивленным, скорее заинтересованным. Он даже поставил кружки на стол, сам заняв свободное место.

— Не будет, — отмахнулся Ингвар. — Фририард, хвала нашей королеве, теперь самостоятелен. Но, вернемся к нашему разговору! Скверна, действительно, может являться не только созданием Ифриила, но и его частью! Частью самого бога!

— Справедливо, — согласился Калеос. — Это снимает вопрос о том, почему светлые боги не могут раз и навсегда изгнать Скверну из нашего мира.

— Вот! — В голосе Ингвара проступила гордость и удовлетворение. Он отпил из своей кружки, привычно вытерев щетину тыльной стороной ладони. — Не в силах уничтожить скопившееся в его мире зло, Ифриил сплел внутри этого мира еще один, заточив пороки глубоко под землей, дабы ни один смертный не мог добраться до них!

— Ты говоришь о Бездне?

— Именно! Приятно говорить с образованным человеком, пусть он и не человек вовсе, — подняв кружку, Ингвар качнул ею в сторону темного эльфа и быстро осушил одним глотком. — Когда Ифриил спрятал Скверну, то взялся за наш мир. Он понял, что всему виной стал он сам. Он не смог уследить за своими созданиями, и видел в случившемся с ними лишь свою ошибку. Стремясь избежать повторения трагедии, он породил младших богов, своих истинных детей, из своей плоти и крови, сам разделившись меж ними и миром, созданным специально для них и находящегося над нашим. — Рассказчик снова поднял вверх указательный палец. — Новые боги, в каждом из которых и по сей день живет частица самого Ифриила Создателя, повели свои народы к миру и процветанию, как и желал их отец. Кстати, именно поэтому мы все выглядим по-разному, — Ингвар указал на длинные уши темного эльфа. — Наши боги изменили нас, сделав чем-то похожими на самих себя.

— А как твои древние свитки объяснят то, что у вас, людей, богов больше чем у остальных? — Калеос недоверчиво вскинул тонкую белую бровь.

— Мы — самая большая раса, склонная к слабостям и порокам в большей мере, так что и присматривать за нами следует более тщательно. — По выражению лица Ингвара нельзя было судить о том — шутит тот или нет. — Вообще, я все еще рассуждаю на эту тему и, если бы меня не отвлекали заданиями и работой, то я смог бы ответить на твой вопрос точнее.

— Думаю, тебе стоит попробовать писать в каком-нибудь более тихом месте. — Посоветовал Калеос, легким кивком давая понять Таллагу, что видит нетерпеливые жесты зверолода, призванные поторопить его.

— Ну уж нет, — Ингвар ухмыльнулся, откинувшись на спинку стула и одернув воротник из волчьего меха. — В других местах слишком скучно.

— Можно потише? — Неожиданно подал голос Холвит, поменяв закинутые одну на другую ноги местами и с хрустом размяв шею. Со вздохом он отложил трубку, после чего аккуратно положив коробочку на стол, потянулся к прозрачному бокалу на тонкой ножке и, взяв его двумя пальцами, странно оттопыривая при этом мизинец, начал медленно цедить

сквозь зубы зеленую, резко пахнущую жидкость.

— Мята? — определил темный эльф, приняв хавшись.

— Вечно ты пьешь всякую дрянь. — Ингвар нахмурился. — Отъедешь, как-нибудь, от нее, а перед этим выплюнешь свой желудок. Только попробуй испачкать при этом мои сапоги!

— Между прочим, — оторвавшись от напитка начал Холвит. — Некоторые ученые мужи сходятся во мнении, что мята, помогает от множества болезней и недугов. Эта, с виду обычная трава, растущая в лесах Ариарда, чудно приводит в порядок мысли, улучшает зрение и память, способствуя бодрому расположению духа и...

— Неконтролируемому словоблудию, — совсем по-детски хихикнул Ингвар, вновь взявшись за перо.

— Можем подискутировать на эту тему, если ты, конечно, сможешь привести вменяемые доводы в пользу своей, я подчеркиваю, полностью предвзятой и безосновательной теории!

Внимательно выслушав товарища, Ингвар ответил, с непроницаемым выражением лица:

— Теперь, когда я выслушал твое предложение, я готов дать тебе свой ответ — Нет.

Калеос, зная, что если эти двое начали спорить, то это может затянуться надолго, уже собирался было попрощаться и отправиться к заждавшемуся его Таллагу, когда дверь в таверну резко распахнулась.

В дверной проем вошла странная тройца: взъерошенный коренастый дворф, явно чем-то рассерженный, на повышенных тонах общался с доходившей ему до плеча девушкой гномом, а возвышающийся над ними светлый эльф отчаянно пытался их успокоить.

— Прекратите! Угрюм, чего ты цепляешься к даме? — Эльф, в отличие от Калеоса, был представителем лесного народа. Вся схожесть с темными собратьями заключалась в худобе, заостренных чертах лица и острых ушах. Лесной эльф имел роскошные медового цвета волосы — предмет зависти многих женщин и ярко зеленые глаза, а бледная кожа придавал ему сходство с хрупкой фарфоровой куклой.

— Заткнись, Иварлион! — Грубо гаркнул дворф, даже не взглянув на эльфа. Все его внимание занимала рассерженная не меньше его самого собеседница. — Ты только и можешь, что других затыкать! — Выпала женщина гном, топнув при этом короткой ножкой. Она, судя по всему, случайно наступила на ногу эльфу, от чего тот зашипел от боли. Однако женщина, не обращая на его страдания никакого внимания, продолжала ругаться с дворфом:

— Тебе лишь бы драться, да глотку заливать!

— Не указывай мне, как жить, женщина, иначе я поучу тебя манерам! — внушительный кулак дворфа оказался перед лицом женщины гнома, но та, ничуть не смутившись, лишь презрительно фыркнула, небрежным движением опуская заросшую волосами руку мужчины.

— Ври кому-нибудь еще, я-то тебя знаю, ты меня ни за что не ударишь!

— Что?! — забывший о больной ноге, лесной эльф вытянулся в струну. — Угрюм, ты что, собираешься ударить даму?! — Видимо, поглощенный своей болью Иварлион вырвал слова из контекста, не прислушиваясь ко всей фразе целиком. — Если тебе так хочется кого-то ударить — ударь меня!

Эльф едва успел придать своему благородному порыву словесную форму, как кулак дворфа, взлетев вверх, врезался в его челюсть. Иварлион рухнул на пол. Лишившись чувств, он проехал на спине по гладким доскам, и едва не врезался в ноги только что вошедшему в

залу человеку.

— Я уже подумал, что ошибся улицей.

Даже не взглянув на лежащего без сознание эльфа, незнакомец перешагнул через тело. Остановившись, он окинул задумчивым взглядом таверну.

Мужчина носил черные одежды, расшитые серебряными нитями и частично сокрытые под белоснежным табардом. Вышитый на нем символ недвусмысленно показывал, что носящий его человек принадлежит к ордену Гирита Защитника, одного из двух воинствующих богов, которым поклонялись люди.

Черные нити формировали четыре горизонтальных полосы, расположенные одна над другой, нижняя — совсем короткая, а верхняя — значительно длиннее. Над верхней полосой располагался полукруг, с расходящимися от него черными лучами, символизирующий восходящее над землей солнце.

Всего лучей оказалось семь, а значит тот, кто пришел в здание гильдии занимал один из высших постов в ордене — пастырь. Несмотря на то, что глубокий капюшон частично скрывал его лицо, по морщинам в уголках рта и голосу можно было понять, что мужчина уже не молод, что не являлось неожиданностью, обычно пастырями становились лишь те, кто долгие годы верой и правдой служил Гириту, неся Слово его и направляя его воинов.

Гиритцы или, как их еще называли в народе — бездушные храмовники, являлись вторым, а сейчас, после упразднения сидонитов, единственным воинствующим орденом. Их орден имел весьма простую структуру, делясь лишь на пастырей и воинов. Первые несли Слово бога — защитника, начиная с сана послушника и заканчивая капелланами, а вторые служили его мечом.

Однако, несмотря на такую трактовку, пастыри не брезговали носить оружие и тот, кто вошел сейчас в таверну, не был исключением. На его поясе в скромных кожаных ножнах покачивался меч с простой рукоятью, украшенной лишь миниатюрным символом солнца на конце.

— Может, ты и впрямь ошибся? — поднявшись во весь свой немалый рост, Таллаг с кривой ухмылкой уставился на бездушного. — Здесь, конечно, некоторые чтут светлых богов, но тут нет твоего храма, пастырь, точно так же, как нет и власти ордена.

В словах зверолода читался вызов, а во взгляде — презрение.

— Я не ошибся. — Спокойно ответил гиритец, соединив кончики пальцев своих рук на уровне груди, отчего сокрытая под хламидой кольчуга тихо звякнула. — И если ты хочешь задеть меня словом, то спешу предостеречь тебя от этого. Наш орден защищает всех без исключения, даже тех, кто в страхе и заблуждении своем не видит того добра, что совершает Гирит Защитник руками своих верных сынов.

— С каких пор казни и пытки стали добрыми свершениями? — Таллаг скрипнул зубами. — Сколько невинных погибло на ваших кострах и от ваших рук, бездушный? У скольких матерей вы отняли детей, чтобы сделать из них таких, как вы?

— Невинных — нет, — все так же спокойно произнес храмовник. — Все определяется лишь степенью вины. А всем умершим воздастся в лучшем мире по их деяниям, если они пострадали в большей мере, нежели это требовалось. Мы примем на себя этот грех. Мы — лишь оружие, а судья — всемилостивый Гирит.

— Ты!..

— Что привело вас в наш дом? — нарочито громко поинтересовался Калеос. Вернувшись к своему столу он с силой опустил на него кружки, прерывая слова зверолода.

— У достопочтенного Алектиса есть к нам дело. — На верхних ступенях лестницы, ведущей к жилым комнатам, появилась Гвинет. — И я прошу вас всех отнестись к нему, как к гостю. — Говоря эти слова, мастер гильдии многозначительно посмотрела Таллагу в глаза.

— Как скажешь, — почти прорычал зверолод, опустившись на скамью. Не отрывая взгляда от храмовника, он взял свою кружку и принялся медленно цедить пенистый напиток сквозь острые зубы.

— Присаживайтесь, пожалуйста, — Гвинет посохом указала Алектису на стол, за которым расположились Кисара, Таллаг и темные эльфы. — Мы все обсудим, а ты, Угрюм, убери Иварлиона с дороги.

Пастырь гиритцев кивнул и, сбросив капюшон, прошел вперед. Остановившись у края стола, он опустил на пустую скамью, под недовольным взглядом Таллага.

У храмовника оказалось немолодое и неприятное лицо, с орлиным носом, узкими, пытливыми глазами и строгой линией губ, покрытое паутиной морщин и шрамов. На присутствующих он смотрел свысока, с чувством собственного превосходства, что невероятно бесило Таллага. Но зверолод смирил гордыню, следуя просьбе мастера своей гильдии. Он отвернулся от гостя, полностью сосредоточившись на своем напитке.

Над столом повисло тягостное молчание. Храмовник бесстрастно смотрел прямо перед собой, и, казалось, даже не дышал. Темные эльфы, быстро переглянувшись, косились на Таллага, словно опасаясь, что зверолод может сорваться, но тот все же смог совладать с буйным нравом и сейчас держал себя в руках.

Таллаг, сколько его знали в гильдии, никогда не питал особой любви к гиритцам, но о причинах для этого никто не догадывался. Может, Гвинет, знавшей зверолода с детства, что-то и было известно, но женщина никогда не поднимала эту тему.

Кисара, поначалу, тоже присматривалась к Таллагу, опасаясь, что молодой и вспыльчивый зверолод вполне может выкинуть какой-нибудь неприятный фокус в отношении храмовника, но тот выглядел спокойным, поэтому девушка исподтишка принялась разглядывать гиритца.

Не обладающий внушительным телосложением, можно сказать худощавый, этот человек излучал какую-то ауру необъяснимой мощи и уверенности. Таким подчинялись, уважали и боялись. При всем своем стремлении к свершениям, угодным светлomu богу-защитнику, пастырь выглядел довольно зловеще, а в его немигающих, выцветших глазах было что-то недоступное разуму окружающих, какая-то сокровенная печаль и, возможно, горечь.

На миг Кисаре показалось, что бездушный осознает жестокость методов своего ордена, но это наваждение растаяло, стоило Алектису перехватить ее взгляд.

— Тебя что-то пугает, дитя? — с неприятной улыбкой спросил пастырь.

— Нет, — Кисара поспешно опустила глаза, в то же время, отметив, как гиритец обратился к ней. Она прекрасно знала, как храмовники относятся к таким, как она и ее немного смутило подобное обращение.

— Это хорошо, — важно кивнул Алектис. — Тому, чьего сердца не коснулась Скверна, нечего бояться меня и моих братьев. Мы чтим законы королевств и принимаем таких как ты, если помыслы их чисты, а деяния несут лишь благо.

При этих словах Кисару передернуло. Она вспомнила долгие допросы, которые устраивали ей жрецы, маги и храмовники, прежде чем выдать бумаги и кольцо, позволяющие находиться на территории Светлых земель.

Нет, девушка не держала зла на своих судей, ведь в итоге они вынесли справедливое

решение, правда только после того, как убедились, что Кисара не станет угрозой для мирных жителей. Но в душе у девушки остался неизгладимый след от пережитого, затаенная обида на то, что ей не поверили на слово, подвергнув расспросам, хотя она сразу принесла клятву верности Светлым богам.

— Вы припозднились. — Голос Гвинет вывел Кисару из состояния задумчивости, а сама мастер гильдии, шелестя плащом, опустилась на скамью рядом с девушкой, погладив ее по плечу теплой ладонью.

— Некоторые дела требовали незамедлительного решения и моего в нем участия, — учтиво отозвался храмовник, однако даже не думая извиняться. — Но теперь я здесь, посему мы можем перейти к цели моего визита, разумеется, после того, как нас покинут остальные. — Храмовник указал взглядом на темных эльфов и нахмурившегося Таллага.

— Здесь нет лишних, благочестивый пастырь, — улыбнулась Гвинет, но доброе выражение ее лица никак не вязалось со сталью, зазвучавшей в голосе. Она ударила пяткой посоха по полу и вокруг стола на миг появилась едва заметная сфера, быстро растворившаяся в воздухе. — Теперь только сидящие здесь смогут слышать наш разговор.

— Мне нужна лишь демонолог. Это все. — Магия мастера гильдии несколько не впечатлила бездушного.

— А мне нужно, чтобы за девочкой присмотрели. — В том гиритцу возразила Гвинет.

— Считаете, что я и мои боевые братья не достаточно хорошая защита для нее? — Бесстрастные глаза Алектиса скользнули по Кисаре и девушка неприятно поежилась. — Мы гарантируем Вам ее безопасность.

— Нет. Они все пойдут вместе или не пойдет никто. Мои ребята всегда работают группами, и я не стану разбивать устоявшуюся команду ради вашего удобства.

— Я обратился именно к вам, уважаемая Гвинет Ясноокая, лишь по тому, что мы давно знакомы и, как я считал, доверяем друг другу. Видимо я ошибся. — Храмовник плотно сжал тонкие губы и, недовольно посмотрев мастеру гильдии в глаза, добавил. — Мы найдем другого демонолога. — Алектис решительно встал из-за стола.

— Попробуйте, — безразлично пожала узкими плечами Гвинет. — Но, думаю, у вас ничего не выйдет. Ведь если вы здесь, значит, никого не смогли найти в Ариарде, что не удивительно, если учесть, насколько редки лояльные демонологии и как у вас в королевстве к ним относятся.

Храмовник, сохраняя непроницаемое выражение лица, не сводил взгляда с Гвинет, словно хотел испепелить ее на месте. Глава гильдии Крылья Удачи спокойно выдерживала взгляд пастыря, продолжая говорить: — Во Фририарде вам, так же, вряд ли улыбнется удача. Насколько мне известно, сейчас здесь всего трое сильных демонологов, считая Кисару. Один из них, почтенный Раймонд Темнозор, слишком стар для путешествий, к тому же он единственный, кто занимается обучением молодых демонологов в школе магии при дворе королевы Алисы. Даже если бы он захотел помочь вам — его не отпустил бы Совет магов. О учениках Темнозора я даже говорить не стану, так как самому старшему из них совсем недавно исполнилось десять зим. Конечно, остается еще Гремор Безликий, но, — Гвинет сделала паузу, заметив, как напрягся храмовник при упоминании одного из сильнейших демонологов, присягнувшего на верность Светлым богам. — Мне ведь не стоит напоминать вам, как он относится к ордену?

— Не стоит, — на лице гиритца не дрогнул ни один мускул, но он все же опустил на свое прежнее место.

— Вижу, я смогла-таки убедить вас? — обезоруживающе улыбнулась Гвинет, наивно захлопав длинными ресницами.

— Вам это удалось. — Едва заметно кивнул Алектис. Это признание явно далось пастырю нелегко и без особого удовольствия. — У меня и братьев попросту нет выбора. Но, — он поднял руку, жестом попросив Гвинет не перебивать его. — В случае опасности мы с братьями будем оберегать в первую очередь только девушку.

— Мои ребятки в состоянии сами о себе позаботиться. К тому же, раз уж вы заговорили о доверии — не доверяй я вам и вашим людям, никто из моих подопечных не сдвинулся бы и с места. Более того я отправляю не новичков, а опытных членов нашей гильдии. Так же, разумеется, с Кисарой отправится ее фамилляр, девочки пока не видно, но будьте уверены, она появится.

— Хорошо, я согласен. — Алектис положил на стол черный бархатный мешок, размером с голову взрослого человека, в котором что-то отчетливо звякнуло. — Половина сейчас, половина по возвращении, как договаривались. Если, — гиритец замолчал, но вскоре продолжил. — Если что-то случится, то награду сможете получить в нашем главном монастыре.

При виде мешочка Таллаг удивленно присвистнул и его густые брови поползли вверх.

— Приятно иметь дело с благородным и понимающим человеком, — широкий рукав Гвинет лишь на мгновение скрыл мешок, как он совершенно бесшумно и бесследно исчез со стола.

Алектис лишь поморщился, после чего обвел внимательным взглядом сидящих за столом.

— Вы хотя бы знаете, куда мы отправляемся? — спросил храмовник, поочередно заглядывая собравшимся в глаза.

— Я знаю, — не выдержав неожиданно тяжелого взгляда гиритца, Кисара отвела взор.

— Потерянные земли, — тихо произнес Калеос и его сестра согласно кивнула.

Гвинет заранее рассказала всем о предстоящей работе и передала желание заказчика — идти налегке. — Какая разница? — безразлично отозвался Таллаг, ковыряясь между зубов острым ногтем. — Мне вообще все равно, лишь бы там оказалось интересно и за это заплатили. — Он широко оскалился, демонстрируя гиритцу ровные белые клыки.

— Мы отправляемся в обитель Нерушимых Врат и да сохранит нас благочестивый Гирит. — Тихо произнес храмовник и, не говоря больше ни слова, развернулся, неспешно устремившись к двери.

— Вы еще можете отказаться. Я подыщу замену. — Гвинет взглянула на подопечных.

— Кажется, будет весело! — Неожиданно обрадованный Таллаг, подхватив с пола свою походную сумку, первым двинулся следом за гиритцем. — Я пойду, — решительно встав, Кисара вышла из-за стола.

— А мы за вами присмотрим, — впервые за утро собравшиеся услышали мелодичный голос Исель, сестры Калеоса. Красивая и стройная, темная эльфийка грациозно поднялась со скамьи.

— В таком случае — удачи всем вам. — Произнесла Гвинет фразу, ставшую своего рода традиционными словами прощания в гильдии.

По ту сторону

Ворота здания гильдии выходили точно на площадь, где в самом центре каменным титаном возвышалась статуя Аларда Дария. За широкой спиной рыцаря располагалась обитель сидонитов: величественная, безмолвная и нерушимая, как века назад, так и сейчас.

Так как все храмовники, почитающие Сидония Воздаятеля пали в битве, теперь каменные стены их обители пустовали, а флаги ордена были приспущены в знак вечного траура. Во всех Светлых землях больше не было подобных крепостей. Лишь обитель во Фририарде до сих пор хранила память о былых временах.

После упразднения ордена, по всему Ариарду обители сидонитов или сносили, или перестраивали, используя для иных нужд. Жителям Фририарда, тогда еще считавшегося частью Империи, пришлось приложить немало усилий, но они отстояли дом праведных воинов. Храмовники спасли остров от осквернения и жители Фририарда вернули долг.

Именно спор о судьбе обители сидонитов стал той самой трещинкой, давшей впоследствии начало чудовищному разлому, раздробившему некогда могучую Империю на части. Все без исключения жители Фририарда считали своим долгом не дать осквернить обитель, под чьими стенами когда-то сражался сам святой спаситель острова.

Даже спустя столько веков, от защищенных древней магией стен веяло несокрушимой мощью. Обитель была больше чем памятником старины, она являлась символом негибемого духа, отваги и не угасающей надежды.

Раз в год, во время празднования победы Аларда Дария над принцем-демоном, обитель сидонитов открывала свои ворота для всех желающих почтить память праведных воинов. Под чутким надзором жрецов из храмов Фририарда, заботящихся об обители сидонитов, все жители и гости вольного города могли посетить главный зал крепости-храма.

Каждый год Кисара с трепетом ступала по ступеням, по которым когда-то спускался сам Алард Дарий, перед его схваткой с демонами. С замиранием сердца, южанка переступала порог, обители сидонитов, воздвигнутой руками верующих тысячи лет назад и оказывалась в просторном, великолепном зале.

Здесь, прорезанные арками величественные стены и высокие сводчатые потолки, поддерживали массивные мраморные столбы. Они выступали из-под самого каркаса здания и были украшены вырезанными в камне статуями храмовников, ставших вечными стражами лишившихся хозяев стен.

Озаряемые лучами мягкого света, пробивающимися из витражных окон, белоснежные колонны уходили далеко вверх, а между ними свисали величественные знамена сидонитов: алые полотнища тяжелой ткани, чередовались с белыми флагами, изображающими красную, сжатую в кулак шипованную перчатку — символ бога Воздаятеля.

Все это великолепие сейчас можно было увидеть лишь благодаря единому стремлению жителей Фририарда сохранить память о тех, кому целые поколения города обязаны жизнью. Но при всем старании людей, возможно, у них ничего бы не получилось, если бы жители Шахриата, эльфы, зверолоды и дворфы с гномами не пожелали тоже отделиться от Империи. Все эти народы вновь образовали самостоятельные королевства, как это было ранее.

Воли и умения молодого наследника Империи оказалось недостаточно, чтобы остановить неизбежный раскол. Разумеется, там, где нельзя добиться согласия путем дипломатии, всегда остается еще одно средство — война. Однако об этом можно было даже не думать, так как армия Империи, больше чем на половину состояла из воинов других рас, которые, конечно же, поддерживали своих соотечественников, покидая гарнизоны Империи

и возвращаясь в родные земли.

Веками скапливавшая силы и земли Империя, быстро пришла в упадок, после смерти единственного наследника императора, став королевством Ариард и, несмотря на свое благосостояние, являла лишь тень от бывшего величия.

Однако не все соглашались с происходящим. Некоторые до сих пор считали себя выше остальных, в каком бы из королевств они не находились.

Бездушные, монашеский орден почитателей Гирита Защитника, свято верили в правоту избранного ими пути, с которого сбились те, кто покинул Империю. Монахи-воители до сих пор жили прошлым. Они всегда видели в остальных расах подданных своего короля и своего бога.

Отчасти так и было.

Нечестивцы открывали врата в Бездну по всем Светлым землям, а выбирающиеся из них твари несли с собой лишь пропитанное болью безумие смерти. В больших городах подобное происходило редко из-за бдительности стражи и близости святилищ светлых богов. Исключений за всю историю было меньше десятка и самые значимые из них — пришествие принца демона Ларгризона во Фририард и вторжение в обитель Нерушимых Врат, где и пал святой Алард Дарий. Окраины городов и остальные земли, что были удалены от святынь, всегда оставались в опасности. Но проблема заключалась не только в отдалении от крупных городов и гарнизонов стражи — еретики, через кровавые жертвоприношения открывающие врата в Бездну являлись не единственной угрозой. Оскверненные дыханием Бездны создания, низшие демоны которым удалось избежать гнева храмовников и укрыться в необитаемых местах, и другие порождения Скверны неустанно рыскали в тени лесов, болотных топях, горных пещерах и древних руинах.

Запертые между стеной Святой Преграды и большими городами, твари не могли вернуться ни в Бездну, ни в Потерянные земли. Все что им оставалось — прятаться и ждать своего часа.

Сбиваясь в стаи, приспешники зла обрушивали свою ненависть на одинокие поселения, заливая землю кровью и вновь скрываясь в тайных убежищах, лелея мысль о новых кровавых жертвах.

Так повторялось снова и снова.

Жители Светлых земель сплотили свои силы против этой напасти, но зачастую помощь приходила слишком поздно и вместо противников заставала лишь разоренные деревни и обезображенные трупы соплеменников, тех, кому боги послали смерть, милосердную в сравнении с рабством и осквернением демонопоклонниками.

В последние пару тысяч лет, еретики не часто открывали разломы в мир безумия и, в основном, это происходило в Ариарде. Но никто не мог быть уверен, что ситуация не изменится в любой момент.

К примеру, совсем недавно демонопоклонники впустили в этот мир тварей Бездны в Эфриазле, земле светлых эльфов. Это произошло на берегах озера Листринес, озера Жизни. Почитаемые эльфами серебристые воды окрасились в алый цвет из-за пролившихся в тот скорбный день рек крови.

Орда демонов, словно черный ураган обрушилась на Элизрисин, прекрасный город, возведенный на берегу озера, превратив его в поле жестокой битвы. Врата удалось закрыть, но цена за это оказалась высокой — два небольших поселения эльфов перестали существовать и множество жителей Эфриазла подверглись осквернению.

Решение далось эльфам тяжело, но им пришлось прислушаться к гиритцам и выжечь часть леса, дабы искоренить порчу в своих землях. Битва у врат, принесших в вечнозеленые леса смерть, получила название Багровые реки, а день, когда эльфы и демоны сошлись в решающем сражении вошел в историю.

Оскверненные земли вокруг закрытых врат в Бездну, как полагалось, обнесли высокими стенами, вмуровав в них мощнейшие обереги, созданные дворфийскими жрецами рун. Маги, демонологии, шаманы, жрецы, друиды, некроманты, мудрецы и провидцы безуспешно пытались отыскать причину, по которой открываются проходы между мирами, но все оказалось тщетно. Никто не знал когда и где именно откроется разлом, известно было лишь то, что если его не запечатать — он разрастется, осквернив и уничтожив все, до чего только сможет добраться.

Остановить продвижение яда Бездны могли лишь немногие. За исключением сильных обладателей магического дара, будь то магия, сила стихий или же божественное благословение, искоренить Скверну могли храмовники.

Без помощи гиритцев пробиться к сердцу разлома, чтобы запечатать его, было безумно тяжело. Только те, в чьих жилах текла кровь, благословенная богами демоноборцами, только те, кто прошел через суровые тренировки, обучаясь с самого младенчества, лишь те, кто полностью посвятил свою жизнь борьбе с любыми порождениями Скверны, могли противостоять ей в открытом бою.

Как бы ни были искусны воины, защищавшие свои королевства, без храмовников их жертвы стали бы катастрофическими. Именно поэтому орден Гирита Защитника пользовался благосклонностью всех без исключения королевств, ведь никто не знал, куда повелители Бездны нанесут новый удар.

* * *

Пятеро огромных, высоких рыцарей, с ног до головы закованных в черные латы сейчас стояли у входа в здание гильдии Крылья Удачи, бесстрастно глядя в сторону статуи Аларда Дария. Их белые табарды и плащи украшал такой же символ солнца, что и у пастыря Алектиса, с тем лишь отличием, что черных лучей оказалось меньше: у четырех рыцарей солнечный полукруг украшали лишь пять лучей, у одного — шесть.

Приблизившись к воинам храма Гирита Защитника, Алектис остановился, дожидаясь, пока к нему присоединятся новые спутники.

По пути Кисара во все глаза разглядывала массивные фигуры рыцарей, в росте, пусть и не на много, но превосходивших даже высокого Таллага. Девушка знала, что могучее телосложение храмовников вызвано тем, что над ними с младенчества совершаются таинства Гирита. Пастыри и послушники в обителях-монастырях неустанно читают молитвы богу Защитнику, и новообращенные дети впитывают их, с каждым днем становясь все сильнее.

Не каждый из людей сможет выдержать огромное число непрерывных благословений и не умереть от снизошедшей на него божественной благодати. Человеческая оболочка и дух слишком слабы, чтобы выдержать столько силы и лишь избранные, в чьих жилах течет благословенная кровь, могут стать храмовниками, дабы с именем Гирита на устах защищать Светлые земли от сил зла.

С рождения и до шестнадцати зим молодые гиритцы не покидают стен монастырей, они едят, спят и тренируются под непрерывающееся чтение молитв и святых гимнов, творимых пастырями. Позже, когда их тело и дух окрепнут настолько, чтобы противостоять Скверне и ее порождениям, молодые послушники проходят инициацию, получают новое имя и имеют право называть себя воинами бога Защитника.

Не ведающие страха и сомнений, нечувствительные к боли, обладающие нестигаемой волей и могучим телосложением, почти невосприимчивые к магии, воины в черной броне во всем превосходят любого жителя Светлых земель. Они рождаются, живут и умирают ради одной лишь цели — не дать демоническим силам поработить этот мир, превратив его в безумное чистилище, где существуют лишь страх и боль, столь любимые всеми порождениями зла.

Ради своей цели гиритцы не останавливаются ни перед чем, за что их и стали называть бездушными.

— Это Гирион, рыцарь-защитник нашего ордена, — представил Алектис храмовника с шестью лучами на табарде и тот учтиво кивнул, скользнув ничего не выражающим взглядом голубых глаз по четверке незнакомцев.

Рыцарь обладал благородными чертами лица, обрамленного длинными темными волосами. Его вполне можно было назвать красивым, невзирая на шрамы, которые лишь придавали монаху мужественности. Он стоял, положив руки на перекрестье огромного двуручного меча, чье широкое сверкающее лезвие едва ли не превосходило по длине стоявшего рядом Алектиса.

— А это наши боевые братья — Ринон, Стрет, Фалкон и Лертас. — Алектис поочередно указал на остальных воинов-храмовников и каждый из них коротко кивнул, когда пастырь произнес его имя.

Каждый из пяти гиритцев внешне отличался от своих братьев по ордену. Вооруженный копьем, немного курносый светловолосый Ринон выглядел самым молодым. Его, еще юношеское лицо, выглядело немного жутковато из-за черной повязки, полностью скрывающей левый глаз.

Но Ринон смотрелся мальчишкой, рядом с мрачным седым Фалконом, на чьем лице нельзя было разобрать — больше на нем шрамов или же морщин. Храмовник-ветеран, единственный из своих братьев, кто собрал волосы в короткий хвост, сжимал в руках огромный молот, выглядевший столь же грозно, как и его седобородый обладатель.

Угрюмый Стрет, лишь глянул в сторону вновь прибывших, и сразу потерял к ним интерес. Отвернувшись, гиритец продемонстрировал всем свою широкую спину, за которой висел башенный щит и белоснежный плащ. Рассматривая статую Аларда Дария, храмовник не убирал ладони с рукояти прямого меча, в поясных ножнах.

Последний из рыцарей, Лертас, выразил наибольшую вежливость, позволив себе мимолетную улыбку, после чего водрузил на голову глухой шлем, полностью скрывший его приятное лицо и медового цвета короткие волосы.

Как и Стрет, этот гиритец носил щит, за которым, пожалуй, могла полностью скрыться Кисара, даже если бы привстала на цыпочки. На поясе Лертаса покачивалась тяжелая булава, наверх которой напоминало солнечный диск, с короткими и острыми шипами лучей.

Все гиритцы обладали светлыми голубыми глазами и их взгляды были одинаково бесстрастны и пусты. Это одновременно пугало и завораживало.

— А это, наши новые спутники, которые по воле Гирита помогут нам в нашей миссии. — Пастырь выжидающе посмотрел на Кисару и та, немного смутившись, вышла вперед.

— Кисара, — коротко представилась девушка, склонив голову, — Кисара Шаэли, демонолог.

— Миаджи! Демон! — Раздался насмешливый голос из-за спины Кисары и гиритцы не ринулись в бой только благодаря предостерегающему жесту Алектиса.

— Она под контролем демонолога, братья, и не причинит никому вреда, без воли хозяйки. — Спокойно произнес пастырь, с укоризной глядя на ярко одетую девочку, сейчас занятую озорным подмигиванием воинам-храмовникам.

Развернувшийся было Стрет, неохотно вернул наполовину вытащенный меч в ножны. Закаленная сталь недовольно зашипела, разделяя недовольство хозяина.

— Миаджи! — резко одернула демоницу Кисара. — Не стоит играть с огнем!

— Скука... — печально вздохнула девочка, заведя руки за спину.

Встав на одну ногу, Миаджи неожиданно повернулась кругом, словно демонстрируя окружающим свое ярко желтое платье, с безумной фиолетовой отделкой и, щелкнув каблучками оранжевых туфелек, склонила головку в вежливом поклоне, спрятав нахальное личико за крупными кудрями.

Фалкон презрительно хмыкнул, как бы невзначай качнув молотом и Миаджи, с притворным страхом юркнула обратно за спину хозяйки.

— Надеюсь, от нее будет толк, и мы не впустую позволим порождению Скверны ступить на священные земли Ариарда. — Холодно произнес Гирион, обращаясь к Кисаре.

Похоже, то, что с ними отправится не только демонолог, несколько не удивило храмовников. В конце концов, род занятий Кисары предполагал наличие у нее собственного фамильяра.

Не зная, что ответить, девушка взглянула на Миаджи, как раз вовремя, чтобы цыкнуть на девочку, собиравшуюся показать надменному гиритцу свой острый язычок.

— Не переживай за нас, бездушный. — Таллаг гордо подбоченился, оценивающе глядя на возвышавшихся над ним храмовников. — Мы сделаем то, что должны, если вы, разумеется, скажете, в чем заключается задание.

— Узнаешь все, когда придет время, — пробасил Фалкон. — Кстати, я как-то не услышал твоего имени.

— Таллаг Буревестник. — Зверолоуд расправил широкие плечи, ловя себя на мысли, что это тщетно — как бы он не выпячивал грудь и не напрягал отнюдь не маленькие мышцы, рядом с храмовниками Таллаг явно проигрывал в габаритах, и сильно проигрывал.

— А вы? — Ветеран кивнул в сторону молчавших темных эльфов.

— Калеос и Исель. — Ответила эльфийка.

— Дом? — Гирион вскинул бровь, желая узнать имя одного из двух десятков домов, к которым относятся все темные эльфы.

— Наш дом Крылья Удачи, господин, — с легкой улыбкой ответил Калеос, обращаясь уважительно к рыцарю, носившему высокий титул защитника.

Храмовник повернулся к Алектису, видимо удовлетворенный подобным ответом, и спросил:

— Мы ждем еще кого-нибудь, пастырь? — Гиритец окинул взглядом зевак, собравшихся вокруг него и его братьев.

Пятерка храмовников при оружии и в полном доспехе, да еще и в сопровождении пастыря мгновенно притягивала к себе внимание множества проходящих по площади людей. Разумеется, сами гиритцы к подобному вниманию привыкли, но судя по недовольному лицу Фалкона, наиболее эмоционального из своих собратьев, совсем не радовались множеству любопытных взглядов.

— Мы можем отправляться.

Похоже, Алектис был уверен, что все беспрекословно следуют за ним и прислушиваются к его словам. Сейчас он, так же, как и в зале гильдии, пошел первым, даже не озаботившись тем, чтобы оглянуться.

Кисара заметила, как двинувшийся следом за пастырем Гирион, встретился взглядом с Фалконом и указал тому на Миаджи. Старый гиритец кивнул, показывая, что понял приказ и, в два широких шага оказавшись рядом с девочкой, неприятно улыбнулся ей:

— Волей брата-защитника я буду присматривать за тобой, мелкое богомерзкое отродье. Поэтому предупрежу сразу — только дай мне повод, и я с превеликой радостью размозжу твой маленький череп о камни мостовой.

— Ой, как страшно, — состроив скучающую мину, произнесла Миаджи. Она даже прикрыла рот ладошкой и зажмурилась, сделав вид, что зевает.

— Я не пугаю тебя, демон. — Холодно бросил Фалкон, погладив рукоять своего оружия. — Я предупреждаю.

— Мы это учтем, — Кисара ухватила за плечи собирающуюся что-то сказать Миаджи и оттеснила ее в сторону, встав между ней и старым рыцарем.

Седой Храмовник внимательно посмотрел южанке в глаза, после чего закинул на плечо тяжелый молот и вежливым жестом показал, что пропускает девушек вперед.

— Благодарю, — пробормотала Кисара и потянула недовольную Миаджи за руку.

Обернувшись, девушка увидела, как рядом с Фалконом пошел Лертас, далее следовали Таллаг и темные эльфы. Ринон и Стрет замыкали шествие.

Пастырь, как и все те, кто служил гласом Гирита, а не его щитом, отличался от боевых монахов обычным телосложением, но гораздо большей духовной силой, способной защитить не только его самого, но и тех, кто следует за ним. Сейчас Алектис о чем-то тихо переговаривающийся с немногословным Гирионом, свернул на одну из улиц, расходящихся в стороны от площади. Он уверенно шел вперед и прекрасно ориентировался во Фририарде, безошибочно находя путь в пестрой толпе, поспешно расступающейся перед ним и его братьями по ордену.

Храмовники широко шагали вперед, лязгая броней и не обращая ни на кого внимания, словно находились одни во всем городе. Только Фалкон, время от времени, бросал на Миаджи подозрительные взгляды, да покрепче сжимал рукоять молота, весившего явно не меньше взрослого человека. Однако огромный храмовник легко нес грозное оружие, никак не показывая признаков неудобства или усталости.

Неутомимые гиритцы шагали широко и Кисаре вместе с Миаджи пришлось ускорить темп, чтобы поспевать за спутниками. Озорная демоница, чье поведение и логика в силу происхождения, никак не вписывались в человеческое понимание, весело скакала вприпрыжку рядом со своей хозяйкой, цокая каблучками по булыжникам мостовой и каждый раз весело улыбаясь Фалкону, когда тот в очередной раз обращал на нее свой недобрый взор.

Не следовало быть семи пядей во лбу, чтобы понять, что храмовник не доверяет демону.

Будь на то воля старого ветерана, он бы прямо сейчас обрушил свое оружие на, с виду безобидную, хотя и странную девочку, оставив от нее лишь кровавое пятно на потрескавшейся мостовой.

Но Фалкон всегда уважал дисциплину, поэтому, как и все воины-храмовники, безропотно подчинялся приказам пастыря. Тот факт, что присутствие Миаджи в Светлых землях было полностью согласовано с Советом магов, представляющим интересы королевств и то, что они сейчас находятся во Фририарде, мало заботило Фалкона. Как и все храмовники, он ненавидел демонов и сейчас прилагал значительные усилия, чтобы держаться спокойно. Губы гиритца едва заметно шевелились, когда он в очередной раз читал молитву покаяния, помогающую ему сдерживать праведный гнев.

Миаджи прекрасно понимала чувства шагающего прямо за ее спиной воина, и даже слышала слова его молитвы, от которых демонице становилось не по себе. Будь она демоном без хозяина, уже потеряла бы голову от святых слов, один звук которых мог причинить ей боль, но сила Кисары защищала Миаджи от пагубного для нее влияния.

Присягнув на верность светлым богам, Кисара получила их благословение, которое распространялось и на ее магию. Демон, находящийся в связи с демонологом не только наделял своего владельца мощью, но и получал часть силы своего господина, призвавшего его из глубин Бездны и знающего его истинное имя.

Именно магия Кисары защищала Миаджи, позволяя ей безболезненно ступать по освященной земле, не испытывая при этом жажду крови и разрушения присущую всем демонам. Воля южанки была настолько сильной, что подавляла демоническую сущность Миаджи, однако даже она оказалась бессильной против несносного характера существа, выглядящего сейчас как юная девушка.

Миаджи доставляло удовольствие создавать смертным проблемы и, по возможности, отравлять их жизнь, ведь, несмотря на силу своей хозяйки и свой облик, она оставалась тем, кем была — демоном.

Девочку интересовала лишь ее госпожа, с которой их связывал кровный договор и сила истинного имени. Остальные смертные рассматривались Миаджи как игрушки, которые можно ломать и делать с ними все, что пожелаешь, если, конечно, позволит покровитель.

Однако демоница понимала, что даже сила Кисары не защитит ее от шестерых гиритцев, поэтому держалась в рамках приличий, лишь изредка поддразнивая шагающего сзади храмовника лукавым подмигиванием. Кисару одолевали неприятные чувства. Она ощущала нарастающее с каждым мигом беспокойство, причиной которого являлся не только запас терпения храмовника ветерана, по отношению к дразнящей его демонице, но и цель их миссии.

Обитель Нерушимых Врат была давно потеряна для Светлых земель, точно так же, как и территории за Святой стеной. Там обитали ужасные создания, питающиеся лишь кровью и страхом, ненавидящие все и вся и жаждущие чужой смерти. Еретики, демоны и другие порождения Бездны, одолеваемые жаждой убийств, оскверненные руины, безумие и смерть, вот все, что располагалось за Стеной.

Говорили, что где-то среди объятых безумством земель раскрылись сразу несколько врат в глубины Бездны. Насколько знала Кисара, не одна экспедиция, пытавшаяся вернуть обитель Нерушимых Врат, навсегда сгинула в Потерянных землях. Никто не вернулся живым, а ведь там были и храмовники, и их пастыри, не говоря уже о сотнях солдат, магов и жрецов.

На что мог рассчитывать столь небольшой отряд там, где не смогла пройти армия демоноборцев?

Надежду в сердце девушки вселяло то, что Гвинет дала одобрение на эту работу, а значит, глава гильдии знала что-то, что пока было не ведомо южанке.

В недавнем разговоре с Кисарой, Гвинет упоминала, что уже встречалась с пастырем бездушных и говорила с ним о предстоящей вылазке. Однако глава гильдии умолчала о том, что заставило ее поверить в успех подобного мероприятия.

Гвинет Ясноокая всегда славилась осторожностью и предусмотрительностью. Она никогда не посылала своих подопечных на верную смерть, и доказательство этого сейчас лежало у Кисары в кармане — крохотный теплый камень, с высеченной на нем руной, означавшей простое и родное для каждого слово — дом. Такие камешки были у всех, кто отправился с храмовниками и они могли в любой момент вернуть того, кто ими воспользуется в зал гильдии. Стоили рунные камни целое состояние, и далеко не каждый мог их себе позволить. Но Гвинет лично вручила их каждому, кто отправился с Кисарой.

— Сколько же мастер взяла с гиритцев? — прошептала Кисара.

Гадая, сколько же золотых монет лежало в бархатном мешке, девушка задумалась. По виду мешка и по тому, как напрягся гиритец, опустивший его на стол, там звякало никак не меньше пяти сотен, а это уже баснословная плата за заказ, особенно если учитывать что это, по словам Алектиса, только половина.

Камень возврата стоил пять десятков золотых, на эти деньги можно купить скромный двухэтажный домик, на окраине Фририарда. Исходя из этого, можно было судить, что Гвинет получила гораздо больше, чем две сотни золотых. Это означало лишь одно — по возвращении во Фририард, Кисара и ее спутники станут значительно богаче.

Южанка никогда не была жадной до денег, но и никогда не нуждалась в них. Денег, что она зарабатывала на заданиях, вполне хватало на жизнь, поэтому мысль о прибыли быстро покинула сознание девушки, уступив место более важной, на ее взгляд проблеме — смогут ли они вернуться, чтобы получить эту плату?

Пальцы Кисары вновь коснулись теплой и немного шершавой поверхности камня возврата, и она немного успокоилась: даже если они не смогут выполнить задание, по крайней мере, быстрое возвращение домой обеспечено.

Неволью девушка представила, что было бы, если бы подобные камни нашлись и у сидонитов. Возможно, тогда они смогли бы спастись. Девушка покачала головой — судя по древним писаниям, воины Сидония Воздаятеля были слишком горды, чтобы бежать с поля битвы. К тому же Совет магов создал камни возврата всего несколько сотен лет назад, после веков неудачных попыток и провалов, которые часто приводили к жертвам. Мысль о цели их миссии вновь заполнила разум девушки и заставила ее сердце биться быстрее — подумать только, у нее будет шанс побывать в Обители Нерушимых Врат! Возможно, она даже сможет увидеть место, где пал Алард Дарий!

Богатое воображение Кисары живо нарисовало ей героическую и, в то же время, печальную картину — останки рыцаря в выцветшей, алой броне, окруженного сотнями или даже тысячами сраженных врагов.

Неприятный горький комок подступил к горлу южанки и она, глубоко вздохнув, неожиданно споткнулась о камень, едва не упав, но чья-то сильная рука вовремя удержала ее за плечо.

Обернувшись, Кисара увидела озадаченного Таллага, уже выпустившего ее плечо и

теперь внимательно глазающего по сторонам. Благодарно кивнув шагающему теперь рядом с ней другу, девушка подумала, о чем тот сейчас размышляет. На немного диком лице зверолода читалась печать тяжелых мыслей, казавшаяся немного неуместной из-за неряшливого вида Таллага. Обычно разум незадачливого зверолода занимали всего четыре вещи — выпивка, еда, веселье и сон, когда он устанет от первых трех. Но сейчас Таллаг выглядел весьма серьезным, таким Кисара совсем не привыкла видеть друга.

— Может он, наконец, повзрослел и тоже размышляет о важности и опасности нашей миссии? — подумала девушка.

— Жрать охота, — вдруг произнес Таллаг, разом разрушив сомнения Кисары и девушка, вздохнув, горько улыбнулась.

— У тебя Бездна, вместо брюха? — сразу же включилась в разговор Миаджи, которой уже надоело доставать Фалкона, переставшего обращать на нее внимание. — Ты же, наверняка, что-то лопал перед тем, как выйти!

— Тебя забыл спросить, мелочь, — Таллаг отмахнулся от демоницы и, пошарив в своей сумке, выудил оттуда небольшой окорок, сразу же впившись в него острыми зубами.

— Этот проглот стрескает весь наш запас еще до того, как мы покинем город! — Страдальчески закатила глаза Миаджи. — Господин рыцарь, — обратилась она к Фалкону. — Мне кажется среди нас еретик! В Бездне его бездонного брюха зародилось нечто ужасное, что способно поглотить все на свете! — С наигранной мольбой пожаловалась демоница.

— Девочка, — ветеран даже не взглянул на Миаджи. — Как тебя там, Кисара, — добавил он, когда южанка не обернулась, посчитав, что гиритец обращается к демонице. — Затки рот своей питомице, пока я не вбил ей туда латную перчатку!

— Разве храмовник не должен быть более учтив и добр, если... — Миаджи вынуждена была прервать свою нравоучительную речь — Кисара, видимо восприняв совет гиритца буквально, вырвала у Таллага из рук только надкушенный им окорок и заткнула им ротик девочки.

— Эй! — Негодующе возмутился зверолод, жалобно глядя на отобранное лакомство. — Это же мое!

— Куплю тебе десяток, когда вернемся, — раздраженно бросила Кисара и Таллаг, пожав плечами, достал из сумки полоску вяленого мяса, очень похожую на свою предшественницу, поглощенную зверолодом до того, как он взялся за утерянный ныне окорок.

— Только не забудь, — с набитым ртом сказал он южанке, принявшись меланхолично пережевывать пищу.

Кисара кивнула, на мгновение, подумав, что лучше бы ей сидеть дома. Повернувшись к обиженной до глубины ее черной души Миаджи, южанка погрозила ей пальцем, на что демоница состроила самые что ни на есть честные глазки и часто захлопала пушистыми ресницами — ни дать ни взять нашкодивший ребенок, искренне непонимающий, отчего на него сердятся взрослые.

Между тем отряд вышел на широкую кишашую народом улицу. Разноцветные веселые палатки торговцев яркими пятнами сверкали со всех сторон, казавшись даже насыщеннее чем есть, под теплыми лучами солнца.

Бодрые выкрики торговцев, без усталости нахваливающих свой товар, даже в многоголосом гуле толпы звучали громко и уверенно. По краям улицы тянулись ровные ряды аккуратных,

почти одинаковых домиков, глядящих на голубое небо витражными окнами и нежащиеся под солнцем теплой черепицей крыш, украшенных разноцветными флажками.

В торговом квартале, примыкающем к одним из четырех врат Пути, расположенных во Фририарде, почти все постройки были двухэтажными и принадлежали семьям торговцев. Те жили на втором этаже, а первый подстраивали под нужды лавки, коих здесь было огромное количество.

Цирюльники и аптекари, алхимики и предсказатели, пекари и кондитеры, швеи и портные, кузнецы и ювелиры — чего здесь только не было. Лавки начинались неподалеку от восточных ворот огромного города Фририард и размещались на двух улицах, доходя до просторного порта. Мирный город, заключавший в себе целое королевство, являлся настоящим островом спокойствия в сравнении с суровым Ариардом, поэтому появление гиритцев сразу же стало занимательным событием.

Каждый житель Фририарда, едва заметив странную процессию, считал своим священным долгом перед богами застыть на месте и, разинув рот, беззастенчиво таращиться на храмовников.

— Как дикари, честное слово! — удивительно быстро расправившаяся с окороком Миаджи, швырнула обглоданной костью в сторону зевак, попав точно в лоб какому-то грузному мужчине, и сразу же звонко рассмеялась, страшно довольная результатом.

Оскорбленный горожанин лишь стиснул кулаки — весь город знал, кто такая Кисара из Крыльев Удачи и что за девочка всегда ходит рядом с ней. Разумеется, мужчина высказал бы все свое недовольство заклинательнице или мастеру ее гильдии, не оказись рядом с девушкой Таллага, славившегося своим вспыльчивым характером, тяжелой рукой и крайне скудным запасом терпения.

О темных эльфах, внушавших многим суверенный страх, мужчина вовсе предпочел не думать, стараясь даже не смотреть в их сторону, тем более что все его внимание привлекали гиганты в черной броне.

Неожиданно один из гиритцев, с седой бородой и волосами повернулся и встретился с жителем Фририарда взглядом. Разом позабыв обо всем на свете, мужчина согнулся в глубоком поклоне, уставившись на валяющуюся под ногами косточку, совсем недавно ударившуюся в его покатый лоб. Когда же он осмелился выпрямиться, то увидел лишь белые плащи шедших последними храмовников и черный символ Гирита Защитника, вышитый на них.

На подходе к круглой испещренной магическими символами искривления пространства платформе врат Пути, разделенной на две половины, скопилась небольшая очередь: те, кто хотел покинуть Фририард стояли справа, а прибывающие в город выходили с левой половины.

Каждый, кто хотел покинуть город или же, наоборот, прибыть в него посредством магического портала, делали это под внимательными взглядами стражников и двух мужчин в одежде магов, с вышитыми на ней символами срединных кругов.

Именно они, после того, как убеждались в том, что желающий воспользоваться вратами Пути оплатил пошлину стражникам, приводили порталы в действие. Мгновенное перемещение было далеко не дешевым удовольствием. Даже в отдаленный город Ариарда попасть посредством корабля и повозки, вышло бы значительно дешевле, но неизмеримо дольше, а за скорость и удобства, как известно, приходится платить.

Некоторые врата располагались не только в городах. Их можно было найти в самых

разных уголках Светлых земель. Затерянные среди руин или лесов, или же укрытые в горах, врата Пути сохранились с древних времен. Какие-то из них разрушились и не подлежали восстановлению, или же их бросили за ненадобностью, но иные до сих пор использовались.

Такие врата быстро обрастали поселениями, деревнями или маленькими городами. Использовать их выходило дешевле, так как все стремились в большие города, а до обычных поселений, чаще всего, никому не было дела.

В основном в этом районе Фририарда вратами пользовались состоятельные торговцы, которые могли себе позволить заплатить стандартную пошлину, чтобы побыстрее успеть, к примеру, в земли темных эльфов, дабы договориться о поставках великолепного шелка пещерных пауков шелкопрядов, пользующегося во Фририарде и Ариарде огромным спросом.

Торговцы во все времена ценили две вещи — прибыль и собственное время, ведь чем его больше, тем больше сделок можно заключить. Так что очередь перед вратами в будний день являлась обычным делом.

Но, в то же время, эти врата были ближайшими к зданию гильдии и именно поэтому храмовники вышли именно к ним.

Впрочем, скопление людей не являлась тем, что могло задержать служителей Гирита Защитника. Они спокойно двинулись параллельно ожидающим своей очереди людям и стража Фририарда, следящая за порядком у врат, с почтением склонила головы в начищенных до блеска шлемах.

Несмотря на то, что гиритцы недолго любили Фририард и пользовались в нем взаимной неприязнью, они, по-прежнему, оставались силой, с которой приходилось считаться. Оставив приветствие стражи без внимания, храмовники без всяких объяснений потеснили худого старика в фартуке ремесленника, который должен был войти в портал врат следующим.

— Эй, что вы себе позволяете! — оборачиваясь, начал он. — Я уважаемый человек и глава гильдии ремесленников Фририарда! У меня важные переговоры в Ариа-а-а-а... — ремесленник застыл с открытым ртом, когда мимо него прошел Гирион, которому сгорбленный старик лысой блестящей под лучами заходящего солнца макушкой, доставал едва ли до локтя.

Даже не взглянув в сторону подавившегося своей гневной речью ремесленника, храмовник ступил в центр правой половины платформы, где был изображен правильный круг и отрывисто бросил: — Королевство Ариард. Город Бродерио. Восточные врата. Моих братьев и наших спутников — туда же.

Маг, приводивший портал в действие, услышав место для телепортации, возложил ладони на невысокую колонну. Он прошептал короткое заклинание и на гладком камне начали один за другим загораться символы. Волшебное фиолетовое пламя пробежало от ладоней мага, двигаясь вниз по столбу, и выплеснулось на платформу.

Свет вспыхнул внутри каменного круга, по очереди зажигая причудливые символы, поднимающиеся с пола и закручивающихся вокруг невозмутимого храмовника. Каменные круги, с тихим скрипом несколько раз повернулись по своей оси под ногами Гириона, после чего тот мгновенно исчез в яркой вспышке.

Следом за рыцарем-защитником отправился Алектис, воспользовавшийся порталом вторым. Ни один из храмовников не подошел к страже, чтобы расплатиться, видимо этого для них не требовалось.

— Шевелитесь, — Фалкон, встал рядом с краем платформы и жестом указывал Кисаре в

центр круга.

Южанка ступила на камни, искоса глянув на стражу. Никто не собирался требовать с нее денег, стало быть, демонологу выпала возможность воспользоваться привилегией гиритцев и воспользоваться порталом без оплаты.

— Сестрица, призовешь меня потом? — немного отставшая Миаджи подбежала к южанке, по пути наступив на ногу старому ремесленнику острым каблучком.

— Хорошо, — ответила Кисара, и фигура демоницы исчезла, растаяв ключьями черного тумана.

Демоны и другие потусторонние существа, такие как фамильяры магов или их же элементали наподобие големов, не могли пользоваться вратами Пути, разбросанными по самым разным точкам Светлых земель и способными переносить любого желающего от одной платформы к другой.

Это было вовсе не необходимой мерой безопасности. Проблема заключалась в том, что существа из Бездны или других миров, не принадлежали до конца к этому, что накладывало на них определенные ограничения, такие как использование врат Пути, чье действие основывалось на взаимодействии пространства и созданий ему принадлежащих.

С другой стороны самому призывателю ничего не мешало отправиться через портал туда, куда ему нужно и самому вызвать своего слугу уже там. Созданные Советом магов еще задолго до становления Империи, врата Пути являли собой воплощение колоссального количества магической энергии способной сжимать и разжимать пространство, переправляя желающих через быстро затягивающиеся бреши.

Маги прошлого создали столь незаменимую конструкцию благодаря изучению врат Бездны, правда, если из тех врат могли вырываться настоящие орды демонов, врата Пути не могли справиться с таким количеством желающих одновременно. Это был единственный, если не считать цены за использование, недостаток — перемещаться можно было только по одному, встав в центре самого маленького из кругов, расположенного в середине платформы и сообщив магу, проводящему перемещение, место, куда требовалось попасть. Разумеется, перенестись можно было лишь от одних врат к другим и никак иначе. — Отродье скверны, — Фалкон с презрением сплюнул себе под ноги, наблюдая, как исчезает черный туман. — Угораздило же тебя связаться с такой, как она. — Он взглянул на Кисару, как показалось девушке, с едва уловимым сожалением.

Вставая в центр круга, Кисара на миг вернулась в далекое прошлое, когда она, совсем еще ребенком, проклятым темным даром, неосознанно совершила ритуал призыва. Присматривающая за южанкой сестра ее матери задремала и любопытная девочка, стащив у тети ключи, пробралась в сырой подвал, куда ее никогда не пускали.

Найдя в покрытом плесенью сундуке старую книгу, как позже выяснилось — единственное наследие, оставшееся от ее отца, сгинувшего в песках Великих Пустынь, маленькая Кисара случайно порезала палец о пожелтевшую страницу, окропив кровью миниатюрный круг призыва, размещенный на мятом листке.

Как рассказывала ее мать, Шиара, когда она вернулась домой, то увидела спящую сестру и приоткрытую дверь в подвал. Сердце женщины сковал холод. Не помня себя, она бросилась вниз, но было уже поздно — она увидела свою дочь, без чувств растянувшуюся на полу.

Рядом с Кисарой лежало существо, от одного вида которого Шиара с трудом сдержала испуганный крик, взметнувшийся из самых глубин ее души. Покрытое слизью, красноватое

человекоподобное тельце обвилось вокруг руки Кисары, плотно обхватив ее кожистыми крыльями и обвив хвостом запястье ребенка.

Существо, припав ртом к порезанному пальцу Кисары, жадно слизывало ее кровь, раздвоенным языком и жмурилось от удовольствия. Не помня себя от ужаса, Шиара, приблизилась на негнущихся, отказывающихся ей повиноваться ногах, к своему ребенку и бессильно рухнула на колени, поняв, что произошло.

Ритуал призыва и инициации был завершен, демон вкусил крови человека, отдав ему взамен несколько капель своей.

Прежде чем сияние активированного магом портала поглотило Кисару, та вдруг вспомнила вкус крови Миаджи на своих губах — терпкий и, немного, сладковатый. Вспышка поглотила фигуру девушки и, когда она открыла глаза, то была уже не во Фририарде.

* * *

Когда Кисара открыла глаза, то находилась уже далеко от Фририарда. По смуглой коже оужанки пробежали мурашки, и она зябко поежилась.

Дело тут было вовсе не в том, что стало заметно холоднее. Кисара сама не знала почему, но при перемещении через врата Пути, она всегда чувствовала себя странно. Какое-то непонятное чувство охватывало девушку, стоило ей ступить на покрытые символами камни, но она никак не могла понять, что это могло означать. Это чувство было похоже на забытые воспоминания, будто принадлежавшие кому-то другому и, в тоже время, свои собственные.

Кисара неоднократно спрашивала Гвинет и остальных, но те лишь пожимали плечами, говоря, что не ощущают ничего необычного при мгновенном перемещении.

— Ненавижу эти штуки! — Пожаловался Таллаг, выйдя из врат Пути под мрачное небо Бродерио, встретившего гостей проливным дождем.

Встав рядом с Кисарой, мужчина, словно собака, стряхивающая с шерсти воду, смешно покрутил головой, разбрызгивая дождевые капли, после чего принялся оглядываться и шумно втягивать носом воздух: — Чую вонь неуместного пафоса развалившейся Империи, — с нескрываемым ехидством изрек он, краем глаза отмечая, как из врат Пути выходит Стрет, последний из отряда храмовников.

— Странно, — Фалкон, выполняя приказ Гириона, не отступал от Кисары ни на шаг. — А я чувствую лишь запах мокрой псины.

— Э? — С хищной ухмылкой вскинул бровь Таллаг. — А ты смел, старик!

— А ты глуп, щенок, — в тон зверолоду ответил ветеран. — Раз пытаешься скалиться на тех, кто сильнее тебя.

— Сейчас мы посмотрим, кто здесь... — пальцы Таллага сомкнулись на обтянутой кожей рукояти, выглядывающей из-за плеча, но узкая ладонь Калеоса легла ему на кисть.

— Умерь свой пыл, друг, — попросил темный эльф. — Нам ни к чему подобные стычки.

Появившаяся за спиной брата Исель кивнула, словно подтверждая слова родича. Раскосые глаза темной эльфийки впились в зверолода и тот, насупившись, уступил.

— Повезло тебе, старикан, — Таллаг, с превеликой неохотой убрал руку от оружия, не мигая, глядя в глаза гиритцу.

— Я тебе не враг, покуда мы на одной стороне, — ветеран немного смягчился. Похоже,

характеры у них со зверолодом оказались поразительно похожи — вспылчивые, но отходчивые. — А если так хочешь потягаться со мной, у тебя еще появиться такая возможность, когда окажемся по ту сторону Стены. Готов поспорить, что ты и огрызнуться не успеешь, когда я уже обагрю свой молот кровью демонопоклонников!

— Только если ты по пути к Стене не умрешь от старости, — буркнул Таллаг, но, тем не менее, улыбнулся.

— Посмотрим. — Храмовник вернул улыбку.

Кисара по-новому взглянула на старого ветерана. Поначалу он показался ей таким же холодным и отстраненным, как и его братья по ордену, но в его взгляде иногда проскакивало что-то человеческое. Наверное, именно поэтому она решилась задать вопрос, с недавних пор не дававшей ей покоя:

— А почему мы перенеслись в Бродерио? Разве не правильнее было отправиться в Гривис, а оттуда в крепость Рубежа? Говорят, с ее стен можно было бы увидеть обитель Нерушимых Врат, если бы не черный туман...

— Все узнаешь со временем, — оборвал девушку седой гиритец. — Просто помалкивай и делай свою работу.

Прежде чем Кисара успела открыть рот, ее вновь прервали:

— Все в сборе? Тогда вперед. — Отрывистый голос Гириона прозвучал подобно раскату грома.

Это был голос человека привыкшего отдавать приказы и безжалостно каравшего за их невыполнение.

Рыцарь-защитник шел вперед и люди, собравшиеся у платформы в ожидании своей очереди, расступались перед ним. Некоторые подобострастно кланялись храмовникам, то были коренные жители Ариарда, которые росли с осознанием того, что благословенные богами воины — единственная их защита от сил Зла.

Отчасти этих людей можно было понять, Бродерио — самый ближний город к стене Святой Преграды, а значит и к Потерянным землям тоже. Близость Скверны и чувство опасности непрерывно давили на людей, а образ решительных воинов Гирита, вселял в их сердца надежду и трепет. Они шептали молитвы, падая на колени перед богоизбранным рыцарем, а тот, как ни в чем не бывало, проходил мимо, даже не глядя на окружающих.

— Вот уж в ком и не пахнет человечностью, — разочарованно вздохнула Кисара, перешагивая через глубокую лужу.

— Думаешь, Алард Дарий был другим? — тихо спросила бесшумно нагнавшая подругу Исель. Эльфийка с любопытством озиралась по сторонам. Она нечасто посещала города старой Империи, и здесь все для нее было в новинку.

— Что? — Кисара никак не ожидала подобного вопроса, поэтому немного растерялась, не зная, что ответить.

— Ничего, — эльфийка отвернулась, рассматривая высокое здание, нависшее над небольшой площадью. Ее острый носик немного наморщился, когда сидевший на крыше ворон пронзительно закаркал и сорвался с насиженного места, помчавшись к темным тучам. Мрачный, устремленный к свинцовому небу дом с узкими, стрельчатыми окнами, с крыши которого улетела птица, стал выглядеть немного сиротливо, хотя прямо за ним ровными рядами замерли, словно в бесконечном ожидании смерти, столь же траурного вида постройки, тянущиеся вдоль тихой улицы.

Нет, улицы Бродерио не пустовали, особенно в районе врат Пути. Здесь скопилось

много народа — кто-то прибывал в город, кто-то, наоборот, покидал его по каким-то своим делам. По мокрым камням брусчатки стучали копыта лошадей. Слышались голоса, произносящие речи на разных языках: рычащем наречии звероловов, человеческом, грубом дворфийском слоге и певучем эльфийском.

Воздух наполнял лязг брони стражников, стук лошадиных копыт, шум дождя, завывание ветра, заставляющего трепетать резные флюгеры на острых крышах и далекие раскаты грома. Но все эти звуки казались какими-то тусклыми, безжизненными, даже шум собственных шагов, будто доносился до Кисары откуда-то издалека. Она словно видела бездушные картинки окружающего, дающие впечатление присутствия, но не заменяющие жизни.

— Город скован страхом, — скрипучий голос Фалкона раздался над головой девушки, и храмовник зашагал рядом. — Здесь всегда так. — Вас это не очень заботит? — проводив взглядом отставшую Исель, Кисара обратилась к гиритцу. — Я давно перестал бояться, девочка. Мы не можем позволить себе подобной роскоши, ведь если храмовники дрогнут перед лицом Скверны, представь, что случится с обычными жителями. — Он обвел глазающих на него людей мрачным взглядом. — Они знают, что мои братья даже ценой своих жизней будут защищать их, но это не убивает людской страх, лишь притупляет его. Но это поганое чувство никуда не пропадает, здесь даже воздух пропитан суеверным трепетом перед смертью.

— Это... ужасно, — Кисара смотрела на лица горожан, которые разительно отличались от других, принадлежавших тем, кто не родился в этом мрачном месте. Приезжие взирали на воинов-монахов с любопытством, а в глазах тех, кто вырос в Бродерио, читалось почтение.

В отличие от остальных, жители Ариарда видели в храмовниках промежуточное звено, между людьми и богами, почитая и преклоняясь перед ними.

— Взгляды побитых собак, — седой ветеран сплюнул под ноги. — Никакой гордости, они готовы сделать все, что мы им прикажем, лишь бы спрятаться за наши спины, в случае опасности.

— Мы существуем лишь для того, чтобы защищать их, брат Фалкон. — Идущий первым Алектис обернулся. Для человека он обладал отличным слухом. — Таково повеление нашего господина и отца Гирита. — Мы живем, чтобы служить. — Резко отчеканил ветеран металлическим голосом и Кисара, взглянув на него, удивленно расширила глаза — взгляд храмовника снова стал безжизненным и отрешенным, совсем не таким, каким был лишь мгновение назад.

— Все мы существуем лишь во служении, — одобрительно произнес Алектис. — Посему не стоит забывать, что долг наш, как избранных сынов бога Защитника — оберегать паству Его и всех нуждающихся. Служить защитой от Скверны — вот для чего мы родились. Грудь храмовника — щит самого Гирита, если за ней бьется праведное сердце.

— Мы — щит Его. — В один голос произнесли храмовники, ударив себя правой, сжатой в кулак рукой, в латные нагрудники, за которым бились их сердца.

Глухой звук пяти ударов, слившихся в один, заставил Кисару вздрогнуть.

— Да они настоящие фанатики, — шепнула южанке на ухо Исель, снова догнавшая подругу. Накинув на голову капюшон, она добавила: — Я раньше никогда не видела их так близко, просто мурашки по коже.

Кисара согласно кивнула, мысленно поблагодарив Гвинет, не отпустившей ее в одиночку. Если бы не друзья, девушка даже представить не могла, каково бы ей пришлось в

компании бездушных.

Обернувшись, заклинительница посмотрела на Калеоса и Таллага, шагающих следом за ней, и мужчины весело улыбнулись.

Улыбка темного эльфа, чье лицо почти скрывал капюшон, вышла едва заметной, но Кисара нисколько не сомневалась в ее искренности, точно так же, как и в широком оскале Таллага, демонстрирующего окружающим почти все свои зубы.

Мысль о том, что друзья с ней, успокоила южанку, и она не смогла сдержать ответной улыбки, казавшейся столь неуместной в пропитанном страхом и напряжением Бродерио.

Кисара поплотнее запахнула куртку — за время жизни во Фририарде, она успела привыкнуть к погоде, сильно отличающейся от зноя ее родины, но этот город казался южанке особенно холодным.

Серая атмосфера ближайшего к Потерянным землям города не способствовала общению, а нарастающий шум дождя и тоскливо завывающий ветер делали все возможное, чтобы заглушить те короткие фразы, которыми обменивались члены отряда.

Точнее говорили лишь темные эльфы. Кисара с Таллагом и гиритцы, выглядевшие еще более отрешенно нежели обычно, в абсолютном молчании шагали по лужам, глядя прямо перед собой. Возможно близость Потерянных земель, ставших пристанищем Скверны, подобным образом влияла на рыцарей. Они выглядели напряженными и собранными, словно стрелы готовые сорваться с тетивы лучников.

Неожиданно Алектис остановился. Гиритец медленно осмотрелся, скользя цепким взглядом по серым из-за дождя стенам домов. Взор монаха замер на увитом засохшим плющом, высоком, трехэтажном строении с острой крышей, выложенной дорогой черепицей. Алектис сделал короткий шаг в направлении дома, после чего вновь остановился, словно в нерешительности.

— Брат Гирион, — тихо позвал храмовник, не сводя глаз с плотно зашторенных окон. — Сколько верных воинов Гирита в Бродерио сейчас?

— Я полагаю, что только мы, пастырь. — Не задумываясь, ответил рыцарь. — По велению пастыря Хараата, несшие здесь службу братья отозваны к Стене, в оплот Вечного Бдения, чтобы участвовать в нашей миссии. Братья, которым надлежит принять ответственность за охрану города, придут в Бродерио после вечерней службы в главном монастыре Гирита в столице. Это случится перед закатом.

— А как давно мы проверяли город на чистоту? — Еще один шаг приблизил Алектиса к дому, мало отличавшемуся от остальных, но, почему-то, привлечшему внимание гиритца. — Как и положено по предписанию, в конце месяца?

— Именно, — Гирион кивнул. — Не далее как два десятка лун назад, по завершению последнего месяца Благодетельницы, брат Криниг сообщал в главный монастырь о проведении проверки. Я сам говорил с ним.

Теперь уже не только Алектис, но и все храмовники смотрели в сторону особняка.

Случайные прохожие, стоило им увидеть стоящих на дороге бездушных, поспешно кланялись и отходили прочь, не смея приближаться к гиритцам. Но так поступали не все — на улице собралось больше десятка желающих посмотреть, что же привлекло внимание храмовников. Отсутствие страха и почтения в глазах свидетельствовали о том, что зеваки родились не в Бродерио и даже не в Ариарде: немолодая пара, двое мужчин в легкой броне сопровождающие третьего, одетого в дорогие меха, скорее всего, прибыли из Фририарда. Хмурый дворф, тянущий за собой небольшую телегу, забитую каким-то хламом, так же

остановился, то ли чтобы перевести дух, толи чтобы потешить любопытство. Пара его помощников-гномов, застыли рядом, поставив на землю деревянные короба и тут же усевшись на них.

Вышедшие с соседней улицы фигуры в плащах с капюшонами, уберегающими владельцев от дождя, остановились. Они собирались отправиться в сторону врат Пути, но, обернувшись, решили задержаться и посмотреть на происходящее.

Движение с боку привлекло внимание Таллага и он, резко обернувшись, увидел три любопытные детские мордашки высывающиеся из ближайшей подворотни и с неподдельным восхищением глазающие на гигантов-храмовников в черной, как смоль броне. Хмыкнув и шутливо пригрозив детишкам пальцем, Таллаг вновь обратил свой взгляд к дому, на пороге которого уже стояли Алектис и Гирион. Пастырь жестом попросил всех держаться снаружи и неожиданно аккуратно постучал в дверь костяшками пальцев.

Ничего не произошло.

Алектис постучал еще раз. Теперь более настойчиво.

— Мы рыцари храма Гирита Защитника. Именем Его призываем открыть дверь. — Казалось бы, спокойный голос пастыря отчетливо прозвучал в шуме дождя и вое ветра.

Призыв храмовника остался без ответа, однако, как оказалось, его и не требовалось. Стянув перчатку, пастырь провел рукой по лакированной, покрытой паутинкой трещин двери, плотно прижав к ней ладонь. Дерево оказалось холодным, но не таким, каким должно было быть при такой погоде, а отталкивающе ледяным. Через трещины, выглядящие уродливыми шрамами на казавшейся новой лакированной поверхности дерева, струился едва заметный черный туман, видеть который мог далеко не каждый.

Лицо храмовника заострилось, а в выцветших глазах на миг всколыхнулась волна гнева.

— Скверна, — одними губами прошептал Алектис, но Гирион услышал его.

Собравшиеся продолжали выжидательно наблюдать за бездушными, а те, в свою очередь не спускали глаз с особняка. Повернувшись к своим братьям, Гирион, по очереди взглянул на Стрета, Риона и Лертаса, затем легким движением головы указал на дом. Трое храмовников, без слов понявшие приказ рыцаря-защитника, двинулись в обход и замерли, каждый напротив одной из стен, взяв оружие наизготовку. Фалкон остался на месте.

— Вы не подчинились, и пусть теперь Гирит будет вашим судьей. — Со скорбью в голосе произнес Алектис, отходя в сторону.

Сделавший широкий шаг вперед Гирион, как показалось окружающим, совсем легко толкнул внушительную дверь латным наплечником, но та с глухим звуком сломалась и, сложившись пополам, упала внутрь дома.

Рыцарь-защитник, пригнувшись и развернувшись боком, первым вошел в дверной проем, маловатый для его габаритов. Доспехи храмовника в нескольких местах зацепились за дверной косяк, через пару ударов сердца затрещавший и упавший на порог изуродованными щепками.

Едва фигура в черной броне скрылась из виду, как окно второго этажа со звоном расколосось, и из него выпрыгнул человек.

Мужчина с грязным лицом и спутанными волосами, непрерывно трясуший головой, и бормочущий невнятные слова, рухнул на камни, совсем рядом с Кисарой.

Девушка едва успела отступить назад.

Послышался хруст костей, и лужи на мостовой окрасились в грязно бурый цвет. Тело ударившегося о землю мужчины замерло в неестественной позе, неуклюже подогнув ноги и

широко раскинув руки.

Зеваки с ужасом отпрянули назад, а южанка прикрыла рот ладонью. Сквозь завесу испуга и шока к ней вдруг прорвалось чувство, которое может безошибочно определить любой демонолог — близость существа из Бездны.

Кисара не успела открыть рот, чтобы предупредить всех, как мужчина, только что неподвижно лежавший на камнях, вдруг вскочил, взглянув в лицо южанке безумными, покрасневшими глазами.

Что-то темное метнулось вперед, и ладонь в черной латной перчатке легла мужчине на лицо, почти полностью скрыв его от взгляда Кисары.

— Надо же, как живучий, — с нескрываемым презрением процедил сквозь зубы Фалкон, без усилий приподняв взрослого мужчину над землей одной рукой. — Почти обратился, еще бы чуть-чуть и смог бы принести жителям много проблем.

— Жена... — прохрипел мужчина, слабо шевеля ногами, которые, судя по его недавней позе, должны были быть сломанными. — Она больна и я... Я, наверное, тоже...

— Так и есть, — седой гиритец едва заметно кивнул, бесстрастно глядя на впалую, изъеденную язвой щеку своего пленника.

Подняв взгляд выше, монах наткнулся на полный страха глаз, чей начавший распадаться зрачок беспомощно бился из стороны в сторону, не фокусируясь ни на чем. Гнилые зубы пленника безостановочно стучали, и он силился что-то сказать, но изо рта, вместо слов, вытекла лишь кровавая слизь. Руки с пальцами, ногти на которых были содраны, заскользили по закованной в броню руке Фалкона, оставляя на ней кровавые следы.

— Этот человек... — Кисара старалась не смотреть на бьющегося в тисках руки храмовника мужчину. Она чувствовала, как в обрывках его души мечутся остатки сознания, а во впалой груди все еще бьется сердце, пусть и пораженное Скверной.

— Это уже не человек, — бесстрастно ответил Фалкон, резко произнеся то, что не хотела признавать южанка. Пальцы бездушного сильнее впились в лицо несчастного, разрывая кожу и продавливая мясо.

— Эй! Ты же... — Таллаг решительно шагнул вперед, не желая смотреть на мучения неизвестного ему мужчины, но в этот момент, пальцы Фалкона сомкнулись и зверолоуд замер, глядя на то, как голова незнакомца сминается под ладонью гиритца, словно гнилой плод, разбрызгивая в стороны кровь и бурую жижу.

Отвратительный хруст черепа и резко оборвавшийся хрип пораженного скверной мужчины, прозвучали с пугающей четкостью, после чего послышался глухой звук — обезглавленное тело упало в лужу под ногами храмовника. Неожиданно судорога прошла по мертвецу, и его пальцы заскребли по мостовой, ноги забили по камням, а спина выгнулась дугой.

— Гирит не защищает тех, кто отвернулся от Его божественного света! — прорычал Фалкон и с силой наступил корчащемуся телу на грудь.

Тяжелый латный ботинок храмовника без труда сокрушил ребра, проломив грудную клетку и пригвоздив к земле затихшего теперь уже навсегда мертвеца.

Испуганные дети, за спиной Таллага заплакали.

Гирион слышал, как разбилось окно в одной из комнат, но даже не отвлекся, чтобы посмотреть, что случилось. Идущий следом за ним Алектис указывал путь, а обо всем остальном позаботятся боевые братья оставшиеся снаружи.

Рыцарь-защитник с трудом миновал узкий для себя коридор, разломав висевшие на стенах полки и раздавив опрокинутый когда-то горшок с увядшим цветком. В доме царило запустение и разруха: повсюду скопилась пыль и мусор, словно хозяевам совершенно не было дела до вида их жилища, кое-где даже начали появляться пятна плесени.

Спертый воздух отдавал сыростью и в нем угадывался едва ощутимый смрад разложения, который храмовник почувствовал, оказавшись в просторной комнате, где обнаружил две лестницы, ведущие в подвал и на верхние этажи. Скверна отравляла все вокруг себя, заменяя новое — ветхим, здоровое — больным, а жизнь — тленом разложения.

— Сначала осмотрим то, что вверху. — Алектис взглядом указал на тянущиеся вверх ровные ряды ступеней из потемневшего дерева.

Гирион не стал противиться воле пастыря, хотя сам он предпочел бы спуститься в подвал и встретиться лицом к лицу с тем, кто там прячется. В том, что источник Скверны именно внизу, гиритец не сомневался. Опыт подсказывал ему, что гниль всегда жмет к земле, там не слышно молитв и не видно солнечного света.

Гирион чувствовал, как что-то темное замерло в тревожном ожидании, и двуручный меч храмовника с шелестом покинул заплечные крепления. В слишком узких, для крупного монаха, помещениях от грозного оружия было мало проку, но нечеловеческая сила Гириона вполне позволяла ему наносить и колющие атаки клинком, который смог бы удержать далеко не каждый мужчина.

— То, что прячется внизу от света Гирита, никуда не денется, брат. Оно застигнуто врасплох и зажато в угол, а посему будет драться до последнего. — Алектис почувствовал сомнения Гириона. — Я не хочу, чтобы в разгар боя нам ударили в спину. Поднимайся сразу на последний этаж.

Рыцарь-защитник кивнул, признавая правоту пастыря, и его латный сапог опустился на первую ступень, жалобно скрипнувшую под весом монаха.

Подниматься Гириону пришлось боком, так как его ноги оказались слишком крупны для ступеней. Алектис, некоторое время стоявший внизу и смотревший на спуск, ведущий в подвал, пробормотал короткую молитву Гириту и огляделся. Взгляд пастыря стал пустым, сейчас он более явственно ощущал присутствие Скверны, пропитавшей эти стены. То, что показалось ему неясным видением на улице, сейчас превращалось в отчетливую тень. Сосредоточившись, храмовник начал шептать молитву богу-защитнику: — Тот, кто защищает нас от Скверны, тот, кто дает детям своим силу служить своим щитом, тот, кто ведет нас по праведному пути, прошу, освети это место, разгони мрак и позволь мне увидеть истинное Зло, дабы сокрушить его, во имя твое.

Последнее слово короткой молитвы сорвалось с губ храмовника, вместе с горестным вздохом. Гирит Защитник, как и прежде, не обращал свой взор на тех, кто называл себя его детьми. Нынешние гиритцы обладали лишь малой толикой бывшего могущества ордена, и от этого у Алектиса щемило в груди.

Никто из ныне живущих храмовников точно не знал, почему их бог отвернулся от них, никто не ведал, чем они провинились перед Гиритом и каждый боялся думать о том, что будет с орденом дальше.

Все больше и больше братьев Алектиса погибали, практически лишенные

благословения. Те, кого боевые братья называли пастырями, сами с трудом находили отблески серебристого света в окружающем мраке, из последних сил стараясь провести всех по неясному пути.

Но монахи продолжали держать все это втайне от жителей Ариарда, в чьих глазах они до сих пор оставались единственными защитниками. Освященное древнее оружие и броня, передававшиеся теперь от погибшего гиритца — война тому новичку, что должен сменить его, да остатки дара пастырей — все, что некогда могущественный орден мог сейчас противопоставить Скверне.

Выращенные на непрекращающихся молитвах, нынешние храмовники уступали в силе своим предшественникам все больше и больше, и гибли гораздо быстрее, не в силах на равных сражаться с крепнущими силами Зла. Каждый раз, когда в храм-монастырь приносили новорожденных младенцев, Алектису становилось горько от осознания того, какая судьба уготована невинным детям.

Только несгибаемая воля и нерушимая вера помогали пастырю не сойти с выбранного пути. Он был убежден, что все происходящее это испытание, которое Гирит выбрал для своих детей. Если они будут стойкими, если они не убоятся судьбы и продолжают служить щитом бога, то он вновь обратит свой милостивый взор в их сторону.

Вот во что верил Алектис и те рыцари, что сейчас отправились с ним. Они не отступят, пусть даже в конце пути их ждет смерть, они с честью будут идти к своей цели и сбросят свое бремя, бремя бездушных. Таково их проклятье и их путь.

Решительно сжав кулаки, пастырь ступил на лестницу и сразу же почувствовал слабое биение Бездны наверху. Алектис поспешно склонил голову, возблагодарив Гирита за это короткое видение и за то, что он позволил ему еще раз послужить проводником своей божественной воли. На миг в разуме пастыря зародилась мысль о возвращении божьей милости. Смогут ли они отыскать ответы в обители Нерушимых Врат? — Мы сможем, или же погибнем, пытаюсь, как и те, кто отправился в Оскверненные земли до нас. — Произнес Алектис, обращаясь к самому себе, но Гирион его услышал.

Рыцарь-защитник был полностью согласен с пастырем. Он, как и его братья видели свой священный долг перед Гиритом в том, чтобы служить щитом от Скверны. Но без благословения бога орден, рано или поздно, сгинет и тогда ничто больше не сдержит тьму. Пока ее продвижению мешала стена Святой Преграды, воздвигнутая на останках павших в бою сидонитов. Мощь Стены не вызывала сомнения в том, что Сидоний Воздаятель, по-прежнему, благоволит тем, кто отдал свои жизни сражаясь со Злом.

Гирион надеялся, что в главной обители сидонитов они смогут отыскать то, что поможет им самим вновь обрести благословение. Это был единственный шанс и, если потребуется, Гирион готов был отдать свою жизнь, лишь бы почувствовать прикосновение бога Защитника и вернуть ордену былую мощь.

Гиритцы неоднократно пытались отбить утерянную обитель сидонитов, но раз за разом терпели неудачу. Сейчас, у пастырей появилась какая-то призрачная надежда, и они пошли на осознанный риск. Если нынешняя миссия потерпит неудачу, орден долго не оправится от потерь, если оправится вообще. Для тех же, кто вызвался отправиться в проклятые земли, оставалось только два пути — победа или смерть.

Гирион был готов и к тому и к другому. — Наверх. — Алектис догнал рыцаря-защитника. — Поспешим. Оставался еще подвал. Что бы там не таилось, его тщательно скрывали и Алектис со стыдом готов был признать, что проходя по улице, он почувствовал

кого-то из прокаженных, а не то, что вызвало само распространение Скверны. Решив придерживаться первоначального плана, пастырь двинулся следом за рыцарем-защитником.

К тому моменту, когда Алектис перешагнул через последнюю ступень, Гирион уже стоял в центре небольшой комнаты, поочередно глядя на три двери, ведущие в разные стороны.

— Сюда. — Пастырь сразу же указал в сторону дальней стены, вдоль которой тянулась полка с горшками с торчащими из них сухими стеблями, утратившими свои цветы и уродливо изогнувшими серые стебли в потрескавшихся горшка.

Присмотревшись, пастырь увидел, что умершие растения погружены отнюдь не в землю, а в бурый перегной, в котором копошились склизкие черви, один вид которых вызывал омерзение. Под полкой полусидел, полулежал игрушечный медведь. Потрепанную мягкую ткань в некоторых местах покрывала коричневая корка, в которой угадывалась запекающаяся кровь, места, где ранее находились бусинки — глаза, были вырваны, что придавало игрушке весьма неприятный вид. Больше Алектис ничего рассмотреть не успел, так как Гирион начал действовать.

Сделав два широких шага, храмовник ногой ударил по замку, сорвав дверь с петель и вышибив доски косяка. Дерево еще не успело коснуться пола, когда рыцарь уже оказался внутри небольшой комнаты, чьи окна оказались плотно зашторены.

В ноздри бездушного сразу же ударил мерзкий смрад Скверны. Не замедляя шага, Гирион двигался вперед, давя сапогами детские игрушки и пачкая уличной грязью мягкий ковер, не сводя глаз с узкой кровати, отгороженной цветной занавеской, сейчас больше напоминающей творение безумного художника, использовавшего вместо красок кровь.

Разноцветная ткань потускнела и ссохлась, так что теперь нельзя было угадать, что изображалось на ней ранее. Но это не интересовало гиритца, так как он отчетливо видел богомерзкие символы нанесенные кровью поверх выцветших рисунков. Срывая занавеску и одновременно отводя назад меч для удара, храмовник скривился от омерзения, вызванного прикосновением к нечестивым символам.

— Игрушка... Вы не видели...

Тускло сверкнувший клинок Гириона пронзил сутулую и чрезвычайно худую женщину насквозь, не дав ей договорить. Отточенное лезвие легко пробило впалую грудь, выйдя из спины. Покрытое кровоточащими язвами лицо исказила гримаса боли. Бесцветные, потрескавшиеся губы искривились, обнажая почерневшие, начавшие крошиться зубы и в лицо гиритцу ударил отвратительный смрад.

— Игрушка... — руки женщины, заканчивающиеся начавшими срастаться пальцами и длинными когтями, беспомощно заскользили по широкому лезвию. — Вы не видели? — Она подняла невидящие, превратившиеся в бельма глаза на Гириона.

Гиритец не ответил и мощным рывком послал свое оружие вертикально вверх. Рыцарь — защитник никогда не колебался перед лицом Скверны, в этот раз смотревшей на него когда-то человеческими глазами. Благословенная сталь без труда рассекла кости женщины, разрубив ее почти пополам и покинув тело, перебив ключицу. Взметнувшееся было вверх лезвие, швырнуло кровавые капли на стены и потолок и резко рухнуло вниз, вторым ударом лишая прокаженную головы и плеча правой руки.

Безразлично переступив через бездыханное тело, Гирион взглянул на кровать. Тонкие губы рыцаря плотно сжались, и в голубых, как ясное небо глазах, сверкнул праведный гнев.

— Скверна не щадит никого, брат. — Встав рядом с рыцарем-защитником, Алектис

взглянул на расprostертое средь измазанных кровью простыней тело ребенка, крепко привязанное к спинке и ножкам грязными тряпками. На краешке изодранной ткани, пастырь увидел буквы на древнеимперском, складывающиеся в слова молитвы к Лигее Благодетельнице. Даже прикосновение ткани, благословленной молитвой, причиняло существу, рожденному человеком, но переставшего им быть, нестерпимую боль.

Тьма уже получила абсолютную власть над мальчиком, и он почти утратил человеческий облик: волосы облезли с морщинистой головы, усеянной множеством рогов, нос запал, рот превратился в разверзнутую пасть с длинными клыками и раздвоенным языком. Но страшнее всего были глаза — два бескрайних океана абсолютной тьмы, в которых плескалось яростное безумие.

То, что когда-то было человеком, теперь шипело богохульные речи, роняя на тощую грудь, дурно пахнущую слюну. Неестественно изогнутые сразу в нескольких местах конечности постоянно прибывали в резких движениях, каждое мгновение испытывая стягивающие их веревки на прочность.

— Видимо, Скверна первым отметила это несчастное дитя, — Алектис пристально вглядывался в полные ярости глаза. — Или же ребенок, как самый младший и слабый быстрее подвергся порче. Родители знали, что ждет их чадо, и пытались скрыть происходящее, — добавил пастырь, покосившись на труп женщины. — Гирит не прощает тех, кто отдал себя Бездне, их сердца чернее ночи и вместо вечного покоя они обретут лишь забвение.

— Вы и ваши лжебоги еще умоетесь своей кровью, жалкие рабы! — Прошипел ребенок гортанным голосом, по-прежнему стараясь освободиться. — Я пожру ваши души и...

— Ты умрешь, отродье. — Алектис отвернулся, не желая больше слушать подобные речи и давая понять Гириону, что тот может исполнить свой долг.

Пастырь успел сделать лишь шаг, как за его спиной опустился тяжелый меч рыцаря-защитника, разом перерубивший и тощее тело совсем по-детски взвизгнувшего мальчишки и кровать пополам, глубоко войдя в доски прогнившего пола.

— Подохните... — прохрипело порождение Скверны, сиюсья плюнуть в храмовника, но тяжелый сапог гиритца опустился на рогатую голову, превратив ее в бесформенную грудку плоти и костей.

В этот же миг громкий женский визг, казалось, пронзил весь дом.

— Подвал! — Алектис первым бросился к лестнице.

* * *

— Что ты за человек-то такой, а? — возмутился зверолод, наблюдая, как лужа зловонной крови растекается под изуродованным трупом, все еще придавленным ногой Фалкона.

— Жалеешь его? — Ветеран пристально изучал особняк, не глядя на собеседника. — Или переживаешь, что женщинам и детям пришлось это увидеть? Если так, то ты меня удивил.

— Да больно оно мне надо, переживать за них! — Таллаг шумно выдохнул через нос, скрестив руки на груди. — Тогда в чем дело? — Я несколько раз бывал здесь и знаю, что дальше по этой улице есть великолепная таверна, а ты только что отбил мне весь аппетит!

— Всегда считал ваше племя — забавным. — Седой гиритец невесело улыбнулся, если его лишь слегка растянувшиеся губы можно было вообще считать ухмылкой. — Но у нас в любом случае нет времени расслаиваться в тавернах, зверолод. Как только мои братья закончат...

— Что-то не так, — в пол уха, слушавшая неуместную беседу мужчин Кисара, с тревогой посмотрела на темный провал, где ранее располагалась дверь, выбитая Гирионом.

— Вот и я говорю, этот труп смердит, аж жуть, а дальше таверна...

— Нет, Таллаг, она не об этом! — Исель уже стояла рядом, и на ее красивом лице появилось выражение беспокойства. Красные глаза взволнованным взглядом скользили по дому. — Кисара, что случилось?

— Там внутри, что-то... — южанка не могла подобрать слов, чтобы описать свои чувства.

Толика демонической крови вдруг тревожно забила в жилах заклинательницы, и ощущение беспокойства очень быстро нарастало. Такое уже случалось с демонологом и не раз, когда для выполнения заданий мастера гильдии ей приходилось бывать в оскверненных землях, где ранее открывались врата в Бездну. Там она часто сталкивалась с измененными Тьмой существами и даже людьми, такими, как недавно выскочил из странного дома.

Но сейчас чувства Кисары отличались от тех, что вопреки ее воле запечатались глубоко в памяти. Южанка ощущала нечто иное, чем эхо Бездны, зажатое между усиленных берегами стен. Что-то темное и жуткое зарождалось внутри стоявшего перед ней дома.

Прочитав страх в глазах Кисары, Исель сбросила капюшон и взялась за лук. Натянув тетиву, темная эльфийка прицелилась в темнеющий дверной проем, ее брат поступил так же. Столпившиеся зрители обеспокоенно зашептались, инстинктивно отступив назад от обнаживших оружие незнакомцев.

— Намечается веселье? — хищно оскалившись, Таллаг развел руки в стороны и из его широких браслетов, охватывающих запястья, выступили длинные, похожие на когти лезвия. Зверолод принял низкую боевую стойку и ожерелья из клыков и резных косточек на его бычьей шее едва слышно зашелестели.

— Вы чего удумали? — Фалкон нахмурился, поднимая молот. Гиритец — воин не обладал чутьем пастыря и недостаточно доверял южанке и ее предчувствиям, поэтому сразу же счел действия спутников опасными.

— Там внутри, — сделав над собой усилие, Кисара успокоилась. — Кажется, открываются врата...

Словно в подтверждение слов южанки из дома раздался громкий женский крик, переходящий в ужасный визг, плетью хлещущий по ушам. Мгновение и окна особняка разлетелись вдребезги. Волна темной энергии, сокрытая где-то внутри, выплеснулась наружу.

— Гирит, защити, — прошептал Фалкон, глядя, как черепичная крыша дома обрушивается.

Обломки досок и камня, крошки черепицы и облако пыли брызнули во все стороны, когда дом, словно взорвался изнутри.

Кисара слишком поздно поняла, что не успевает укрыться, как вдруг перед ней оказался Фалкон, закрывший девушку и ее друзей своей громоздкой фигурой. Широкая балка ударила храмовника в грудь, но тот даже не сдвинулся с места, когда дерево с треском сломалось о доспех.

По черному панцирю заколотили осколки камней и черепицы, один задел непокрытую голову рыцаря и рассек ему щеку.

Со всех сторон послышались испуганные крики, среди которых неприятно выделялись ужасные вопли боли — кого-то задело обломками. Таллаг, стоявший к Кисаре не так близко, как темные эльфы, ловко уклонился от булыжника, размером с его собственную голову, но от расколотого горшка уйти не сумел. Половина глиняной посуды, превратившаяся в размытое пятно, разбилась о лоб зверолода, заставив того попятиться и по-собачьи затрясти головой.

Над бровью Таллага открылась рваная рана, и он раздраженно зарычал. Но его голос, так же как и голоса остальных, были едва слышны в грохоте, с которым обломки разрушенного дома колотили о мостовую, стены и окна других зданий.

Пыль едва прекратила разлетаться, прибиваемая к земле усилившимся дождем, а мусор и земля еще продолжали падать с небес, когда яростный рев заставил чудом уцелевшие стекла соседних домов задрожать, так же, как и души тех, кто находился поблизости.

Не проронив ни слова, Фалкон резко выпрямился, его глаза горели холодной решимостью, а руки, сжимающие молот напряглись.

Когда фигура храмовника немного сместилась, Кисара увидела вырастающий из под завала силуэт, чем-то напоминавший странное животное. Но в десятки раз больше.

Если у южанки и оставались какие-то сомнения, по поводу того, что именно не так с этим домом, то теперь они полностью развеялись. В подвале скрывался не демон, а тот, кто может его вызвать, вот почему храмовники не сразу почуяли неладное. Чтобы ни случилось внутри, но кто-то смог открыть ворота в Бездну и призвать в этот мир одно из кошмарных созданий вечного мрака.

Огромное порождение Скверны запрокинуло уродливую морду и взревело, сотрясая, кажется, сами небеса. Оскаленная пасть с несколькими рядами кривых, но очень длинных зубов разверзлась, являя всем длинный язык, свисающий ниже массивной челюсти с костяными иглами бороды.

Шесть пар глаз демона, находящиеся в непрерывном движении, горели жаждой крови и он, опустившись на четыре когтистые лапы, больше походившие на стволы столетних дубов, сотканые из уродливой плоти и перетянутых пульсирующими жилами, взревел еще раз.

Окинув взглядом отвратительную фигуру, Кисара стиснула зубы — даже с помощью храмовников, справиться с подобным демоном будет непросто. Это, конечно, был не архидемон или же те, кто стоял немногим ниже в их сложной иерархии, о которой Кисара узнала от Миаджи, но и не обычное порождение Скверны.

Звероподобные демоны, прозванные опустошителями, обладали не только скудным до неприличия разумом, но и чудовищной силой, вкупе с жаждой крови и разрушения. Девушка не могла взять в толк, как подобная тварь вообще могла оказаться в городе, защищенном святынями, да и кто отважился бы призвать нечто подобное из глубин Бездны?

Лишенные имен, опустошители являлись полностью неконтролируемыми демонами. Впрочем, они всегда охотно отзывались на зов, без труда ломая волю призывателя, особенно если он был недостаточно опытен.

За мерзкой фигурой демона, разбрасывая в стороны щупальца из мрака, разрасталась огромная бурлящая клякса — формирующиеся ворота в Бездну. Кисара никогда не видела ничего подобного, она была уверена в своей правоте. Заклинательница демонов кожей ощущала ядовитое дыхание Скверны, вырывающееся из мрака. Она знала, что опустошитель

лишь тот, кто первым откликнулся на зов. За ним придут и другие.

Но ворота не могли открыться сами по себе.

Неожиданно слабое движение привлекло внимание Кисары и она, присмотревшись, увидела ее — необученное дитя с неконтролируемым даром, неосознанно навлекшее беду на себя и на свою семью. Южанка смотрела на нее, совсем еще молодую растрепанную девушку, в потемневшем от крови и грязи платье. Та стояла прямо под толстым брюхом демона и потерянным взглядом невидящих глаз рассматривала то, что осталось от дома. По ее покрывшейся струпьями коже щек стекали кровавые слезы, срываясь с дрожащего подбородка и капая на землю.

На лбу девушки неумело был вырезан символ расколотого солнца с изогнутыми, обломанными лучами — символ демонопоклонницы, который, судя по линиям, она нанесла себе сама, сломленная Скверной в своей крови. Не в силах подчинить откликнувшееся на ее зов существо, обладающая даром девушка сама стала его рабыней и помогла демону обрести материальное воплощение в этом мире. У босых ног девочки лежало окровавленное тело, почти сокрытое обломками и, видимо, послужившее жертвой для открытия врат.

— Порождения Скверны! — Голос Фалкона прогремел не хуже рева самого демона. — Именем Гирита я уничтожу тебя и тех, кто тебе поклоняется!

Старый храмовник неожиданно быстро для своего возраста и комплекции побежал вперед, на ходу вздымая молот. Ринон, Стрет и Лертас, так же, устремились к порождению Скверны с разных сторон.

Даже перед лицом столь опасного противника, как опустошитель, бездушные не ведали страха.

— А мы что, стоять будем? — Таллаг, чье лицо наполовину заливала кровь, взглянул на Кисару, рассудив, что в вопросах демонов она разбирается лучше. — Ух!

Восклицание зверолода было вызвано мощным ударом усеянного шипами хвоста, которым опустошитель встретил заходящего к нему сбоку Лертаса. Храмовник успел вскинуть щит, но сила удара оказалась столь чудовищной, что гиритца сорвало с места и он, пролетев почти через всю улицу, врезался спиной в стену одного из домов. Проломив кладку, он скрылся вместе с обломками где-то внутри. Мгновением позже когтистая лапа ударила Ринона в грудь. Доспех выдержал, и воин успел отразить вторую атаку копьем — длинные когти скользнули по древку, врезавшись в черный наплечник и оставив на нем глубокую борозду.

Ринон упал на колени и едва не погиб, но оказавшийся рядом Стрет встретил щитом новую атаку демона, полоснув того клинком по лапе. Порождение Бездны взвыло, но его вой тут же прекратился, так как Фалкон в длинном прыжке ударил молотом точно в широкую грудь противника. Кисара, словно замороженная, смотрела, как гиритцы сражаются с демоном, почти не замечаящим их атак. Где-то поблизости запели тетивы, и темные эльфы принялись обстреливать демона, метя в глаза.

Между тем, ворота в Бездну продолжали разрастаться и черные щупальца потянулись в сторону замороженных зрелищем людей. Те из зевак, кто находился ближе всех, безвольно застыли на месте, не в силах противиться манящему зову. Еще немного и они будут порабощены Скверной, став новыми жертвами, коим уготовано укрепить приоткрывшуюся дверь в мир безумия. Взбешенный демон вертелся волчком, не давая храмовникам приблизиться, и постоянно атакуя. Его кривые когти рассекали воздух с ужасающей скоростью, иногда задевая гиритцев, но те, не смотря ни на что, продолжали бой.

Монахи сражались молча. Молча сносили и страшные удары, мгновенно убившие бы обычного человека.

Мельком обернувшись, Ринон выкрикнул предупреждение парализованному страхом мужчине в дорогой одежде, замершему неподалеку. Но тот не слышал гиритца. Единственный из зевак, кто сделал шаг в вратам, вместо того, чтобы убежать куда подальше при появлении демона, сейчас полностью лишился воли. Он даже не вскрикнул, когда лапа демона схватила его, ломая кости и отправила в клыкастую пасть.

Зубы опустошителя с лязгом сомкнулись.

— Вас всех ждет смерть! — эти слова принадлежали девочке, по-прежнему стоящей у ног демона. Пусть ее губы и шевелились, но голос никак не мог принадлежать человеку — грубый, коверкающий слова и неизмеримо злорадный. Он словно был соткан из множества голосов, каждый из которых звучал по-разному, но в то же время одинаково.

Одинаково пугающе.

Некогда человеческое дитя, раскинуло руки в стороны, словно купаясь в крови, пугающим дождем стекающей с подбородка, возвышающегося над ней чудовища.

— Девочка! — выкрикнула южанка. — Убейте ее, демон питается ее силой!

Кисара понимала, что по сути, та, что открыла врата и призвала опустошителя, уже мертва и ее дальнейшая судьба predetermined. Ее сознание поглощено демоном, а тела и магической энергии не хватит надолго, но этого уже не требовалось тому, кого она впустила в этот мир.

Опустошитель теперь принял свою полную форму и вполне способен насытить себя сам. Призыватель нужен ему лишь для того, чтобы прятаться за его духом от взора светлых богов, но скоро и этого не потребуются. Материализовавшегося в этом мире демона могла остановить лишь смерть. Но он вполне мог продержаться достаточно долго, чтобы не дать храмовникам запечатать врата в свой мир и дожидаться собратьев, что вырвутся оттуда.

Как бы то ни было, южанке не пришлось повторять дважды. Темные эльфы мгновенно сменили цель, послав стрелы в смеющуюся прокаженную. Одна стрела пробила тонкую шею навывлет, тогда как другая пошла точно в правую глазницу.

Но измененная Тьмой даже не пошевелилась. Она продолжала беззвучно смеяться, скаля гнилые, окровавленные зубы. Символ на лбу, вдруг загорелся темным пламенем, и шуплое тело начало меняться — Скверна полностью подчинила его.

Девушка изогнулась, и ее платье с глухим треском разошлось по швам, обнажая покрытое язвами тело. Кожа на спине лопнула, и сквозь нее проросли отвратительные отростки, похожие одновременно и на изувеченные крылья и на лапы огромного паука. Упав на четвереньки, оскверненная хрипло расхохоталась, и ее стошнило бурой слизью.

Еще две стрелы эльфов вошли в податливую плоть, пробив плечо и ключицу, но это не помешало прокаженной встать и ринуться в сторону стрелков. — Миаджи! — Кисара простерла правую руку вперед, резко выкрикнув формулу призыва.

Воздух перед южанкой потемнел, обратившись в ключья черного тумана, сформировавшиеся в девичью фигуру.

Кисара еще не успела закончить ритуал, как прокаженная прыгнула вперед. Стрелы эльфов нашли свою цель даже в воздухе, но теперь они не смогли повредить загрубевшей коже, отскочив от нее.

Когда оскверненную девушку и Кисару разделяло всего несколько шагов, Таллаг с глухим рычанием врезался в измененную. Оказавшись на расстоянии удара, он вонзил когти-

лезвия в покрытый слизью бок.

Зверолюд рванул руку вверх, чувствуя, как оружие с наслаждением вгрызается в гноящуюся плоть, но не смог ударить еще раз, так как вынужден был отскочить назад, чтобы избежать ударов отростков, появившихся из спины девушки.

Не попав по ловкому зверолюду, оскверненная, не замечая серьезного ранения, попыталась достать Кисару, занятую призывом.

Но южанка была отнюдь не новичком и призывала демона со всей возможной осторожностью, пользуясь сдерживающими формулами, которых попросту не могла знать та, что сейчас хотела отнять ее жизнь во славу владык Бездны.

Если бы одаренная девочка, сейчас превратившаяся в монстра, получила соответствующее обучение, то ничего бы не произошло. Но родители не замечали или не хотели замечать дара своего ребенка, чем обрекли и себя и ее на смерть.

Обладая темным даром, призвать демона было легко, но управлять им и не оскверниться — невозможно. Творящая формы призыва Кисара, глядя на приближающуюся к ней оскверненную, видела в ее безумных глазах свое возможное будущее. Такая судьба могла ждать и южанку, если бы не случайность и не записи отца. Только чудо и заранее подготовленный ее отцом ритуал, помогли тогда необученной Кисаре заключить договор с демоном, а не стать его жертвой, как неизвестная жительница Бродерио.

По правде говоря, Кисара могла призвать демоницу сразу, просто позвав ее по имени. Она даже позволяла Миаджи появляться самой, когда ей ничего не угрожало. Но сейчас был иной случай. Демонице предстояло драться, причем не с кем-то, а с порождениями Скверны, такими, как и она сама.

Задачей заклинательницы было оградить своего демона от пагубного воздействия Тьмы. Близость оскверненной, другого выходца из Бездны и открывающихся врат, вполне могли послужить причиной потери контроля или безумства для связанного договором демона, поэтому Кисара действовала предельно осторожно. Минуло лишь несколько ударов сердца.

Фигура Миаджи почти сформировалась, но оскверненная была уже рядом. Она резко замахнулась, но удлинившиеся когти ударились о щит Лертаса, вставшего на защиту Кисары.

Монах выбрался, наконец, из дома, чью стену ранее пробил. Он сделал шаг вперед, вздымая булаву. Отражая атаки оскверненной и атакуя, храмовник заставил ее отступить, оттеснив назад. Туда, где его братья сражались с порождением Бездны. Бездушные дрались слаженно и бесстрашно.

Ринон взмахом копья заставил порождение Скверны отдернуть голову и сразу же отступил за щит Стрета, а атаковавший с другой стороны Фалкон, обрушил молот на одну из лап чудовища. Хрустнули не выдержавшие удара кости, брызнула едкая бурая кровь, и демон поднялся на дыбы, поджимая искалеченную кисть к защищенной костяным панцирем груди.

Обезумев от злости и боли, опустошитель ударил шипованным хвостом, отбросив двух храмовников назад, и едва не снес голову Фалкону. Но старый ветеран, чуть не упав, сумел уклониться от когтей. Таллаг видел, как Лертас теснит оскверненную, но, все же, не может причинить ей вреда — его булава с невероятной скоростью вспарывала воздух, но в самый последний момент, почти обратившаяся в демона девушка избегала удара.

Зверолюд бросился на помощь храмовнику.

Легко перепрыгнув через монаха, Таллаг упал сверху на обращенную и вонзил когтилезвия в грудь врага. Зловонная кровь брызнула во все стороны, и когда Таллаг собирался ударить вновь, оскверненная пнула его ногами в живот, отбросив на такое расстояние, что

зверолюду показалось, будто он научился летать.

Однако жесткое приземление на деревянную телегу с грохотом разбило иллюзию полета. Не успел Таллаг подняться, ошеломленно трясая головой, как оскверненная, в два прыжка оказавшаяся рядом с ним, едва не отправила зверолода к великой Праматери Урсуле. Но в нее вдруг врезался размытый силуэт и два тела покатались по мостовой, шипя, словно безумные кошки.

— Помоги своим, бездушный, здесь мы сами! — Вытерев кровь из разбитой губы, бросил все еще не пришедший в себя Таллаг Лертасу, и храмовник, развернувшись, ринулся к своим братьям. Кисара чувствовала бешеную демоническую силу, бьющуюся в теле обращенной, та уже почти слилась с Бездной и перестала быть человеком, обретая могущество ценой своей души и приблизившись к той, с кем сейчас сражалась. Южанка прокусила губу, сплюнув теплую, с металлическим привкусом кровь на ладонь и принялась свободной рукой рисовать на коже символ усиления. Она редко так поступала, но силы оскверненной продолжали расти, и нужно было срочно что-то предпринять.

— Поторопись, сестрица! — крикнула, как всегда, неуместно ярко-одетая Миаджи, полоснув длинными когтями по впалому животу соперницы. — Она что-то задумала!

Вскинув голову, Кисара заметила, как темная энергия начала собираться вокруг оскверненной и, пробормотав проклятье, нанесла своей кровью последний штрих, завершающий фигуру усиления. Быстро добавив к заклинанию формулу меньшего освобождения, Кисара сбросила часть оков демонолога с призванного им демона.

— Печати с первой по третью — очищение! — выкрикнула южанка, освобождая свою подопечную от трех из девяти сдерживающих ее силу печатей.

Миаджи торжествующе расхохоталась, когда ее детское тело окутал черный туман, и оно начало увеличиваться в размерах. Желтое платье с треском разорвалось, конечности удлиннились, и теперь на месте девочки стояла взрослая женщина с черными, словно Бездна глазами.

Человеческая оболочка окончательно распалась и та, кого Кисара назвала — Миаджи, приняла свой истинный облик, получив от своей покровительницы часть сдерживаемой силы.

Она чем-то походила на оскверненную, но в демонической сущности Миаджи было что-то притягательное, заставляющее смотреть на нее не отводя глаз. Не изъеденная язвами гладкая кожа потемнела, красные, теперь ниспадающие до пола волосы, зашевелились, словно змеи, а за спиной выросли черные крылья.

Миаджи наклонила рогатую голову с прекрасным и, в то же время, пугающим лицом набок, растянув в улыбке пухлые губы и обнажив белоснежные, острые зубы. Длинный, заканчивающийся острым шипом хвост со щелчком ударил по брусчатке, и демоница плотоядно облизнулась, поманив соперницу пальчиком коготь на котором теперь больше походил на стилет.

— Давай поиграем, — промурлыкала Миаджи чарующим голосом, способным заставить любого смертного совершить ради нее все что угодно.

Благодаря тому, что она появилась на свет вне Бездны и сразу же заключила договор с заклинательницей, демоница выглядела иначе, чем ее сородичи. В Миаджи было гораздо больше человеческого, чем в остальных демонах и ее облик скорее вызывал трепет, нежели отвращение. Но внешний вид никак не сказывался на демонической силе.

Едва успев договорить, Миаджи поразительно быстро оказалась рядом с оскверненной.

Не прекращая улыбаться, она вонзила свои длинные когти в противника. Мощный взмах крыльев, поднял в воздух и демоницу и оскверненную.

Кисара, не мигая, наблюдала за продолжавшейся над крышами борьбой. Она почти закончила ткать формулу ослабления, теперь способную воздействовать и на обращенную но, увидев, что ее подопечная вполне справляется сама, швырнула невидимые знаки в демона, с которым сражались храмовники.

Как оказалось, очень вовремя.

Фалкон и Стрет встали между порождением Скверны и распростертым на земле Рином — удар хвоста демона повредил нагрудник гиритца и теперь, сквозь смятый, треснувший панцирь сочилась кровь.

Впрочем, и держащимся на ногах храмовникам сильно досталось — Стрета шатало из стороны в сторону, и он никак не мог справиться с оглушительным звоном в ушах, а Фалкон сильно припадал на левую ногу, седые волосы гиритца покраснели от крови.

Но рыцари продолжали сжимать оружие, не желая отступить перед порождением Тьмы. Поднявшись на дыбы, демон с силой ударил лапами по земле. Мощный, подобный землетрясению толчок заставил всех вокруг упасть, а тварь сразу же схватила Стрета. Храмовника было почти не заметно в огромной лапе чудовища.

Подоспевший Лертас обрушил булаву на бок врага и сразу же получил сильнейший удар в голову. Шлем защитил гиритца, но тот рухнул на колени, едва не выронив оружие. Второй удар оборвал бы его жизнь, но длинный меч, тускло сверкнув, рассек грубую кожу твари на задней лапе.

Поднявшийся из груды камней Гирион, вступил в бой.

Черные доспехи рыцаря-защитника покрывал слой пыли, но сам он выглядел невредимым.

— Мы щит Его! — Голос Алектиса разнесся над городом, а сам пастырь, с трудом поднялся на ноги, мысленно вознес хвалу Гириту за то, что оказавшийся рядом Гирион закрыл его собой, защитив от обломков рухнувшего дома.

Усиленное молитвами и защищенное доспехами, тело монаха-воина приняло на себя основной удар, так что пастырь, не обладающей столь внушительной физической силой, отделался лишь парой царапин. Теперь настал его черед защитить тех, кто идет за ним — Алектис бесстрашно шагнул навстречу обернувшемуся на его голос демону.

Воспользовавшийся заминкой Фалкон метнул свой молот, угодив демону в плечо. Пальцы твари разжались, и Стрет упал на камни.

Гиритец оказался жив. Он пытался встать на ноги, опираясь на меч, и взглядом ища на земле свой щит.

— Смотри на меня, отродье! — Выкрикнул Алектис, шагая навстречу демону и вытаскивая свой клинок, тут же вспыхнувший голубоватым сиянием. — Сегодня ты отправишься обратно в Бездну! Сегодня ты... Порождение Скверны взревело так громко, что у всех заложило уши, и слова пастыря растворились в поглощающем все звуке. Демон крутанулся, расшвыряв бросившихся на него храмовников во все стороны, словно тряпичные куклы, и ринулся на Алектиса.

Поднявшийся на ноги пастырь не сдвинулся с места. Он видел, как одна из стрел, выпущенных темными эльфами, вонзилась в глаз демону, а другая угодила в пасть, но тварь не обратила на это внимания.

Калеос и Исель, понимающие, что в рукопашной схватке с демоном, пользы они не

принесут, продолжали обстреливать порождение Скверны, даже осознавая, что их стрелы для него не более чем назойливое жужжание.

Это понимал и Алектис. Понимал точно так же, как и то, что его братья-храмовники не успеют на помощь. Пастырь надеялся лишь на своего бога. Но, отчего-то знал, что все это тщетно. Алектис вдруг ощутил себя слабым, неспособным ни на что, кроме пафосных речей стариком, который никак не может защитить остальных.

Возможно, так оно и было.

Алектис уже приготовился умереть и, встретившись с Гиритом, которому верой и правдой служил всю свою жизнь, спросить у него — почему он оставил своих детей, без благословения.

Но пастырь не умер. Его вдруг сильно толкнули, и Алектис кубарем покатился по обломкам, почувствовав, как от удара, предназначенного ему, затряслась земля.

— Не время помирать, старик! — Таллаг выпустил Алектиса. — Мы можем победить, а тебе надо запечатать врата! — Он вдруг указал рукой на небо, где Миаджи, разражаясь диким хохотом, терзала тело оскверненной.

Обращенная истошно кричала, каждый раз, когда когти демоницы рвали ее плоть, роняя на землю капли кровавого дождя, но не могла ничего противопоставить усиленной заклинателем демонице. Когти Миаджи вонзились в горло ее сопернице и та, оборвав свой крик, обмякла.

— Знай свое место, ничтожество! — демоница, чье прекрасное лицо исказила надменная гримаса, плюнула в закатившиеся глаза мертвой девушки и швырнула обмякшее тело вниз, насадив на шпиль украшавший крышу одного из домов. Сталь легко пробила спину оскверненной, выйдя из ее груди.

Огромный демон содрогнулся, почувствовав смерть той, что призвала его.

Этим воспользовались гиритцы — широкий меч Гириона пел, разрезая воздух и плоть демона, и оружие остальных храмовников вторило ему, обрушиваясь на врага.

— Сейчас! — Выкрикнул Таллаг, рванув выглядывающую из-за его спины рукоять. Зазвенели цепи, и в руке у зверолода оказался великолепной работы топор, украшенный дворфийскими рунами и искрящийся голубоватыми молниями. Серебряная цепь вытянулась из рукояти и, словно живое существо, обвила руку Таллага.

— Давай!

Кисара, вложившая все свои силы в формулы ослабления и сковывания, швырнула почти десяток знаков в демона. Истерзанное ранами, которые ему нанесли храмовники, тело опустошителя вздрогнуло, замерев лишь на миг, но этого мгновения хватило Таллагу, чтобы метнуть свой топор в отвратительную морду.

Сверкающее оружие пролетело рядом с толстой шеей, не задев ее, но это и не требовалось. Миаджи ловко поймала топор, быстро облетев вокруг начавшего шевелиться демона и обмотав удлинившуюся цепь вокруг его шеи, после чего с наслаждением вонзила оружие в усеянный шипами подбородок твари.

Только нечеловеческая реакция и быстрые крылья спасли демоницу от лап очнувшегося сородича.

— Убейте его! — отлетев на безопасное расстояние, Миаджи смотрела, как поднимающиеся на ноги храмовники бросаются в атаку на порождение Скверны, такое же, как и она сама.

Черное сердце демоницы радостно забило от вида крови и разрушений. Ее не

волновало, чье страдание, боль и страх она вкушает. Миаджи ликовала, и ее смех разносился над Бродерио.

Стиснув зубы, Таллаг потянул за цепь. От его рывка демон лишь слегка склонил голову, и проклятье сорвалось с губ зверолода — тварь оказалась сильнее, чем он думал. Неожиданно руки Таллага налились небывалой силой, и он услышал за спиной слова молитвы.

Встав на колени, Алектис истово молился. Он не замечал ничего и никого вокруг, произнося слова, которые знал с детства и повторял множество раз на протяжении своей долгой жизни. Пусть он и его братья лишены истинной божественной силы, но они остаются теми, кем были рождены — воинами Гирита.

И пришло время в очередной раз послужить богу Защитнику, пусть этот раз и окажется последним. Слова благословения становились все громче, и громче и вместе с молитвой пела душа Алектиса. Врата в Бездну прекратили расширяться и судорожно сжались, затрепетав от звуков молитвы.

Власть Тьмы над собравшимися вокруг людьми ослабла и те с криками бросились врассыпную.

— Еще чуть-чуть! — Ноги Таллага утопали в разнообразном мусоре, оставшемся от дома. Его мышцы уже готовы были лопнуть, а ладони нестерпимо жгла накалившаяся цепь, но он упорно продолжал тянуть.

Зверолод зарычал от напряжения — даже силы благословения пастыря не ему хватало, чтобы удержать вырывающегося и ослабленного демона. Будучи не посвященным в таинства храмовников, Таллаг не мог полностью впитать в себя силу их молитв.

Зато могли гиритцы.

Лертас и Стрет встали рядом со зверолодом и их латные перчатки сомкнулись на цепи.

— И раз! — Таллаг потянул изо всех сил. — Еще! — Он продолжал упираться, чувствуя, как демон поддается.

Расстрелявшие все свои стрелы темные эльфы, так же принялись тянуть за цепь, на которой то и дело вспыхивали молнии, по воле хозяина не причиняющие никому вреда. Таллаг знал, что силы его Громовержца будет недостаточно, чтобы навредить такому крупному демону, поэтому не тратил ее попусту, пока что.

В голове у Кисары звенело от напряжения из носа струилась кровь, но она все же продолжала атаковать тварь формулами. Черный туман клубился у лап демона, охватывая их плотными кольцами и мешая тому двигаться.

Кисара считалась сильным демонологом и вполне оправдывала этот негласный титул. Она легко могла бы справиться даже с несколькими десятками демонов, но не с опустошителем. Это безумное существо не подвергалось почти никакому воздействию и обладало чрезвычайным сопротивлением к магии, поэтому силы южанки были напряжены до предела.

Призывая на помощь все свое мастерство, девушка раз за разом опутывала тело порождения Скверны оковами контроля, чувствуя, как раскаляются на ее запястьях браслеты — обереги. Гирион и Фалкон снова и снова бросались на врага, чье тело покрывало уже множество ран, однако усеянный шипами хвост отбрасывал воинствующих монахов назад, не позволяя нанести смертельные удары.

Одно из ужаснейших порождений Скверны не желало сдаваться, отчаянно сопротивляясь. Зарывшись лапами в обломки и мотнув огромной мордой, демон едва не

вырвал цепь из рук удерживающих ее, повалив их всех на землю.

Однако торжествующий рев выходца из Бездны сменился воем боли, когда, все еще не оправившийся от раны Ринон, вложив все оставшиеся силы в прыжок, вонзил свое поднятое с земли копьё в переднюю лапу извечному врагу своего ордена.

Черная повязка соскользнула с лица молодого монаха, открывая пустую глазницу, перечеркнутую уродливым шрамом, тогда как второй глаз гиритца горел решимостью. Роня с губ капли крови, храмовник всем своим немалым весом налег на древко вошедшее демону в кость, и теперь расщепляющее ее.

Рванув изо всех сил, Ринон провернул свое оружие, чувствуя, как зачарованная древняя сталь с противным скрежетом трется о кость демона. Этот отвратительный звук казался гиритцу торжественным гимном, звучащем в его ликующей душе.

Он сделал это! Он вновь смог послужить своему богу и доказать, что честь оказанная ему при рождении, им заслужена. Ринон готов был принять смерть с чистым сердцем, но ужасные клыки демона сомкнулись рядом с его лицом, не причинив монаху никакого вреда.

Цепь не позволила демону забрать жизнь бездушного.

— Тяните! — Взревел Таллаг едва ли тише, чем до этого ревело порождение Скверны.

Цепь Громовержца заискрилась от ярких всполохов молний, с треском лопающихся по всей ее длине.

Голос Алектиса, поющий молитву Гириту Защитнику загремел с новой силой, наполняя всех окружающих мощью и решимостью...

И демон поддался.

Не устояв на поврежденных лапах, опутанный многочисленными формулами демонолога, опустошитель рухнул на колени, невольно склонив рогатую голову. Кисара видела, как почти одновременно взвились в могучих прыжках Гирион и Фалкон. Сначала сияющий голубым пламенем клинок ударил в основание шеи демона, глубоко войдя в оскверненную плоть, но все же не перерубив мощный хребет твари. Однако молот Фалкона, ударивший следом и по воле хозяина обрушившийся сверху, вбил меч еще глубже в тело врага, позволяя благородной стали вкусить еще больше демонической крови и раскрошить кости.

Чтобы избежать ударов хвоста, бешено колотящего во все стороны, гиритцы вынуждены были отступить.

— Отпускайте цепь, живо! В стороны! — Таллаг скорее рычал, чем кричал, но все, кто помогал ему тянуть за цепь, услышали голос зверолода. Темные эльфы, знающие, что сейчас произойдет, поспешно разжали пальцы, и, потянув за собой гиритцев, отступили назад.

— Ярость небес! — зверолод воззвал к сокрытой силе Громовержца и многочисленные разряды молнии, охватывающие цепь, одновременно взорвались, высвобождая древнюю заключенную в оружии магию. Раскаленные звенья с шипением заскользили по плоти все еще живого демона, пока не впились в рану, оставленную оружием храмовников. Таллаг рванул что было сил.

Цепь, несколько раз охватывающая шею твари, с лязгом сошлась и яркая вспышка молний ослепила всех вокруг.

Еще не обретя способность видеть, Алектис слышал, как сначала с глухим звуком голова демона упала на обломки, а потом, следом за ней, рухнуло и все громоздкое тело. Одновременно с этим врата в Бездну растворились в воздухе, оставив после себя лишь ключья черного тумана. Пастырь почувствовал, как город очистился от присутствия Скверны

и на миг, но ему показалось, будто он ощутил на себе взгляд самого Гирита.

Торжествующий смех Таллага возвестил всех о том, что демон мертв. Протерев все еще слезящиеся глаза, Кисара услышала топот. Обернувшись, южанка увидела спешащих к ним солдат из городского гарнизона и нескольких фигур в светлых одеяниях жриц Лигеи Благодетельницы. Пришло подкрепление, но это уже не имело значения.

Битва была выиграна.

Тепло очага

Дождь закончился, оставив после себя лишь лужи. В мутной воде отражались безликие дома Бродерио, ставшие свидетелями недавней схватки. Довольно большой город вновь погрузился в привычную тревожную дрему. Лишь его крохотная часть до сих пор содрогалась в кошмарах, от недавно случившегося. Липкий страх, невесомыми паутинками слухов расползлся по городу.

— Обязательно ему портить все веселье! — зло бросила вновь принявшая облик девочки Миаджи, кутающаяся в плащ, который отдал ей Калеос.

Недовольная демоница стояла рядом с Кисарой, с ненавистью глядя на Алектиса, начавшего нараспев читать молитву Гириту. Слова древних писаний приносили с собой не самые приятные ощущения порождению Бездны, пусть даже та и была защищена магией своей повелительницы.

— Я уйду. Девочка в ярком платье топнула каблучком и растаяла клубами черного дыма, оставив Кисару выслушивать спор зверолода и храмовника. Южанка устало вздохнула и подняла с земли упавший плащ темного эльфа.

Мужчины начали пререкаться почти сразу же после того, как Алектис прочитал молитвы очищения над всеми, кто сражался с демоном, а жрицы Лигеи излечили их раны. Магия жрецов остановила кровотечение, выгнав из ран заразу и затянув их края, однако такие явления как боль и слабость все же остались. От звуков молитвы Алектиса темные скверно пахнущие пятна демонической крови испарялись с одежды, оружия и брони, а след, оставленный ими на телах и в душах — исчезал. Пока он был незначительным, и пастырь легко уничтожил его, не дав Скверне разрастись.

Милостью Гирита Алектис, как и другие пастыри, мог уничтожать следы тлетворной заразы, но никто из них был не в силах спасти тех, кого дыхание Бездны коснулось в полной мере, таких как жители сейчас разрушенного дома.

— Как это нельзя?! — Таллаг с почти детской обидой взглянул в холодные глаза Гириона.

— Это Скверна. — В очередной раз повторил упрямый гиритец, преграждающий зверолоду путь к обезглавленному демону. Кровь опустошителя, покрывающая освященные черные доспехи монаха с шипением испарялась, — Я признаю твою храбрость, но не могу позволить тебе...

— Я просто вырву ему зуб, самый маленький, для ожерелья, честно! — клятвенно заверил храмовника Таллаг.

Кисара, которой уже надоело созерцать пререкания мужчин, еще раз тяжело вздохнула.

— Таллаг, прекрати, рыцарь-защитник прав, — произнесла южанка, и зверолод обжег ее полным обиды взглядом, словно мальчишка, которому мама отказалась покупать сладость. — Даже крохотная частичка может стать причиной разложения вначале твоей

души, а потом и тела.

— Все прекрасно знают, что мое племя неподвержено этой вашей заразе! У всех детей великой праматери Урсулы этот, как его... не оскверняем мы в общем, — Таллаг не стал утруждать себя попытками вспомнить слово, несколько раз слышанное им от Гвинет. — Да и вообще, то-то, я гляжу, Миаджи от тебя не отлипает, уж не осквернит ли она всех тут?

— Миаджи находится под моим контролем и не может причинить никому вреда, пока я не прикажу ей. Я демонолог, Таллаг, а ты — нет. — Кисару нелегко было смутить, особенно тому, кого она знает достаточно хорошо и долго, чтобы считать своим другом. — А что касается вашей неподверженности и вырожденному сопротивлению Скверны — то это результат трагедии...

— Произошедшей давно, но незабытой! — неожиданно зло огрызнулся зверолод.

Каждый из этого племени знал об истории своей родины. В далекие времена, до становления Империи, остров Стаи на протяжении нескольких столетий заливала кровь зверолодов и демонов.

Предки Таллага сражались с полчищами демонов, врывающихся в этот мир через огромные врата, открывшиеся в низинах под горами старого Хребта и названные впоследствии Гибельным разломом.

Неудержимые и гордые дети Урсулы не дрогнули, до последнего вздоха защищая свои земли, щедро заливая их вражеской кровью. Так продолжалось несколько поколений и когда остатки зверолодов, обессиленные, но несломленные, решили дать захватчикам последний бой в великом Урочище, шаманам племени явилась сама прамактерь Урсула, наградив самых стойких из своих детей двумя дарами — защитой от зла и безудержной яростью.

Первый дар защищал зверолодов от любых проявлений Скверны: даже залитые демонической кровью с головы до пят, предки Таллага не могли оскверниться. Второй дар Урсулы наполнял сердца и души избранных воинов отвагой и священным безумием, превращая зверолодов в воплощение гнева своей богини.

Словно лавина, воспрянувшие духом защитники острова обрушились на головы захватчиков, оставляя после себя горы трупов и обезображенных тел. Напор благословенных богиней зверолодов оказался столь страшен, что даже кровожадные порождения Бездны не смогли перед ним устоять.

Племя удалось пробиться к разлому и тогда шаманам, при помощи знаний Урсулы, удалось запечатать его.

Это была великая победа. Победа, заслуженная ценой крови и ставшая легендой не только на острове Стаи. Война, более известная, как война Беззвездного Неба, для зверолодов не закончилась, с закрытием разлома, еще две сотни лет они уничтожали остатки демонов, охотясь за ними по своим землям, чтобы окончательно вернуть остров себе.

Племя Таллага гордилось подвигом своих предков и каждый раз, когда на свет появлялся младенец, чье тело украшала отметка — вытянутое красное родимое пятно в форме окровавленного клыка, на левой половине груди, устраивался большой праздник.

Подобные младенцы рождались редко. Всякий, кто носил метку клыка, являлся воплощением гнева Урсулы, неся в своей крови дар кровавого безумия, ставшего для племени священным. Сам Таллаг подобным даром не обладал, как и большинство своих родичей, унаследовав лишь защиту от Скверны. Так же, от деда ему достался дар шамана, что позволило зверолоду обладать семейной реликвией — Громовержцем, верным топором,

рукоять которого сейчас сжимала рука зверолода. — Да хватит вам! Тварь мертва и сейчас-то ничего не происходит! — не сдавался Таллаг, жаждущий украсить свое ожерелье из клыков столь желанным трофеем, как клык демона.

— Только благодаря ему, — терпеливо пояснила Кисара, указав другу на коленопреклонённого Алектиса, непрерывно читающего молитвы очищения над обломками дома и оружием, испачканным в нечестивой крови.

— Только воля пастыря оберегает всех жителей от разложения Скверны! Для тебя демоны не опасны, но даже малая его часть может навлечь беду на неподготовленных людей. Думаешь, стража просто так никого не подпускает к демону?

— Нет, — все еще обиженно пробубнил Таллаг, окинув взглядом воинов, кольцом оцепивших место битвы.

Повинуясь приказу пастыря, солдаты останавливали любого, кто хотел подойти поближе. Особо любопытным угрожали копьями и клинками, и вполне небезосновательно. Закон Ариарда гласил — Каждый, кто подвержен ереси и Скверне должен быть немедленно передан в руки ордена Гирита Защитника или же убит на месте, после чего его останки надлежит очистить путем сожжения.

Нарушение прямого приказа пастыря расценивалось, как неповиновение светлому Богу и королю одновременно и, в любом случае, каралось смертной казнью.

Каждый житель Ариарда знал — лучше убить одного оскверненного, чем позволить ему разнести заразу. Жители Бродерио обходили место схватки стороной, осеняя себя знаменами светлых богов, а вот гости города подобным пониманием не отличались. По крайней мере, в начале.

Кисара видела, как какой-то, судя по одежде, благородный эльф попытался пройти через оцепление со словами, что его не интересуют здешние законы, и он немедленно должен отправляться в Нилазрион. Но стоило высокомерному эльфу сделать шаг, отодвигая в сторону направленное в грудь копье, как арбалетный болт выбил искры у него прямо из под ног, заставив отступить.

— Каждый, кто приблизится — умрет. — Угрожающе выкрикнул капитан стражи, взобравшийся на какую-то опрокинутую телегу, чтобы лучше следить за происходящим. Он был уже не молод, и его военная выправка говорила, что состарился он на своей службе. — Таков приказ благочестивого пастыря ордена Гирита Защитника!

Словно в подтверждение слов капитана, пятеро храмовников разошлись по сторонам, встав за спинами солдат оцепления. Даже опирающийся на копье Ринон, присоединился к братьям. Один только вид суровых гигантов в черной броне вселял трепет в сердца собравшихся и толпа, сразу же, отступила назад.

— Ладно, — наконец сдался Таллаг. — Я не стану трогать вашего драгоценного демона. — Что? — Он вопросительно посмотрел на все еще не сводящего с него глаз Гириона.

— Это ради блага твоих друзей.

— Да-да, — отмахнулся зверолод. Таллаг понял, что переубедить гиритцев ему не удастся. Всякие доводы здесь окажутся бессильны. Орден всегда предпочитал сводить риск на нет, возводя все в абсолют и доверяя лишь своему богу и его защите.

Тяжело вздохнув, Таллаг опустил голову:

— Вам лучше знать, — произнес он и, отойдя назад, уселся на крупный обломок стены, подтянув к себе свою сумку.

— Лучше не стоит, — Гирион сделал предостерегающий жест. — Если там какие-то нужные вещи — можешь их забрать, но еду и воду придется оставить. Ваши запасы не успели освятить, поэтому Скверна могла их коснуться.

— Слушай, хватит уже, а? Может мне еще штаны снять, и вы загляните в...

— Таллаг! — Исель отвесила зверолюду звонкую затрещину. — Прекрати ребячиться, это не шутки!

— Не шутки ей... Ха! — всем своим видом выражая недовольство, зверолюд демонстративно взял сумку двумя пальцами за край ремня и поволок за собой. Приблизившись к телу демона, он, коротко размахнувшись, швырнул ее в бок твари и, отряхнув руки о штаны, поинтересовался у Гириона:

— Теперь-то все?

— Да. — На лице рыцаря-защитника не отразилось никаких эмоций.

— Замечательно! — зверолюд собирался что-то добавить, но нарастающий гул толпы, заставил его умолкнуть и взглянуться поверх голов собравшихся. — Просто. Замечательно. — Последующее за этими двумя словами проклятье, Таллаг еле слышно прошипел сквозь плотно стиснутые зубы.

Толпа с обеспокоенным гомоном расступалась перед идущими к месту битвы людьми в черных доспехах. Еще четверо гигантов, возвышающиеся над зеваками, широко шагая, быстро продвигались вперед.

Солдаты опустили оружие, позволяя гиритцам пройти к развалинам дома. Помимо боевых братьев в Бродерио прибыли еще два пастыря, один — почтенный старец, другой наоборот, довольно молодой мужчина, видимо недавно получивший свое звание и сменивший сан послушника на более высокий.

— Агрет, займись домом, — голос старого пастыря оказался необычайно властным, а его длинный, сухой палец указал в сторону постройки, на чьем шпиле до сих пор висело тело оскверненной. — Возьми с собой брата Тиргита.

— Хорошо, — мужчина в табарде с семью черными лучами сделал знак одному из рыцарей и они оба отправились к дому, из которого Фалкон и Лертас уже давно вывели всех жильцов.

Пожилой пастырь проследовал к коленопреклоненному Алектису и, опустившись рядом с ним, поддержал молитву брата по ордену. Вновь прибывшие монахи-воины рассредоточились среди кольца стражи, охватывающие место гибели демона. С братьями по ордену они обменялись лишь ничего не выражающими взглядами.

— Может они еще и бубны достанут? Самое время для песен, плясок и ритуалов... — Таллаг пристально наблюдал за действиями храмовников.

— Не святотатствуй! — Жестко сказал зверолюду Гирион.

— На моей родине, знаешь ли, такое в порядке вещей, — не удержался от замечания Таллаг.

— Сейчас мы в Ариарде, а не на острове Стаи, так что соблюдай приличия. — Мирнолюбиво улыбающаяся Исель встала между рыцарем-защитником и зверолюдом. — Он просто расстроен невозможностью забрать трофей, не берите в голову, господин. А ты — заткнись, полоумный идиот! — зло шепнула она на ухо Таллагу, и тот засопел еще более обиженно, нежели раньше.

— Отдыхайте, пока можете. Наши братья из ордена позаботятся об этом месте, а мы скоро отправимся в путь. — Гирион взглянул на молящихся пастырей, прислушиваясь к

словам их молитвы. — Литания очищения почти окончена.

— Да что с тобой такое? — тихо спросила Исель, когда рыцарь-защитник отошел довольно далеко, чтобы не слышать их разговор.

Темные эльфы, согласно распоряжению Алектиса, получили от стражников новые колчаны со стрелами и ранее были заняты тем, что отбирали из них более-менее сносные, по эльфийским меркам.

Стрелы Калеоса и Исель, угодившие в демона теперь не годились для стрельбы — ядовитая кровь разъела дровко, а в немногочисленных торговых лавках Бродерио выбор не многим отличался от предложенного стражниками, поэтому стрелкам не оставалось ничего иного, кроме того, чтобы взять что дают. Видимо полученное снаряжение не вдохновило брата и сестру, поэтому сейчас они хмурились, то и дело, проводя пальцами по оперению стрел, покоящихся в заплечных колчанах.

— Ничего, — Таллаг вдруг улыбнулся, приобняв девушку за тонкую талию. — Просто плохое настроение. Но я знаю, как это исправить, — ладонь зверолода заскользила по спине эльфийки, легко скатываясь вниз.

— Притронешься ко мне еще раз без разрешения и я выпотрошу тебя, как дохлую рыбу, — лилейный голос Исель никак не вязался с ее леденящей кровь улыбкой. Да и стилет, что эльфийка приставила к поджарому животу зверолода, едва ли являлся проявлением снисхождения.

— Она всегда так холодна ко мне, — пожаловался Таллаг неслышно приблизившемуся Калеосу.

— Ничем не могу помочь, старина, — усмехнулся темный эльф. — Моя сестра — крепкий орешек.

— Ледышка она с дворфсийских Штормовых пиков, а не орешек, — зверолод развел руки в стороны, демонстрируя эльфийке открытые ладони. — Но мне такие даже нравятся, — он игриво подмигнул девушке.

— А мне нравятся следящие за собой мужчины, знающие, что такое — манеры. — Вернув зверолоду улыбку, Исель убрала стилет в ножны. — Но это точно не про тебя.

— Не стоит недооценивать меня! — Таллаг заметно повеселел. Как и все его племя, зверолод был вспыльчив, но довольно быстро отвлекался. Этой своей чертой он чем-то напоминал темной эльфийке щенка: вот он с рычанием скалит клыки и вдруг, позабыв обо всем, виляет хвостом, радуясь обращенному на него вниманию.

Но Исель знала, что если Таллаг надумает укусить, то запросто отхватит пол руки. Она не раз видела зверолода в бою и знала, что сражается он как загнанный в угол волк — до смерти. Словно подтверждая мысли девушки о своем животном происхождении, Таллаг затряс косматой головой из стороны в сторону, стряхивая дождевую воду с намокшей гривы волос.

Спрятав улыбку, Исель сказал зверолоду:

— Когда вернемся домой, возможно, я позволю тебе пригласить меня на свидание.

— Я это запомню и... — Таллаг осекся, увидев, как Гирион подошел к стоявшей в стороне Кисаре, разглядывающей труп демона. — Чего ему от нее надо?

— Ревнуешь? — Вскинул тонкую бровь Калеос. — Учти — надумаешь изменить моей сестре, и я не предупрежу тебя, когда она соберется вонзить кинжал тебе в спину.

— Когда между мной и Исель что-то будет, я сразу же вспомню о твоих словах. — Мрачный зверолод сделал шаг в сторону Гириона и Кисары, но эльфийка удержала его:

— Остынь, он не обидит ее.

— Пусть только попробует, — Таллаг скрипнул зубами. — Никто из них больше не посмеет навредить моей семье.

Глаза Исель удивленно расширились, но ее брат жестом попросил девушку молчать, и та согласно кивнула — сейчас не лучшее время ворошить прошлое.

* * *

— Зверолюд не слишком жалуется ордену Гирита? — от Гириона не ускользнуло вызывающее поведение Таллага. Даже сейчас он ощущал на себе неприятный взгляд разных по цвету глаз этого варвара.

— Это его личное дело, — пожала плечами Кисара.

Девушка отступила от трупа демона, который под воздействием молитв пастырей начал испаряться. Возможно, она бы понаблюдала за исчезновением демона еще, но общество храмовника, отчего-то, приходилось девушке в тягость. Рыцарь-защитник пугал южанку, заставляя постоянно быть настороже, так как она попросту не знала, чего ожидать от такого как он.

— Только до тех пор, пока зверолоуд не совершил чего-то, чего не следовало бы делать. — Вопреки невысказанному желанию Кисары, Гирион не отстал.

Еще раз взглянув на не спускающего с него глаз зверолоуда, рыцарь-защитник вновь повернулся к южанке.

— С чего такая забота? — прямо спросила Кисара, стараясь, чтобы ее голос не выдал волнения.

— Не мне говорить вам, что демоны бывают разными, разными, но одинаково злыми, — ровным полным нравочения голосом начал храмовник. — Не все они лишены рассудка, как тот, кого сегодня, с божьей помощью, нам удалось низвергнуть. Некоторые порождения Бездны хитры и изворотливы и, когда мы окажемся за стеной, они, несомненно, попытаются уничтожить нас, возможно, руками вашего друга. — Рыцарь замолчал и его тяжелый взгляд буквально приковал Кисару к месту.

— Таллаг не предаст...

— Вас — возможно, — согласился Гирион. — Но он может подставить под удар всю нашу миссию. Я думаю лучше оставить его...

— Если чем-то недоволен — оставайся здесь сам! — С вызовом произнес Таллаг, чей острый слух позволил ему слышать каждое слово храмовника. Мужчина обнажил острые клыки в хищном оскале, разом став похожим на дикого зверя.

— Таллаг, — Исель положила руку на плечо зверолоуда, но тот грубо стряхнул ее, в три прыжка оказавшись перед рыцарем и прорывав:

— У меня есть причины ненавидеть твой орден, но это мое личное дело и оно касается только меня. Так что если у тебя есть вопросы — задавай их мне и не вмешивай моих друзей.

— Твоя вспыльчивость может сослужить нам дурную службу. — Спокойно ответил Гирион, глядя на застывшего перед ним зверолоуда сверху вниз.

— Прекратите, — властный голос Алектиса заставил мужчин замолчать и обернуться к пастырю. — Мы поговорим об этом позже, сейчас нам пора отправляться в путь. Пастырь Риконс и пришедшие с ним братья, позаботятся о городе и о его жителях. — Он легким

кивком указал на старого пастыря, о чем-то говорившего с пришедшими с ним монахами.

— Как Вам будет угодно, — тут же склонил голову Гирион.

— Брат Ринон, — Алектис подозвал молодого гиритца, все еще тяжело опирающегося на копьё.

Ринон встал, легким кивком поблагодарив хлопотавших над его раной жриц. Сильно хромая он приблизился к пастырю и, преодолевая оставшуюся боль, выпрямился. — Ты останешься здесь, пусть жрецы Лигеи и исцелили твои раны, но им все равно нужно время для полного заживления. Так же я возлагаю на тебя защиту этого города, помощи остающимся здесь братьям. — Алектис осенил монаха знаменем Гирита.

Раненный гиритец кивнул и сделал это абсолютно без эмоций, словно он не чувствовал боли или же не хотел отправиться с братьями по оружию. Ринон просто кивнул и направился к пастырю Риконсу, по пути даже не взглянув на гиганта в черных доспехах, идущего к Алектису.

Как и Гирион, неизвестный гиритец носил табард с шестью лучами и был вооружен мечом и щитом, с красовавшимся на нем символом бога-защитника. Свой шлем, он нес подмышкой, позволяя всем видеть грубое, но открытое, гладко выбритое лицо, рассеченное несколькими параллельными шрамами — видимо следом от когтей какого-то демона. Голова монаха была обрита и прямо на лбу вытатуирован знак Гирита, в точности повторяющий изображение на табарде и щите храмовника.

— Это рыцарь-защитник Колд. Он отправится с нами. — Не говоря больше ни слова, Алектис развернулся и пошел прочь.

Храмовники, пришедшие в Бродерио вместе с Алектисом, последовали за пастырем, к ним присоединился и Колд. Лишь Фалкон остался на месте, выжидаяще глядя на Кисару и ее друзей.

— Особого приглашения ждете? — ветеран-храмовник заломил седую бровь, недовольно скривив губы.

— От вас дожدهшься, — в голосе Таллага сквозило недовольство. Он рывком поправил сползающую с плеч безрукавку и недовольно заворчал что-то себе под нос.

— Работа есть работа, друг. — Примиряющие улыбнулся Калеос. — Нужно лишь сделать ее и награда не заставит себя ждать.

— Только на это и надеюсь, — подмигнув Исель, зверолод улыбнулся, обнажив клыки.

— Вы все еще можете остаться, — снова вмешался Фалкон. — Нам нужна лишь заклинательница.

— Тогда мы пойдем, только чтобы позлить тебя. — Таллаг первым двинулся следом за гиритцами, шлепая высокими кожаными сапогами по лужам. Он встряхнул гривой своих волос, сбрасывая с них капли дождя и, обернувшись, добавил: — Чего застыли? Быстрее начнем — быстрее закончим.

Прежде чем сдвинуться с места, Кисара почувствовала на себя несколько внимательных взглядов. Обернувшись, девушка наткнулась на цепкий взгляд старого пастыря Риконса и его людей.

Храмовники чувствовали толику демонической крови в жилах южанки, ощущали они и демоническую ауру вокруг нее — след от призыва Миаджи. Даже молитвы очищения не смогли скрыть дара Кисары, служившего для гиритцев причиной для беспокойства.

Они знали, что заклинательница находится в Светлых землях по праву и имеет соответствующие бумаги, разрешающие ей использовать темную магию, о чем

свидетельствовало кольцо на ее пальце. Но храмовники никак не могли смириться с присутствием того, что они считали абсолютным злом и с чем боролись всю свою жизнь. Южанка оставалась для них волчицей в овечьей шкуре, которая пусть и прибилась к стаду, но остается хищницей и может укусить.

Кисара прекрасно понимала это. Пусть она и привыкла к подобному отношению, но подозрительность гиритцев не могла не злить ее. Неожиданно девушка осознала, почему так неудобно себя чувствовала, общаясь с Гирионом — когда рыцарь-защитник спрашивал о ее самочувствии, но ведь вовсе не имел ввиду — получила ли заклинательница какие-нибудь раны или нет. Гириона интересовало лишь духовное состояние демонолога, после битвы с исчадием Бездны. Он проверял ее на лояльность и незамедлительно убил бы, обнаружив хотя бы намек на осквернение.

Вот что она видела в его холодных глазах, но не хотела осознавать. Вот какой приказ отдал рыцарь-защитник Фалкону. Помимо защиты южанки, седой гиритец должен был убить ее, если она поддастся влиянию Скверны.

К горлу девушки подкатил неприятный ком.

— Южанка, — Фалкон нетерпеливо кашлянул. — Если не поспешишь, то придется бежать, чтобы нагнать остальных.

— Да, простите, — встряхнувшись, Кисара поспешила следом за отрядом, и Фалкон пошел рядом, не отставая ни на шаг, олицетворяя в глазах южанки и стража и палача одновременно.

Они быстро двигались по серым улицам Бродерио, слушая мелодичный звон колокола венчавшего острый шпиль храма Лигеи Благодетельницы. Самого храма видно не было, он скрывался за десятками домов, в северной части города.

Но Кисаре не надо было смотреть на храм, чтобы знать, как он выглядит — все святилища богини-целительницы, выполнялись из белого мрамора и украшались величественными колоннами и изящными статуями, изображающими саму Лигею — красивую девушку в просторном одеянии пилигрима, с потупленным взглядом.

Паладины и жрицы Благодетельницы заботились о жителях Светлых земель, исцеляя болезни и заживляя раны. Они помогали каждому и абсолютно бесплатно, поэтому у храмов всегда было не протолкнуться.

Поговаривали, что последователи богини — целительницы в силах даже вернуть к жизни мертвых, однако сами жрецы это отрицали, говоря, что любое подобное действие является богопротивной черной некромантией, а возвращенная к жизни бездушная оболочка уже никогда не станет тем, кем была при жизни.

Бездушная оболочка, — Кисара украдкой взглянула на идущего впереди Гириона и вновь спросила себя — неужели Алард Дарий, которым она восхищалась с детства, был таким же?

Неожиданно рыцарь-защитник остановился и южанка, невольно вздрогнув, огляделась: поглощенная мыслями, она сама не заметила, как их отряд оказался у восточных ворот Бродерио. Огромные створки, как всегда, были плотно закрыты и отделены от города толстой стальной решеткой, с выгравированными на ней рунами литании защиты.

Однако, вопреки ожиданиям Кисары, Алектис повел всех не к запертым городским воротам, а к зданию расположенному немного левее — приземистой двухэтажной постройке. Дом выглядел невыразительно и сливался с общей серой атмосферой безысходности города, где даже в воздухе витал тлетворный дух Скверны.

Поднявшись на невысокое крыльцо по скрипящим под его ногами ступеням, пастырь дождался, пока все соберутся вокруг него и произнес: — Скоро стемнеет.

Каждый из присутствующих невольно взглянул на хмурое небо и Таллаг витиевато выругался, когда холодная дождевая капля угодила ему прямо в глаз. Небосвод, и правда, становился темнее и темнее, а кое где, в просветах между лениво ползущими тучам, тускло сияли светлячки загорающихся звезд.

— Ворота Бродерио не откроются до утра. Нам всем следует отдохнуть перед дальней дорогой, а с рассветом мы тронемся в путь. Как вы все знаете, в крепостях на Стене нет врат Пути, поэтому дорога нам предстоит неблизкая.

— Отлично. Покажите, где моя койка, остальное я послушаю завтра! — Таллаг, вроде бы державшийся бодро, вдруг сладко зевнул. — Нудные речи вгоняют меня в тоску. Надеюсь, нам хотя бы не придется еще и молиться перед сном?

— Вы с друзьями можете расположиться на втором этаже, а мы с братьями займем первый.

— Идет! — Ответил за всех зверолод и первым отправился осматривать место ночлега, едва не толкнув оказавшегося на его пути пастыря широким плечом.

Открыв сохшуюся и расшатанную дверь, зверолод вошел внутрь. Внешне выглядящее не очень опрятно здание, полностью оправдало первоначальное впечатление и внутренним убранством: неровный свет свечей горящих в высоких подсвечниках, выхватывал из темноты покосившуюся мебель, раскинувшуюся по углам паутину и внушительный слой пыли на пустых полках. Здесь царил тяжелый запах сырости вперемешку со старостью, словно подчеркивая почтенный возраст постройки.

— Ну и дыра-а-а... — протянул Таллаг, шагая по скрипучему полу. Добравшись до узкой и чересчур крутой лестницы, что вела на второй этаж, зверолод остановился. По правде говоря, он мог легко запрыгнуть на небольшой балкон, но слишком сомневался в его прочности и надежности, чтобы так поступить.

— Прямо как та таверна у одного из трактов Фразика, помнишь? — Таллаг с кривой ухмылкой взглянул на темного эльфа.

— Такое разве забудешь? — Калеос поморщился от не самых приятных воспоминаний. — Эти гномы просто ужасны — сами не ходят по трактирам, а честным путникам предлагают лишь комнаты, похожие на тюремные камеры и заселенные клещами, скачущими верхом на клопах.

— Может, все-таки, на блохах? — машинально поправила Кисара, пытаясь разглядеть свое отражение в висящем на стене мутном зеркале, но недостаток света от редких свечей и отвратительное качество изделия, превратили красивую девушку в неясную тень. Отражение выглядело довольно жутко, так что Кисара поспешно отвернулась, оставив зеркало за спиной.

— Нет, — темный эльф на миг задумался. — Блох там, кажется, не было.

— По крайней мере, до того, как Таллаг там побывал. — Тонкий детский голосок перешел в радостный смех и рядом с Кисарой появилась донельзя довольная Миаджи.

Таллаг удостоил демоницу косога взгляда и фыркнул.

— Простите, что без приглашения, — девочка развернулась и учтиво поклонилась входящим в помещение гиритцам.

Демоница часто пользовалась вольностями, что позволяла ей Кисара и любила появляться из ниоткуда, шокируя и пугая окружающих. Она чувствовала спокойствие

хозяйки и ощущала отсутствие запретов к своему появлению, чем не преминула воспользоваться и в этот раз, явившись без приглашения.

Едва увидев девочку, Колд незамедлительно обнажил меч, делая шаг вперед, однако не спешил с атакой, вместо удара спросив:

— Ваш? — Видимо Алектис предупредил нового члена отряда о демонице, так как тот вопросительно смотрел на Кисару, продолжая держать меч наготове.

Южанка поспешно кивнула.

— Демон, появляющийся без формулы призыва? — Острие клинка застыло рядом с шеей Миаджи.

— Просто соскучилась по вашим кислым физиономиям, — с улыбкой отозвалась демоница в образе девочки, одетой в ярко фиолетовое платье с черными кружевами. — Хотя твоя рожа, благородный рыцарь, кажется мне незнакомой!

Символ Гирита вытатуированный на лбу храмовника неприятно жег взгляд Миаджи, но она из вредности не отводила глаз.

— Миаджи! — Строго одернула девочку Кисара. — Не припомню, чтобы звала тебя. — Но ты и не запрещаешь мне появляться, сестрица, — лилейно улыбнулась демоница.

Мысленно выругав себя за неосмотрительность, Кисара строго посмотрела в абсолютно невинные глазки своей подопечной и потребовала: — Немедленно извинись!

— Ой, извините-извините, — изобразив на лице слабое раскаяние, демоница улыбнулась, но ее слова не остановили надвигающегося на нее гиритца с обнаженным мечом.

— Брат Колд, как я и говорил ранее, это существо принадлежит демонологу, что отправляется с нами. — Только слова Алектиса заставили рыцаря-защитника опустить оружие. — Ее хозяйка, как утверждает архимаг, будет нам полезна, так что мы постараемся не расстраивать заклинательницу. Ради всеобщего блага и нашей миссии мы должны смириться и с присутствием этого создания Скверны.

— Воистину, неисповедимы пути, которыми ведет нас Защитник, если детям Его приходится делить кров с порождением Бездны. — Пробасил Колд, с силой вгоняя клинок в ножны.

— Кстати, а чего мы останавливаемся в какой-то халупе, если здесь есть обитель ордена? — Таллаг пнул одну из балясин, поддерживающих перила, и та переломилась пополам. — Не то чтобы я горел желанием посетить ваш дом, он, думаю, он всяко лучше, чем этот хлев. Я же не смогу уснуть, в ожидании какой-нибудь свиньи, которая прохрюкает мне на ухо, что я занял ее место.

— Обитель Защитника не место для непосвященных, — ровно ответил Алектис. — К тому же она находится в другой части города, поэтому стражи Бродерио любезно предоставили нам...

— Этот сарай. — Еще одна балясина пала жертвой ботинка Таллага. — Может, лучше остановимся в таверне? — Он искоса наблюдал за храмовниками, уходящими вглубь комнаты.

— Мы останемся на ночлег здесь. — Твердо заявил Алектис и из его властного голоса исчезли вежливые нотки. — Это не обсуждается. Что же до еды, то о ней уже позаботились. Наверху вы найдете все, что нужно. Право я надеялся, что мы успеем покинуть город раньше, но меня задержали дела, и оставленное на всякий случай здание пригодились нам. Возможно, таково было провидение Гирита, и он помог нам оказаться в нужное время в

нужном месте, дабы остановить Скверну.

— И когда вы все успеваете?

— Мы лишь следуем пути, что уготовил нам Защитник. Что же касается этого дома — я достаточно давно знаю Гвинет, чтобы понять — она не отпустит своего человека в одиночку даже со мной и моими братьями, — в тон зверолюду ответил Алектис. — Я рассчитывал, что вас будет даже больше.

— То есть то, что ты хотел уйти и был так недоволен — просто представление? — Таллаг выглядел удивленным и, похоже, даже забыл о своем пренебрежительном отношении к ордену Гирита Защитника.

— Не уж-то ты и в правду считаешь, что наш орден не знает, сколько всего в Светлых землях мастеров темных искусств и где они находятся? — вопросом на вопрос ответил Алектис, позволив себе едва заметную улыбку, крайне неуместно смотрящуюся на его суровом лице. — Отправляйтесь отдыхать и не налегайте на вино. Завтра рано вставать.

— И тебе спокойной ночи, — проворчал Таллаг, продолжив подниматься по ступеням.

Коридор, открывшийся перед зверолюдом, когда тот закончил непродолжительный подъем, был настолько коротким и узким, что казался совершенно лишним в этом месте. В два шага достигнув лишенной ручки двери, Таллаг несильно толкнул ее, явно опасаясь сломать.

Протяжный скрип, с которым открывалась дверь, показался Кисаре довольно зловещим и чрезвычайно долгим, словно кто-то вел длинными когтями по стеклу, с явным намерением подействовать всем на нервы. Ухватившись за эту мысль, девушка резко обернулась и увидела Миаджи, занятую вождением удлинившимися ногтями по мутному стеклу узкого окошечка, расположенного над лестницей.

— Прекрати! — ухватив хихикающую девочку за руку, южанка потащила ее за собой.

Девушки последними вошли в просторную, освещенную свечами комнату. В глаза сразу же бросилось весьма небогатое убранство, о чем незамедлительно и сообщила всем Миаджи: — Натуральный свинарник, — заявила девочка. — Понимаю, эти занудные монахи, но нам-то все это за что?

— Не привередничай, — неожиданно весело отозвался Таллаг, и Кисара почти сразу же увидела причину его радости, которую зверолюд уже ласково прижал к груди и, откупорив деревянную пробку, жадно вдыхал приятный аромат.

— Кто про что, — Исель села на одну из двухъярусных кроватей, чьи ровные ряды тянулись вдоль стен, а ее брат подошел к Таллагу, оценивающе глядя на бочонок, что зверолюд держал в руках. Стол, с которого Таллаг и позаимствовал бочонок, оказался довольно широким и буквально заваленным едой. Он стоял прямо напротив камина, в котором весело потрескивало пламя, добавляя явно недружественному помещению капельку уюта.

Откуда-то снизу донесся тихий лязг доспехов и шум — видимо гиритцы, так же, устраивались на ночлег. Миаджи вдруг вздрогнула и что-то недовольно заворчала себе под нос. Прислушавшись, Кисара уловила слова молитвы, читаемой Алектисом.

— Они без литаний и гимнов даже в уборную сходить, что ли не могут? — озлобившаяся девочка прошла к ближайшей кровати, нарочито громко топая каблучками, словно хотела пробить пол.

— Не утрируй, пожалуйста, — попросила демоницу Кисара, получив в ответ неразборчивое бормотание, чем-то напоминающее неуклюжее извинение. Миаджи

пересекла комнату, сев прямо на пол, напротив камина и, поджав под себя ноги, принялась смотреть на пламя.

— Кстати, о молитвах, — Калеос, аккуратно нарезающий краюху хлеба на части острым кинжалом, посмотрел на Таллага. — Шаманы зверолодов, как эльфийские сестры дракона, наши чародеи или же рунные жрицы дворфов, не говоря уже о местных целителях и священниках, могут снимать следы Скверны с вещей, я прав?

— Могут, — буркнул Таллаг, разливая вино по глиняным кружкам.

— А ты, как шаман, умешь такое?

— Типа того, — снова согласился зверолод, чем вызвал недоуменные и удивленные взгляды. — Что? Думали я бездарь?

— Ну, ты никогда не говорил о своих способностях, а в бою от тебя кроме молний ничего не дождешься. — Эльф смахнул с лезвия кинжала крошки и указал им на рукоять Громовержца, выглядывающую из-за плеча своего хозяина.

— Так мы раньше особо с демонами и не дрались, — Таллаг передернул широкими плечами.

— Но дрались недавно. — Возразила Исель, подавшись вперед, и пламя свечей осветило ее овальное лицо с острыми чертами. — Почему ты не сказал гиритцам о своих способностях?

— А толку-то? — хмыкнул зверолод, усаживаясь на шаткий стул и глядя, как насторожилась Миаджи, уставившись на жалкое подобие двери, прикрывающее вход в комнату. Кисара, так же, выглядела обеспокоенной, будто прислушиваясь к самой себе, но Таллаг не стал заострять на этом внимания, продолжив: — Гиритцы уверены, что лучше остальных и если считаются, то только со жрицами Лигеи и ее паладинами. Думаешь, они поверили бы шаману моего племени и подставили бы под угрозу, пусть и выдуманную, жителей Ариарда? Им проще самим уничтожить все следы Скверны и, заодно, лишний раз доказать зевакам, что они их защищают. — Я прав? — резко развернувшись, Таллаг встретился взглядом с Фалконом, появившимся в дверном проеме.

— Прав, — кивнул гиритец, без приглашения войдя внутрь.

Даже без доспехов, монах, почти касающийся головой потолка, выглядел величественно, пусть и одет он было довольно просто — серые штаны и просторная рубаха, едва сходящаяся на широкой груди. Подойдя к столу, ветеран опустился на стул, развернув его так, чтобы видеть Миаджи. — Присаживайся, — состроив кислую мину, произнес Таллаг. — Заодно расскажи нам, почему мы отправились в Бродерио. Или вы с братьями настолько выжили из ума, что решили двигаться к цели через все Потерянные земли и исходить их вдоль и поперек?

— Я уже говорил, что вы все узнаете, в свое время. Мы ничего не таим от вас, просто вынужденная мера предосторожности, не более. — По виду монаха было ясно, что он ничего никому не скажет, пока не получит на это разрешения от, скорее всего, Алектиса. — А за приглашение, спасибо, — невозмутимо продолжил Фалкон, поправив висевшие на поясе ножны с широким кинжалом, годившимся обычному человеку в качестве короткого меча.

— Если я порчу тебе аппетит, гиритец, можешь сваливать к своим дружкам, потому что мне нравится здесь, — сказала Миаджи, глядя в огонь.

Фалкон оставил речь демоницы без внимания, так же, как и молчаливый вопрос окружающих о том, почему он пришел сюда, а не остался внизу с братьями. Монах лишь подвинул к Таллагу пустую кружку и зверолод наполнил ее.

— Вы разве пьете? — недоверчиво поинтересовался он, закончив разливать вино и поставив бочонок под стол.

— Сок виноградной лозы не запрещен, — ухмыльнулся в седые усы ветеран — гиритец, поднеся кружку к носу и глубоко вдохнув насыщенный аромат.

— Тогда почему бы тебе не выпить со своими братьями? — прямо спросил зверолод, глядя в глаза седому воину.

— Должен же кто-то за вами приглядывать, — Фалкон покосился на фыркнувшую Миаджи. — Вас нанял Алектис и ему диктовать правила. Это не обсуждается.

— Значит, у нас нет иного выбора, кроме как терпеть твое присутствие?

— Именно, — просто ответил гиритец Таллагу.

— Видимо я чем-то прогневал Урсулу, — скорбно произнес зверолод, залпом осушив свою кружку и звякнув ею о стол. — Досадно.

Трапеза проходила в молчании. Быстро поевшие эльфы перебрались поближе к камину, а Кисаре кусок не лез в горло

Мысли заклинательницы о назначении Фалкона лишь утвердились с его приходом — гиритец наблюдает за ней и за Миаджи, чтобы, в случае чего, защитить или убить, в зависимости от обстоятельств. Подобные размышления не принесли южанке никакой радости, включая аппетит и хорошее настроение. Отодвинув от себя тарелку с почти не тронутой едой, девушка подошла к камину, сев рядом с Миаджи. Девочка сразу же воспользовалась этим и устроилась поудобнее — положив голову Кисаре на колени.

Слушая стук дождевых капель по крыше и окнам, южанка уставилась на извивающееся в танце пламя, впав в меланхолию.

А вот Таллаг и Фалкон на отсутствие расположения духа не жаловались. Мужчины уплетали за обе щеки. Причем Таллаг, уступавший гиритцу в размерах, почти не отставал от монаха, жадно проглатывая куски жареного мяса и хлеба, да еще и запивая это все солидными порциями вина.

После недолгих колебаний Калеос вернулся за стол и бочонок с вином начал еще стремительнее терять в весе, постепенно своим содержимым поднимая настроение мужчин.

Неожиданно Фалкон встал с места и под изумленными взглядами собравшихся, покинул комнату.

— Чего это он? — Изрядно захмелевший темный эльф, повернул голову к Таллагу, пытаясь сфокусировать расплывающийся взгляд красных глаз на лице зверолода.

— Да кто его знает? — Таллаг, который, так же, поддался пьянящим чарам вина, нахмурился, и уже начал было вставать, чтобы узнать, что заставило гиритца так стремительно покинуть их компанию.

Но, не успел зверолод сделать и шага, как Фалкон вернулся обратно, неся под мышкой еще один бочонок.

— Братья не нуждаются в вине... Не пропадать же ему, — пробасил гиритец, ставя на стол свою ношу.

— А ты, вроде как не с ними, да? — недоверчиво прищурился Таллаг.

— Я не знаю, вернемся ли мы из-за Стены или нет, — тон храмовника стал серьезным. — Возможно, это последняя спокойная ночь и я не хочу, чтобы она проходила как и те, что были до нее.

Когда Кисара, привлеченная живыми нотками в голосе мужчины, взглянула на него, то ей показалось, что Фалкон изменился. Сейчас монах походил на обычного человека: Фалкон

заулыбался, его глаза блестели и казались поразительно живыми, а не застывшими кусками льда, как у его братьев по ордену.

— А ты точно гиритец? — Таллаг внимательно оглядел монаха с головы до ног так, будто видел его впервые.

— Я служу Гириту Защитнику всю свою жизнь, — с достоинством ответил Фалкон. — Хотя... — он немного погрустнел, словно вспомнил что-то, что-то затаенное в глубине его души, сокрытое за многочисленными литаниями светлому богу, верой и решимостью.

— Хотя? — В глазах Таллага зажегся интерес.

— Не важно, — отмахнулся гиритец, выравнивая сдвинутый ранее стул и усаживаясь на прежнее место.

— Ну уж нет! — Таллаг всегда был любопытен и настырен, словно стадо диких кабанов, а вино многократно усиливало эти два его качества. — Так не пойдет, гиритец! Негоже скрывать что-то от тех, с кем бился плечом к плечу и делил хлеб!

— Обычай твоего народа, а? — Фалкон улыбнулся в седые усы. — Поучаешь меня, в то же время, скрывая что-то. Думаешь, я не вижу враждебности в твоих глазах и в голосе? Не нравится наш орден?

— Не нравится, — не стал спорить зверолод, сразу став серьезным. — И на это есть причина.

— С удовольствием ее выслушаю. — Облокотившись на стол, Фалкон заглянул в глаза зверолоду и тот выдержал взгляд.

— Хочешь знать? — появившаяся на лице Таллага улыбка была такой же печальной, как выражение его глаз.

— Да, я честен с тобой и мне нечего скрывать, — Фалкон кивнул, разлив остатки вина из прежнего бочонка и откупорив новый. — Предлагаю свою историю за твою. Прежде чем ответить, подумай, второго шанса может и не быть. Мы можем не вернуться. Твой ответ?

— Идет! — незамедлительно согласился Таллаг, и все присутствующие удивлено уставились на него.

Зверолод никогда не рассказывал о своем прошлом. Все знали, что Гвинет привела его в Крылья Удачи, когда он был подростком, озлобленным и хмурым мальчишкой шестнадцати зим. В гильдии Таллаг начал новую жизнь, но не забыл и о старой. О той, что держал лишь в своих воспоминаниях.

— Начинай, — Фалкон подвинул к зверолоду наполненную кружку и тот, сжав ее в ладонях, благодарно кивнул, уставившись на содержимое.

Взгляд Таллага приобрел отстраненное выражение, словно мужчина мысленно оказался где-то далеко и он начал говорить:

— Если мы вдруг не вернемся... Было бы плохо, не рассказать вам всем о моей жизни, — сделав глоток, Таллаг замолчал, словно слова и воспоминания приносили ему боль. — За исключением тебя, храмовник, — тихо добавил он. — Но раз уж ты здесь, то ладно, давно было пора, — одним глотком зверолод почти опустошил кружку, вытерев губы тыльной стороной ладони.

Исель и Кисара, вместе с Миаджи, подвинулись поближе, чтобы услышать историю из жизни друга, которую тот прежде скрывал.

Демоница, однако, не позабыла о своем злобном характере и с невинным видом попробовала забраться заинтересованному откровением Таллага Фалкону на колени. Кисаре удалось оттащить девочку раньше, чем гиритец взялся за кинжал, и оружие монаха не

покинуло ножны.

— Дюжину зим назад, — Таллаг смотрел прямо перед собой, где на бревенчатой стене тень дергалось в танце пламя свечей. — Я жил в поселении под названием Зимняя Спячка, неподалеку от места, где раздваивается река Вьющаяся лента.

Не успел зверолод договорить, как Кисара, собиравшаяся извиниться перед Фалконом за поведение Миаджи, увидела, что гиритец изменился: из взгляда седого ветерана что-то пропало, сделав его холодным и отчужденным, а под седой бородой было заметно, как он сжал челюсти, но никто, кроме южанки, этого не заметил.

— Хорошее было место, тихое, — Таллаг улыбнулся своим воспоминаниям. — Мне, брату и сестре там очень нравилось. Наша мать умерла при родах Аишы, а отец погиб в одной из схваток с дикими орками, когда мне исполнилось десять, так что мы втроем росли у ближайших родичей. Да, в прошлой жизни, у меня были кровные родичи, — горько усмехнувшись, Таллаг обвел взглядом собравшихся. — Но все мы когда-нибудь уходим в вечные леса Урсулы. Рано или поздно, но неизменно все — таковы законы нашей богини и природы... Таллаг снова замолчал, медленно взбалтывая остатки вина в своей кружке и наблюдая, как красноватая жидкость облизывает внутренние глиняные стенки.

— Они погибли? Мне очень жаль, — подошедшая Исель легко коснулась плеча зверолода и тот, слегка вздрогнув, с благодарностью взглянул на девушку.

— Все погибли. Все, кто был в Зимней Спячке, — медленно произнес Фалкон. — Врата распахнулись прямо в центре деревни. Портал, скорее всего, открыли еретики, выдававшие себя за торговцев.

— Неужели орден помнит об этом? Небольшое уничтоженное поселение зверолодов стоит упоминания в ваших хрониках? — Таллаг оскалил клыки.

— Все врата в Бездну и их истории есть в наших хрониках, — согласно кивнул Фалкон. — Но и я не забываю того, что видел собственными глазами...

Едва старый гиритец замолчал, как Таллаг, в мгновение ока, перескочив через стол, замер напротив монаха. Его руки дернулись к шее Фалкона, но взгляд храмовника заставил зверолода остановиться. Седой гиритец смотрел на Таллага с горечью, даже не шевельнувшись.

— Мы пытались спасти... Но не успели. — Прошептал он, заглянув зверолоду в глаза. — Ты был тем мальчишкой, что прибежал через врата Пути за помощью?

— Я, — шумно выдохнув, Таллаг опустил руки, и они бессильно повисли вдоль его мускулистого, загорелого тела. — Тогда я отправился к реке, чтобы наловить рыбы на ужин, Аиша замечательно запекала ее... Столько лет прошло, а я помню, — согнувшись, словно под невообразимой ношей, Таллаг вернулся на свое место, устало опустившись на стул.

Никого не дожидаясь зверолод сам налил себе вина, но не притронулся к нему, поставив кружку на стол.

— Сначала я увидел, как над деревней закручивается огромная черная воронка и сразу же бросился обратно. Когда я оказался за частоколом, то внутри уже лилась кровь. Много крови. Я бежал к дому родичей, что находился почти в середине поселения, как раз где открылись врата. У меня был Громовержец, и я хотел сражаться, но по пути меня остановил Гурта — местный шаман, его молния спасла меня от тварей Скверны, а затем старик взял меня за шкуру, словно щенка, и практически швырнул во врата Пути. Приведи помощь! — вот что крикнул он мне. Я не знаю, куда хотел отправить меня маг, управлявший порталом, но один из демонов пронзил его грудь когтями, вырвав сердце, и последними его словами

были: — Ариард. Обитель.

— Так ты и оказался в столице? — Фалкон выглядел еще более мрачным, чем в момент битвы с демоном.

— Да, — кивнул Таллаг. — Меня вышвырнуло из врат рядом с вашей обителью-монастырем. Первой мыслью было вернуться, но я не мог, меня не пустили без денег... Тогда я побежал к вам, но меня остановили у ворот. Я кричал, умолял, пытался даже прорваться, но меня не слушали. Когда мне все же удалось достучаться до стражи, и я дождался, пока ваши пастыри сообразоволят послать отряд на помощь, было уже поздно.

Кулаки Таллага сжались.

— Ваше промедление стоило жизни моим родичам. — Зверолюд не кричал, он говорил поразительно тихо, медленно сжимая кулаки. — Аише было всего восемь зим и она, вместе со Скармом, погибла от лап тварей, сражаться с которыми, по вашим словам — ваш долг. — Он с вызовом взглянул в глаза гиритца.

— Я не стану оправдываться перед тобой, — так же тихо ответил Фалкон. — Я воин и я выполняю приказы. Мы выступили сразу, как только нам сказали и спешили, как могли.

— Вы даже не позволили мне пойти с вами.

— Ты сам-то понимаешь, какую глупость сейчас сказал? — кротко спросил Фалкон. — Сколько тебе тогда было? Пятнадцать? Я даже сейчас не узнал тебя, если бы ты не рассказал эту историю.

— Вы оставили меня одного в своем городе, а когда я смог вернуться, то увидел на месте Зимней Спячки лишь пепелище. Под руководством жрецов, работники уже начали возводить стены вокруг оскверненной земли, вкладывая обереги между камней. Я даже не смог проводить в последний путь своих родичей, не увидел их тел, не простился с ними! — Таллаг попытался вскочить, но Исель, на глазах которой выступили слезы, удержала его за плечи.

— Там было слишком много убитых, среди которых были и зверолюды, и люди, и демоны. Мы не могли очистить тела лишь молитвами, и пришлось все сжечь...

— Тела моего племени не подвержены заразе, — Таллаг немного успокоился.

— Ты не видел, что там произошло, парень, — тяжелый взгляд храмовника буквально пригвоздил зверолюда к стулу. — Твои родичи ушли достойно, забрав с собой многих тварей, но и им самим пришлось несладко. Там была настоящая бойня и, порой, мы даже не могли определить, какому телу принадлежат разбросанные вокруг внутренности и конечности! Скверна распространялась с безумной скоростью, и мы сделали то, что должны были — не позволили ей расползтись по вашим землям! — Фалкон встал и навис над столом, словно скала. — Стоило нам выйти из врат Пути, как опустошитель превратил их в бесполезную грудку камней. Так что мы даже не могли сообщить о случившемся вашим верховным шаманам в Урочище. Нам пришлось решать все на месте и, поверь, решение далось нам нелегко. Я понимаю твою горечь и делю твою скорбь, но пойми и ты — у нас не было выбора. Много моих братьев остались в Зимней Спячке навсегда и были сожжены вместе с ее защитниками. Кровный брат Гириона пал в той битве! Мы, тоже, принесли свою жертву, как и все, кто борется со Скверной, так не вини нас в том, что произошло. Хочешь кого-то ненавидеть? Ненавидь тварей, что уничтожили твой дом!

Над столом разлилось тягостное молчание, даже Миаджи опустила взгляд, разглядывая доски пола. Демоницу не волновали дела людей, но сейчас она чувствовала боль и переживание своей хозяйки, передававшиеся и ей самой.

— Я знаю, что ты прав, — Таллаг нарушил молчание. — Но я не смог с этим смириться за прошедшие годы, не могу и сейчас.

— Значит, демона под боком ты терпишь, а нас нет?

— Миаджи не раз спасала мою шкуру, пусть и делала это только по воле Кисары. — Зверолюд взглянул на демоницу. — Но она именем своей хозяйки и своим собственным, поклялась, что не имеет никакого отношения к той бойне и вообще до призыва не была в нашем мире, родившись в тот миг, когда ее позвала Кисара. Она и Миаджи моя новая семья, как и все в Крыльях Удачи, а семью не выбирают.

— Это, конечно, стоящее оправдание, для порождения Скверны. Но это твое дело и вот что я скажу тебе, — перегнувшись через стол, Фалкон тихо произнес: — Я не могу открыть подробностей, но если наша миссия увенчается успехом, то, ты по праву сможешь считать своих родичей отомщенными, так же, как и я всех своих братьев, что пали в борьбе со Скверной.

— О чем это ты? — Таллаг оживился, и из его глаз пропала затаенная злоба. — Да так, — храмовник опустил на свое место. — Хмель развязал мне язык, и я сболтнул лишнего, да простит меня Гирит.

— Ты уверен, что ты гиритец? — Снова спросил зверолюд. Его недоверчивый взгляд остановился на глазах монаха и тот кивнул:

— Вот теперь мы подошли и к моей части обещания, — Фалкон ловко разлил вино по кружкам и, сжав свою в огромном кулаке, за один глоток опустошил ее. Вытерев седые усы, он продолжил:

— Я же сказал, что служу Защитнику всю свою жизнь. Но мои предки не были гиритцами...

— И что же? В семье пекарей родился храмовник? — хмыкнул Таллаг, которому новая порция вина вернула расположение духа.

— Ранее в моей семье почитали другого бога. Несколько поколений моих далеких предков служили Сидонию Воздаятелю. — В голосе Фалкона прозвучала нескрываемая гордость. — Поэтому среди гиритцев я чувствую себя... Лишним, но если Защитник избрал меня, то так тому и быть. Сидонитов больше нет, а вот мой далекий предок сопровождал самого Аларда Дария и встретил свою смерть в обители Нерушимых Врат! Бок обок с самим верховным лордом.

— Правда? — Теперь уже Кисара придвинулась поближе.

— Это написано в семейных архивах, — важно кивнул гиритец.

— А ты, стало быть, не из простых смертных, раз в твоём роду ведутся эти архивы, — подал голос молчавший до этого Калеос.

— Мой род берт свое начало еще во времена предшествующие Империи! Я родился на севере, в городе Гальтаг, на острове Готтерберг, где до сих пор стоит поместье моей семьи. — Фалкон немного смутился. — Точнее теперь там заправляет моя двоюродная сестра и ее муж, нам, храмовникам, не нужно ничего, кроме того, что дает нам Гирит Защитник. Наша семья это братья по ордену.

— Судя по твоему тону и кислой физиономии, этого не скажешь, — хихикнула Миаджи.

— Что поделать, — пожалуй, это был первый раз, когда гиритец ответил демонице без явной ненависти в голосе. — Меня забрали в орден с самого детства, и я не успел вкусить прелестей состоятельной жизни.

— Но был бы не прочь? — Губы Миаджи растянулись в улыбке.

— Даже не пытайся сбить меня с истинного пути, предназначенным мне Защитником. — Покачал головой Фалкон. — Мои мирские желания несущественны и для меня нет высшего блага, чем защищать народ Светлых земель. Я гиритец и я щит своего бога.

— Да-да, — важно закивала демоница, явно передразнивая храмовника. — Никаких мирских желаний, только добрые помыслы. Ведь помыкание остальными жителями Светлых земель — это всего лишь необходимость! Кто-то же должен слизывать грязь с ваших сапог и кланяться вам, лишний раз, проверяя на прочность камни брусчатки своим лбом.

— Умолкни, порочное исчадие Бездны, — вопреки гневным словам, Фалкон вздохнул. — Мне и самому не нравится это подобострастное обращение ко мне и братьям. Заметь, оно не нравится не только мне, но и остальным храмовникам, взять, к примеру, эту лачугу, — гиритец развел могучими руками. — Стража так суежилась, что преподобному Алектису пришлось на них даже прикрикнуть. Они собирались уступить нам свои казармы, но пастырь настоял на этом месте, заявив, что нам нужен лишь ночлег и еда. Он даже запретил стражникам привести тут все в порядок.

— Зная отношение в Ариарде к вашему ордену, я удивлена, что не увидела здесь пары сотен верующих, вылизывающих пыль собственными языками. — Не удержалась от ехидства Миаджи.

— А я удивлен, почему я или кто-то еще из моих братьев до сих пор не укоротил твой не в меру длинный язык. — Фалкон потянулся и стул под ним скрипнул.

— Простите ее, — Кисара зажала рот протестующей демоницы ладонью. — Девочка совершенно не умеет себя вести, но я над этим работаю.

— Если она откажется повиноваться, просто отдай ее в нашу ближайшую обитель. — Посоветовал ветеран.

— Вы говорили, что ваши предки знали Аларда Дария? — южанка решила перевести тему на ту, что интересовала ее больше остальных.

— Ну, началось, — Таллаг страдальчески закатил глаза. — Я спать, — сообщил он всем, поднимаясь из-за стола. — Откровения утомили меня.

— Я думаю, мы все решили? — Фалкон взглянул на зверолода и тот, после недолгих размышлений, кивнул.

— Я постараюсь не держать зла на тебя и твоих братьев. Но знай — вы, по-прежнему, мне не нравитесь. — С этими словами Таллаг пересек комнату. Стянув сапоги и улегшись на дальнюю кровать, он отвернулся ото всех, накрывшись с головой шерстяным одеялом.

— С вашего позволения, я, тоже, отойду ко сну, — Калеос, пошатываясь, встал и под смешки своей сестры добрался до одной из кроватей, на которую незамедлительно и упал, забывшись сном.

— Мелковат эльф, вот и сморило, но держался до последнего, — Фалкон улыбнулся. Сейчас он совсем не казался храмовником, разумеется, если не брать в расчет его размеры. Обычный седой воин, не больше ни меньше. — Может, и ты уберешься с глаз долой? — Монах взглянул на показавшую ему язык Миаджи. — Что ж, Гирит, я приму это испытание, так же, как и те, что были до него. — Храмовник вздохнул.

— Так что на счет Аларда Дария? — Кисара заняла место Таллага и с любопытством взглянула на гиритца.

— Думаю, что все известное мне, можно найти и в писаниях, хранящихся в архивах Фририарда, — Фалкон еще не знал, что ненароком затронул любимую тему южанки и что та, вопреки своим страхам перед орденом, так просто не сдастся.

— Мало ли, вдруг там что-нибудь упустили? — Кисара подлила храмовнику вина.

— Это так важно для тебя? — гиритец с явным одобрением смотрел, как уровень жидкости в его кружке приближается к ровным краям. — Алард Дарий в одиночку одержал верх над принцем-демоном, в то время как все мы едва справились с одним опустошителем, а ведь это лишь одно из его деяний. Храмовник назвал недавно убитого демона обозначением, принятым, как среди его ордена, так и среди демонологов. Так называли огромных тварей, используемых в качестве основной ударной силы выходцами из Бездны.

Опустошитель значительно превосходил своих собратьев в силе, но был абсолютно лишен возможности мыслить, руководствуясь лишь своими кровожадными инстинктами. Обладавший поистине чудовищной силой и живучестью, этот вид демонов, к счастью для жителей Светлых земель, не очень часто выбирался из врат в Бездну. Чаще их них на свет лезли орды демонов поменьше, но и их было достаточно, чтобы сеять вокруг хаос и смерть.

— Вспоминая писания о сидонитах, я невольно начинаю завидовать им и жалеть, что я родился именно сейчас, — гиритец тяжело вздохнул. — Ладно, возможно, описание подвигов праведных воинов укрепит твою душу дитя, и не позволит тьме, живущей в твоём сердце, завладеть ею.

Отпив сразу половину вина из кружки, Фалкон начал свой рассказ и южанка с Исель внимательно слушали его. Даже Миаджи, старательно делавшая вид, что ее интересует лишь пламя в очаге, жадно ловила каждое слово храмовника.

* * *

— Из-за вас я не выспался!

Взъерошенный Таллаг первым делом высказал свои обвинения всем окружающим. Зверолюд неспешно спускался с лестницы, на ходу поправляя одежду и взлохмачивая гриву своих волос. Он не выглядел уставшим, скорее отдохнувшим, но, все же, не упустил шанса поворчать.

— Ты и так спал дольше остальных, — уже облачившийся в свои черные доспехи Фалкон стоял внизу лестницы.

— А мы говорили достаточно тихо и совсем недолго, — с легкой обидой поддержала гиритца Кисара, так же, уже готовая отправляться в путь.

— Хм... — зверолюд на мгновение задумался. — Но мне всю ночь кто-то настойчиво зудел на ухо, не давая спать, — блуждающий взгляд Таллага наткнулся на довольно хихикающую Миаджи.

Девочка выглядывала из-за спины южанки и была поразительно счастливой.

— Мелкая пакостница! — В сердцах мужчина ударил кулаком по лестничному поручню, сломав его пополам.

— Прекрати крушить чужое имущество и пошли, нас уже заждались. — Фалкон развернулся и, подхватив молот, стоявший у двери, вышел из здания, но задержался на пороге. — Кстати, живот набьешь по дороге в крепость, времени на еду нет. — Гиритец решил предвосхитить следующий вопрос зверолюда, который тот, по логике вещей, должен задать в числе первых и самых, для него, важных. Храмовник не ошибся. Недовольно кивнув Фалкону, зверолюд зло уставился на Миаджи:

— Ну погоди у меня, — пообещал Таллаг юркнувшей вслед за монахом демонице, но

девочка задержалась в дверях только для того, чтобы показать зверолоду неприличный жест.

— Здесь я бессильна. — Ответила Кисара на молчаливое осуждение Таллага. — Под моим контролем она не может в полной мере давать выхода всему злу, что она воплощает, но с такими вот ее выходками я ничего не могу поделать, таково демоническое естество.

— Заметно, — пропустив девушку вперед, зверолод последним покинул приютивший их на ночь дом, плотно захлопнул скрипучую дверь и ощущая на душе легкую грусть от того, что приходится покидать это место, поначалу показавшееся ему сараем.

На улице только начало рассветать и утреннее солнце робкими лучами едва заметно и нерешительно ласково гладило черепичные крыши высоких домов, слабыми бликами отражаясь в прозрачных, оставшихся после ночного дождя лужах. Воздух Бродерио за ночь пропитался немного морозной свежестью и приятно щекотал ноздри, наполняя подставленное холодному ветру тело бодростью.

— Сначала не дали поспать, теперь заставили мерзнуть, что может быть еще хуже... — Таллаг осекся, когда увидел белую лошадь с восседающей на ней девушкой в белоснежном плаще и изящных серебристых доспехах мастерской работы, стоивших, наверное, целое состояние. Она тихо говорила с Алектисом и пастырь гиритцев сдержанно кивал. Услышав негромкий хлопок закрывшейся двери, девушка обернулась, и ветер тотчас заиграл ее золотистыми волосами, открывая узкое и благородное лицо с голубыми глазами, высокими скулами и строгой, но в то же время чувственной линией губ.

— Ее-то тут и не хватало, — буркнул зверолод, на всякий случай, протерев глаза. Чтобы точно удостоверится, не дурной ли это сон, он спросил: — Лисандра?

— Для тебя, дикое животное, я — леди Лисандра Ноэлль де Лиреф. — Приятный голос прозвучал довольно прохладно, словно стремился соответствовать утренней погоде. — Ты когда-нибудь научишься почтению к благородным родам и паладинам Лигеи Благодетельницы?

— Не в этой жизни, — поняв, что это вовсе не сон и обреченно вздохнув, Таллаг лишь махнул рукой.

— Хвала Благодетельнице, что кроме тебя здесь есть и более приятные собеседники, — строго произнесла девушка и сразу же мягко улыбнулась, отчего ее лицо мгновенно потеряло холодную отрешенность. — Рада видеть тебя, Кисара. И тебя, Миаджи.

— И мы рады! — Обрадованная Миаджи подбежала к белой лошади и Лисандра легко соскочила с седла, звякнув доспехами. Аккуратно обняв девочку, она погладила ее по ярким волосам.

— С возвращением, Лисандра, — южанка приблизилась к девушке, состоявшей, как и она сама в Крыльях Удачи. — Какими судьбами здесь?

— Не успела я доложить Гвинет о том, что работа выполнена, как она вывалила на меня ворох новостей, включая ваше предстоящее приключение. Как паладин Лигеи, я не могла остаться в стороне и теперь отправляюсь с вами. Я даже представить себе не могу, что может случиться в Потерянных землях, да еще и в компании храмовников, — она с недоверием взглянула на стоявшего за спиной Кисары Фалкона. — Он не обижали тебя? — девушка заглянула в невинные глаза Миаджи и та вдруг пустив слезу и скорбно потупившись, указала тонким пальчиком в сторону ветерана:

— Вот он, хотел сделать Миаджи очень больно, — дрожащим голосом пожаловалась девочка.

— Что?! — Лисандра положила одну руку на узкую рукоять длинного меча, висевшего у

нее на боку, а другой прижала демоницу к себе. — Как вы могли?!..

— Она преувеличивает, — поспешила вмешаться Кисара. — Ты же ее знаешь.

— Именно это меня и удивляет, — пробормотал Фалкон. — Терпимость вольных паладинов Лигеи воистину не знает границ.

— Так же, как и ваша жестокость. — Резко парировала Лисандра. — От лица Благодетельницы мы вольны нести мир в любом уголке Светлых земель, защищая от несправедливости всех и каждого, кто готов ступить на путь исправления и любви!

— О да, на путь исправления, — Фалкон посмотрел в смеющиеся глаза Миаджи, старательно показывающей ему острый язык, но делая это так, чтобы паладин ничего не увидела.

— Брат Фалкон, — к ним приблизился Гирион и следующий за ним Колд. — Благочестивый Алектис желает, чтобы ты сопровождал его в дороге.

Старый ветеран хмуро кивнул и, закинув молот на плечо, удалился. Однако место за спиной у Кисары недолго оставалось свободным — его сразу же занял Колд,

Южанка задумчиво посмотрела в след Фалкону.

Почему его решили сменить? Связано ли это как-то с его изменившимся поведением? — Вопросы один за другим рождались в голове Кисары, но она решила не озвучивать их. Пока.

— Брат Колд защитит вас в случае опасности, — тоном, не приемлющим возражений, произнес рыцарь-защитник, глядя прямо перед собой. — За воротами нас уже ждут обозы, где вы найдете теплую одежду и еду. С ними мы проследуем до крепости Вечного Бдения, примерно десять дней пути, если дожди не сильно размыли дорогу.

— Хоть не пешком топать, — облегченно прошептал Таллаг и Калеос, страдающий с утра мигренью, медленно, чтобы лишний раз не тревожить больную голову, кивнул, соглашаясь с другом.

— Выдвигаемся. — Скомандовал Гирион и отряд двинулся по направлению к воротам Бродерио.

Вечное бдение

— О, Арифа, как я здесь оказалась? — молодая девушка подняла глаза к пасмурным небесам, однако так и не дождалась ответа богини покровительницы магии.

Уже начало смеркаться и, если бы не тучи, можно было бы увидеть уходящее за горизонт солнце. Оно еще не полностью скрылось, но сквозь медленно расступающиеся тучи пробивалось все меньше теплых лучей. Вместо божественных откровений с неба упали первые дождевые капли и девушка, опустив глаза, поспешила накинула на голову капюшон плаща темно-синего цвета, который обязаны были носить все ученики магов.

Вообще-то Кая закончила обучение три месяца назад и даже сдала последний экзамен, получив свой собственный посох, но вынуждена была сопровождать своего бывшего учителя в путешествии, так как упрямый старик наотрез отказался ехать с кем-то другим.

Девушка покачала головой. От этого движения ее черные, стриженные по длине острого подбородка волосы, высвободились из-под плотной ткани воротника. оперевшись на прямой гладкий посох из редкого красного дерева, увенчанного тускло сверкающей желтой сферой, молодая волшебница не смогла сдержать еще одного вздоха.

Она уже встретила свой двадцатый год Имени и, вместо того, чтобы устроиться служить

придворным магом или же, как и советовали ей родители, выйти замуж, она, наследница благородного рода Аркнен, отправилась неизвестно куда, да еще и в компании своего впавшего в старческое безумие учителя. И ладно бы только с наставником, несмотря на угасающий рассудок, Гранер Ласкнир оставался архимагом, посвятившим всю жизнь магии созидания. У него до сих пор было чему поучиться. Но, соглашаясь помочь старику и получить отменную рекомендацию в королевский дворец, Кая даже представить себе не могла, где окажется и какая компания ее поджидает.

Сначала Крепость Рубежа, а теперь крепость Вечное Бдение возведенная на самой границе с Потерянными землями — не лучшее место для благородной леди, но Кая не могла изменить слову данному архимагу. Честь рода превыше всего, а Аркнены всегда держат обещания, так постоянно говорит ее отец. Поэтому все, что оставалось девушке это грустно вздыхать, сожалеть о слишком торопливом решении и жалеть себя. Этим Кая успешно занималась изо дня в день, с того момента, как узнала, что помощь старику — это вовсе не наведение порядка в его записях или библиотеке, а самое настоящее безумие.

Кая плотно закрыла свои темно-синие глаза, зажмурившись, и несколько раз энергично встряхнула головой, отчего просторный капюшон соскользнул ей на плечи.

Нет, чуда не произошло — неприятная реальность никуда не делась и не превратилась в сон.

Мимо девушки прошли три высокие фигуры в черных доспехах и она, несмотря на свое происхождение, склонила голову перед гиритцами. Храмовников в крепости было столько, что у Каи уже заболела шея, от каждодневных поклонов, в то время, как монахи и вовсе не обращали на нее внимания, чем несказанно злили девушку.

Вместе с храмовниками в Вечном Бдении собралась около четырех сотен солдат, не принадлежащих гарнизону крепости — мечники, арбалетчики, боевые маги и жрецы — делились на два больших отряда, собранных явно не просто так. Но сейчас они томились в ожидании, слоняясь без дела по двору крепости.

Кая как-то попробовала заговорить с магами, но те не стали ей ничего рассказывать, сославшись на прямой приказ гиритцев и дав понять, что не жаждут общения. К самим храмовникам волшебница подходить не решилась. Рыцарей в черных доспехах здесь оказалось, так же, более чем достаточно, но не все они несли службу в крепости, некоторые, как и солдаты, чего-то ждали. Кая видела и пастырей. Ей даже показалось, что у одного из них черные лучи на табарде имели серебряные стержни. Но что делает здесь один из трех капелланов ордена Гирита Защитника?

— Может он здесь из-за мальчишки? — вслух прошептала Кая, вспомнив, как видела невысокого паренька лет двадцати.

В сопровождении четырех гиритцев, закованный в серебряные кандалы, мальчик появился во дворе крепости лишь однажды, когда его выводили из обоза и провожали куда-то в подвалы. Молодой волшебнице подросток еще тогда показался странным, и только недавно она узнала от своего бывшего учителя, что пленник гиритцев — не получивший благословения демонолог, обладающий неразвитым и от того еще более опасным даром.

Как Кая не пыталась найти всему хоть какое-то объяснение, у нее ничего не получилось. Еще большую сумятицу в мысли девушку вносили два десятка облаченных в шкуры и доспехи звероловов, прибывших относительно недавно, причем с другой стороны Стены, нежели сама девушка.

С виду — наемники, суровые и грозные, они разместились в стороне, под дальней

крепостной стеной. Двое зверолодов постоянно находились рядом с дикими хищниками своих земель, коих воины использовали как соратников в бою.

Вооруженные луками и кинжалами, эти мужчины, по мнению Каи, вовсе не нуждались в оружии, так как их сопровождала пара зверей: горный волк, на чьем поджаром теле красовалась броня, усеянная множеством шипов, в холке почти равнялся ростом с обычным человеком и черный медведь, в размерах обгоняющий даже этого волка. Вопреки ожиданиям волшебницы, хищники вели себя тихо, во всем слушались своих хозяев и по большей части спали.

Однако спокойней Кае от этого не становилось. Ей оставалось лишь молча завидовать смелости одетого в красную броню зверолода, нетерпеливо расхаживающего из стороны в сторону и пару раз наступившему спящему волку на хвост.

Этот вожак стаи зверолодов, а, по мнению Каи, это был именно он, не снимал глухого шлема, один из витиеватых рогов которого оказался обломан, и брони, чья форма чем-то напоминала звериное тело.

Гравировка на красных латах поразительно точно передавала замысел своего создателя — искусно выбитые ворсинки звериной шерсти, в некоторых местах разделялись рунами силы и защиты. Особенно сходство с хищником угадывалось в латных ботинках с когтями и таких же перчатках, которые делали ноги и руки воина похожими на лапы зверя.

Поверх брони, украшенной выпуклым изображением длинного клыка на груди, зверолод носил на широких плечах волчью шкуру, чья голова украшала его левый округлый наплечник, правый имел форму оскаленной волчьей же пасти.

Своими повадками этот мужчина, как и те, что пришли с ним, напоминал дикого хищника, томящегося в ожидании новой охоты. Только на памяти Каи, зверолоды устроили несколько стычек с солдатами. По счастью все обошлось малой кровью и гиритцам удалось разнять буянов.

Глядя на эту стаю волков, а иначе Кая не могла назвать наемников — зверолодов, волшебница видела воплощение животной жестокости народа, мужчины которого некогда не занимались ничем, кроме войны и охоты, считая земледелие уделом не достойным воинов.

Расположившись под стеной, в тени навеса, они громко смеялись и пили, не стесняясь и не боясь никого. Кая даже отсюда слышала их грубое, рычащее наречие, в тайне завидуя смелости воинов. Слов их разговора она не понимала, но осмелилась судить, что приличной девушке лучше не знать, о чем говорят эти грубые варвары.

Когда облаченный в красную броню вожак, разразившись руганью, пнул ногой развалившегося на его пути медведя, Кая невольно отвернулась, наткнувшись взглядом на своего бывшего учителя — Гранера Ласкнира.

Старый худой мужчина, немного сутулившийся из-за высокого роста, с неприятным, гладковыбритым лицом и длинными, но редкими седыми волосами улыбнулся девушке. Свой витой посох с прозрачным навершием в форме кристалла, архимаг держал в правой, слегка трясущейся руке, левой поглаживая короткий подбородок.

За долгие годы обучения Кая привыкла к архимагу и знала, что за невыразительной внешностью и напускной немощностью, таится поистине могучая волшебная сила. Во времена молодости старик сделал многое для Ариарда, посвящая все свое время магии созидания, с чьей помощью открывались врата Пути и работали камни Возврата. Именно об это старик сейчас без устали и рассказывал своему более молодому собеседнику. Кстати,

именно этот самый собеседник и его спутница, заставляли Каю всегда быть начеку.

Молодая волшебница впервые видела некроманта так близко. Она сочла бы мужчину вполне привлекательным — длинные черные волосы, светлая кожа, благородные черты лица и осанка вельможи могли бы вскружить голову не одной юной особе, если бы не леденящий душу ужас смерти в бесцветных глазах. Эти глаза, несомненно, видели то, что сокрыто за гранью жизни и смерти, то, чего не стоит видеть никому из живущих, то, чему лучше навсегда оставаться в вечном мраке небытия. Взгляд некроманта пугал Каю, заставляя ее сердце биться быстрее.

Севший на плечо мужчины черный ворон громко и хрипло каркнул, отчего Кая вздрогнула всем телом. Она едва не выронила свой посох, с трудом поймав его непослушными, переставшими гнуться пальцами.

Когда же девушка вновь подняла взгляд, то увидела, как некромант смотрит прямо в ее глаза. Мужчина в черных одеждах несколько мучительно долгих мгновений беззастенчиво разглядывал ее, после чего снова повернулся к своему собеседнику.

Молодой волшебнице вдруг показалось, что некромант чем-то напоминает ей призрака, не нашедшего покоя на том свете. Бледная кожа мужчины, черные волосы, падающие на лицо и хлопающие на ветру одеяния, казалось сотканые из мрака — придавали ему довольно зловещий вид.

— Видимо Потерянные земли скоро превратятся в благоухающий оазис, если на моего ничемного господина так долго и пристально смотрит молодая девушка.

Лишенный эмоций голос, прозвучавший откуда-то сверху, заставил Каю вздрогнуть второй раз за день. Резко обернувшись, она вскинула посох, готовая сотворить боевое заклинание, но ее взгляд замер на девочке, неподвижно стоявшей на низком балконе второго этажа, прямо над ней.

— Народ рухнувшей Империи никогда не отличался дружелюбием, — бескровные губы растянулись в подобии безрадостной улыбки, настолько жуткой, что Кая поежилась.

Она сразу же узнала эту бледную девочку в темном платье, с длинными прямыми волосами и выразительными глазами, в которых будто разлилась капля мрака самой Бездны. Этот ребенок постоянно следовал за некромантом, поэтому волшебница опустила свой посох, мысленно погасив разгоревшуюся в ее душе магическую искру.

Не успела Кая и рта открыть, как девочка, неожиданно резко выпрямилась и спрыгнула с балкона. Оказавшись прямо напротив волшебницы, она выполнила грациозный реверанс, не сводя с собеседницы черных глаз.

— Алира, — видимо представилась девочка.

— К-кая, Кая Аркнен, — волшебница рассеянно кивнула, не зная как ей вести себя в подобной ситуации.

Внезапно Кая ощутила исходящую от девочки темную магию, казалось насквозь пропитывающую ее худощавое тело, и инстинктивно отшатнулась.

— Кто ты? — подавив желание воспользоваться своей силой, спросила волшебница.

— Алира, — еще раз повторила девочка, глядя куда-то сквозь Каю, чем напугала ее еще больше. — Мое имя Алира и я служу господина Эгистесу, которого Вы столь тщательно разглядывали совсем недавно.

— Ясно, — улыбка у Каи вышла настолько натянутой, что девушка решила ее спрятать и не принимать впредь столь тщетных попыток скрыть волнение за напускной вежливостью. — Эгистес это...

— Этот вон тот странный мужчина в черных одеждах, на которого, как я уже сказала, Вы совсем недавно глазели.

— Я не глазела, — попробовала оправдаться Кая, не понимая, зачем она вообще оправдывается перед этим странным ребенком.

— Алира, — негромко позвал некромант, и девочка послушно повернулась на его голос, а у Каи по спине пошли мурашки.

Волшебница готова была поклясться, что мужчина говорил тихо, она слышала лишь шепот, но настолько отчетливый, словно колдун шептал ей на ухо. Ни расстояние, ни вой ветра и шум дождя, несколько не помешали голосу некроманта достичь ушей Каи.

— Господин? — Алира слегка наклонила голову, взглянув на Эгистеса.

— Не пугай ученицу архимага, а лучше приведи ее сюда.

— Будет исполнено. — Одного взгляда девочки хватило для волшебницы, чтобы даже не пытаться спорить и противиться.

— Я сама, — лишь выдавила из себя Кая, на негнущихся ногах направляясь к ожидавшим ее мужчинам.

Стараясь не смотреть в глаза некроманта, волшебница, унимая дрожь в коленках, приблизилась к учителю, встав так, чтобы ее и колдуна разделяла сгорбившаяся фигура архимага. Явно заметившая столь нехитрую задумку Алира, как показалось Кае, с укоризной взглянула на нее, заняв место подле некроманта.

Гранер Ласкнир обернулся, подслеповато прищурился и, откашлявшись, хрипло позвал:

— Господин э-э-э, Кровожад, будьте так любезны, подойдите, пожалуйста, к нам!

Поначалу не поняв, к кому обращается ее старый учитель, Кая обернулась и едва смогла сдержать вздох разочарования: тот самый зверолод в красной броне и шлеме с обломанным рогом, быстрым, похожим на волчий бег шагом, приближался к ней.

— Благодарю Вас, — вежливо улыбнулся Гранер.

— Чего надо? — пропустив приветствия, сразу же грубо спросил зверолод, скрестив руки на закованной в панцирь груди. Его хриплый голос больше напоминал рык зверя, нежели человеческую речь. — Доброго Вам дня, — скрипучим голосом поздоровался архимаг, но воин, по-прежнему, не спешил демонстрировать хороших манер, которыми, по всей видимости, попросту не обладал. Единственным знаком хоть какого-то уважения, коего удостоились собравшиеся, было то, что зверолод все же стянул с головы свой шлем. Кае стало еще больше не по себе, когда она заглянула в ярко-желтые, обведенные углем глаза зверолода, напоминавшие глаза волка, с черными точками зрачков. На его загорелом, хищно — остроносом лице белой полосой выделялся шрам, проходящий параллельно рту и тянувшийся под глазами и по переносице. Нижнюю губу вожака зверолодов охватывало узкое серебряное кольцо, разделяющее ее на две равные половины. Черные волосы этот дикарь заплел в короткую косу, вплетя в нее желтую ленту и демонстрируя окружающим выбритые виски, чуть подернутые сединой, на начавших отрастать волосах.

Заметив, как отпрянула от него волшебница, зверолод усмехнулся так, как, наверное, улыбался бы хищник загнанной жертве, прежде чем вкусить ее кровь. По его короткой бороде было заметно, что мужчина не отращивает ее, как многие зверолоды, и это еще больше насторожило волшебницу.

— Господин Кровожад, Вы и ваши люди ведь пришли из-за Стены? — архимаг, в отличие от своей ученицы, легко выдерживал взгляд зверолода.

— У тебя же есть глаза, кудесник, — хмыкнул Кровожад с легким презрением в

голосе. — Или минувшие зимы затмили твой взор?

— Просто решил уточнить, — нисколько не смутился Ласкнир. — Как долго вы находились по ту сторону?

— Несколько ночей, — неопределенно пожал плечами зверолод.

— Несколько? — Эгистес взглянул на нового собеседника, но тот и глазом не повел.

— Несколько, — согласно кивнул Кровожад, скривив губы, теперь выглядящие словно шрам, на его суровом лице с широким подбородком.

— И Вы видели... демонов? — архимаг продолжил расспрос, чем развеселил стоящего перед ним зверолода.

— Клянусь утробой Урсулы, старик, подними свое трухлявое туловище на стену и даже своими слепыми глазами ты увидишь, как эти твари снуют туда-сюда в тумане. Их там столько, что всем нам хватит!

— То есть, Вы хотите сказать, что популяция демонов за Стеной увеличилась, в сравнение с несколькими днями назад?

— Чего увеличилось? — наклонив голову набок, Кровожад нехорошо прищурился, глядя на Гранера Ласкнира.

— Он хочет знать, стало ли демонов больше, чем было раньше. — Пояснила Кая, памятуя о том, что племя зверолодов не любит незнакомых слов, а также тех, кто ими пользуется. Страх неожиданно добавил девушке решительности, и ее голос почти не дрогнул.

— Еще как, — лицо Кровожада неожиданно стало серьезным. — Нам кажется, что они приходят сюда зачем-то. Чего-то ждут.

— Я же говорил! — Ласкнир сухо щелкнул длинными пальцами. — Они чувствуют, что за этими стенами собралось много народа. Мой план работает, господин Ларк.

Кая насторожилась. То, как обратился к колдуну ее учитель, вызвало в душе девушки какие-то смутные воспоминания, но она так и не смогла понять какие. Видимо это произошло давно и не слишком волновало девушку, раз она не придавала этому значения и не запомнила.

— Я просил не называть меня так. — Жестко бросил некромант, брезгливо поморщившись.

— Но Ваши родители...

— Мой отец отрекся от меня, так что я не желаю слышать о нем.

— Как Вам будет угодно, — нехотя сдался Гранер Ласкнир, скрывая разочарование. — Прошу меня простить.

Эгистес Отверженный сдержано кивнул, обозначив, что принимает извинения, хотя по его лицу было видно, как безразличны ему слова старика.

— Кстати, позвольте представить вам всем мою ученицу, Кая Аркнен, — архимаг немного подтолкнул смутившуюся девушку. — Я хотел бы попросить вас...

Неожиданно зверолод, носивший имя или прозвище — Кровожад, отвернулся от ученицы архимага, уставившись на ворота крепости, выходившие в земли Ариарда. Больше не слушая никого, он быстрым шагом направился к своей новой цели, на ходу шумно втягивая ноздрями прохладный воздух.

— Присмотреть за девочкой, если со стариком вроде меня, что-то случится, — закончил Гранер, глядя в удаляющуюся широкую спину зверолода. — Ее родители вполне состоятельны, чтобы отплатить за беспокойство.

Не оборачиваясь, Кровожад поднял правую руку, в знак того, что все услышал и ускорил шаг. Шкура, заменяющая зверолоду плащ, покачивалась в такт его энергичным шагам, а топоры, чьи рукояти поднимались за широкими плечами, тихо звякали о броню.

— Мы уже говорили об этом, — некромант смерил волшебницу взглядом. — Я не стану работать нянькой и деньги меня не интересуют.

— Я готов предложить нечто большее, — вытащив из складок мантии узкий свиток, Гранер Ласкнир протянул его колдуну, но тот не шелохнулся.

Выступившая вперед Алира взяла из рук мага пергамент и, открыв, быстро пробежала по нему своими внимательными черными глазами.

— Здесь говорится, что предъявитель сего может взять любую вещь из личных сбережений архимага Гранера Ласкнира в его покоях, находящихся в Школе магии Ариарда. — Закончив чтение, сообщили Алира. — Печать и подпись, как пером, так и магией — имеются. Все подлинное.

— У меня богатая коллекция древних книг и артефактов, — от архимага не укрылась искорка интереса, вспыхнувшая в бесцветных глазах некроманта.

— Учитель! — Попробовала протестовать Кая, но Гранер жестом попросил ее помолчать.

— Я получу награду, вне зависимости от того, выживите ли вы или нет? — прямо спросил Эгистес.

— Да.

— Согласен. — Некромант взял свиток из рук Алиры, спрятав его за пазуху. — Что бы ни случилось, держись рядом со мной. — Он в два шага приблизился к Кае, впившись в нее цепким и холодным взглядом. — Если из-за твоей смерти я лишусь чего-то ценного, то можешь не надеяться на забвение, загробной жизни тебе не увидеть. Ясно?

— Да! — Выпала напуганная волшебница, судорожно сглотнув.

— Добро пожаловать в рабство, — с мрачным ехидством произнесла Алира.

— Кажется, все в сборе, — некромант взглядом указал присутствующим на начавшую подниматься решетку ворот, перед которыми уже замер Кровожад.

— Становится все интереснее, а? — Ласкнир улыбнулся ученице, все еще не обретшей дар речи, после столь угрожающего заявления колдуна.

— Учитель... почему?.. — промямлила Кая, когда Эгистес и Алира отошли от них, направляясь к воротам. — Зачем?

— Я слишком стар, чтобы защитить тебя, Кая. Но, в то же время, моя старость и является причиной, по которой я не могу обойтись без тебя. — Архимаг вздохнул. — Я обучал тебя долгие годы и, как никто, знаю, на что ты способна. Ты не одна из этих боевых магов, которым лишь бы что-то уничтожить, ты можешь понимать, в тебе есть то, что есть и во мне — жажда знаний. Только подумай, что мы можем узнать, если доберемся до обители Нерушимых Врат! Ты ведь знаешь, что Изначальные врата находятся именно там!

— Я считала, что это не более чем домыслы, — неуверенно пробормотала девушка, нисколько не слукавив.

Во время обучения она часто слышала о существовании каких-то мифических врат, которые никто никогда не видел. Все знали, что это не более чем сказка, для того, чтобы заинтересовать самых молодых учеников, но вот услышать подобное заявление от одного из почтенных архимагов было уже странно.

— Но что, если они верны? — рассуждая о предстоящем открытии Гранер Ласкнир,

словно помолодел, и Кая поймала себя на мысли, что давно не видела учителя таким. — Ты представляешь, какой шаг сделает современная магия, прикоснувшись к своим истокам? Возможно, мы сможем достичь чего-то нового или же, наоборот, вернуть нечто позабытое, восполнить недостающие детали в мозаике нынешнего волшебства и оно вновь обретет былую целостность, открывая перед нами неведомые ранее горизонты!

— Может Вы и правы... Но некромант, — в ушах Каи все еще звучали недавние слова колдуна. — Он же может превратить меня в нежить!

— Не исключено, — согласился архимаг. — Но, в этом случае, тебе представится уникальная возможность познать темную магию созидания на себе! Такой шанс, если он выпадет, нельзя упускать! Обязательно запиши все, что с тобой будет происходить, если вдруг, не приведи Арифа, тебе придется умереть. Это же послужит во благо магии!

— Вы — сумасшедший, — покачала головой девушка.

— Я просто стар, — отмахнулся Гранер Ласкнир. — Что же до Эгистеса, то ему можно верить. Он не даст тебе погибнуть. Парень просто необщительный, раньше он был другим, — неожиданно архимаг грустно вздохнул, а в его глаза отразилась затаенная печаль. — Улыбчивый мальчишка, которого я когда-то знал — пропал. После смерти матери, Эгистес Ларк стал Эгистесом Отверженным, своей полной противоположностью.

— Ларк, а это случаем не... — неожиданная догадка поразила Каю, словно молния.

— Настоятельница главного храма Лигеи Благодетельницы в Ариарде, — Гранер Ласкнир подтвердил догадку ученицы.

— Он сын прошлой верховной жрицы, Эмилии Ларк? — Удивлению Каи не было предела, когда она во все глаза смотрела на бледного, черноволосого мужчину, в развивающихся на ветру темных одеждах.

— Даже больше, — Гранер, так же, смотрел на Эгистеса. — Когда-то он сам был жрецом.

* * *

— Почему нельзя было построить врата Пути в крепостях? — Таллаг в очередной раз задал вопрос, успевший надоеть всем без исключения, включая Колда.

Спутники почти дюжину дней провели в дороге, и крытая повозка все это время заменяла им дом. Усиленная и массивная, запряженная лошадьми — тяжеловозами, она предназначалась для перевозки гиритцев, чья тяжелая броня, оружие и собственный немалый вес, не позволяли им путешествовать верхом.

Отряд Алектиса распределился по обозу, везущему припасы и оружие в крепость Вечного Бдения, и теперь двигался к твердыне так быстро, как это только было возможно, останавливались лишь с наступлением тьмы, на ночлег, чтобы ни свет, ни заря вновь тронуться в путь.

Казалось бы — двенадцать дней не такой уж и большой срок, но это лишь первое впечатление. Дорога и бездействие, зачастую, выматывают куда больше чем тяжкий труд, по крайней мере, морально.

Похрапывание лошадей, их мерное движение и бесконечные, тянущиеся по правую сторону горы Королевской гряды обернулись настоящей пыткой для непривыкшего сидеть на месте зверолода.

Природа подарила странникам лишь пару ясных дней, все остальное время щедро поливая их дождем и обдувая ледяным ветром. Это могло бы стать проблемой, если бы не утепленные повозки гиритцев. Однако общая мрачная атмосфера и почти осязаемое давление Зла, таящегося за приближающейся Стеной, многократно ухудшали положение.

Таллагу никто не ответил, и он насупился, недовольно оглядев тех, с кем ехал в одной повозке. Исель и Кисара дремали в уголке, накрывшись теплой шкурой. Калеос, кажется, тоже заснул. Миаджи не появлялась все дни пути, заявив, что у нее есть более интересные дела, чем унылое путешествие со скучными храмовниками.

Так что компанию бодрствующих составлял лишь сам, не находивший себе места Таллаг, да немногословный рыцарь — защитник Колд. Гиритец вообще постоянно смотрел прямо перед собой и почти не шевелился, не реагируя на заявления зверолода.

— Так почему? — Таллаг впился взглядом в Колда и гиритец, вздохнув, все же ответил:

— Насколько я знаю, врата можно возвести лишь в определенных местах.

— Магия... — зверолод пренебрежительно фыркнул.

Как и все его племя, Таллаг очень осторожно относился ко всяким проявлениям волшебства. Зверолоды, находящие общий язык со зверями и духами стихий, не могли в полной мере овладеть магией людей, но они обладали даром шаманства, чьи тайны не открывались никому, кроме диких и необузданных детей Урсулы и соседствующих с ними орков. Правда, шаманство зеленокожих отличалось от дара зверолодов, как магия Знаков темных эльфов, отличалась от рунического волшебства дворфов, хотя и нечто похожее между ними было.

— Давно бы уже научились возводить эти врата там, где хочется! — Продолжал возмущаться Таллаг, которому до смерти надоело трястись в повозке. — Все равно демоны ими пользоваться не умеют...

— Зато умеют демонопоклонники, не все из них рабы или выходцы из простого люда. — Неожиданно, пусть и довольно мрачно, поддержал разговор Колд. — Многие раньше были воинами, магами и даже жрецами, причем все это не только люди, среди оскверненных встречаются и эльфы, и другие народы. Правда, Скверна изменила их настолько, что теперь не узнать, кто как выглядел раньше. — Рыцарь стиснул зубы. — Сами отродья Бездны, хвала Гириту, чужды нашему миру и не имеют над ним власти — вода не принимает их, небеса отрекаются от них, а стена Святой Преграды не позволяет отродьям перемещаться по суше.

— Так вот в чем дело! — Неожиданно Таллаг привстал. — А я-то все думаю, почему бы тварям не перелететь стену или не добраться до Ариарда вплавь! Стены с берегами вокруг закрытых врат делают тоже самое?

— Меня удивляет то, что ты додумался до подобного вопроса только в таком возрасте, — несмотря на ироничный тон, глаза храмовника оставались безжизненными, а выражения лица не изменилось.

— Погоди! — Таллаг уже собирался грубо ответить на замечание монаха, но очередная догадка поразила его. — Миаджи-то, летает!

— Рабыня демонолога? — Взгляд Колда скользнул по лицу спящей Кисары. — Под покровительством хозяев, не чуждых светлым богам, эти твари обретают определенные преимущества, к примеру, внешний облик схожий с человеческим. Ни один демон из Бездны не может выглядеть как человек, без посторонней помощи. К тому же магия демонологов не только меняет, но и поддерживает демонов, заключивших с ним контракт. Иначе, зачем им,

по-твоему, вообще заключать договоры с людьми?

— Вашу ж мать, как все непросто! — присвистнул зверолод, позабывший о том, что его собеседник гиритец, общество которых всегда ему не нравилось.

Долгий путь, история Фалкона, отсутствие общения и непреодолимая скука вынуждали Таллага посылить изменить свое отношение к Колду и его ордену.

— Как ты вообще дожил до своих лет, не зная того, что ведомо каждому ребенку в Светлых землях? — зевнув, сквозь сон пробормотала Исель.

— Все не каждому, — буркнул Таллаг, но девушка ничего не ответила, снова забывшись сном. Зверолод поерзал на неудобной скамье и снова обратился к гиритцу:

— А что эти демоны?

— Спроси у своей подруги — демонолога, — неохотно ответил Колд уже пожалевший о том, что поддержал разговор зверолода.

— Сейчас она спит, а потом я забуду.

— А кто тебе сказал, что мне хочется с тобой говорить?

— Разве вы не щит своего бога? — протянул Таллаг, буравя бездушного взглядом. — Давай, поведай мне о демонах! Вдруг это сохранит мне жизнь?

— Ты не веришь в нашего бога, — парировал Колд.

— Но я житель Светлых земель! — Не остался в долгу Таллаг и гиритец вздохнул. — Давай, не ломайся, что там у этих демонов на уме? Вдруг вас всех перебьют, и мы с друзьями останемся в Потерянных землях одни? — насел на монаха зверолод, почувствовав, что почти разговорил его. — А твои советы смогут нам спастись.

— Если вы останетесь в Потерянных землях одни, — гиритец выразительно посмотрел в разноцветные глаза зверолода. — Вас ничто и никто уже не спасет.

Таллаг выдержал взгляд монаха и тот, еще раз вздохнув, продолжил: — Ни ты, ни я, ни другой смертный никогда не пойдем созданий Бездны. Это невозможно. Ни один смертный не в состоянии осознать и понять, что происходит в испорченном разуме этих тварей, при этом, не потеряв рассудок. Здравый смысл, логика, человеческие чувства — ничто из этого не властно над созданиями Бездны. Поэтому и никакие человеческие проявления эмоций нельзя приписать демону, по крайней мере, в нашем их понимании. Им знаком гнев, но это не тот гнев, что иногда полыхает в наших душах. Он в бесчисленное количество раз сильнее, кровожаднее, он безжалостный и всепоглощающий настолько, что попросту выходит за границы нашего понимания...

— Это ты сейчас вышел за границы моего понимания, — растерянно пробормотал Таллаг. — Я ни слова не понял из того, что ты сказал.

— Просто не жди от тварей того, что мог бы ожидать от человека. Ты никогда не поймешь их, не узнаешь, что у них в голове. Пример — оскверненные. Бездна лишь приоткрывает свои двери перед разумом смертного существа, а оно уже лишается рассудка, превращаясь в страшное создание. Оскверненные лишаются своего прежнего облика, лишь бы угодить Скверне в ее извращенных желаниях. Убивай демонов и демонопоклонников, чтобы они не говорили тебе и не щади, потому что им самим неведома жалость.

— Но Миаджи, она не кажется мне такой уж злой, — Таллаг нахмурился. — Ты уверен, что прав?

— Демонолог меняет демонов, подстраивает под себя, — пожал плечами Колд. — Но это не значит, что тварь изменилась, она просто стремится угодить хозяину, чтобы он и дальше делился с ней своей силой.

— Ты многое знаешь...

— Милостью Гирита, — сдержанно склонил обриту голову Колд.

— И эта милость сейчас ведет тебя в место, хуже которого нет на этом свете? — Таллаг не упустил возможности поддеть гиритца.

— У каждого из нас, есть свое предназначение, зверолоуд, — невозмутимо ответил Колд. — Если волею Гирита мой путь ведет в Потерянные земли, значит, я нужен именно там. И я буду там. Какова бы не была воля моего бога. Я выполню ее, чего бы это ни стоило.

Речь монаха впечатлила Таллага, но он не сдавался: — Да ты бы и не отправился с нами, если бы одного из твоих братьев не ранили!

— Значит, то, что волею Гирита должно быть сделано в Потерянных землях было не под силу брату Ринону. Бог защитник избрал меня вместо него. Он счел меня достойным, и я не подведу. Не успел очередной вопрос сорваться с губ Таллага, как он услышал приближающийся конский топот, а спустя несколько мгновений, полог повозки сместился, и внутрь ловко забралась девушка в серебристых доспехах, по которым сейчас стекала дождевая вода.

— Снова начался дождь, — сообщила Лисандра, занимая место на дальнем конце одной из скамей, тянущихся вдоль бортов повозки.

Паладин Лигеи Благодетельницы энергично встряхнула головой, сбрасывая прозрачные капельки влаги с золотистых, еще не успевших полностью намокнуть, волос.

Больше книг на сайте - Knigolub.net

— Эка невидаль, — развел руками Таллаг.

— Знала бы, что Кисара и Исель спят — осталась бы мокнуть. — Нахмутив изящные изогнутые брови, проронила Лисандра, с явной завистью и сожалением глядя на пригревшихся под теплой шкурой друг.

— Ну так вперед. — Приободрившийся возможностью поболтать с кем-то кроме гиритца, зверолоуд широким жестом указал девушке на выход из повозки.

— Скоро и так выходить.

— Как так? — не понял Таллаг.

— Стена уже близко. — Неожиданно произнес Колд. — Мы почти прибыли.

— Да ну?! — недоверчивый зверолоуд прислушался и его обостренный, словно у дикого хищника, слух, отчетливо выделил металлический скрежет, вгрызающийся в шум дождя. — С таким лязгом и скрежетом может подниматься...

Оборвавшись на полуслове, зверолоуд вскочил со своего места. Высунувшись из повозки и получив в лицо горсть холодных капель, Таллаг увидел ее — темную громадину, отчетливо выделяющуюся на фоне покрытых лесом гор и сравнимую с ними по высоте, серую полосу, разделяющую горизонт и служащую барьером от Тьмы, веками защищающим жителей Светлых земель — Стену Святой Преграды.

От древних камней веяло несокрушимой мощью и величием. Один их вид вселял в сердце благоговение, а в душу — веру в героев и светлых богов.

Дорога, по которой двигался обоз, немного петляла, огибая овраги, чередующиеся с пологими холмами, усеянными невысокими деревцами, чьи вытянутые листья в этой части Ариарда уже начали отливать золотом.

Выложенный камнями тракт резко обрывался перед широким рвом, заполненным водой, до сих пор отливающей алым цветом, когда-то пролитой здесь крови. За рвом возвышались огромные ворота, сейчас разинутые, словно пасть огромного дракона с

вываленным языком перекинутого через обрыв моста. Подобное сходство усиливали зубья мощных решеток, сейчас поднятых вверх, чтобы обоз мог беспрепятственно проехать внутрь крепости.

Возницы подстегнули обеспокоенных лошадей и те, недовольно фыркая, повиновались, с неохотным усердием потянув тяжелые телеги за собой. Животные чувствовали близость Потерянных земель, ступив на которые все живые существа могли лишиться рассудка и умереть или же обрести куда худшую, нежели смерть, участь — потерять бесценную душу, обратившись в безумное творение Скверны.

Даже Стена не могла сдержать ледяного дыхания Бездны, облизывающей нерушимые камни в жадном стремлении вкусить свежей и теплой человеческой крови, поглотить души и развратить разум тех, кто находился по другую сторону.

Стена Святой Преграды приближалась мерными рывками, все больше нависая над обозом и заставляя каждого чувствовать себя гораздо меньше, чем он есть на самом деле. Таллаг не знал, сколько времени он простоял на краю телеги, держась рукой за скользкий от дождя поручень и созерцая столь величественную преграду. Он даже не заметил, как кончился дождь, чтобы вновь начаться спустя некоторое время.

Лишь когда лошадь, тянувшая за собой телегу с Таллагом и его спутниками остановилась, оказавшись внутри просторного крепостного двора, зверолод несколько раз моргнул и встряхнул головой, спрыгнув на землю.

Несмотря на то, что он провел долгое время, трясаясь в телеге, прикосновение к твердой земле не принесло Таллагу никакой радости. Лишенная травы и даже в дождь покрытая сухими трещинами, эта почва была мертва. Ее холод даже сквозь подошвы сапог леденил кожу, словно хотел забрать все тепло.

Поморщившись, зверолод неловко переступил с ноги на ногу, стремясь избавиться от неприятного ощущения.

— Наконец-то, — Лисандра первой выглянула из-за тяжелого полога, защищавшего путников все время пути.

Девушка легко выбралась из телеги и теперь, поправив помявшийся плащ, занялась своими золотыми локонами. Дорогие доспехи паладина Лигеи тускло сверкали в неясных лучах выбивающегося из-за туч закатного солнца, излучая странную ауру спокойствия, отпугивающего размытые тени Потерянных земель, стусившиеся над этим местом.

Следом за Лисандрой на землю крепости Вечного Бдения ступил рыцарь — защитник Колд. Как всегда хмурый, он взглянул на мрачные небеса, вдохнув влажный воздух, и сразу же направился к Алектису, который уже говорил о чем-то с храмовниками, несущими службу в крепости.

Пастырь, верхом на пегой лошади прибыл в крепость ранее остального обоза, поэтому, наверняка, уже успел многое обсудить с братьями по ордену. Сейчас Алектис негромко говорил с бледным мужчиной в темных одеждах и посохом, на котором без устали трепетали черные змеи потрепанных лент. Через несколько ударов сердца, выбравшиеся из второй телеги храмовники, присоединились к своему пастырю, почти скрыв его массивными фигурами.

— Что за странный тип? — Исель вместе с братом подошли неслышно, как всегда.

— Не знаю, — последней выбравшаяся наружу Кисара все еще стояла на верхней подножке телеги, что позволяло ей видеть над головами окруживших пастыря храмовников.

Девушка огляделась, недовольно поежившись от осознания, что окружена гиритцами и

тихонько присвистнула.

— Тут целая армия, — поведала она друзьям, глядя на собравшихся рядом с приземистым зданием солдат.

Копейщики, мечники и лучники вяло копошились у нескольких рядов одинаковых палаток армии Ариарда. Все они были украшены гербом королевства: серебряный треугольный щит, что разделяла синяя вертикальная полоса, на одной половине красовался вставший на задние лапы золотой лев, а на другой скипетр, перекрестившийся с прямым клинком. Над щитом располагалась сверкающая корона, а по его краям замерли алые флаги.

Ближайшие к обозу солдаты с настороженными лицами занимались полировкой брони, изредка бросая любопытные взгляды на вновь прибывших. В глазах воинов проскальзывало нетерпение и надежда, что с прибытием обоза что-то начнется.

Сверкающая броня солдат, видимо, последнее время все больше подвергалась чистке и полировке, о чем свидетельствовал ее безупречный внешний вид. Так что не было ничего удивительного в том, что воины не знали, чем еще себя занять.

Кисара увидела и жрецов Лигеи в их светлых одеяниях, и темно-синие плащи волшебников, среди которых выделялись несколько с фиолетовым отливом. Такие носили боевые маги, чья врожденная сила способствовала более разрушению, нежели созиданию. Боевые маги могли практически мгновенно сплести сложнейшие атакующие заклинания, способные стереть врага с лица земли. Однако им были не доступны другие возможности многогранного искусства магии.

Разрушение и созидание — испокон веков являлись двумя путями развития для волшебника, причем сам он не мог осознанно ступить на один из них. Боевыми магами рождались, а не становились. Без особого дара невозможно было обуздать мощь тайной магии, точно так же, как и рожденному для разрушения, постичь тайны плетения созидающих заклинаний. Маги обоих направлений всегда высоко ценились во всех Светлых землях и если созидатели внушали уважение, то разрушителей больше боялись.

Прежде чем прыгнуть на землю, южанка заметила архимага Гранера Ласкнира, среди фигур гиритцев. Она хорошо помнила его, так как старик был одним из тех, кто выносил решение касательно будущего Кисары, когда девушка получала благословение светлых богов.

Южанка была благодарна чудаковатому старику, почти не изменившемуся со временем за то, что тогда он занял ее сторону. После того, как Кисара все-таки получила разрешение, она не часто виделась с архимагом, но несколько раз они все же встречались.

Рядом с магом держалась молодая девушка, младшей самой Кисары, в плаще ученицы волшебника. Она выглядела настолько смущенной и обеспокоенной, что Кисара задумалась о том, что молодая волшебница по воле какой-то случайности оказалась в крепости на границе Потерянных земель.

Немного помедлив, южанка решила не призывать Миаджи, отсутствующую почти всю дорогу от Бродерио до крепости. Демоница появлялась лишь пару раз, чтобы подремать на коленях южанки и поболтать с Лисандрой.

Не успела Кисара подумать о девушке-паладине, как услышала ее голос:

— Со мной что-то не так? — спросила наследница благородного рода де Лиреф, взглянув на Таллага, застывшего перед ней и смотрящего прямо перед собой. — Эй, что ты... — Лисандра вдруг поняла, что зверолод смотрит не на нее, а куда-то за ее спину.

Девушка резко развернулась сразу же наткнувшись на колючий взгляд желтых, похожих на волчьи, глаз. Надвигающийся на нее мужчина, закованный в красную броню с накинутой

на плечи шкурой, даже не удостоил девушку взгляда. Он лишь бесцеремонно отодвинул ее со своего пути, не утруждая себя попытками обойти паладина Лигеи Благодетельницы или хотя бы извиниться.

— Да как ты смеешь! — Щеки Лисандры вспыхнули. — Все ваше племя напрочь лишено каких-то понятий о правилах приличия, да?!

Так как зверолод в красной броне даже не обернулся на ее гневную речь, девушка взглянула на Таллага и опешила — зверолод с открытым ртом смотрел на приближающегося более крупного соплеменника и на его лице отражались противоречивые чувства.

Волчья шкура на широких плечах воина дернулась, и он остановился в каких-то двух шагах от Таллага. Мужчины молча стояли друг напротив друга и лишь завывающий ветер играл их волосами.

Заинтересованная Лисандра приблизилась, глядя на зверолодов, буравящих друг друга пристальными взглядами.

— Они что, знакомы? — спросила шепотом паладин у Исель, но темная эльфийка лишь пожала плечами.

— Первый раз вижу этого, — Калеос положил руку на рукоять кинжала, немного сместившись в сторону и встав так, чтобы спину незнакомца и его ничего не разделяло.

— Мне он, тоже, не знаком. — К эльфийке и Лисандре подошла Кисара.

Воин в красной броне прорычал что-то на наречии своего племени и Таллаг ответил ему на том же языке.

Неожиданно незнакомый друзьям Буревестника зверолод весело хохотнул и в неувловимом порыве стиснул Таллага в крепких объятиях, приподняв того над землей. Выпущенный им шлем с обломанным рогом звякнул о землю.

Калеос рванулся было на выручку другу но, увидев, как Таллаг улыбается, застыл на месте, растерянно вложив в ножны кинжал.

— Разорви меня Урсула! — Пророкотал воин в красной броне, переходя с родного наречия на правильный общеимперский, пусть и с грубым акцентом свойственным зверолодам.

Поставив Таллага на землю и, положив мощные руки ему на плечи, он принялся оглядывать соплеменника, не пряча радостной улыбки, казавшейся лишней на суровом лице.

— Я думал твои потроха пожрали демоны!

— Это мои слова! — Улыбка Таллага, казалось, достигла заостренных ушей, а на его разноцветных глазах выступили слезы, которые он поспешно смахнул. — Я думал, что навек потерял тебя, брат!

— Брат?! — эхом разнеслись слившиеся в один голоса окруживших зверолода друзей.

— Ты, правда, не мираж этой проклятой земли? Ты, действительно, Скар?! — Таллаг, казалось, не замечал ничего происходившего вокруг.

— Из плоти и крови! Как и ты! — Тот, кого Таллаг назвал братом, с силой встряхнул зверолода и разразился новым приступом хохота и его родич смеялся вместе с ним.

— Так-то они даже чем-то похожи, — пробормотала Лисандра, глядя на мужчин.

— Даже очень, — согласно кивнула Исель.

— Клянусь Праматерью, Тал, мы с Аишей думали, что ты сгинул в проклятом разломе! — Голос Скара больше напоминал рык дикого зверя. — Лишь спустя несколько зим до нас дошел слух, что какой-то паренек улизнул через ворота и привел храмовников на

помощь! Мы не знали ты это или нет, пытались отыскать, но Светлые земли слишком велики, чтобы найти того, кто потерялся в них!

— Аиша жива?.. — Таллаг чуть не плакал. — С сестрой все в порядке?!

— Да что станется с этой лисой?! Она чует опасность лучше любого. Не позови она меня тогда в лес за ягодами, и мы бы сами послужили закуской темным тварям!

— Быть этого не может... — Буревестник замотал головой. — Мне сказали, что никто не выжил.

— Да ну? — Внезапно Скар отвесил брату такую затрепину, что тот едва устоял на ногах. — Похоже, что я мертвец или мне как следует навалить тебе, как в детстве?!

— Уж твои удары я ни с чем не спутаю! — Потирая ушибленную голову, Таллаг улыбнулся, в его глазах не было ни тени обиды. Он открыл было рот, но, заколебавшись, не проронил ни звука.

— Ты что, рыба? Чего глаза пучишь, да рот разеваешь? — Склонив голову набок, Скар взглянул на брата.

— А Аиша, с ней все в порядке? — спросил, наконец, Таллаг с надеждой в голосе.

— Я же сказал, что она та еще лиса! Наша с тобой ненаглядная сестренка нашла себе знатного ухажера и, если не ошибаюсь, уже должна была разродиться благородным потомством! Живет где-то в столице, в центре города Ариард, прохлаждается в богатом поместье!

— Невероятно... — Таллаг выглядел одновременно и обрадованным и растерянным.

— Урсула хранит своих щенков, как и положено заботливой матери, — Скар сгреб брата за плечи и свободной рукой взъерошил его волосы. — Я уже начал молиться ей о том, чтобы она согрела тебя под своим боком во время вечной зимы, а тут ты, целый и невредимый являешься в это, забытое Праматерью, место, да еще в сопровождении четырех красоток! — Зверолюд, наконец, удостоил остальных веселого взгляда. — Хотя эта вот — так себе, — доверительно шепнул он Таллагу, указывая пальцем в сторону Калеоса.

— Я, вообще-то, мужчина и мое имя — Калеос, — смутился темный эльф, сбрасывая капюшон. — Хотя мы с сестрой похожи и я, признаться, привык, что нас иногда путают, особенно со спины или если не видят лиц...

— Кровь Урсулы, парень! — воскликнул Скар, перебивая темного эльфа, и удивлено воззрившись на него. — Коли ты мужик, а каждый встречный путает тебя с девицей, клянусь даром Праматери, это не то, к чему стоит привыкать! — Он вновь повернулся к брату. — Остальные-то хоть это... нормальные или я так долго топтал Потерянные земли, что забыл, как выглядят женщины?

— Мы, между прочим, все слышим! — Лисандра гордо выпятила грудь, смело глядя в глаза зверолюда в красной броне. — Я, паладин Лигеи Благодетельницы, леди Лисандра Ноэлль де Лиреф и я не потерплю, чтобы какой-то там...

— Больше молчи и меньше задирай нос — цены тебе не будет! — Скар обошел вокруг задыхающейся от негодования Лисандры, пристально разглядывая ее.

— Да как ты смеешь?! — Не выдержала девушка.

— Смею что? — не понял зверолюд.

— Так бесстыдно разглядывать меня! Животное! — Лисандра прикрылась руками, словно была обнажена, хотя полный латный доспех надежно скрывал ее стройное тело.

— Чего тут разглядывать? — искренне удивился Скар. — Здесь же одни железяки! Хотя... — он зашел за спину девушке и приподнял ее плащ. — У тебя отличный,

сверкающий крепкий бронированный зад! — Расхохотавшись, он с силой хлопнул девушку ладонью чуть ниже спины, отчего та сделала несколько шагов вперед.

— Теперь я точно узнаю брата, он совсем не изменился, — пробормотал Таллаг.

— Ах ты!.. — разгневанная Лисандра схватилась было за рукоять меча, но, неожиданно оказавшись прямо перед ней Скар, положил свою ладонь сверху на ее руку и девушка, как ни пыталась, не смогла вытащить клинок из ножен.

Хищно усмехаясь, зверолод приблизил свое лицо к лицу Лисандры и шумно втянул ноздрями воздух у ее волос.

— Женщины, — на лице Скара появился легкий оттенок мечтательного выражения. — Вас хоть в помой окуни, а все равно пахните приятно.

— Что? — Лисандра застыла, услышав слова зверолода. Он даже забыла о своем недавнем желании проткнуть его мечом. — Если это комплимент, то он самый странный из всех, что я слышала за свою жизнь.

— Не понимаю о чем ты, — уже не глядя на Лисандру, Скар принялся разглядывать Кисару и Исель. Оглядев девушек с головы до ног, он снова повернулся к брату:

— Так какая из них твоя? — спросил он. — Эта? — Скар ткнул пальцем в сторону темной эльфийки.

— Да ты сама пронизательность, — без особого восторга произнесла Исель. — В точности, как твой брат. Мы все здесь просто друзья.

— Это ты нас сейчас оскорбила? — не понял Скар, нахмурившись. Резко сменившееся настроение угрожающе выглядящего воина заставило эльфийку добавить:

— Просто указала на вашу с родственником схожесть.

— Ну так мы же братья, как иначе? — вновь развеселившийся зверолод подпрыгнул к Таллагу и, ухватив его за плечо, потянул за собой. — Разорви меня волчица, чего мы все стоим у ворот?! Пойдемте, будем праздновать!

— Но мы должны... — Лисандра попробовала заступить Скару дорогу, но тот, ловко увернувшись, ухватил ее за тонкую талию, увлекая за собой. Броня паладина звякнула о нагрудник зверолода. — Меньше слов, больше дела! Друзья моего брата — мои друзья! — обернувшись, Скар встретился глазами с Кисарой и южанка вздрогнула.

— Куда ты ведешь их? — вдруг прозвучал глухой и серьезный голос.

— А кто ты такой, чтобы спрашивать? — ответ Скара больше напоминал утробный рык горного волка, готовящегося к схватке. Выпустив брата и Лисандру, зверолод резко развернулся, с вызовом глядя на приближающегося к нему Колда.

— Рыцарь — защитник ордена Гирита, — невозмутимо ответил храмовник. — И, волею пастыря Алектиса, я в ответе за тех, кого ты собрался увести.

— А?!.. — Подойдя вплотную к бездушному, Скар уперся своим нагрудником в его и, снизу вверх, уставился в глаза монаха, на голову превосходящего его в росте. — Собрался помешать мне?

— Все зависит от того, как ты объяснишь мне происходящее.

— О! — улыбка Скара вышла жуткой. — Я просто мастер в объяснениях. Сейчас я...

— Прекратите! — Лисандра решительно оттолкнула мужчин друг от друга. Точнее она попыталась это сделать, но сил девушки не хватило на то, чтобы сдвинуть с места свирепеющего зверолода и огромного, словно ониксовая скала, храмовника.

— Брат нашего друга, просто хочет представить нас своим друзьям. Этого требуют хорошие манеры, тактичность и этикет! — не сдавалась паладин.

— Что за бред, ты, странная женщина, постоянно несешь? — Поморщившись, Скар посмотрел на Лисандру. — Что там требует? Кто? От кого?!

— Я пытаюсь избежать конфликта! — быстро пояснила Лисандра.

— Кого?! — снова не понял зверолод. — А! Кровь Волчицы, ну тебя с твоей нудятиной и тебя с твоим занудством! — Скар отмахнулся от паладина и храмовника. — Мы сегодня отмечаем возвращение моего брата, а вы, если хотите, или идите с нами или проваливайте, пока я не рассердился!

Колд, несколько мгновений смотрел на зверолода, легко выдерживающего его тяжелый взгляд и отвечающий гиритцу точно таким же.

— Я присмотрю за вами, — наконец произнес храмовник и Лисандра облегченно вздохнула. — Мы отправимся в путь, когда мои братья разберутся со своими делами и, полагаю, у вас есть эта ночь и, возможно, время до следующего полудня.

— Да это же целая прорва! — Обрадовался Скар, мигом забыв о недавнем раздражении. — Давайте все за мной!

— Что за невыносимый мужлан?! — пораженно глядя в след Скару, спросила Лисандра у поравнявшихся с ней друзей. — Он еще хуже, чем Таллаг!

— Их племя всегда было прямым и честным, как с собой, так и с окружающими. — Ответил Калеос и его сестра согласно кивнула. — Зверолоды сражаются яростнее всех, смеются громче всех и скорбят искреннее многих, хоть и прячут слезы за злостью.

— Однако манер это им не прибавляет, — фыркнула Лисандра, немного смягчившись.

— Брат Таллага и так оказал нам честь, — парировала Исель.

— Чем же? — искренне изумилась паладин. — Своей грубостью и дерзостью?

— Ты же заметила, что он перешел на общеимперский? — Продолжила Исель. — Зверолоды поступают так, только когда считают присутствующих достойными. В остальное время они общаются на своем языке, не заботясь о том, понимают их остальные или нет.

— К тому же он назвал нас друзьями — это очень широкий жест со стороны зверолодов. Друзья для них почти что родичи, родственные души, так сказать. — Вновь подключился к разговору Калеос. — Так как Таллаг родич Скара, и он не опроверг слов Исель о том, что все мы друзья, его брат счел нас достойными стать и его друзьями тоже. Он даже пригласил нас разделить с ним хлеб, а это признак уважения в их племени.

— Послушать вас, так этот невежда оказал нам всем честь. — Пренебрежительное выражение еще не покинула лица Лисандры, хотя ее глаза перестали быть такими холодными, как раньше. — Ты тоже согласна с ними? — Она взглянула на Кисару.

— Брат Таллага знает о моем даре, — ответила южанка. — Я видела это в его глазах, он почувствовал во мне толику демонической крови, но, несмотря на нелюбовь зверолодов к порождениям Скверны, он смотрел на меня, как и на остальных. Для таких как я и Миаджи, это многое значит.

Закатив глаза, Лисандра обреченно вздохнула:

— Похоже, что теперь в нашей компании будет не одно дикое животное, а целых два.

Спустя несколько десятков шагов, паладин оказалась неприятно удивлена:

— Не одно, а два... Ха... — Лисандра, сейчас напоминавшая фарфоровую куклу с большими, широко открытыми глазами, в которых читалась полная растерянность, смотрела прямо перед собой. — Стая диких зверей... ха-ха, — голос девушки не выражал никаких эмоций. Тупо моргнув, она медленно обвела потерянным взглядом более двух десятков зверолодов, разбивших лагерь у внутренней северной стены крепости Вечного Бдения.

Лисандра, лишившаяся дара речи в тот момент, когда увидела отряд Скара, совершенно потеряла счет времени. Она начисто пропустила, как вожак звероловов перечислял имена своих бойцов, а те, в свою очередь, приветливо кивали гостям, с любопытством разглядывая их.

— Хагран Шепчущий — наш старый шаман! — Скар представил последнего из соплеменников: далеко не молодого зверолода с седыми, заплетенными в несколько кос волосами и клочковатой бородой. Он зябко кутался в шкуру какого-то белого зверя, украшенную странными символами, нанесенными, вроде бы кровью.

Что-то влажное и липкое коснулось щеки Лисандры и та, вздрогнув и сбросив оцепенение, отшатнулась от огромного волка, нависшего прямо над ней и добродушно тыкающегося своей клыкастой мордой ей в лицо. Разочарованно буркнув, животное снова потянулось к девушке, пытаясь лизнуть ее длинным розовым языком.

— Эй! Перестань! — Брезгливо кривясь, Лисандра замахала на волка руками, побоявшись трогать хищника и недоумевая, каким образом она умудрилась не заметить рядом с собой такую громадину. — Кыш!

— Карт, хграу! — прикрикнул на волка один из звероловов сидящих у костра — черноволосый мужчина, с бородой, заплетенной в тугую косу и пронзительными, зелеными глазами. Перебитый нос добавлял суровости его хмурому, но доброму лицу.

Волк недовольно засопел, но послушно отошел прочь, улегшись прямо у стены, по соседству с дремлющим медведем.

— Снова твой зверь бродит без присмотра, Аун? Вечно ты и Тальви отпускаете их шяться, где ни попадя. — Скар покосился на устраивающегося поудобнее волка. — Если он снова навалит кучу, меж палаток ариардцев те будут просто в бешенстве!

— Я на это и рассчитываю! — Весело улыбнулся мужчина, поправив висящий за спиной колчан со стрелами.

Только сейчас Лисандра обратила внимание, что у зверолода на коленях лежит довольно большой и тугий для обычного человека лук, украшенный черепом какого-то животного.

— Карт просто учуял кое-кого сладкого и решил познакомиться поближе! — хмыкнул высокий и мускулистый зверолод, точивший широкий обоюдоострый топор и подмигнул Лисандре.

По мнению девушки, этот мужчина напоминал медведя — такой же большой и мощный, заросший бурыми волосами, с руками — лапами и длинными клыками.

— Обидишь ее, и я живо напомню тебе, кто здесь вожак, Бриор! — прорычал Скар, которого, казалось, нисколько не смущал тот факт, что мужчина с топором был гораздо выше и мощнее его, телосложением напоминая монахов — гиритцев. — Мой брат сказал, что эти люди — все равно, что его родичи и, будь я проклят, если позволю хоть кому-то навредить им, пусть даже это окажется кто-то из вас.

— Да я же не со зла, Скар, — пробасил Бриор.

— Поэтому я сейчас просто предупреждаю тебя, — резко ответил Скар и его собеседник кивнул:

— Больше не повторится.

— Они не ладят? — шепотом спросила Лисандра, боком приблизившись к Таллагу.

— Здесь дело в другом, — так же тихо ответил ей зверолод. — Брат сразу обозначил ваше положение и твердо заявил о том, что все мы под его защитой. Никто из стаи не пойдет

против вожака.

— Прямо как звери, — пробормотала Лисандра, глядя, как Скар уже с улыбкой общается со здоровяком Бриором.

— Мы и есть звери, — слух у Скара, действительно, оказался звериным. — Все мы братья из выводка Праматери волчицы и гордимся этим!

Собравшиеся у костра зверолоды согласно взревели, чем переполошили солдат Ариарда, начавших выглядывать из своих палаток.

Краем глаза Кисара заметила, как нахмурился Колд, тенью застывший чуть позади нее.

— Давайте, гости — не стойте, сегодня мы будем пить и есть, ведь завтра, возможно, наш последний день! — Скар широким жестом указал стоявшим на шкуры, расстеленные прямо на земле. — Следует отметить воссоединение семьи, ведь никто не знает, когда Урсула призовет нас на вечную спячку в своих лесах! — Он взял у одного из зверолодов кожаный бурдюк и протянул его Таллагу.

— Я, пожалуй, пойду, — Кисара не знала, почувствовали ли остальные зверолоды связь с Бездной, но она не хотела причинять им неудобства.

— Не городи ерунды! — скрипучим голосом произнес Хагран Шепчущий, жестом указывая девушке на свободное место. — Ты гость нашего вожака, а если он считает тебя другом, то и мы поступим так же!

— Или ты считаешь, что дети Волчицы испугаются той, что может повелевать демонами? — рассмеялся сидящий рядом со стариком мужчина, по словам Скара, являющийся учеником шамана.

Он носил имя Аркис Зовущий Шторм и был совсем еще молодым светловолосым и улыбчивым парнем, с короткими клыками и слегка раскосыми, веселыми глазами фиалкового цвета, выделяющимися на открытом лице.

— Отбрось свои страхи и лучше выпей с нами! А если, захмелев, нечаянно вызовешь парочку-другую тварей, так мы враз с ними разделаемся!

Окружающей одобрительно загудели. Но не сводящий с южанки глаз рыцарь — защитник Колд, наоборот, нахмурился.

— Скар, — голос Хаграна напоминал карканье ворона. — Ты так и не назвал нам имена гостей.

— Да кто бы их еще знал? — Беззаботно улыбнулся вожак зверолодов. — Чай не без языков, сами назовутся, так? О! — указав пальцем в сторону все еще стоявшей Лисандры, Скар продолжил, — Вот эта вот какая-то знатная девка, со сложным именем и глупыми мыслями, которые она часто изрекает и считает мудрыми! Она знает кучу сложных слов и ставит себя выше остальных. Это очень весело и смешно! — Подвел он итог своему живописному описанию, вогнавшему Лисандру в краску. — Как там тебя зовут? — Приобняв девушку за плечо, спросил Скар. — Лиса?

— Лисандра Ноэльль де Лиреф, — сконфужено пробормотала паладин, но, встряхнувшись, гордо вскинула голову. — Я представительница знатного рода и паладин Лигеи Благодетельницы! — гордо выпалила она, сбрасывая с плеча руку воина но, подобное заявление не слишком-то впечатлило зверолодов.

— А когда молчит — кажется милее, — старый шаман сокрушенно покачал седой головой. — Сложно ей будет мужа найти, с таким-то языком.

— Я Таллаг Буревестник, брат Скара из гильдии Крылья Удачи, — Таллаг уже успел наполовину опустошить бурдюк и теперь предоставил заботу о нем Калеосу.

— Исель, — коротко представилась темная эльфийка. — А это Калеос, — указала она на сидящего рядом брата и тот, наконец, оторвавшись от бурдюка, поднялся и кивнул, вытерев рот тыльной стороной ладони.

— Он, кстати, мужик, — деловито вставил Скар и, как показалось Кисаре, удивил этим заявлением нескольких из своих соплеменников.

— Кисара Шаэли, — робко вставила южанка, тронутая столь теплым отношением такого сурового племени, как зверолюды. — Я так понимаю, все вы поняли, кто я.

— Это не имеет значения! — Скар принял из рук одного из воинов наполненный хмельным медом рог. — Ты, прежде всего, наш гость! — С этими словами он протянул южанке рог и та, понимая, что ей оказывают честь, не посмела отказаться.

Вязкий, немного пряный и терпкий напиток сладкой горечью обжег горло девушки, приятной волной тепла растекшись по телу, и разом прогнав терзающий его ночной холод.

— Благодарю, — Кисара попыталась вернуть наполовину опустошенный рог, но вожак зверолодов покачал головой:

— Нужно выпить все. — С кривой усмешкой произнес он.

— Думаю, что нет, — вмешался в разговор до сих пор молчавший Колд.

— А я думаю, что тебе не нужно думать и, уж тем более, указывать мне, что и кому говорить, — Скар мгновенно напрягся. Острые клыки показались из под губ зверолода.

— Вы же знаете, кто она. Если диалог потеряет контроль, — стоявший в тени рыцарь — защитник приблизился к костру и блики пламени заскакали на его черной броне.

— Мой брат верит ей, значит, и все мы верим ей. — Непреклонно стоял на своем Скар. — Если она хочет пить — пусть пьет столько, сколько сможет!

Прежде чем Колд успел ответить, Кисара произнесла:

— Все будет в порядке, — она за несколько глотков опустошила рог и под пристальными взглядами перевернула его, продемонстрировав, что внутри не осталось ни капли.

Зверолоды одобрительно загудели.

— Тебе тоже следует назваться, если хочешь остаться у нашего костра, — старый шаман, подслеповато прищурившись, заглянул Колду в глаза.

Рыцарь — защитник промолчал, отступив на несколько шагов назад так, чтобы свет от костра не дотягивался до его массивной фигуры.

— Просто еще один гиритец, — Скар беззаботно махнул рукой в сторону монаха. — Что с него взять?

— Только треп, да излишек заносчивости! — Поддержал вожака ученик шамана.

— Таковы верования людей, Аркис, — важно заметил Хагран Шепчущий, поглаживая седую бороду и дымя длинной трубкой. — Таковы сами люди.

— Это неправда! — Лисандра резко вскочила со своего места.

Она, как представительница знатного рода, не могла оскорбить даже такое невоспитанное племя, как зверолюды, поэтому, следуя примеру Кисары и совету Исель, также опустошила предложенный кем-то из воинов рог.

Однако паладин устала с дороги и не ела с полудня, так что крепкий хмельной напиток возымел гораздо большее действие над ее усталым телом, чем она рассчитывала. Щеки девушки покраснелись, в глазах появился влажный блеск, а в душе разгоралась целая буря неконтролируемых эмоций.

— Не стоит!.. Ик! — Лисандра зардевшись еще сильнее, прикрыла рот ладонью. —

Простите. Так вот — не стоит столь неуважительно отзываться о верованиях других!

— Так почему гиритцам можно считать нашу богиню, как они говорят, ересью, а нам нельзя и слова молвить о ваших богах? — хитро прищурился старый шаман.

— А? — вопрос Хаграна поставил Лисандру в тупик. — Ну...

— Что, благородная, кончились умные слова? — весело осведомился Скар.

— Вовсе нет, — смутилась Лисандра. — Лигея Благодетельница завещала всем нам с уважением и почтением относиться друг к другу. Все мы должны жить в мире и согласии, оберегая Светлые земли от Скверны! За это радеют паладины ордена Лигеи!

— Скука, — вынес свой жесткий вердикт Скар, сделав солидный плоток и отбросив опустевший рог, который ловко поймал один из воинов и сразу же наполнил снова.

— Скука, — согласился с вожаком Бриор.

— Еще какая, — хмыкнув, кивнул еще один зверолод, имя которого Лисандра не запомнила.

— Что скучного в мире и процветании? — искренне удивилась паладин.

— Хм, — Скар нахмурился. — Может мир и процветание? — ослабившись, спросил он у девушки.

— Но... Это же прекрасно, когда все находится в гармонии и... — Лисандра замолчала, так как Скар поднес палец к ее губам, словно запечатывая их.

— О чем ты говоришь, женщина? — тихо произнес вожак зверолодов, но в наступившей тишине его слова прозвучали довольно громко и даже угрожающе. — Гармония? — Скар презрительно сплюнул и, вряд ли случайно, выбрал для плевок именно ту сторону, где стоял рыцарь — защитник. — Не хочу расстраивать тебя, но оглянись, — мужчина развел руками. — Собрались бы мы здесь, если бы все жили в мире и достатке? Этого мало? Выгляни за Стену, и ты увидишь, как эта твоя гармония скалится на тебя из-за мертвых деревьев Потерянных земель. Недостаточно? Взгляни на врата в Бездну и на тварей, что лезут из них. Заберись в горы или углубись в леса и встреться с кровожадными чудовищами, что прячутся там. Отыщи руины старых городов и спроси у демонопоклонников, что они думают о твоей гармонии.

Нахмурившиеся зверолоды кивали, в знак согласия со словами своего вожака, а тот продолжал:

— Не молитвы, и не добро твоей богини спасут этот мир. Только битва! Скверну следует выжигать раскаленной сталью и только так!

— Мы не сможем очистить наши земли, если не очистимся сами! — запальчиво ответила Лисандра, приблизившись к зверолоду. — Сердце Лигеи открыто для всех, кто готов встать на путь искупления!

Девушка указала на свою грудь, где на нагруднике был выгравирован символ богини — благодетельницы: четыре треугольника, расположенных в виде креста и похожих на лепестки распустившегося цветка, в центре которого располагался алый камень, символизирующий сердце Лигеи, одинаково открытое всем четырем сторонам света.

— Без молитвы нам не обрести душевный покой! Вы сами! Ты сам! — она ткнула пальцем в широкую грудь Скара. — Разве ты не молишься своей богине?

— Мы почитаем Праматерь, — Скар оскалился, в пляшущем свете костра став похожим на пугающую смесь человека и волка, со своими желтыми глазами и клыками. — И я сам молюсь ей, но не так как вы, люди, молитесь своим богам. Матери Волчице не нужны слова, не нужны ей ищедрые подношения, и коленопреклоненные церемонии, не за этим она

породила на свет своих щенков. Я молюсь ей, но молюсь так, как велит мне сердце. Поле битвы — мой алтарь! Пролитая кровь, что утолит великий голод Праматери — вот моя молитва! — Скар залпом осушил очередной рог, протянутый ему одним из воинов.

Одобрительный вой поднявшихся со своих мест зверолодов, оглушил Лисандру.

— Но нельзя же убивать, ради самой жажды убийства! Это же... — паладин поначалу не решилась произнести слово, уже готовое сорваться с ее губ и за нее это сделал Колд:

— Это зверство, — жестко произнес рыцарь — защитник, снова приблизившись к костру. — Этим зверям не понять стремлений светлых богов, паладин, бесполезно спорить с ними. Гирит Защитник велит нам...

— Да — да, — перебил храмовника Скар. — Все мы знаем, что ты сейчас скажешь, бездушный. Все вы говорите одно и то же и поэтому не нравитесь нам: без устали твердите, что вы — щит вашего бога, в то время, как сами постоянно прикрываетесь им!

— Не смей!.. — В голосе Колда впервые проявились человеческие эмоции.

Лисандра почти физически ощутила волну праведного гнева, что исходила сейчас от гиритца.

— Не богохульствуй! — процедил сквозь зубы рыцарь — защитник, широко шагнув в освещенный костром круг.

— Думаешь напугать меня, храмовник? — широко и неприятно улыбаясь, Скар подошел к монаху вплотную.

Оскалив длинные клыки, не мигая, он глядел в холодные глаза собеседника.

— Посмотри, гиритец, посмотри на меня и моих братьев по крови — у нас нет ни дома, где теплится очаг, ни семьи, что ждет нас и которую мы могли бы защищать от безумных орков или от тварей, скрывающихся в горах Великого Хребта или во тьме Застывшего леса. Нам некого оберегать от зла, таящегося в темных уголках нашей родины, острова Стаи. Нас там никто не ждет! У нас ничего нет, кроме наших жизней. Все что мы имеем — ты видишь сейчас перед собой, и всех нас ждет лишь один исход — смерть. Она придет за нами сейчас, сегодня, завтра, через несколько лун или даже зим — не важно. Важно лишь то, как мы встретим ее. Важно то, как Праматерь Урсула, великая Волчица, посмотрит на нас, когда настанет время, и мы предстанем перед ее взором.

Лисандра слушала Скара, открыв рот, как и все, кто пришел с ней к костру зверолодов. Только Колд, по-прежнему, взирал на воина сверху вниз, с тщательно сдерживаемой злостью. Но Скара это не интересовало, он продолжал говорить:

— Недавно мы пришли из-за Стены, гиритец. Всего лишь пять лун назад, нас было больше трех десятков. Десять наших братьев навсегда осталась в Потерянных землях. Они сгнули там и память о них, скорее всего, умрет вместе с нами. Мы помним, и всегда будем помнить их, но мы не скорбим о павших. Они ушли достойно и мать Волчица с радостью примет их. Мы дети Урсулы, мы рождаемся и живем ради битвы. Мы погибаем в крови, окруженные побежденными врагами, как и надлежит выводку Праматери. Мы смело идем вперед! К смерти и славе!

— Сквозь ливни крови! — Единый рев зверолодов поддержал боевой клич своего народа, сорвавшийся с уст их вожака, Скара Кровожада.

— Мы не отступаем и не бежим, мы умираем с оружием в руках и великая Праматерь, глядя на деяния своих детей, улыбается нам. А что ваш бог, гиритец?

От улыбки Скара у окружающих по спине пробежали мурашки. Вожак зверолодов ткнул Колда пальцем в нагрудник, и сталь гулко ударила о сталь.

— Этот Гирит, он хотя бы иногда смотрит в вашу сторону?

Потрясенная неожиданной речью Скара, Лисандра уже готова была броситься между ним и гиритцем, чтобы предотвратить, казавшееся ей неизбежным кровопролитие. Но, совершенно неожиданно, храмовник отступил, отведя взгляд.

— Даже если Гирит и не смотрит в мою сторону, — прошептал Колд. — Мне достаточно того, что я могу обратиться к нему в своем сердце. Сам я слаб, но силен именем его и величием его власти. — С этими словами, монах развернулся и скрылся в сгущающемся ночном сумраке.

— Чего это он? — Скар, ожидавший от храмовника чего угодно вплоть до боя, но никак не ухода, озадаченно моргнул. — Странный какой-то... — зверолод пожал плечами, повернувшись к сидящим у костра. Хмурое выражение покинуло лицо Скара, и на нем появилась веселая ухмылка. — Да и Бездна с ним! Лучше скажите, почему мой рог до сих пор пуст?!

Сквозь пространство

Лисандру разбудил шум, доносящийся откуда-то издалека. Он не был громким, но отдавался ударами колокола центрального собора Ариарда в больной голове паладина. С трудом разомкнув тяжелые веки, Лисандра открыла глаза и увидела мутное окно, в которое без устали бился дождь. Но вовсе не удары капель по стеклу и подоконнику разбудили девушку, из-за окна то и дело доносился шум, приглушенные голоса и странный скрежет.

Паладин озадаченно моргнула. Звуки снаружи не могли послужить причиной ее пробуждения. Она проснулась от чего-то другого.

Тук-тук.

Только сейчас девушка поняла, что лежит на постели в тесной комнатке, пропитанной запахом хмельного меда. Попытавшись вспомнить, как она очутилась в этом месте, Лисандра быстро поняла, что ее попытки тщетны. Все происходящее вечером словно скрывал какой-то туман.

Тук-тук.

— Дверь? — девушка несколько раз моргнула, пытаясь отрешиться от головной боли, сухости во рту и непривычного чувства растерянности.

Непрерывно ругая себя за неумение пить и проклятое упрямство, вкупе с нежеланием оскорбить зверолодов отказом от трапезы, паладин попыталась встать и не смогла сдержать стоны — все тело ныло и болело, словно после участия в рыцарском турнире после прямого удара копья противника и падения с лошади.

Тук-тук.

— Кого там еще демоны принесли! — злой рев раздался совсем рядом с Лисандрой, и она едва не упала с кровати, когда тонкое и колкое одеяло рядом с ней стремительно дернулось, и из-под него появился взъерошенный черноволосый мужчина, в котором девушка с ужасом узнала Скара.

— Постучишь еще раз, и я забью свой кулак тебе в глотку, да так глубоко, что пощекочу брюшину! — продолжал угрожающе рычать вожак зверолодов.

Скар рывком вскочил на ноги, и девушка увидела его покрытое шрамами и татуировками мускулистое тело: угловатый змей обхватывал тугие жгуты мышц и тянулся от левой руки до самого плеча, где перебирался на грудь, когтистой лапой касаясь бычьей шеи

война.

— А... — вот и все что смогла сказать паладин ордена Лигеи Благодетельницы при виде почти обнаженного мужчины с которым проснулась в одной постели.

— А, — эхом повторил Скар, на котором были лишь короткие штаны, повернув косматую голову и изумленно уставившись на девушку.

Немая пауза продолжалась несколько мгновений, затем Лисандра проворно подобрала ноги, забилась в угол кровати, уперевшись в ее деревянную спинку и стену комнаты.

— Ч-ч-что ты тут делаешь, дикарь! — задыхаясь от смешанных чувств, выкрикнула девушка, скомкав почти все одеяло и прикрывшись им словно броней. Сторая от стыда, девушка поняла, что на ней самой лишь тонкая ночная сорочка, а ее броня лежит в дальнем углу комнаты.

— Спал... наверное, — Скар огляделся, озадаченно почесав голову. — А где это я? — уже спокойней спросил он у паладина.

— Откуда я знаю?! — Взвилась Лисандра. — Почему ты спал со мной?!

— О! — многозначительно изрек зверолод. — Не знаю, — честно признался он, пожав широкими плечами. Девушка только сейчас заметила родимое пятно в форме клыка с левой стороны его груди — знак избранного Урсулой воина, которого жестокая богиня наградила безудержной яростью, вторым ее даром своим детям. Вокруг родимого пятна у зверолода было вытатуировано изображение волчьей головы, а изображение клыка, охваченного темными линиями, точно вписывалось в разинутую пасть зверя.

Тук-тук.

— Разорви тебя медведи! Сколько можно стучать, проклятье на твою пустую голову! — Спрыгнув с кровати, Скар мощным прыжком приблизился к двери. Покрытые рисунками мышцы на теле воина пришли в движение, словно оживляя угловатые изображения зверей и рун.

— Подожди! — Выкрикнула Лисандра, но было уже поздно — одним сильным рывком зверолод распахнул дверь, без труда сорвав крепления, удерживающие внутренний засов.

— Э-э-э... — стоявшая за дверью Исель, не мигая, смотрела на полуголового взбешенного зверолода, возвышавшегося над ней. Глаза темной эльфийки удивленно округлялись.

— Я думал это из соседней комнаты, — появившийся за спиной сестры Калеос был удивлен не меньше родственницы.

— Какой Бездны вам надо, остроухие?! — Скар сразу вспомнил темных эльфов и, памятуя о том, что это друзья его брата, с трудом смирил свой гнев. Ярость, разгоравшаяся в желтых глазах воина, начала медленно угасать.

Услышав голос эльфийки, паладин начала медленно смещаться в сторону, в надежде, что друзья не войдут в комнату и не увидят ее в столь неподобающем виде. Однако надеждам девушки не суждено было сбыться.

— Это комната Лисандры? — осторожно поинтересовалась Исель. — Мы слышали ее голос.

— Лисандры? — Переспросил Скар. — Так это твоя комната? — Обернувшись через плечо, спросил он у девушки, все еще сидящей на постели.

Лисандра смотрела в одну точку прямо перед собой, щеки ее горели и все, что она смогла сделать — коротко кивнуть и одновременно пожать плечами.

— Мы помешали? — Исель только сейчас, когда Скар чуть сместился в сторону, увидела свою подругу. — Скоро выступаем, а ты вчера перебрала, вот мы и пришли...

— Спасибо, — пробормотала Лисандра, шмыгнув носом. Голубые глаза девушки подернулись слезами.

— Скоро будем, валите отсюда! — Грубо бросил Скар, с силой захлопнув дверь и едва не прищемив ей незваных гостей.

— Эй! — возмутилась было темная эльфийка, в последнее мгновение успевшая отшатнуться назад, чтобы избежать нежелательного знакомства с грубыми досками двери.

— Не стоит, — Калеос решительно удержал сестру за плечо. — Я не знаю, что там у них произошло, но не нужно злить избранного Волчицей, если взбесится — мы ему неровня.

— Но там Лисандра! — попыталась возразить Исель.

— Он не обидит ее, — уверенно произнес Калеос. — Вчера нас приняли, как друзей, а племя зверолодов свято чтит узы дружбы.

— Да уж, видела только что, — неожиданно Исель хихикнула. — Подумать только, расскажем в гильдии — не поверят! Наша благородная недотрога перебрала меда и что из этого получилось? Ха! Она никогда не умела пить, но чтобы так, — темная эльфийка, продолжая улыбаться, покачала головой. — Ладно, ты прав, они уже взрослые — пусть сами разбираются.

Когда шаги эльфов за дверью начали стихать, Скар бесшумно приблизился к изголовью кровати, замерев напротив плачущей девушки.

— Чего ревешь? — рычащий голос зверолода звучал настолько доброжелательно, насколько это было возможно, но все равно казался грубым.

Лисандра молчала, печально шмыгая носом и скрыв лицо руками.

— Да прекрати ты уже! — Терпение Скара закончилось поразительно быстро, и его кулак с силой ударился о стену, рядом с головой паладина. Посыпавшаяся сверху каменная крошка упала на обнаженное плечо девушки. — Хватит хныкать!

— Ты что, не понимаешь? — Лисандра подняла на мужчину заплаканные глаза. — Я же... Я же теперь

— Что теперь? — более спокойно спросил Скар, понимая, что дав волю гневу напугал девушку.

— Меня же теперь никто в жены не возьмет! — выпалила Лисандра, снова спрятав лицо в ладонях.

— Почему? — В желтых глазах мелькнуло недоумение.

— Ты дурак? — неожиданно жестко спросила Лисандра. Вскинув голову, она зло взглянула на зверолода но, стоило ей увидеть его глаза, как вся решимость разом пропала, и девушка снова разрыдалась.

— Не понимаю о чем ты, — Скар сел на край кровати. — Ну спали мы в одной кровати, чего такого?

— Мы... мы же не просто спали, — если бы не обостренный слух зверолода, Скар не различил бы тихого шепота девушки.

Неожиданно вожак зверолодов рассмеялся. Он хохотал так задорно и весело, что Лисандра невольно взглянула на мужчину.

— Ну ты и выдумщица! — сквозь смех выдавил Скар. — У тебя в голове происходит много больше, чем на само деле, женщина!

— Ты о чем? — теперь пришла очередь Лисандры удивиться. — Воспользовался моей слабостью, а теперь еще смеешь насмеяться?!

— Да никто тобой не воспользовался, уймись! Просто ты вчера чересчур увлеклась

медом и начала задирать меня, это я точно помню. Ты вызвала меня на бой, и я пару раз огрел тебя какой-то головешкой по доспехам. Подчистую проиграв мне, ты разревелась, прямо как сейчас и стала пить еще больше, в итоге, не смогла даже переставлять ноги.

Расширявшиеся от удивления глаза Лисандры очень веселили Скара, и он не мог не улыбаться, а сама девушка с ужасом понимала, что зверолод говорит правду. Память медленно возвращалась к ней, принося с собой кошмары наяву.

— Я притащил тебя в эту комнату, тот гиритец, как там его, Колд, вроде, да, он сказал, что всем вам выделили комнаты, и я принес тебя в твою. Тут ты стала нести какую-то чушь о том, что леди не пристало отходить ко сну в броне и требовать от меня, чтобы я позвал твоих служанок, и они раздели тебя.

— Служанки? — с надеждой в голосе спросила Лисандра. — Ты ведь привел их?

— Ага, — кивнул зверолод. — Три десятка! Тут же их целая куча, здоровые такие, в черной броне. Да откуда в крепости на границе с Потерянными землями я возьму тебе служанок?! Сдурела?!

— Я разделась сама? — только появившаяся в голосе Лисандры надежда, стремительно угасала, как гаснут угли костра в вечных снегах Штормовых пиков.

— Ты пыталась, — глаза зверолода смеялись. — Но запуталась в плаще и упала, чуть не врезавшись головой об угол стола, — он указал пальцем в сторону стены, у которой стоял покосившийся стол с треснувшей ножкой. — Я решил, что так ты и убиться можешь, поэтому помог тебе.

— То есть ты видел? — змеей прошипела Лисандра.

— Видел что? — на этот раз улыбка Скара вышла неестественной и натянутой.

— Меня! — девушка вскочила и одеяло, которым она прикрывалась, соскользнуло вниз.

— Как сказать, — оценивающе глядя на стройное тело Лисандры, ответил Скар. — Вчера в темноте не разглядел, а вот теперь уж точно видел.

— Ах ты! — девушка попыталась отвесить зверолоду пощечину, но тот ловко поймал ее за запястье.

— Хватит дурить, — серьезно сказал он. — Я просто раздел тебя и положил на кровать, где ты сразу заснула.

— А ты, — смутившись, Лисандра вновь прикрылась одеялом.

— А я несколько дней ночевал на холодной земле, под боком вонючего медведя! — Раздраженно бросил зверолод. — Может я и дикарь, но, даже мне иногда хочется удобств, а у тебя тут и теплая постель и вода с благовониями, — он кивком указал на полупустой таз с ароматной водой, на краю которого висело скомканное полотенце. — Пока ты спала, я помылся, а потом, решил, что с тебя не убудет, если я немного подремлю с краю.

— Ты спал на земле?

— В Потерянных землях нет трактиров и одеял, представляешь!?! — С напускной серьезностью сказал Скар.

— И ты, после похода, оказавшись рядом с бесчувственной девушкой... — лицо Лисандры стала быстро заливать краска.

— Лег спать, — безжалостно разрушил ее разыгравшуюся фантазию Скар. — За кого ты меня принимаешь? — Мужчина гордо подбоченился. — Да, у меня давно не было женщины, но это не повод терять голову даже при виде такой смазливой мордашки, как у тебя. Ты друг моего брата и я никогда бы не позволил себе воспользоваться тобой. Никогда! По крайней мере, не получив о тебя согласия, — Скар хитро подмигнул девушке. — Тем более я вчера

был слишком пьян, чтобы справиться с проклятыми шнурками на портках! — В подтверждение своих слов, мужчина указал девушке на себя, только сейчас поняв, что шнуровка на его штанах развязана.

— Ой... — сконфуженно оскалился зверолод.

— Ты не слишком — то убедителен, — угрожающе прошептала Лисандра.

— Раскусила? — в его голосе прозвучала не скрываемая досада и какое-то насмешливое разочарование. — Может я развязал их, когда ходил по нужде?

— Стало быть, ты солгал? — кулаки девушки сжались, а голубые глаза опасно сузились.

— Не совсем, — честно признался Скар, виновато улыбаясь. — Я мало что помню, просто хотел успокоить тебя. Я уверен, что у тебя нет повода для...

— Вон!.. — теряя над собой контроль от нахлынувшей ярости, сквозь зубы процедила Лисандра.

— Чего?

— Вон! Убирайся вон, дикое животное! — позабыв о стыде и стеснении, Лисандра шагнула к стулу, стоявшему у изголовья кровати, сорвав с его спинки ножны со своим мечом, и выхватила оружие.

— Ты это прекращай! — Скар отступил на шаг, поднимая руки.

— Не смей указывать мне! — Лисандра стремительно атаковала, и ее клинок распорол воздух в том месте, где мгновение назад находилась грудь зверолода.

— Я ж умру, если ты попадешь! — Едва успев договорить, Скар отшатнулся, и отточенное лезвие меча паладина разочарованно прошелестело в опасной близости от его шеи. — Точно помру! — Он попытался обойти размахивающую оружием девушку и добраться до своих вещей или, хотя бы, мебели, но Лисандра, раскрыв его план, преградила зверолоду дорогу.

Еще один укол и острие меча едва не коснулось кожи на поджаром животе мужчины, но тот проворно отскочил к двери:

— Подумаешь, возможно, и пошалили немного, это же не повод убивать честного воина!

— Выметайся, бесчувственная ты скотина! — Быстрый взмах и клинок оставил глубокую борозду на дубовой двери, за которую еле успел выскочить Скар.

Оставшись за дверью, Кровожад, вопреки недавней опасности, рассмеялся. Зверолод хохотал громко и раскатисто, чем привлек внимание солдат, снующих по крепостным коридорам и, судя по всему, к чему-то готовящихся. Они на бегу поворачивали головы в сторону странного зверолода, который, отчего-то в одних штанах решил постоять в холодном коридоре. Обмениваясь недоумевающими взглядами, воины спешили прочь, по своим делам.

Но Скар не обращал на людей внимания, продолжая смеяться.

Когда веселье зверолода пошло на убыль, а робкие прикосновения холода стали более ощутимы, дверь в комнату распахнулась и оттуда выглянула Лисандра, все еще закрывающаяся одеялом.

— Ты все еще здесь, дикое животное? — осведомилась девушка, буравя Скара пристальным взглядом. — Я перестала слышать твой ужасный рев и решила, что ты умер, устыдившись своей развратности.

— Мне даже не жаль тебя расстраивать, — сухо ответил зверолод.

— Раз уж ты не умер и никуда не делся, иди сюда, — отступив назад, Лисандра

приоткрыла дверь пошире, впуская мужчину внутрь.

— Снова хочешь попытаться счастья и попробовать продырявить меня мечом? — несмотря на приглашение, Скар не спешил приближаться.

— Хочу дать тебе возможность заглядеть пока лишь крохотную толику твоей необъятной вины передо мной, — снисходительным тоном поведала мужчине немного успокоившаяся, но все равно рассерженная Лисандра и скрипнула зубами, когда тот презрительно хмыкнул. — Даже не смей отрицать того, что виноват, похотливый ты индюк! Или в тебе нет ни капли чести, чтобы принять ответственность за содеянное?!

— Чё? — Скар по-звериному наклонил голову на бок.

— Заткнись и иди сюда! — не выдержала девушка, топнув ногой.

— Это ли кротость паладинов Благодетельницы? — наигранно развел руками Скар, но Лисандра, пропустив его слова мимо ушей, ухватила мужчину за ладонь и быстро втянула его в комнату.

От рывка Скар сделал несколько шагов вперед, но устоял бы, если бы его нога не запуталась в одеяле. Мужчина потерял равновесие и упал, утянув за собой Лисандру, все еще сжимающую его руку. Упав на зверолода, девушка больно ударилась лбом о его лоб и, на мгновение, ей показалось, что их губы соприкоснулись.

— Подлец! — Лисандра вскочила с растянувшегося на полу мужчины.

— Ты бы ела поменьше, что ли, — потирая лоб Скар сел.

— Нахал! — девушка отступила назад и только сейчас Скар увидел, что та частично облачена в латы, только нагрудник и наплечники лежали неподалеку. — Вставай с пола и помоги мне, немедленно! — несмотря на покрасневшие щеки, в голосе девушки слышались повелительные нотки.

— Ага, — закатив глаза, Скар поднялся, взяв с пола сверкающий нагрудник, на котором еще осталось черное угольное пятно — след от его вчерашнего удара. — Как только скажешь пожалуйста.

— Еще чего! — Искренне возмутилась Лисандра. — Ты провел со мной ночь и еще смеешь мне указывать? Теперь... — она смутилась. — Теперь твой долг оберегать меня, свою... свою будущую жену!

Звон упавшего на пол нагрудника показался оглушительным, в разлившейся было по комнате тишине. Открывший рот для очередной колкости Скар, стоял, подобно скульптуре мастеров Ариарда, без единого движения и, кажется, не дышал. Желтые глаза уставились на потупившуюся девушку.

— Я из знатного рода, а ты, видел меня... ну, в общем, видел и не только, наверное, — голос Лисандры дрогнул и стал совсем тихим. — Как благородная леди и как паладин Лигеи, я могу связать себя узами лишь с одним единственным мужчиной и... Хватит на меня тарашиться! — Она ударила Скара открытой ладонью по щеке. — Думаешь, я рада, что этим мужчиной оказалось похотливое, грубое, невоспитанное, дикое, вонючее животное?!

— Я не вонючий! — Придя в себя, возмутился Скар.

— Значит, ты только с этим не согласен?!

— Да ты меня, вообще, хотя бы о чем-то спрашивала?!

— Спрашивать уже поздно, надо было думать раньше!

— Да кто же знал, что ты того! — Скар покрутил указательным пальцем у виска.

— Милые бранятся, только тешатся, да? — Лишенный эмоций голос, заставил спорящих замолчать.

Повернувшись к двери, Скар и Лисандра увидели на пороге невысокую девочку с бледным приятным лицом, длинными черными волосами, облаченную в платье цвета воронова крыла.

— Чего тебе, надоедливый ребенок? — нахмурившись, спросил Скар.

— Мой недалекий господин Эгистес, ждет всех во внутреннем дворе, — сообщила девочка.

— Подождет еще, — прорычал зверолод.

— Мое дело передать всем. Думаю, он лучше подождет, чем увидит вас в таком... кхм, неподобающем виде, — безразлично пожав плечами и грациозно поклонившись, девочка скрылась из виду.

— Вот ведь, — Скар поморщился. — Но она права, — он взглянул на окно, за которым было уже светло. — Скоро мы будем выдвигаться. Подобрал нагрудник паладина, воин приблизился к Лисандре и, стянув с нее одеяло, обнаружил, что на теле девушке уже одета рубашка и кожаный дублет, почти скрытый под кольчугой.

— Какого демона ты прикрываешься-то? — возмущенно проворчал мужчина, завозившись с застежками панциря Лисандры.

— Мне все еще стыдно, — виновато пробубнила девушка.

— Стыдно, у кого видно, — передразнил паладина зверолод, не стесняясь собственной наготы. Закончив с нагрудником и наплечниками, он закрепил и светлый плащ. После Скар взял влажное полотенце и стер угольный след на нагруднике паладина. — Все, готово!

— Спасибо, — Не решившись взглянуть на Скара, Лисандра уже собиралась уйти, когда мужчина поймал ее за кончик плаща.

— Рука руку моет, — усмехнулся воин, взглядом показывая на свою красную броню, лежащую неподалеку. — Или будущая жена не поможет мужу?

Первым желанием Лисандры было выхватить меч и пронзить наглеца, но она сдержалась.

Кротость — наша добродетель, — мысленно повторила Лисандра, пересекая комнату. Встав над доспехами зверолода, она подняла один из его наплечников, поражаясь тонкости кузнечной работы и обилию царапин на красной поверхности. Присмотревшись, девушка заметила, что всю броню Скара покрывает множество отметин — память минувших битв. Сколько их было? Два десятка? Три? Больше? А сколько битв осталось ей самой? Возможно, она не вернется из Потерянных земель, а может, не вернется и Скар.

— Чего прокисла? — грубый голос зверолода вывел Лисандру из оцепенения. — Провозимся здесь — пропустим что-нибудь интересное. — Он поднял с пола рубаху и быстро натянул ее через голову. — Хотя, погоди, — мужчина задумался. — Сначала я схожу отли... — заметив, как расширились глаза девушки, Скар осекся. — Отойду в уборную, с вашего позволения, — важно продолжил он, отвесив девушке насмешливый и крайне неуклюжий поклон.

Лисандра не знала плакать ей или смеяться.

* * *

Выйдя из отведенной ей, весьма скромной комнаты, где кроме кровати и стула, не было даже шкафа или стола, Кисара сразу же наткнулась на колючий, недоброжелательный взгляд

рыцаря — защитника Колда, стоявшего напротив ее двери. Рядом с ним замер Гирион, но этот храмовник смотрел на девушку спокойно и, как ей показалось, даже с некоторой симпатией.

Кисара догадывалась о том, что ее будут ждать, и специально провалялась в неудобной кровати подольше, чтобы как можно больше отсрочить столь неприятную, но неизбежную встречу.

— Доброе утро, — вежливо поздоровался Гирион, а его брат по ордену ограничился только коротким кивком.

— Вы тут всю ночь стояли? — Кисару начало раздражать столь пристальное внимание.

— Наш долг присматривать за Вами, — невозмутимо ушел от ответа Гирион.

— Я уже взрослая, могу и сама за собой присмотреть.

— Но Вы на нашей земле, так что и решения принимать нам, — парировал рыцарь. — Тем более, мы беспокоимся о Вашей безопасности, так как Вы — очень важны для нашей миссии.

Так я и поверила, — про себя подумала девушка, однако вслух произнесла:

— Благодарю за бдительность, — неприкрытая издевка в ее голосе, наверняка, не укрылась от слуха рыцарей, но те остались невозмутимы, зато сама южанка едва не прикусила язык от собственной язвительности, за которой она тщательно пыталась скрыть страх перед монахами.

— Если Вы готовы идти, то мы проводим Вас во двор. — Произнес Гирион.

— Я помню дорогу,

— Мы вынуждены настаивать.

Несколько ударов сердца рассерженная южанка играла с рыцарем — защитником в гляделки, после чего вынуждена была признать поражение. Гиритец оказался прав — она на их земле и их пастырь — наниматель. Заклинательница с самого начала знала, на что шла.

В узком коридоре Кисара, сопровождаемая двумя монахами, натолкнулась на Скара и Лисандру. Они хмурились и старались не смотреть друг на друга, чем порядком озадачили южанку. Однако девушка все равно была рада, что теперь она не одна в присутствии гиритцев.

Проследовав по темным, освещенным смеющимся огнем факелов коридорам, они вышли на спиральную лестницу, ведущую на стены и вниз, во двор крепости. Бесшумно, словно тени, по каменным ступеням вниз заскользили темные эльфы. Увидев друзей, они улынулись.

— Во дворе затевается что-то интересное, хотя оно не сравнится с тем, что я уже видела, — сообщила Исель, как-то странно глядя на Лисандру.

— А за стенами, кажется, скопилось множество тварей из Потерянных земель. Если туман не обманул мои глаза, то я даже видел опустошителя. — Добавил Калеос. — Все они скалят клыки, но не решаются выйти из черного тумана. Покидать крепость — чистое самоубийство, — он взглянул на Гириона.

— Если вы видели, что происходит во дворе крепости, значит, уже сами все поняли. — Гиритец жестом попросил всех продолжить спуск.

Ступени, закручиваясь по спирали, уходили все ниже и ниже, пока не закончились решеткой, чьи прутья оказались толщиной в руку взрослого мужчины. Идущий первым Колд толкнул ее, и решетка с тихим скрипом распахнулась, открывая путь в широкий и длинный коридор. Он вытянувшимся в линию змеем уводил людей вперед, пока те не натолкнулись на

очередную решетку. Не дойдя до нее ровно половины, Колд свернул налево и, спустя пару десятков широких шагов, распахнул внешнюю дверь, ведущую в крепостной двор.

Возможно, если бы люди вышли из темного помещения на свет в каком-нибудь другом уголке Светлых земель, солнечные лучи и ослепили бы их на несколько мгновений. Но им не посчастливилось оказаться на рубеже Потерянных земель. Не только солнце, сами боги старались не смотреть в эту сторону, и только тяжелые облака, почти задевая свинцовыми брюхами крепостные шпили, неторопливо плыли то в одну, то в другую сторону, роняя капли дождя на вытопанную землю.

Воздух пах сыростью и тленом, но на это никто уже не обращал внимания, как и на напряжение, растекшееся по старым стенам и ставшее их неотъемлемой частью за долгие века.

Если бы не подобные обстоятельства, то можно было подумать, что внутри крепости собрался настоящий парад или, по крайней мере, смотр войск. Облаченные в отполированную броню солдаты вытянулись по стойке смирно, сосредоточенно глядя прямо перед собой, пока расхаживающие перед ними командиры, надрывая луженые глотки, орали им что-то о долге перед родиной и героизме, что никогда не будет забыт.

Вопреки тому, что воины стояли сейчас на пороге оскверненной демонами земли, они не боялись. Многие выглядели закаленными в боях ветеранами — сосредоточенные, собранные, готовые ко всему.

— Здесь лишь добровольцы, — Гирион без труда прочитал мысли Кисары в ее глазах. — В основном те, кто потерял родных и близких на войне с тварями Бездны.

— Вы говорите так, будто оправдываетесь, — заметила девушка. — Словно уже похоронили всех этих людей.

— Потерянные земли — страшное место, — Гирион посмотрел на высокую стену, за которой раскинулись оскверненные леса и поля, когда-то принадлежавшие людям. — Я не питаю ложных иллюзий, касательно нашего похода.

— Страшное место — мягко сказано, — Скар, заулыбался в предвкушении грядущих битв. — Могу поставить свое месячное жалование, что мало кто из этих салаг доберется до обители живым. Половина так вообще встретится с духами предков в ближайшее время.

— Это так весело? — Лисандра осуждающе взглянула на мужчину, но тот лишь пожал плечами:

— Умирают постоянно, а битва это всегда весело, — легко ответил зверолод, и паладин страдальчески закатила глаза, поражаясь странному мировоззрению этого воина.

— Что? Да ты только посмотри, — Скар указал пальцем на одного из солдат — задумчивого мужчину, смотрящего себе под ноги. Седые вески не очень вязались с довольно молодым лицом, отягощенным тяжелыми мыслями.

— Посмотри, как он держит копьё, — продолжал зверолод.

— А как, по-твоему, его еще следует держать?

— Копье — оружие. Как и любое другое орудие смерти, оно спасет тебе жизнь и позволит отнять ее у врага. — Назидательным тоном произнес Скар. — Оружие должно быть лучшим союзником этого парня, а он держит рукоять, словно ему в тягость — без воли, без желанья, без должной гордости — как обузу. Такое обращение не по нраву оружию. Копье подведет парня так, как он сейчас подводит его. Говорю тебе, он — не жилец. — В завершении своей речи, Скар решительно тряхнул головой.

— Интересная позиция, — Калеос растянул тонкие губы в усмешке. — А как следует

держат оружие, чтобы оно не подвело?

— Оружие, как женщина, любит ласку и уход. Но, в то же время, ему нужен решительный и надежный хозяин, который желает обладать им. Сталь жаждет быть желанной. Воин и оружие — единое целое. Голыми руками не убить много врагов, а клинок без хозяина — всего лишь пыльное железо, ржавеющее в ножнах. Воин не сможет радоваться победам, а его оружие не сможет вкусить крови павших врагов, если они будут порознь. Оружием следует гордиться и относиться к нему с уважением, тогда и оно ответит тебе тем же. — Скар улыбнулся своим мыслям и погладил рукоять одного из двух топоров, висевших у него за спиной.

Темный эльф оценивающе взглянул на обтянутые кожей рукояти, которые венчали головы медведя и волка. Но Калеос не смог полностью оружие, так как оно скрывалось под шкурой на плечах зверолода.

— С такими взглядами, не удивительно, что в вашей дикой компании собрались одни мужчины, — заметила Исель.

— Женщина не должна сражаться, ее дело — растить детей и следить за очагом.

— Ришана из нашей гильдии могла бы с тобой поспорить, — заметила Кисара, пытаясь разобрать серую конструкцию за спинами воинов. — Она из вашего с Таллагом племени.

— Наши женщины своевольны, — Скара нелегко было смутить. — Они сами вправе решать, что и как им делать. По крайней мере, пока не найдут мужчину, чья воля будет сильнее их и о чьих детях они захотят заботиться.

— Прямо знаток женских сердец. И кто же заботится о твоих детях? — С нажимом спросила Лисандра, чьи голубые глаза метали молнии.

— У меня их нет, — пожав плечами, ответил зверолод. — Цель каждого воина — обрести славу, чтобы его потомкам было чем гордиться. Мои топоры выпили недостаточно вражьей крови, чтобы я мог с честью оставить их для потомков.

— А если, — Кисара помолчала, слушая звук тяжелых шагов следующих за ней гиритцев. — А если ты погибнешь раньше?

— Значит, на то будет воля Праматери.

Прежде чем Кисара успела спросить что-то еще, Лисандра, покачивая головой, произнесла:

— Оставь его, Кисара. Логику этого мужчины, как и любого другого животного, невозможно постичь.

— Так же, как для тебя невозможно молчать, — в тон паладину заметил Скар, и Исель довольно хихикнула, увидев, как смутилась Лисандра.

Гирион в несколько широких шагов занял место впереди и повел всех за собой, в обход стройных рядов ариардской пехоты.

Воины, стоявшие под знаменами Ариарда провожали улыбчивого зверолода неприятными взглядами, будто тот, в отличие от них, прибыл сюда исключительно за развлечениями, словно в цирк, а не в крепость на рубеже Потерянных земель. Но Скара недоброжелательные взгляды нисколько не смущали. Он шагал легко и пружинисто, словно волк, слегка наклонив голову и обнажив острые клыки.

— Господин Кровожад! — молодой, девичий голос заставил Скара остановиться.

— Чего тебе, госпожа маленькая фокусница? — передразнивая волшебницу, спросил зверолод, поворачивая косматую голову. Взгляд желтых глаз впился в появившуюся из соседнего здания симпатичную девушку, имя которой воин, кажется, забыл.

— Мой учитель, архимаг Гранер Ласкнир, просил меня поговорить с вами. — Волшебница немного запыхалась от быстрого шага. — Но он не смогла найти вас вчера,

Кая смутилась, вспомнив, как с помощью магии скрылась от перебравших меда зверолодов, пытавшихся добиться ее внимания и расположения весьма решительными способами. Мысленно отправив очередное проклятье на голову своего старого наставника, отдавшему ей подобное поручение, девушка выдавила из себя улыбку.

— У меня внезапно появились неотложные дела, — искоса взглянув на Лисандру, Скар хмыкнул, а девушка незаметно пихнула его локтем в бок.

— Я так и подумала, — волшебница, поймавшая на себе странный взгляд девушки в серебристых доспехах паладина, рассеяно моргнула, неловко поправив короткие черные локоны, упавшие ей на лицо. — Вчера я так и сказала учителю, но он заявил, что вскоре вас ожидают куда более важные дела!

— Я знаю кое-кого, кто с этим точно может поспорить, — снова зверолод не упустил возможности поддеть Лисандру, многозначительно посмотрев на нее.

— Что, простите? — Кая удивленно вскинула бровь.

— Не обращайтесь на его болтовню внимания, — Лисандра еще раз толкнула заворчавшего мужчину в бок локтем. — Я Лисандра Ноэлль де Лиреф, паладин ордена Лигеи Благодетельницы.

— Очень рада знакомству, — Кая, едва услышав имя собеседницы, чей род по происхождению не уступал ее собственному, склонила голову в приветствии. — Я Кая Аркнен. — Рада познакомиться с наследницей благородного рода Аркнен, — Лисандра вернула девушке вежливый поклон. — Позвольте представить Вам моих друзей, — она сделала жест в сторону южанки — Кисара Шаэли, она, как Вы, наверняка, знаете — демонолог, а это — Калеос и Исель, наши друзья по гильдии. — Представила спутников Лисандра.

Про себя отметив, что Кая смотрит на Кисару с толикой тревоги, паладин продолжила:

— Я, так понимаю, что с рыцарями — защитниками и этим невоспитанным животным Вы уже знакомы?

— Уж извините, что я не гну спину в поклонах и не скалю зубы в вежливых улыбках, — как и всегда, Скар говорил прямо и голос его звучал раздраженно.

— Мы... знакомы, — призвав ко всему своему запасу самообладания, Кая снова улыбнулась, стараясь не смотреть в сторону грозных гиритцев и еще больше пугающего ее зверолода.

По сути, род Аркнен и значимое положение мага давали девушке определенные привилегии, но она ничего не могла поделать со своей природной застенчивостью.

Почти всю свою сознательную жизнь Кая провела в пыльных библиотеках или на занятиях по искусству волшебства созидания, избегая излишнего внимания и общения со сверстниками. Подобная жизнь явно не готовила ее к обществу неуравновешенного наемника, гиритцев и демолога, не считая бродившего где-то по крепости некроманта.

— И? — от рыка Скара волшебница вздрогнула. — Чего ты меня-то звала?

— Мой учитель, просил сказать Вам, что по воле капеллана Грегора, Вы должны собрать своих людей, чтобы сопровождать нас, — пролепетала Кая, глядя на носки своих сапог.

— Кончай мямлить, зайка, — решительно подойдя к девушке, Скар приподнял ее лицо уперевшись двумя пальцами в острый подбородок и произнес, четко выговаривая каждое

слово:

— Что. Тебе. От. Меня. Надо.

— Учитель... попросил, — ноги Кая предательски подгибались, и она не знала, сколько бы могла так простоять, не в силах отступить назад, если бы не вмешалась наследница рода де Лиреф.

— Убери свои лапы от нее, похотливый зверь! — Сурово прикрикнула паладин. — Я прекрасно знаю, что ты все расслышал, своими длинными ушами!

— Расслышал, — не стал спорить Скар. — Меня интересует, почему это какой-то кудесник отдает мне приказы? Нам платит комендант крепости.

— В присутствии капеллана, любой из братьев переходит под его командование. Брат — комендант крепости Вечного Бдения — не является исключением, как и все, кто находится здесь, — хмурый Колд, по-прежнему, возвышался за спиной Кисары. — А архимаг сейчас действует от лица благочестивого капеллана.

— Демоны вас заберите, проклятые храмовники! — зло сплюнул себе под ноги Скар. — Что вы тут устроили?!

— Узнаешь, когда придет время, — привычно ответил Гирион. — На все воля Гирита.

— Проклятье! — Скар еще раз обжег храмовника свирепым взглядом, добавив к своей речи несколько слов на родном наречии, судя по интонации явно оскорбительных, и поспешил найти своих соплеменников.

— Мы будем ждать вас у врат! — Выкрикнула Кая в спину воину, но вожак зверолодов даже не обернулся, привычно махнув рукой и давая понять, что все услышал. Но, неожиданно воин замер.

— У врат? — переспросил Скар. — Ваш архимаг с капелланом не смогли придумать способа умереть попроще? Отсюда до руин крепости больше месяца пути. Придется миновать Кровавый залив через переправу Мертвеца — это верная смерть! В кровавых водах, каких только тварей не плавает!

— Не пешком, зверолод, — бросил Гирион, указывая рукой в центр крепостного двора, где стояли ровные ряды ариардских солдат. — Мы все продумали. Голос гиритца заглушил пронзительный скрежет, словно какой-то великан с неистовой силой скреб одним обломком скалы о другой. Неприятный скрип резко оборвался и в небо, прямо из центра крепостного двора, ударил луч фиолетового цвет. Он полыхнул яркой вспышкой и сразу же погас, чтобы, спустя пару ударов сердца, появиться вновь и снова потухнуть.

Большой отряд гиритцев и обычных солдат, в сопровождении жрецов и боевых магов, сохраняя строй, выдвинулся к воротам. Скрежет поднимаемых вверх решеток и открываемых ворот, прервался грохотом опускающегося навесного моста.

Внешние ворота крепости Вечного Бдения открылись, и Бездна сразу же заглянула внутрь своим черным, пробирающим до костей взором.

Знамена гиритцев и солдат Ариарда взметнулись к небу, и воины начали покидать крепость в боевом порядке.

— Какого... — Скар оскалился, словно дикий зверь. — Что происходит, бездушный?

Гирион промолчал, осенив движущихся к воротам воинов знаком Гирита Защитника.

Не понимая, что происходит, Кисара, так же, смотрела в след уходящим солдатам, как вдруг что-то привлекло ее внимание. Между двумя гиритцами, идущими почти во главе отряда, едва переставляя ноги, плелся закованный в цепи человек. Его поразительно худая, сгорбленная фигура, облаченная в рваные и грязные лохмотья, выглядела жалко и едва

различалась между огромными рыцарями.

Голову пленника полностью скрывал черный мешок, с вышитым на нем серебряными нитями символом Гирита. Кисара знала, что такие мешки одевают на голову еретикам, которых по каким-то причинам гиритцы не убили на месте.

Обратившись к своему дару, южанка присмотрелась к пленнику внимательнее и почти сразу же почувствовала его силу, такую же, как у нее самой — силу демонолога, более развитую, чем у Кисары, но и более близкую к Бездне. Человек стоял на грани осквернения, и судьба его была предрешена.

— Лишняя приманка, — с легким пренебрежением произнес Гирион, проследив взгляд Кисары. — Демоны, едва почуяв демонолога, что скоро станет жертвой Скверны, сделают все, лишь бы заполучить его.

Большой отряд вместе с пленником давно уже исчез за воротами, а южанка продолжала смотреть на застывшую решетку ворот.

Чудовищный рев, разнесшийся над стенами крепости, заставил собравшихся во внутреннем дворе содрогнуться. Не успел пугающий звук стихнуть, как к нему присоединилось множество других, разноголосых, но одинаково пугающих и отвратительных. В сливающимся воедино реве слышались проклятия, богохульства, угрозы и обещания вечного блаженства.

— Что это за звук? — Исель прикрыла ладонями длинные чувствительные уши.

— Голос Бездны, — ответила Кисара. — Тварей за стеной привлекло биение множества сердец, и теперь они предчувствуют кровопролитие. К тому же они знают, что среди людей есть демонолог и точно попытаются заполучить его, чтобы использовать в своих целях. Он сможет усилить демонов! Люди уходят на верную смерть! — он обернулась к Гириону, но взгляд монаха оставался холодным.

— Братья и солдаты дадут бой порождениям Скверны, такова их судьба. — Не дрогнувшим голосом произнес рыцарь-защитник. — Но они не получали приказа умирать за стеной, их задача отвлечь тьму, собравшую здесь свои силы. Что же касается еретика, — губы гиритца тронула почти неразличимая усмешка. — Он уже мертв, братья убили его сразу же, как только отряд вступил в бой. Мы намеренно собрали в крепости столько воинов, чтобы твари обратили внимание именно на нее, а оскверненный — являлся главной приманкой. Капеллан и архимаг оказались правы.

— О чем вы говорите? — Кисара смотрела, как новые и новые воины выходят за ворота, откуда уже начал доноситься лязг оружия и низкий гул создаваемых магами боевых заклинаний, нарушаемый стройным хором голосов, воспевающих молитвы светлым богам — жрецы и пастыри просили у своих покровителей благословения.

— Скоро сами все увидите. Идите за мной. — Гирион первым направился в сторону собравшихся в центре двора солдат, не спешивших покидать крепость, как это делали остальные. — Собирай своих, зверолоуд, и поспешите к нам!

Коротко кивнув, Скар сорвался с места, и его губы исказила хищная ухмылка, вызванная близостью битвы, которую избранный сын Урсулы чувствовал, как никто другой.

Между тем фиолетовый столп света взмывал ввысь, гас и сразу же поднимался вновь, чтобы растаять и опять разорвать, не успевшую раствориться, тень самого себя. Быстрее и быстрее он испаривал пропитанный холодом воздух, приковывая взгляды людей.

Едва успевая за широкими шагами Гириона, Кисара не сводила взгляд со ставшей непрерывной пульсации ярких вспышек. Как человек, не чуждый магии, она чувствовала

знакомое волшебство, и ее не покидало ощущение, что она сталкивалась с ним множество раз.

Но что это могло быть? Оторвавшись от созерцания фиолетовых вспышек, южанка посмотрела на людей, собравшихся в центре крепостного двора. Девушке показалось, что число воинов уменьшалось, но это было невозможно, ведь никто из них больше не уходил к закрывшимся воротам.

— Куда все делись? — спросила Кисара вслух, не надеясь, что кто-нибудь ей ответит.

— Они покидают крепость через врата Пути, — робкий голос, прозвучавший справа, принадлежал молодой волшебнице.

— Врата Пути? — Красивые глаза южанки расширились, когда она посмотрела на Каю. Волшебница выглядела серьезной и собранной.

— Но как такое возможно? — Кисара вновь обратила свой взор на фиолетовое свечение. — Насколько я знаю, врата Пути создаются в особых местах, где пересекаются потоки магии, — не отрываясь от завораживающего зрелища, разворачивающегося в пасмурных небесах, добавила демонолог. — Не везде возможно разорвать пространство в двух местах, соединив его воедино, чтобы для прошедшего через разрыв одинаково совпали и реальность и время.

— Вы абсолютно правы! Разбираетесь в магии созидания? — Глаза Каи любопытно сверкнули.

Поначалу она думала, что демонолог, который должен был прибыть в крепость, окажется каким-нибудь пугающим стариком и очень удивилась, когда ей представили южанку. Приятная, красивая девушка с мелодичным голосом никак не вязалась у волшебницы с темной магией Бездны.

Теперь же, когда Кая увидела в глазах Кисары беспокойство и тревогу, то почти перестала ее опасаться и, как это часто бывало, страх волшебницы сменился любопытством.

— Моих знаний не хватает для того, чтобы понять, как открываются врата, но я ощущаю отголоски Бездны в каждой вспышке перемещения. Это всегда странно для меня... — закусив губу, Кисара машинально коснулась оберегов, заключенных в позвякивающих в такт ее шагам украшениях.

— Это вопрос скорее к капеллану и моему учителю, — виновато улыбнулась Кая. — Меня не допускают к этому знанию, — в голосе девушки легко читалась обида.

— Возможно, так даже лучше для тебя, — пробормотала Кисара, глядя на сгущающиеся тучи.

Вспышка следовала за вспышкой, словно уродливое сердце Бездны, бьющееся в такт собственному дыханию. От концентрации демонической энергии, собиравшейся за стеной Святой Преграды, у Кисары защемило в висках и она, стиснув зубы, принялась ткать в уме защитную формулу, опасаясь за свой, чувствительный к Бездне, рассудок.

Демоническая кровь в жилах заклинательницы начинала закипать, и девушке потребовалось значительное усилие воли, чтобы успокоиться. Прямо перед ней солдаты, один за другим, исчезали во вспышках фиолетового цвета и все, что пока смогла разглядеть южанка — каменный постамент, собранный из небольших обломков какого-то сооружения. Выгравированные на камнях символы пульсировали в такт вспышкам — то разгораясь, то почти полностью затухая.

Подойдя поближе, Кисара заметила, что с другой стороны двора к столпу света идут закованные в черные латы гиритцы, среди которых угадываются менее заметные фигуры

пастырей. Все монахи были в боевом облачении, при оружии и на их суровых, обветренных лицах было одно и то же выражение — выражение полной готовности ко всему.

Вот последние из солдат и монахов поднялись на возвышение, шумно ступая по растрескавшимся собранным из камней ступеням. Поднявшись, они входили в столп света, исчезая в нем.

С виду происходящее напоминало обычное перемещение при помощи врат Пути, с тем лишь отличием, что сейчас над поддержанием заклинания трудились шесть магов — созидателей, весьма преклонного возраста, чьи знаки отличия на мантиях свидетельствовали о высоком ранге.

Приблизившись к первой ступени, Кисара содрогнулась, когда увидела, что по покрытым трещинам камням струится почти осязаемая магическая энергия, блестящим ручейком облизывая серую поверхность.

Южанка замешкалась и шедший следом Колд ощутимо подтолкнул ее в спину. Кисара сделала шаг вперед и невольно вздрогнула, когда подошва ее сапога коснулась нагретого камня.

Позади молодая волшебница издала едва различимый восхищенный вздох. Мимо южанки прошел некромант. Легко ступая, мужчина быстро взобрался наверх и, не отходящая от него девочка, встала рядом. Казалось, ребенка совсем не интересует происходящее — на правильном овальном бледном личике не дрогнул ни один мускул.

— Прошу вас всех поторопиться, — послышался вдруг мягкий и доброжелательный, пусть и незнакомый голос.

К краю платформы, которая начала едва заметно вибрировать, подошел седобородый старец в черных одеждах пастыря — гиритца с тем лишь отличием, что все семь лучей его табарда имели серебряные стержни. — Несмотря на усилия магов, эти врата слишком нестабильны и архимаг считает, что скоро пользоваться ими будет не то что невозможно, а смертельно опасно. А я не желаю напрасных смертей. — Старец улыбнулся, и его обрамленное выцветшими волосами лицо озарилось добротой.

— Капеллан Грегор, — Гирион склонил голову в поклоне, прислонив открытую ладонь к левой стороне нагрудника.

Колд поступил так же.

Темные эльфы, Кисара и Лисандра открыли рты от изумления — мало кто мог похвастаться тем, что с ним говорил один из трех великих капелланов ордена Гирита Защитника. Эти люди считались воплощением воли своего бога, его избранными детьми, ведущими орден по пути праведности и благочестия. Капелланы обладали колоссальной мощью, мудростью и влиянием, приравниваясь к высшей знати и духовным чинам.

— У нас нет времени на вежливость, братья, — мягкий голос Грегора звучал спокойно, но, в тоже время, повелительно. — Быстрее, входите в портал.

Повинуясь капеллану, Гирион первым шагнул в луч света, мгновенно растворившись в нем. Послышался топот и недовольное звериное рычание, после чего на противоположном краю платформы показался Скар, а следом за ним все его небольшое воинство, вместе с Таллагом. Буревестник беззаботно улыбнулся и помахал друзьям рукой.

Остальные зверолоуды хмурились, недоверчиво глядя на бурлящее средоточие магии, живым организмом переливающееся в толстой струе фиолетового цвета, бьющей в самые небеса и теряющейся среди свинцовых туч.

— Мы долго не продержим! — хриплый голос Гранера Ласкнира привлек внимание

стоящих на платформе. Старый архимаг замер у дальней границы магического рисунка, пульсирующего на камнях, упираясь в них концом своего посоха, охваченного мягким свечением. Лицо его было сосредоточено, на высоком лбу выступили капельки пота. — В портал, быстрее!

— Храфраг, аргед! — рыкнул Скар на наречии своего народа и первым прыгнул в центр круга. Зверолюды, повинаясь приказу вожака, бесстрашно последовали за ним.

Когда фиолетовое свечение поглотило их всех, включая жутковатых питомцев звериных братьев, настала очередь остальных. Колд выразительно кашлянул и легко толкнул Кисару меж лопаток.

Поняв столь явный намек, южанка приблизилась к portalу и, глубоко вдохнув, словно собиралась нырнуть под воду, сделала еще один широкий шаг вперед, в центр круга. Горячая волна охватила девушку, обожгла ее кожу, сковала грудь и почти мгновенно отступила.

Закашлявшись, Кисара сделала несколько шагов вперед. Перед глазами плыли разноцветные круги, голова гудела, и тело почти не слушалось. Нога Кисары подвернулась, и она чуть было не упала, но сильные руки вовремя подхватили ее и, кто-то, придерживая девушку за плечи, отвел ее в сторону.

— Все в порядке? — Вкрадчивый голос Гириона долетел до Кисары, словно откуда-то издалека, многократно отразившись эхом от несуществующих стен, вокруг ее рассудка. — Вам нехорошо?

В голове у южанки начало проясняться и зрение, вернувшееся к ней, нарисовало девушке образ наклонившегося к ней рыцаря в черной броне. Его голубые глаза оказались так близко, что Кисара невольно отшатнулась.

— Все хорошо, просто немного мутит, — скороговоркой выдавила Кисара.

— Если станет хуже — скажите мне, — серьезно произнес Гирион.

— А где мы? — Кисара огляделась и, на первый взгляд, не увидела никаких различий между тем, что видела до того, как шагнуть во врата Пути. Заклинательницу окружали такие же непреступные стены. А прямо перед девушкой раскинулся крепостной двор, по которому шагали воины Ариарда, направляясь к распахнутым воротам. Никуда не делось и неизменное присутствие Скверны: ее смрадное дыхание, стремящееся повергнуть души и сердца людей в пучины кровавого хаоса ощущалось очень ярко.

— Крепость Рубежа, — коротко ответил Гиритец.

— Что? — Кисара не поверила своим ушам. — Но как?

— Какая к демонам разница? — злой Скар нахлобучил на голову свой шлем. — Где ваш капеллан, гиритец, что нам дальше делать и куда уходят все эти воины?

— Этим отважным воинам выпал суровый жребий, — голос капеллана Грегора раздался совсем рядом с Кисарой, но та, поспешно оглянувшись, увидела лишь невозмутимого рыцаря — защитника Колда, тенью выросшего за ее спиной.

Спустя два удара сердца, седой капеллан показался из-за фигуры храмовника и указал рукой на открытые врата крепости.

— Два отряда выйдут за ворота и проследуют в разных направлениях, чтобы отвлечь на себя внимание порождений Скверны и прикрыть нас.

— Значит, вы намеренно привлекли внимание тварей к Вечному Бдению, чтобы быстро прошмыгнуть сюда, воспользовавшись тем, что большинство уродов поперло на юг? — Голос из под шлема зверолода звучал глухо, а его рычащие интонации все больше походили на звуки издаваемые грозным хищником. — А вот эти ребята, — Скар указал рукой на

вереницы воинов, покидающих крепость Рубежа. — Смертники? Живой заслон, за которым вы спрячетесь от демонов, рвущихся за вашими задниц... душами? Хитро! — Выбирай выражения! — Глаза Колда сверкнули праведным гневом, но всего лишь один легкий жест Грегора заставил рыцаря смертью злостью.

— Мы должны достигнуть обители Нерушимых Врат любой ценой, — спокойно сказал капеллан, осеняя уходящих в Потерянные земли воинов знаменем Гирита Защитника. — Мы не вправе рисковать.

— Рисковать чужой шкурой, всяко лучше, чем своей собственной, ха! — Скара нисколько не смущал тот факт, что стоящий перед ним человек занимает едва ли не высший пост в Ариарде, после членов королевской семьи.

— С каким отрядом выступать мне и моим воинам? — Янтарные глаза зверолода уставились на капеллана сквозь узкую щель в шлеме.

— Вы и ваши воины понадобитесь мне в основном отряде, идущем к обители, — Грегор указал зверолоду немного в сторону и тот, проследив за жестом гиритца, увидел три десятка хмурых монахов, провожающих взглядом своих боевых братьев, покидающих крепость.

— Ваш народ отличается от остальных устойчивостью к Скверне и, по словам коменданта Вечного Бдения, брата Рикарда, вы отменные воины и следопыты, посему отправитесь со мной.

— Хотите, чтобы мы нянчились с вами, вместо того, чтобы встретиться с врагом лицом к лицу? — Судя по тону, зверолоду явно не пришлось по нраву заявление капеллана.

— Наша миссия может оказаться гораздо опаснее, чем всем вам кажется, — обернувшись через плечо, Грегор увидел, как Гранер Ласкнир, вышел из столпа фиолетового света, и тот стремительно погас за спиной архимага.

Послышался тихий треск и платформа, на которой недавно горели магические символы — погасла, покрывшись множеством глубоких трещин.

— Все, — в голосе Гранера читалась разочарование. — Жаль, но эти врата оказались недолговечны, над ними еще работать и работать.

— Однако они выполнили свою задачу, как и маги совета. Теперь все зависит от нас. — Грегор оглядел собравшихся вокруг него. — Пришло время нам свершить то, что, возможно, навсегда изменит судьбу нашего мира! — Голос капеллана, словно усиленный магией, разнесся над стенами крепости. — Помолимся же Гириту Защитнику, и да сохранит он наши души и укрепит сердца, чтобы не дрогнули мы перед лицом соблазнов и опасностей, ожидающих нас в оскверненных землях. Молитесь вместе со мной, братья и сестры и тогда, Он дарует нам свою защиту!

Стоявший на платформе капеллан простер руки к тем, кто остался в крепостном дворе. Гиритцы, приклонив колени, низко запели молитву Гириту, и звучный голос Грегора серебряным лучом проникал сквозь нее, направляя слова монахов и разжигая в их сердцах праведный огонь.

За спинами коленопреклоненных гиритцев зашевелились жрецы и маги. Одни шептали молитвы Лигеи Благодетельнице, другие проверяли многочисленные артефакты, в мыслях взывая к Ариффе и прося у нее силы.

Зверолоды же хранили молчание, пренебрежительно глядя на людей. Разношерстный отряд Скара лишь быстро проверил оружие и теперь с нетерпением косился на распахнутые ворота.

Скосив глаза, вожак зверолодов заметил, как некромант что-то шепчет ворону,

сидящему на его плече: — Тебе со мной нельзя, так что придется подождать здесь. Я вернусь. Лети. — Эгистес повел плечом и ворон, с хриплым карканьем взлетел в небо, быстро превратившись в черную точку и скрывающуюся за крепостной стеной в направлении Светлых земель.

— Скоро начнется, — Кровожад зло ухмыльнулся под своим шлемом, поймав на себе недобрый взгляд Колда. Рыцарь-защитник закончил молиться и теперь выпрямился во весь свой немалый рост.

— Вот и все, детишки, — зверолод взглянул на Лисандру и темных эльфов, стоявших рядом. — Шутки кончились!

За стеной

Крепостной мост обители Рубежа еще хранил эхо шагов промаршировавших по нему совсем недавно воинов, когда на него ступили зверолоды. Они возглавляли отряд под личным предводительством капеллана ордена Гирита Защитника.

Два десятка сынов Урсулы, словно стая волков, быстро двигались вперед и легко обогнали бы ушедшие раньше отряды, но те сместились в стороны: почти две сотни солдат, магов, жрецов и гиритцев отправились на север и в два раза больше на юг, чтобы отвлечь на себя внимание обитателей Потерянных земель.

Твари, живущие за Стеной Святой Преграды не упускали ни единого случая, чтобы полакомиться свежим мясом или же завести себе новых рабов, лишив их воли и превратив в кровожадных марионеток, готовых на все, ради хозяев.

Низшие демоны, еретики, ужасные твари, появившиеся в результате кровосмешения, оскверненные люди и звери, все они чувствовали, когда на их землю ступали ноги живых. Это чувство сводило их с ума. Без сомнения, чудовища почувствовали, как из крепости Вечного Бдения пропало множество бьющихся сердец и теперь прибывали в ярости от того, что их провели, подразнили и оставили ни с чем.

Но запах свежей крови быстро разносился по Потерянным землям и вскоре он поманил жаждущих чужих страданий чудовищ в другую сторону. К крепости Рубежа. Людям удалось выиграть время, но его, в любом случае, не хватило бы, чтобы добраться до обители Нерушимых Врат. Именно поэтому отправившийся на юг отряд должен был купить драгоценное время ценой своих жизней и крови.

Кисара нервничала. Мост под ее ногами, раскинувшийся через заполненный кровавыми водами ров, вот-вот должен был закончиться и приближающаяся с каждым шагом оскверненная земля пугала девушку.

Во Фририарде, когда она соглашалась отправиться с гиритцами, то была ослеплена любопытством, и грядущий поход казался интересной прогулкой. Заклинательница не раз бывала на оскверненных землях, оставшихся после закрытия разломов по всем Светлым землям. Огороженные стенами и берегами, они хранили в себе множество секретов и опасностей.

Но ни один из этих островов Скверны, изолированный от остального мира, не мог даже близко сравниться с Потерянными землями, находящимися во власти Бездны не одно столетие и прогнившими насквозь от ее постоянного влияния. Но теперь слишком поздно о чем-то сожалеть, тем более Кисара знала, что если бы время повернулось вспять, она бы не изменила своего решения. Поэтому, вдохнув полной грудью холодный, отравленный Бездной

воздух, девушка с усилием подняла взгляд. Черный туман раскинулся по это сторону стены, почти скрывая эти мертвые земли своим ониксовым бархатом. Собрав волю в кулак Кисара шагнула навстречу своим страхам и, когда ее сапог коснулся безжизненной земли, девушке показалось, что она услышала многоголосый хохот, доносящийся отовсюду. Мириады полных ненависти глаз уставились на заклинательницу демонов из сгущающейся тьмы.

Кисара замерла, пытаясь сосредоточиться. Понимая, что ей не скрыться от взгляда Бездны, она силилась сопротивляться. В ноздри южанки ударил отвратительный запах, в голове помутилось, а обереги-украшения чувствительно обожгли кожу.

Глаза, разгоравшиеся в черном тумане, приблизились.

Звук вынимаемого из ножен клинка, заставил всех обернуться к Колду, чья громоздкая фигура возвышалась над тяжело дышащей Кисарой.

— Считаю до трех, демонолог, — в голосе рыцаря слышался треск огромных льдин, навечно застывших в белоснежном море Льдов.

— Все в порядке, — с нажимом, тщательно выговаривая буквы, произнесла Кисара, мысленно замыкая фигуру усмирения и чувствуя, как волна безумия, готовая захлестнуть ее с головой, отступает.

Ничего подобного раньше с девушкой не происходило и она, вдруг, поняла, что гиритцы лучше нее знали, что ждет демонолога. Наверное, именно поэтому, рыцарь-защитник сейчас стоял над ней, с обнаженным мечом в руках и холодная сталь клинка не уступала его безжалостному взгляду.

— Что происходит? — Лисандра, выхватив оружие, встала между храмовником и подругой, и темные эльфы заняли места по бокам от нее.

— Уберите оружие, — требовательный голос капеллана прозвучал спокойно и Колд незамедлительно вернул клинок в ножны.

Приблизившись к Кисаре, капеллан взял ее лицо в свои сухие морщинистые ладони и заглянул девушке в глаза:

— Ты должна бороться, не поддавайся Скверне и тогда она отступит. Я и бог — защитник, поддержим тебя, ты не будешь одинокой в этих землях. — Палец Грегора коснулся лба южанки и голоса, все еще звучащие в ее голове, мгновенно смолкли.

— Спасибо, — с трудом выговорила Кисара.

Улыбнувшись своей доброй улыбкой, Грегор кивнул девушке, осенив ее знаменем Гирита Защитника.

— Поспешим же, — громко сказал капеллан и отряд, ведомый быстрыми зверолодами, двинулся в путь.

С каждым шагом Кисаре становилось все легче и легче дышать, ее побледневшие щеки снова приобрели естественный цвет, а к телу вернулась сила. Благословение капеллана теплой искрой горело в душе Кисары, совсем не опаляя и не причиняя вреда толике демонической крови, струящейся в ее жилах. Это было приятное и, в то же время, странное ощущение.

— Ты как? — бегло шепнула Кисаре Лисандра, недоверчиво покосившись на Колда, как ни в чем ни бывало, шагавшего за южанкой.

— Теперь лучше, — виновато улыбнулась южанка. — Прости, что заставила волноваться.

— Пустяки, — паладин стянула с руки перчатку и, сняв с запястья тонкую серебряную цепь, с медальоном Лигеи, вложила ее в руку подруги. — Благодетельница поможет тебе, —

уверенно заявила Лисандра.

— Не сомневаюсь, — бегло оглянувшись, Кисара увидела, как Калеос и Исель, как бы невзначай, пристроились за спиной Колда. — Но я не могу это принять... — Можешь, — Лисандра торопливо защелкнула браслет на запястье подруги. — Я не знаю, что ждет тебя. Но помни — ты не одна. — Спасибо, — искренне поблагодарила девушку южанка, устремив полный тревоги взгляд вдаль.

Рыскающие впереди отряда зверолоуды уже растворились в черном тумане, легко поглотившем их фигуры и радостно бурлящим в предвкушении новых гостей.

Кисара видела, как следом за проводниками в темных клубах скрылись пять десятков пехотинцев Ариарда, вооруженных мечам, щитами и арбалетами. Дальше в туман шагнул отряд гиритцев, возглавляемый незнакомым Кисаре пастырем, взрослым мужчиной с сединой в каштановых волосах. Трое магов высших ступеней, с соответствующими символами на посохах, двигались под руководством Гранера Ласкнира и его ученицы. Пятеро старших жрецов Лигеи, так же, пропали из вида, а следом за ними в туман ступил и Грегор, капеллан ордена Гирита Защитника.

Темные клубы неистово забились, отпрянув назад, словно живое существо, испугавшееся кого-то более опасного.

Кисара увидела, что земля по эту сторону стены, усеяна множеством трещин, в которых колыхались склизкие, лоснящиеся тени. Туман нехотя отступал перед Грегором, открывая взору девушки уродливые деревья, едва ли не завязанные в тугие узлы, с дуплами, напоминавшими искаженные гримасой боли лица и костлявыми руками ветвей, тянущимися к ступившим под их сень людям.

Капеллана сопровождал отряд Алектиса, и Кисара даже увидела Фалкона. К удивлению девушки, седой гиритец ободрительно кивнул ей и она, приветливо улыбнулась в ответ.

Размытый силуэт скользнул слева — некромант двигался с ужасающей бесшумностью и стремительностью, словно ночная тень и странная девочка не отставала от него.

За спиной Кисары Колд пробормотал молитву Гириту, провожая колдуна презрительным взглядом. Гиритец и темные эльфы, шагали рядом с южанкой, а за их спинами маршировало еще четыре десятка воинов Ариарда в сопровождении двух десятков монахов-воинов и пастыря, чье лицо скрывал глубокий капюшон.

— Боишься? — неожиданный вопрос застал Кисару врасплох и девушка вздрогнула.

— Ты совсем рехнулся, дикое животное?! — Возмутилась Лисандра, оттолкнув бесшумно приблизившегося к ним Скара.

— Это вы, видимо, рехнулись, раз позволяете себе глазеть друг на друга, — зверолоуд поправил шлем. — В Потерянных землях смотреть надо по сторонам. Плачущий лес не так опасен, но это только поначалу.

Двое зверолоудов, чьи имена Лисандра не запомнила, рысцой пробежали мимо своего жоака, устремившись в хвост растянувшегося отряда.

— На вас, людей, нельзя полагаться, — Скар проследил взгляд паладина. — Дети Урсулы лучше чувствуют опасность и предупредят раньше, чем остальные. А вы, — он поочередно указал пальцем на Кисару и Лисандру. — Меньше болтайте и глядите в оба, может и выживете.

— Очень обнадеживающе, спасибо, — язвительно заметила Лисандра.

Скар кивнул, видимо не заметив тона девушки. Склонившись к Лисандре и Кисаре, он тихо шепнул:

— Капеллан отдал приказ двигаться вперед как можно дальше. До цели несколько дней пути, если измерять время так же, как в Светлых землях. Нам надо успеть добраться до обители в самые короткие сроки, пока те, что ушли до нас, сдерживают тварей, уже, наверняка, спешащих с юга по наши души.

— Долго ли они продержаться? — С тоской во взоре, Лисандра посмотрела в указанную зверолодом сторону.

— Солдаты, что идут с нами, говорят, что дворфы и эльфы выслали подкрепление и когда мы выступали, они как раз подходили к крепости, так что время у нас точно есть. А сколько — не важно.

— Не важно? — Да, - взглянув на паладина, Скар пояснил:

— Время здесь течет совсем иначе. Нельзя сказать, сколько мы идем, и сколько осталось. Здесь невозможно полностью доверять ни ощущениям, ни собственным глазам. К тому же жрецы и бездушные поддерживают нас молитвами, так что о пройденном пути не получится судить даже по усталости. Остается лишь надеяться, что наши защитники продержаться подольше и не побегут раньше времени.

— Они так не поступят. — Уверенно заявила Лисандра, но зверолод лишь покачал головой:

— Это война Ариарда, девочка, — хмыкнул Скар. — Ни остроухие, ни коротышки, не станут подыхать за короля и человеческих богов. Потерянные земли всегда были и останутся проблемой людей старой Империи, но даже те не станут жертвовать собой, чтобы выиграть для нас время.

— Он прав, — неожиданно прогудел Колд. — У всех отрядов приказ — сдерживать тварей, но потом, как только начнутся серьезные потери — отступить.

— Но как же мы вернемся обратно? — Кисара нащупала в кармане теплый камень Возвращения.

— Только архимаг и капеллан знают ответ, на твой вопрос. — Колда принялся смотреть прямо перед собой, показывая, что разговор окончен.

— С нами тертые вояки, которым не в новинку Плачущий лес. Я таких по глазам отличаю, — похвастался Кровожад. — Хотя не знаю, как они поведут себя дальше, когда мы войдем в этот лес глубже, — тон Скара едва ли можно было назвать приободряющим. — Возможно, сможем проделать большую часть пути без боев, а там, кто знает... В любом случае, сейчас с нами самые опытные воины Ариарда, они уже не раз смотрели Бездне в лицо.

— Не раз смотрели в лицо? — эхом переспросила Лисандра.

— Да, именно поэтому их так немного, но это лучше, чем юнцы, которые остались у стен Вечного Бдения, скорее всего навсегда. У них еще не отросли клыки, так что сопляки точно обделались под первым же кустом, где Скверна ухватила их за задницу!

— Обделались? — красивое лицо Лисандры исказилось от отвращения. — Выбирай слова в присутствии дам, зверь!

— О, ну да, — Скар улыбнулся. — Я хотел сказать — испугались.

— Другое дело.

— А потом бы уже и обделались от испуга! — хмыкнув, закончил зверолод. — В любом случае, если что-то пойдет не так — не паникуйте и держитесь ближе к остальным, — сказал вожак зверолодов напоследок. — Потом, если выживем, я или Таллаг найдем вас.

— А я-то думала, что твой братец уже забыл про своих друзей.

— Не забыл, — серьезно ответил Лисандре зверолод. — Но он шаман, значит должен находиться с Хаграном и Аркисом, втроем их силы лишь возрастут. Ладно, если Праматерь будет в добром расположении духа, может, еще послушаю твое ворчание, — развернувшись, Скар легко побежал в начало отряда.

— Проклятый зверь, — сердито буркнула паладин.

— Тихо, — суровый голос Колда оборвал девушку. — Мы отделились от крепости, и теперь наш союзник лишь тишина и скорость.

Кисара хотела было опровергнуть заявление гиритца. По ощущениям девушки, они двигались не так уж и долго, но, стоило обернуться, как слова застряли у девушки в горле — ни высокой стены, ни крепости уже не было видно.

Повсюду, насколько хватало глаз, возвышались уродливые деревья, плотным кольцом обступившие отряд. С их угловатых ветвей, странной паутиной затянувших прижавшиеся к земле тучи, свисали клочья черного тумана, легко развивающегося под внезапными порывами ледяного ветра. Причем этот ледяной ветер, каждый раз дул с разных сторон.

Ошарашено моргая, Кисара поймала себя на мысли, что не может сказать, с какой стороны они пришли и где теперь находится стена Святой Преграды. Людей окутал странный полумрак, тусклый, жуткий, но, в то же время, позволяющий отчетливо видеть на несколько десятков шагов вперед. Однако мрак то набрасывался на отряд, то отскакивал обратно, мечась в странном танце.

— Лигея Заступница, — растерянно прошептала Лисандра. — Где мы?

— В ваших кошмарах. — Сквозь зубы ответил Колд, крепко сжав рукоять верного меча.

* * *

Кисара не помнила или не понимала, сколько времени она, как и весь отряд, идет вперед. Девушка двигалась, словно в бесконечном лабиринте из сплетенных стволов угольных деревьев и стелющегося по земле черного тумана.

Деревья то приближались, то отступали, словно морок Великих пустынь, выступая из тумана пугающим миражем.

Иногда Кисаре казалось, что она видела человеческие тела, вплетенные в колючие ветви или попросту насаженные на них. Но лишь единожды, приглядевшись к столь жуткой картине, Кисара больше не смотрела по сторонам.

Время потеряло свою силу, оно, вообще не существовало здесь, в земле смерти и вечного безумия. Кисара видела все, словно кошмарный сон, но как ни старалась, не могла проснуться. Ей начало казаться, что жертвы деревьев о чем-то говорят с ней, шепчут что-то на ухо, зовут с собой.

Обереги на девушке теперь непрерывно жгли кожу, когда чей-то знакомый до боли голос умолял Кисару отойти в сторону. Кажется, это был отец и он плакал. Но ведь южанка совсем его не помнила, да и видела ли она его, слышала ли его голос?

Тяжелая рука легла на плечо Кисары и дернула ее с такой силой, что едва не повалила наземь.

— Скверна чувствует тебя, жаждет заполучить и сделать своей рабыней, — Колд строго посмотрел в глаза девушке. — Не слушай этот лес. Борись или умрешь.

Сглотнув подступивший к горлу ком, Кисара благодарно кивнула гиритцу. Проведя

рукой по волосам и попытавшись сбросить со лба непослушную прядь, девушка вдруг поняла, что на ее коже выступила испарина.

Будто очнувшись, южанка слышала тихие слова, мелодичной песней разносящиеся над отрядом — это молились пастыри гиритцев. Слова их благословений возвращали людям веру, вселяли храбрость в их сердца и отгоняли Бездну, жадно взирающую из каждого уголка этих проклятых мест. Кисара прислушалась к словам молитвы и почувствовала, как Скверна, медленно и нехотя разжимает свою ледяную хватку, выпуская ее из своих цепких когтей. Осмелившись оглядеться, Кисара едва сдержала крик, поспешно зажав рот ладонями: сотни, тысячи глаз открылись в черном тумане и теперь, неестественно вращаясь, взирали на нее со всех сторон.

— Не поддавайтесь страху! — Голос капеллана Грегора звучал твердо и решительно. — Мы должны идти вперед.

Пастыри запели громче и, сначала войны — гиритцы, а затем и обычные солдаты, поддержали молитву.

Южанка поймала себя на мысли, что подобное случается уже не первый раз. Кажется, именно эту литанию она уже слышала и даже успела запомнить все слова, хотя раньше никогда не интересовалась подобным.

Сколько же раз гиритцы молились? За все это время продвинулись ли они вперед или нет? Не ощущая голода и усталости, не видя солнца и неба, она вообще потеряла чувство реальности и не могла с уверенностью сказать, что происходит вокруг.

Украдкой взглянув на воинов Ариарда, Кисара увидела, что те смотрят прямо перед собой, а в их глазах нет и тени страха. Видимо Скар оказался прав, эти люди знали, на что шли, в отличие от нее самой.

Южанка догадывалась, что на остальных Потерянные земли давят, не так сильно, как на нее и все дело здесь в ее темном даре, но от подобного знания легче не становилось. Порывшись в кармане, девушка погладила камень Возврата.

Легче ей стало или нет, Кисара не смогла определить. Когда она вытаскивала руку, то браслет, подаренный паладином, мелодично звякнул, отгоняя тяжелые мысли. С благодарностью взглянув на подругу, южанка увидела, что Лисандра хмурится. Паладин закусила губу и озиралась по сторонам, не снимая ладони с рукояти меча.

— Одним богам известно, как эти животные умудряются вести отряд и в правильном ли направлении они нас ведут, — пробормотала Лисандра, покачав головой. — Эти деревья сводят меня с ума. Я и представить не могла, что на свете есть столь мерзкое место. Сколько мы уже идем?

— Не знаю, но, боюсь, дальше будет только хуже, — безрадостно заметила Кисара.

Неожиданно лес, словно прыгнул на растянувшийся отряд, взорвавшись безумным и пугающим хором стенающих голосов. Множество глоток вопили, рыдали, умоляли и разрывались в бьющемся крике нестерпимой боли.

Беспощадное эхо разносило какофонию хриплых голосов, многократно отражая ее от содрогающихся черных древесных стволов, выгибающихся, словно в неистовых припадках.

Нанизанные на ветви тела засмеялись, и в тот же миг с неба хлынул дождь.

Воздух сразу же пропитался тяжелым металлическим запахом, сладким и противным одновременно, постоянно усиливающимся с каждым мгновением и раздражающим ноздри. Несколько тяжелых, неожиданно теплых капель упали на лицо Кисары. Смахнув влагу рукой, девушка вдруг увидела, как белоснежный плащ Лисандры меняет свой цвет, темнея

прямо на глазах.

— Что это? — Кисара поделилась наблюдением с подругой и, когда та повернулась к ней, удивленно расширила глаза — по лицу и доспехам паладина струилась кровь. — Неужели? — Поднеся руку к лицу, южанка увидела, кровь и на своей коже.

— Что это? — Лисандра провела рукой по нагруднику, размазав кровавые подтеки.

— И кровь праведных пролилась с небес, — прошептал Колд, осеняя себя знаменем Гирита Защитника. — Больше между нами и тварями никто не стоит.

— Ты хочешь сказать, — Кисара до сих пор потрясено смотрела на свою ладонь, чувствуя, как капли теплой крови падают на ее волосы и скатываются по лицу.

— Скорее всего, все, кто отвлекал внимание демонов на юге — мертвы. Может кому-то и удалось отступить. Не знаю. — Подтвердил самые мрачные опасения девушки рыцарь — защитник. — Возможно, такая же судьба постигла и тех, кто сражался на севере. Скоро отродья Скверны начнут догонять нас.

Отряд замер.

— Уже начали, — из начавшего сгущаться черного тумана вынырнул Скар, отряхнувшись, словно мокрый пес. — Проклятый морок усиливается, а твари, что раньше просто следили за нами, начали сбиваться в стаи. Мы не в состоянии вести отряд быстро, есть риск сбиться с дороги, — он взглянул на Кисару. — Архимаг сказал, что ты можешь призвать демона, и тот укажет дорогу. — Миаджи? — Южанка задумалась. Ее подопечная не появлялась уже довольно давно, и причины для этого могло быть две: первая — демонице не нравилось присутствие храмовников, и вторая — Кисара сама не призывала ее, принимая во внимание первую причину.

— Не время для странных слов, женщина! — Нетерпеливо прикрикнул Скар. — Зови своего демона, мы должны продвигаться!

Тон зверолода оказался более чем серьезным, а свирепый взгляд его янтарных глаз, воинственно блестящих в прорези шлема, ясно давал понять, что отказаться просто невозможно.

Кисара сосредоточилась, что было довольно непросто, учитывая, что все без исключения сейчас смотрели на нее. Девушка вытянула правую руку вперед и, сплетая многочисленные защитные формулы, тихо позвала:

— Миаджи.

Между пальцев Кисары за клубился черный дым, похожий на туман, который сейчас, словно одна из гигантских ониксовых змей Лаэрдоса, смыкал свои кольца вокруг остановившихся людей. Видимо кто-то из гиритцев уже успел предупредить воинов и монахов, так что они пусть и напряглись, но, все же, восприняли появление демона относительно спокойно — лишь несколько человек взяли за оружие и зашептали молитвы своим богам.

Струйка угольного дыма, извиваясь, соскочила с ладони Кисары и, не долетев до земли, приняла человеческую форму — невысокая девочка со смешными красными хвостиками, слегка обиженным личиком и злыми глазками, облаченная в ярко бирюзовое короткое платье и небесно голубые сапожки.

— Это что? — Скар стянул с головы шлем, тупо уставившись на появившуюся перед ним девочку.

— Не что, а кто, дурья твоя башка! — тут же не осталась в долгу Миаджи. — Демон я!

— Ты шутишь или издеваешься? — Не обращая внимания на едва достающую ему до

середины живота девочку, зверолод перевел взгляд на Кисару.

— Извини, она такая, какая есть, — отчего-то южанка испытала чувство вины и стыда.

— Вот этот странный ребенок — демон? — Присев на корточки, Скар ухватил двумя пальцами Миаджи за щеку и потянул на себя. — А по внушительнее ничего нет? — С надеждой спросил он. — Ну там шипы, рога, груды мяса и мышц?

— Отстань от ребенка! — Лисандра грубо отпихнула зверолода.

— Лиса! — Миаджи спряталась за плащом паладина, тайком показав Скар язык. — Чего им всем от меня надо?! — жалобным тоном спросила она и на ее красных, доверчивых и испуганных глазах выступили слезы.

— Миаджи, прекрати! — Строго потребовала Кисара, чувствуя на себе насмешливые взгляды воинов.

В отличие от гиритцев, которые воспринимали каждое порождение Бездны с одинаковым презрением и отвращением, обычные воины явно не были впечатлены призванным южанкой демоном. Они ожидали увидеть разорителя или опустошителя, возможно, какую-нибудь другую тварь с витыми рогами, когтями величиной с лезвие меча, желательно изрыгающую огонь и готовую скакать перед демонологом на задних лапках, а вместо этого им показали капризного ребенка.

— Ты с ними заодно, сестрица? — с видом оскорбленной невинности, Миаджи прикрыла ротик ладошками.

— Нам нужна твоя помощь, — скорее попросила, чем приказала Кисара и демоница, с явным нежеланием, сбросила свою обычную маску. Вздохнув, она коротко спросила:

— Чем могу помочь, сестрица?

— Нам нужно добраться до обители Нерушимых Врат, сможешь нас провести?

— Раз уж вы не послушались меня и все-таки пришли сюда, то смогу. Легко, — девочка фыркнула. — Эй! — Она протестующе взвизгнула, когда Скар заграбастал ее своей лапой и потащил за собой, во главу отряда.

— Не вопи и делай свое дело, — ускоряя шаг, рыкнул зверолод.

— Я тебе это еще припомню, — прошипела демоница, понимая, что эта пустая угроза не пугает того, кто так бесцеремонно обращается с ней, зная о ее естестве.

Сама же Миаджи, связанная кровным договором с Кисарой, не могла ничего с этим поделаться, так как хозяйка запрещала ей причинять людям боль. В голове демоницы уже зарождались планы отмщения, вписывающегося в рамки договора, к примеру, напихать в шлем зверолода жаб, пока он будет спать или забросить вонючую шкуру, накинутую на его плечи и сейчас мельтешащую у нее перед глазами, в какой-нибудь хлев, под брюхо самой толстой свиноматке.

Однако для всего этого требовалось, чтобы обидчик демоницы вернулся в Светлые земли.

Перед глазами Миаджи вдруг промелькнуло обрамленное седой бородой и волосами лицо, и она зашипела рассерженной кошкой, почувствовав близость гиритца с сильной духовной аурой и разглядев на его табарде серебряные стержни.

Мужчина едва удостоил девочку взгляда, слишком сосредоточенный на своей молитве и распаковывании какого-то свертка. Миаджи хватило лишь беглого взгляда на снежно белую ткань в руках гиритца, чтобы ее глаза обожгло, словно пылающим пламенем.

— Ты чего? — на бегу спросил Скар, широкими прыжками рвущийся вперед. Он не услышал внятного ответа, лишь неразборчивое бормотание, которое не считал нужным

разбирать.

Быстро обогнав отряд, вожак звероловов оказался среди соплеменников и поставил свою ношу на землю.

— Это что? — Хагран Шепчущий, ткнул загнутым пальцем с обломанным когтем в сторону девочки, возмущенно поправляющей столь неуместное в Потерянных землях яркое платье городской жительницы.

— Это демон, — протиснувшись вперед, Таллаг подмигнул девочке. — Привет, Миаджи!

— А, — демоница проигнорировала приветствие. — То-то я думаю, воняет мокрой псиной, а это ты и твои родичи.

— Надеюсь, ты не только языком чесать умеешь, малышка? — тяжелая латная перчатка легла на голову Миаджи, с силой поворачивая ее в сторону. Скар заглянул девочке в глаза. — Веди нас к этой обители, да побыстрее, как велела твоя хозяйка.

— Сама разберусь, — с неожиданной для ребенка силой, Миаджи сбросила с головы руку зверолода, чем заслужила его одобрительную ухмылку. — Не отставайте, а то мои родственнички уже наступают вам на пятки!

С этими словами Миаджи резко развернулась и быстро заскакала вперед, словно спешила в лавку со сладостями. Демоница бесстрашно вступила в черный туман, весело и радушно заструившийся вокруг ее детского тела.

— Тгард валр! Всем смотреть в оба! — Скар дал знак своим воинам и те последовали за демоницей, без страха и сомнений нырнув в туман.

Отряд возобновил движение, слыша, как откуда-то сзади раздается нарастающий вой, ставший еще громче и яростнее, когда к беззвездному небу Потерянных земель взметнулся белоснежный стяг. Ткань украшало вышитое черное солнце, чьи прямые лучи сверкали серебром — высший символом Гирита Защитника.

По рядам воинов пронесся благоговейный ропот, когда тьма отпрянула перед знаменем.

— Не думал, что оно, действительно, существует, — Эгистес, прищурившись, посмотрел на стяг. — Это, то самое знамя, с которым сражался преподобный Ларцис, первый капеллан гиритцев?

— Такой как ты, даже не достоин смотреть на него, еретик, — Колд не отрывал взгляда от реликвии своего ордена, сохраняющей белый цвет, несмотря на кровавые капли, падающие с неба.

Сердце рыцаря — защитника забилося чаще, а его душа наполнилась столь праведной верой, какую он и не надеялся испытать, но к которой всегда стремился. Сейчас, когда он смотрел на артефакт времен создания ордена, ранее хранящийся в зале капелланов, то чувствовал, словно сам Гирит обратил на него свой благословенный взгляд.

Колд видел древнюю реликвию лишь два раза в жизни — на посвящении в орден и тогда, когда ему даровали звание рыцаря — защитника. Но теперь знамя Ларциса выглядело совершенно иначе: в руках благочестивого капеллана ордена, трепещущее на ветру, разгоняющее мрак Бездны и отталкивающее Скверну, оно являло собой истинную мощь и силу нерушимой веры, пронеся ее сквозь века, чтобы подарить людям надежду.

Колда не знал, что капеллан Грегор принес с собой столь значимый для гиритцев артефакт, но благодарил бога за то, что ему довелось еще раз увидеть чистейшее в своей непорочности воплощение веры и жертвенности.

И рыцарь — защитник понял еще одну вещь — теперь они не могут проиграть. Он не

питал особых иллюзии на счет следующих сего братьями солдат. Пусть они и лучшие в пограничных полках, но без духовных лидеров — жрецов и пастырей, даже самые отважные воины легко поддались бы Скверне, став одержимыми.

Именно поэтому Грегор не брал с собой армию — в ордене не было столько пастырей, чтобы защитить войско. Руководствуясь этим, капелланы ордена Гирита, сделали ставку на отвлечение еретиков и быстрый прорыв к стенам обители, доверив эту миссию самым преданным сынам бога — защитника.

Главной силой отряда оставались гиритцы. Капеллан Грегор лично отобрал каждого из кандидатов, и теперь они должны оправдать возложенные на них надежды, ведь судьба не только ордена, но и всего Ариарда, зависит от них.

Монахи должны осуществить задуманное и тогда жизни их братьев, возложенные на алтарь победы, не пропадут напрасно.

Каждый гиритец, следующий за капелланом Грегором, знал, что отвлекающие отряды сделали все, что смогли и теперь все в руках Гирита и их собственных. Возможно, простых смертных и испугала бы подобная ответственность. Но Колд не испытывал страха — пока знамя Защитника ведет их, ни что не сможет встать у гиритцев на пути.

* * *

Кисара бежала рядом с Лисандрой, удивляясь, как ее подруга может так долго и легко двигаться в доспехах. Сама южанка, никогда раньше не жаловалась на свою выносливость и легко держала темп заданный зверолодами, однако она не несла на себе такой вес, как паладин.

О том, каким запасом сил обладают гиритцы, Кисара старалась даже не думать, так как бегущий следом за ней Колд даже не запыхался, а ведь одна его броня весила больше, чем сама Кисара и Лисандра вместе взятые.

Заклинательница не знала, сколько времени они двигаются и как далеко зашли. Если бы ей кто-то сказал, что до обители Нерушимых Врат осталось совсем немного — Кисара бы не удивилась, точно так же, как если бы сказали, что они еще не прошли и половины пути.

Ощущение времени сбилось полностью. Демонолог уже не помнила, давно ли кончился кровавый дождь. словно в ответ на ее мысли с неба вновь начали падать тяжелые капли. Все что оставалось девушке — двигаться вперед. Ветви уродливых деревьев теперь тянули свои угольные склизкие ветви к людям. Когда одно из таких мерзких щупалец потянулось к Кисаре, рыцарь — защитник легко перерубил его своим клинком, и южанка готова была поклясться, что слышала стон, исходящий из ветви, словно живое существо, корчащейся в ключьях тумана.

Лица, словно вплавленные в черные стволы, искаженные гримасами боли, зло хохотали вслед отряду. Иногда их каркающий смех сменялся плачем и мольбами, иногда оскорблениями или бессвязным бормотанием.

Стараясь не смотреть вокруг, Кисара опустила глаза и, когда туман прыснул в стороны под ее сапогом, увидела, что вместо земли, под ее ногами сотрясается какая-то странная грязь, словно студенистая масса, содрогающееся при каждом ее шаге.

Неожиданно прямо под ногами демонолога открылся глаз, похожий на человеческий, но пылающий такой нестерпимой злобой, что южанка едва не попятилась, однако Колд с

силой толкнул ее вперед, и девушка продолжила бег. Теперь она старалась не смотреть и вниз, на открывающиеся среди тумана не моргающие глаза и щелкающие зубами рты. Их было множество и становилось все больше.

Кто-то сзади отряда глухо вскрикнул. Кисара хотела обернуться, но фигуры гиритца и темных эльфов следующих за ней, мешали обзору.

— Не останавливаться, чтобы ты не видела и не слышала! — выдохнул Колд, на бегу рассекая вынырнувшую из тумана тень. — Только вперед. Мы, должно быть, уже близко!

— Близко?! — Стараясь сохранить дыхание, спросила Кисара. — От крепости Рубежа до обители Врат несколько дней пути! И, — девушка осеклась, внезапно осознав, что ее дыхание остается ровным, несмотря на речь.

— С нами капеллан гиритцев и несколько сильных жрецов, — Лисандра отбросила с лица мокрую прядь волос, ставших алыми из-за кровавого дождя. — Их молитвы и благословения дают нам силы. К тому же, — паладин взглянула вперед и вверх, туда, где вздымался белый стяг, и сразу же почувствовала очередной прилив сил. — Это знамя...

— Знамя Гирита ведет нас, — пробасил Колд. — Мы в пути уже трое суток.

— Сколько?! — Кисара едва не остановилась. — Но... — в голове у девушки не укладывалось, как можно идти несколько дней, не останавливаясь на отдых, не есть и не пить — такое было попросту невозможно, о чем девушка незамедлительно и заявила гиритцу. Но рыцарь невозмутимо ответил:

— Я и мои братья можем не есть месяцами, — сказал монах. — Силы знамени и капеллана вполне хватит, чтобы и простые смертные смогли продержаться некоторое время.

— Но... — южанка хотела сказать, что ощущения подводят ее и вдруг поняла, что совершенно потеряла счет времени.

Когда они только ступили в Потерянные земли, девушка поймала себя на мысли, будто затерялась в пространстве и времени, но и подумать не могла, что подобное ощущение может сыграть с ней настолько злую шутку.

— Простой человек, как солдаты, следующие за нами, непременно лишились бы рассудка, если бы не присутствие капеллана и пастырей, — Колд, не мигая, смотрел на знамя, чувствуя, как сердце трепещет в его широкой груди. — Они защитили ваш разум от Бездны. Сама мысль о том, что мы находимся в этом проклятом месте столько времени, губительна для большинства людей, чья вера не так сильна.

— Потерянные земли — удивительное место, — серьезно сказалдвигающийся слева от гиритца некромант. — Граница между мирами здесь настолько источилась, что пространство и время исказились сверх нашего понимания. Неподготовленному или непосвященному разуму не под силу осознать всего этого.

— Господин, Вы настолько истосковались по общению, что готовы говорить с кем-то кроме меня? — в голосе девочки, неотступно следующей за некромантом, не проступило ни одной эмоции.

— На меня эта странная аномалия действует слабее, чем на других, — пожал плечами мужчина в черных одеждах, взглянув на свою правую руку и Кисаре, с интересом разглядывающей колдуна, показалось, как на его бледной коже шевельнулся какой-то рисунок. — Даже мне не по себе осознавать, что я бегу уже столько времени.

— Каково же будет солдатам. Когда мы доберемся до крепости, — Кисара в серьез забеспокоилась о воинах, составляющих значительную часть отряда.

— Не многие из них доберутся, — улыбка некроманта вышла жуткой и немного

безумной, как нельзя больше соответствующей Потерянным землям. — Но, я позабочусь, чтобы они, в любом случае, до конца выполнили свой долг.

Колда ускорил шаг, и его фигура скрыла некроманта от взора Кисары.

— Сосредоточься на себе и нашем проводнике, другие — не твоя забота, — произнес рыцарь. — Просто беги по пути, что указывает твоя тварь и заботься о том, чтобы она не завела нас в ловушку. Если почувствуешь, как твой разум и воля слабеют — смотри на знамя.

Кисара кивнула. Она, так же, чувствовала присутствие артефакта древней эпохи, но, в силу своего дара, ощущала это немного иначе. Стоил ей взглянуть на стяг, как на ее глазах выступали слезы.

Символ Гирита, пусть и наполнял ее тело силой, а дух решимостью, все же причинял девушке и неприятные ощущения. Ее демоническая кровь требовала, молила ее отступить назад, скрывшись в черном тумане, лишь бы оказаться дальше от знамени, но Кисара боролась.

Бег девушки замедлился, чувство безразличия готово было захлестнуть ее. Кисаре захотелось бросить все, наплевать на происходящее и остаться на месте, пока волна демонов, следующая за отрядом по пятам, не захлестнет ее, наполнив силой и мощью, неподвластным смертному телу...

Отчаянным усилием воли, южанка заставила себя взглянуть на знамя, и тьма в ее сознании исчезла, словно волны моря Границ, разбившись о скалистые берега острова Свободы. По телу приятной волной растеклось тепло и подкрадывающиеся к девушке сомнения исчезли.

Спереди послышался какой-то шум, тонущий в многоголосом вое, преследующих отряд тварей. Две тени проскользнули мимо Кисары и она, сосредоточенная на своих ощущениях, запоздало узнала в них зверолодов, которых Скар определил замыкать отряд.

Дети Урсулы пронеслись мимо, скрывшись в черном тумане впереди. Спустя какое-то, неопределенное в Проклятых землях время, из тумана выбежал Скар, устремившись сразу к капеллану Грегору. Затем, появился огромный волк зверолодов. На спине грозного хищника сидел воин, по имени Аун Зверобрат.

— Атард! Хагрэ атард! — хрипло крикнул волчий наездник, вскидывая лук и посылая в туман стрелу.

Кисара не знала языка этого племени, но, общение со зверолодами из Крыльев Удачи принесло свои плоды, и девушка поняла одно слово — хагр. Так они иногда называли Миаджи, и это означало — демон.

— Придется прорываться, — бросил Колд, видимо разбирающийся в наречии обитателей острова Стаи не хуже демонолога. — Держись рядом со мной.

— Хорошо, — не колеблясь, ответила южанка, заметив, спешащую к ней Миаджи. Девочка выпрыгнула из тумана вместе с воинами Скара. Зверолоды выглядели потрепанными и взъерошенными.

На душе демонолога полегчало, насколько это было возможно в том месте, где она оказалась. В силу договора, Миаджи не могла долго находиться вдали от хозяйки и Кисара чувствовала себя не в своей тарелке, когда отпускала подопечную куда-то одну.

Теперь же, когда нить их связи не растягивалась, и южанке не приходилось тратить часть своих сил на ее поддержание, она облегченно выдохнула.

— Там их просто куча! — Встревожено сообщила Миаджи Кисаре, как только оказалась рядом с ней. Она затравленно огляделась и закусила губу. — Сестрица, мы еще сможем

спасти, я выведу тебя или вы воспользуетесь теми камнями...

— Тихо, — шепнула южанка, заметив, как недобро взглянул на демоницу Колд. — У нас есть работа!

— Но мы и так довели этих безумцев до цели, я видела стены обители там, впереди, — Миаджи указала пальцем в сторону, откуда недавно пришла. — Я и еще двое звероловов хотели приблизиться и все разведать, но одного из них убило даже быстрее, чем мы смогли среагировать!

Услышав о гибели одного из воинов Скара, Кисара ощутила скорбь.

— Ты слышишь? — не отставала Миаджи, теребя демонолога за намокший рукав. В голосе почти всегда беззаботной девочки сейчас отчетливо читалась тревога. — Скованная печатями я даже не смогла разобрать, сколько демонов уже поджидает нас под стенами, если бы не волк, мы бы ноги унести не успели, а еще и ваши преследователи... Смертным не победить!

— Уймись, демонское отродье, пока я не вырвал твой поганый язык! — зло бросил Колд. — Наша задача достичь врат обители и, клянусь честью, мы это сделаем!

— Тогда вам придется прорубать себе дорогу через орды демонов! — Разозлилась Миаджи. — Вся ваша затея сразу была обречена на провал! Вы просто подохните здесь, но я не позволю вам погубить и сестрицу! — Но лбу демоницы выросли небольшие рога, а острые клыки заметно удлинились, что свидетельствовало о серьезных намерениях.

— Стены! — выпалил вдруг рыцарь — защитник. — Ты сказал, что видела их! Они целы?!

— Какая разница? — не поняла демоница.

— Просто отвечай!

— Да, целы они, целы, твои стены! Даже ворота есть, но они заперты, так что даже не надейся обосноваться внутри!

— Стены защитят нас, — уверенно заявил Колд. — Главное добраться до входа.

— Упрямы! — Зло сплюнула Миаджи, и ее голос содрогнулся от ненависти. — Глупцы! — Она, вдруг, с надеждой взглянула в глаза Кисары, но ничего не успела сказать.

Резкий хруст ломаемых деревьев сменился безумным криком боли ужаса. Кисара хотела обернуться назад, но Колд, сунув меч в ножны, схватил ее за руку, потащив за собой.

— Только вперед, — прорычал рыцарь не хуже зверолода. — Братья задержат тех, кто преследует нас.

Кисара извернулась, чтобы посмотреть назад и ее лицо побледнело от увиденного: прямо из черного тумана, разбрасывая в стороны рваные клочья, на нее неслись десятки, сотни столь ужасных существ, что девушка лишилась дара речи.

Первым двинулся демон в три человеческих роста высотой, если не учитывать огромных витых рогов. Напоминающее человеческое тело было покрыто какой-то блестящей черной жижей, а четыре красные точки глаз полыхали невыносимой злобой. Демон взмахнул усеянным шипами кнутом, обхватив им ноги одного из солдат, и резко рванул на себя. Когда человеческое тело полетело в его сторону, демон пробил его лапой и брезгливо отбросил назад, где на все еще живого мужчину налетела стая мелких тварей, разрывая когтями и зубами содрогающееся от боли тело. Но не успел крик умирающего стихнуть, как из тьмы выскочила целая стая четвероногих тварей, отдаленно похожих на собак. С длинными изогнутыми клыками и кривыми когтями, они набросились на отставших солдат сбоку, вгрызаясь в нестройные ряды и неся с собой смерть.

Волна демонов и измененных Скверной существ нахлынула на отряд, готовясь смыть его, утопить в крови и стереть с искаженного ужасающей гримасой лица Потерянных земель.

Четыре десятка отборных пехотинцев Ариарда за считанные мгновения превратились в кровавое месиво. Но никто даже не попытался помочь им.

Множество чудовищ, увлеченных кровавым пиром, на время отвлеклись от преследования, но напирающих на выживших с избытком могло хватить и на гораздо большее количество воинов. Люди гибли от клыков и когтей, умоляя о пощаде и рыдая так, что сердце Кисары сжалось и, кажется, прекратило биться.

Смахнув с лица слезы, девушка обернулась как раз в тот момент, когда бегущие в хвосте гиритцы, под предводительством пастыря в глубоком капюшоне, остановились. Черная ткань соскользнула с головы пастыря, и южанка увидела суровое лицо, на котором застыло выражение отвращения и непоколебимой решимости.

На мгновение глаза Кисары и предводителя этого отряда бездушных встретились. Мужчина коротко кивнул южанке, осенив ее знаменем Гирита Защитника, и резко развернулся, выхватывая меч. Монахи, что остались с ним поступили также, бесстрашно встав перед полчищами тварей.

Мощный голос пастыря, словно звук колокола, врезался в вой преследователей и его братья — воины подхватили слова молитвы.

Спустя несколько ударов сердца волна чудовищ нахлынула на гиритцев, но те не дрогнули.

Калеос и Исель, остановившись, послали в преследователей несколько стрел, после чего догнали основной отряд, позволяя бездушным встретить свою судьбу.

Кисара, на бегу, пыталась наблюдать за ожесточенной схваткой, понимая, что храмовникам не выйти из нее победителями. Но непоколебимые в своей вере бездушные продержались довольно долго. Однако, как бы ни были сильны гиритцы, тварей было гораздо больше. Вскоре туман поглотил фигуры в черных доспехах, сражающиеся с многократно превосходившим их противником, а вскоре гвалт битвы заглушил и голос пастыря, продолжавший выкрикивать слова молитвы богу Защитнику.

— Не скорби по ним, — Колд сильно дернул руку южанки, увлекая ее за собой и принуждая бежать быстрее. — Такова судьба каждого, кто посвятил свою жизнь Гириту. Братья пожертвовали собой ради великой цели!

— Они уже мертвы, — Миаджи скрипнула зубами.

— Еще нет, — покачал бритой головой Колд. — Пастыря Тирона сопровождают одни из лучших воинов нашего ордена, а его вера крепка, словно стена Святой Преграды. Вы, твари, чувствуете это и не сможете пройти мимо, пока праведные сердца не прекратят биться. Но и мои братья, будут сражаться, пока их сердца не замрут, а души не отправятся к Гириту Защитнику. Каждым нашим шагом, что приближает нас к цели, мы обязаны тем, кто помог нам свершить его. Да примет Гирит их души.

— Не слушай его, — Миаджи бежала рядом с Кисарой. — Воспользуйся камнем!

— Мы не можем бросить этих людей! — вмешалась Лисандра. На лице паладина застыло скорбное выражение. Девушка изо всех сил старалась скрыть страх, но Миаджи чувствовала все ее эмоции.

— Лиса, ты же понимаешь, — демоница прищурилась.

Кисара не слушала никого. Она молчала. Перед глазами заклинательницы до сих пор

стоял образ пастыря Тирона. Она помнила его глаза, в которых не было и тени страха, и устыдилась своего собственного. Рука Кисары, которой она крепко сжимала в кармане камень Возвращения, разжалась, выпуская его.

— Мы должны помочь! — Решительно выкрикнула девушка, протянув руку в сторону Миаджи. — Печати с первой по пятую — очищение!

— Ты всегда была и останешься романтической дурочкой, сестрица, — с горечью в голосе сказала демоница.

— Какая есть, — соткав в уме несколько фигур усиления, Кисара набросила их на девочку, чье тело уже начало меняться. — Помоги нам прорваться к воротам!

— Но кто позаботится о тебе? — красные глаза демоницы расширились, ее фигуру окутал черный туман и девочка начала увеличиваться в размерах, ростом сравниваясь с южанкой.

— Я не дам твоей хозяйке погибнуть, демон, — выпустив руку Кисары, Колд взялся за меч. — Даю тебе слово!

— Я запомню это, бездушный! — голос Миаджи изменился, и ее платье с треском порвалось, не выдержав истинного тела демоницы. Красные глаза моргнули, чтобы открыться двумя бездонными колодцами Бездны.

Часть сдерживаемой Кисарой силы вернулась к своей обладательнице вместе с ее истинным телом: гладкая кожа потемнела, красные волосы удлиннились и теперь касались земли, непрерывно извиваясь, словно скопище алых змей. Черные, как ночь крылья распахнулись за спиной демоницы, разбросав в стороны рваные клочья тумана и острый, увенчанный шипом хвост щелчком плети ударил по воздуху.

— Помни о своем обещании, человек, — голос Миаджи теперь стал взрослым, чувственным и его можно было бы назвать прекрасным, если бы не таящаяся в нем ненависть. — Если с сестрой что-нибудь случится, я найду тебя даже в Бездне!

Недрогнувший храмовник лишь скупо кивнул.

Пространство перед отрядом вдруг вспороли сверкающие молнии. Яркие вспышки выхватили из сгущающегося мрака высокие неприступные стены, сверкающие в каплях кровавого дождя и обитые сталью ворота, расположенные точно по пути отряда храмовников. Огромные створки были плотно закрыты, а под ними собралась настоящая орда демонов, чьи омытые кровью тела, плотно прижимаясь друг к другу, словно сплетались в один уродливый организм, смотрящий на людей множеством кровожадных глаз и оскаленных пастей.

Снова сверкнули молнии, ударив в первые ряды демонов и разметав несколько задымившихся тел в стороны. С шипением Миаджи бросилась во главу отряда, туда, где вот-вот должна была разгореться самая ожесточенная битва.

— Вперед, к воротам! — Выкрикнул капеллан Грегор, выхватывая из ножен украшенный символами клинок, сразу же вспыхнувшим чуть синеватым свечением далеких звезд.

Одной рукой капеллан поднял древко со знаменем Гирита так высоко, как только смог и твари отпрянули назад, ослепленные мягким сиянием божественного символа.

Что-то хрипло крикнул Гранер Ласкнир, и его маги обрушили на противника огненный град, выжигающий демоническую плоть и разрывающий на части ужасные тела. Шаманы зверолодов снова ударили молниями, внося еще большую сумятицу в и без того беспорядочные ряды чудовищ.

— К капеллану, живо! — Колд быстро оглянулся и толкнул Кисару вперед. — Вы тоже! — бросил он темным эльфам.

— Но, — Кисара остановилась всего на мгновение и едва не погибла от бросившегося на нее со спины монстра.

Оскаленные челюсти клацнули в дюйме от лица демонолога. Но Колд отбросил тварь прочь ударом ноги. Мощным движением храмовник вогнал лезвие меча прямо в пасть демону, а подоспевшая вовремя Лисандра перерубила все еще живой твари хребет.

— Они догнали нас, — крикнул рыцарь — защитник, лоя на щит еще одну лоснящуюся тушу и быстрым ударом снося ей уродливую голову. — Прорывайтесь вперед!

Однако никто не спешил слушать приказ бездушного. Стряхнув с меча капли черной крови, Лисандра встала с ним плечом к плечу, а расположившиеся за их спинами темные эльфы вскинули луки.

Первые стрелы опрокинули выскакивающих из мрака тварей, а остальных встретили клинок храмовника и меч паладина. Бездушный сражался с молитвой Гириту на устах, и каждый удар сверкающего клинка оказывался смертельным для его противников. Меч монаха взметнулся вверх, рассекая брюхо низкорослому безглазому демону, чья голова состояла из сплошной пасти и сразу две стрелы вонзились в толстую шею, опрокинув тварь на землю. Тяжелый щит Колда закрыл открывшуюся в неудачном выпаде Исель, и длинные когти, вместо груди девушки со скрежетом врезались в металл. В следующее мгновение ботинок гиритца с треском ломающихся ребер воткнулся в живот твари, отбрасывая ее назад, прямо на клинок Лисандры.

Калеос убрал бесполезный в ближнем бою лук и выхватил парные кривые сабли, заветревшись в смертоносном танце и нанося быстрые и хлесткие удары по противникам. Но демоны, будто не замечали эльфов и паладина, стремясь добраться до гиритца и демонолога.

Кисара обездвижила одну тварь и, не успев меч Лисандры войти в покрытую струпьями грудь, как южанка уже занялась следующим противником, своей силой растворив костяной панцирь одного из демонов и сделав его уязвимым для стрел Исель. Поймав грудью две стрелы, демон упал на колени, и его вдруг смяла чья-то когтистая лапа. С ревом из толпы демонов выскочил настоящий гигант, крушащий все на своем пути. Замерев, он шумно вдохнул пропитанный кровью воздух свиным рылом и ударил когтистыми лапами о содрогнувшуюся землю.

— Пробиваемся к капеллану! — Колд толкнул Кисару. Все начали быстро пятиться назад, стараясь не отставать от основных сил и, одновременно, отбиваясь от нападающих тварей.

Кисара связала несколько сковывающих и ослабляющих фигур, набросив их на демона со свиным рылом. Чудовище расшвыривало более мелких собратьев, и рвался достать гиритца. Защищавший Кисару храмовник уже с ног до головы покрытого демонической кровью, но с готовностью повернулся к новому противнику.

Стиснув зубы от усилия, Кисара бросила почти все свои силы, на порабощение демона. В отличие от опустошителей или разорителей, безумных тварей лишенных разума и рассудка, это порождение Бездны демонолог могла подчинить, но лишь в том случае, если ее воля окажется сильнее.

Кисара не сомневалась в своих силах, но понимала, что для успешного порабощения ей нужна предельная концентрация. Набросив оковы замедления на напуганных противников, она полностью сконцентрировалась на демоне и едва не стала жертвой расторопного

оскверненного, чье тело Бездна уже исказила до неузнаваемости. Со щупальцами вместо рук, оторванной нижней челюстью и пустыми глазницами, он бросился на южанку, но упал, не дойдя каких-то двух шагов. Ярко зеленый луч прожег в разлагающемся теле огромную дыру, и Кисара услышала голос некроманта:

— Алира, займись ими!

— Как прикажете, господин, — девочка в черном платье вышла вперед и в ее руках появилась огромная, сотканная из мрака коса.

С чудовищной скоростью темноволосая бледная девушка метнулась вперед, вздымая свое страшное оружие и рассекая пополам сразу трех противников. Не успели части тел коснуться дрожащей от вожделения крови земли, как Алира, словно безжалостный жнец, продолжила свою страшную жатву, танцуя среди брызжущей крови и отсеченных конечностей.

Губы Кисары изогнулись в победной усмешке, когда нависший над Колдом огромный демон, вдруг развернулся и накинулся на своих же сородичей, разрывая их на части. Демонолог не могла полностью поработить демона, не заключая с ним договора, тем более, что сломить волю порождения Скверны не так-то легко. Но южанка смогла обвести тварь вокруг пальца, заменив в ее искаженном ненавистью разуме людей на его сородичей, а их, в свою очередь, на гиритцев.

Неожиданно на помощь запутавшемуся чудовищу пришли окровавленные солдаты Ариарда, чьи глаза горели зеленым светом. Изломанные, лишённые конечностей, они шли, хромали и даже ползли к занятым боем демонам, волоча за собой оружие. Солдаты набрасываясь на тварей, не заботясь о самих себе и даже самые страшные раны не могли убить их, так как воины были уже мертвы.

— Мои слуги отвлекут тварей, уходим! — крикнул некромант.

— Назад! — поддержал колдуна Колд, последним из живых отступая к авангарду отряда. Храмовник оглянулся и, увидев, что все последовали его приказу. Убедившись, что никто не остался на месте, он и сам поспешил к воротам обители, предоставив оживленным мертвецам отвлечь противников.

Гиритцу была противна магия некроманта, но сейчас он понимал, что колдун спас их всех, пусть даже и вернув к жизни воинов Ариарда, что само по себе являлось омерзительным, для разума храмовника.

Неожиданно на ум бездушного пришла невеселая мысль о том, что некромант, при всем своем умении не сможет поднять его павших братьев. Гиритцы плохо подвергались магическому воздействию, включая и некромантию. Темная магия колдуна не могла осквернить останки павших монахов, но сейчас, когда каждый клинок был на счету, это радовало Колда в меньшей степени. Хотя сам он и предпочел бы, после смерти отправиться сразу к Гириту, а не оказаться в ледяной хватке некроманта, но готов был на все, если бы это помогло правому делу.

Отринув ненужные мысли, Колд очистил свой разум и кое-как, стерев с лица начавшую запекаться кровь, ускорил шаг.

Окликнув Алиру, Эгистес развернулся в сторону крепости, чувствуя, как обрываются жизни живых существ, сражавшихся за его спиной. Бледные губы некроманта тронула зловещая ухмылка.

— К смерти и славе! — взревел Скар, вздымая к небу свои топоры, выполненные в виде волчьих голов, сжимающих в зубах острые лезвия, похожие на вытянутые серебряные полумесяцы.

— Сквозь ливень крови! — подхватили клич зверолода его воины.

Шаманы и маги ударили по наседающим противникам еще раз, после чего, опасаясь задеть своих соратников, переключились на тех тварей, что копошились ближе к стене обители.

Скар первым врубился в гущу демонов и оскверненных, неистово вращая оружием и радуясь каждому удачному удару. Сила, подаренная великой Праматерью, разгоралась в его теле все ярче и ярче, а кровожадный голод воина теперь был сравним с ненасытностью самой Урсулы.

С нечеловеческой силой топоры зверолода обрушивались на врагов, одинаково легко рассекая и оскверненную и демоническую плоть. Рядом с ним, бок обок, бились его братья по крови, среди которых то и дело мелькал силуэт Миаджи, легко узнаваемый из-за ярко красных волос.

Демоница, при помощи длинных, похожих на стилеты, когтей справлялась со своими сородичами, не испытывая при этом ни капли сожаления. Она смеялась, каждый раз, когда теплая кровь попадала на ее кожу, и воинственный вой зверолодов вторил ее смеху.

Оставив магическую поддержку зверолодов Хаграну и Аркису, Таллаг бросился в ближний бой. На ходу он заметил размахивающего молотом Фалконом, и орудующего двуручным мечом Гириона.

Храмовники и их братья из отряда Алектиса, взяли на себя правый фланг, вплоть до острия атаки, тогда как на левом сражались обычные солдаты при поддержке жрецов которым, судя по всему, требовалась помощь.

Похожая на смесь старухи и паука тварь, пронзила лапами одного из солдат и швырнула тело в плотный строй воинов, опрокинув несколько человек и сломав боевой порядок.

В образовавшуюся брешь тут же хлынула толпа разномастных монстров, жутких пародий на человека, исковерканного Бездной по ее безумной прихоти: истерзанные тела покрывали ужасные наросты, рога и струпы, язвы и кровоточащие раны перемешивались с чешуей, шерстью и обрывками плоти. Кто-то из оскверненных сохранил подобие человеческого лица или конечностей, а кто-то превратился в создания из кошмаров с глазами по всему телу или огромной пастью поперек груди.

Таллаг не успел точнее рассмотреть провравших строй тварей — ему стало совершенно не до этого. С яростным шипением на Буревестника накинута та самая иссохшая паукообразная старуха, с бельмами вместо глаз и острыми клыками в трех ртах, казавшимися несуразно огромными на обвисшем и удлинённом подбородке.

Зверолод встретил оскверненную, некогда, определенно, бывшую человеком, сверкающей молнией, с треском выпустив искрящуюся нить в безобразное тело. Заклинание шамана ударило в обвисшую грудь, опалив дряблую, покрытую пятнами кожу и старуха завопила от боли и досады. В следующее мгновение ее крик оборвал Громовержец, с чавкающим звуком врезавшийся в покатый лоб. Таллаг дернул цепь на себя, и зачарованное оружие вылетело из раны, отломав солидный кусок черепа, и вернулось в руку владельца.

Зверолюд еще дважды ударил молнией по тварям, терзающим тела солдат, пытавшихся отбить одного из жрецов: бедняге не повезло и какая-то тварь, пробила его грудь острым хвостом, подняв корчащего человека над полем битвы, словно ужасающий стяг. Понимая, что ни жреца, ни солдат уже не спасти, Таллаг призвал на помощь великую Праматерь и все свои силы, обрушив на демонов настоящую бурю молний, обугливающих безобразные тела и расшвыривающих их во все стороны.

* * *

Натравив демона на сородичей, Кисара, побежала туда, куда указывал Колд — к знамени Гирита, под которым сражался капеллан ордена. Оживленные некромантом мертвецы и порабощенное порождение Бездны выиграло достаточно времени, чтобы замыкающие отряд бойцы смогли пробиться вперед, соединившись с основными силами. К тому же колдун без устали поднимал павших в битве солдат, отправляя их в хвост отряда.

Кисара искала глазами Миаджи, но не смогла отыскать демоницу в кипящей битве. Зато девушка увидела вход в обитель Нерушимых Врат. Обереги, вместе с камнями вложенные в стены и массивные створки разгорались алым свечением, реагируя на присутствие демонов, что казалось невозможным — обитель все еще защищали древние чары, а значит, гиритцы оказались правы — пробиться в крепость, значит спастись.

— Только как это сделать? — взгляд девушки скользнул по запертым воротам, украшенным огромным символом Сидония Воздаятеля — латной, сжатой в кулак шипованной перчаткой.

— Надо прорываться! — Лисандра оказалась рядом с южанкой. Плащ паладина стал похож на грязную тряпку и был оборван почти до середины, а на доспехах виднелись свежие вмятины и царапины.

— Некромант сказал, что поможет, но ему нужно время. Маги и Калеос с Иселе прикроют его. Ты можешь что-нибудь еще сделать с этими тварями? — паладин мечом указала на бесчисленные орды демонов, все прибывающие из бурлящего черного тумана.

— Не знаю, — честно призналась Кисара. — Я чувствую, что Скверна глубоко въелась в эти земли. Такое ощущение, будто твари не отходили от стен обители с тех пор, как пали сидониты. Здесь все отравлено Бездной!

— Но крепость цела! — пользуясь короткой передышкой, Лисандра огляделась. — Как такое возможно?

— Не знаю, — покачала головой Кисара. — Но нам необходимо добраться до ворот!

— Хорошо, — стряхнув с меча дымящуюся демоническую плоть, Лисандра кивнула. — Я пойду вперед, там от моего клинка больше пользы, а ты оставайся с магами! Да хранит тебя Благодетельница!

— И тебя, — слова Кисары понеслись вслед за удаляющейся девушкой, спешащей в авангард, где сражались зверолоуды.

Паладин перешла на бег и, сделав широкий прыжок, пробила клинком стоявшего к ней спиной демона, упавшего, казалось, прямо с неба. Оружие Лисандры со скрежетом вспоролось панцирь из затвердевшего перегноя и пронзило черное сердце твари.

Отбросив извивающегося противника в сторону, Лисандра наткнулась глазами на Таллага. К этому моменту зверолоуд уже почти исчерпал своим шаманские способности,

истратив запас магической энергии и, выпустив лезвия из широких браслетов, спешил вступить в ближний бой.

Вдвоем паладин и зверолод оттеснили демонов, прорвавшихся сквозь брешь в поредевшем строю пехоты и выжившие солдаты, к которым на помощь пробилась гиритцы, снова сомкнули свои ряды. Выстроившись клином, отряд быстро продвигался к воротам обители, буквально прорубая себе путь и платя кровавую дань за каждый шаг, сделанный по проклятой земле.

— Давайте все вперед, я следом, — Таллаг потрянул головой в сторону ворот, выхватывая Громовержец и обрушивая сверкающую сталь на лапу выступившего из тумана демона, чье колено оказалось зверолоду выше макушки.

Услышав, как хрустнула кость, Буревестник вырвал топор из раны и ударил снова, словно лесоруб, валящий дерево. Тварь пошатнулась, и нелепо взмахнув когтистыми лапами начала заваливаться в бок. Цепь Громовержца серебристой молнией метнулась к бычьей шее демона и, несколько раз охватив ее, с лязгом сомкнулась. Еще раз воззвав к магии, заключенной в оружии, Таллаг рванул цепь и та, с треском молний впилась в кожу безостановочно вопящего демона, отделив его уродливую голову от тела.

Простых солдат, так же, как и жрецов Лигеи было практически не видно. Над побоищем возвышались лишь уродливые выродки Бездны и закованные в черную броню фигуры гиритцев, собравшихся вокруг сжимающего знамя Капеллана.

Сплотившись вокруг выживших магов и Грегора, монахи — воины сформировали стальной кулак, обрушившийся на противников и пробивающий себе дорогу к стенам обители Нерушимых Врат.

Лисандра оказалась между гиритцем, чье лицо скрывал помятый шлем и рыцарем-защитником Гирионом. Мельком обернувшись, она увидела Кисару, стоящую рядом с ученицей архимага и некромантом.

Обладающие даром магии без усталости плели смертоносные заклинания, поддерживая отряд на пределе своих возможностей, и паладин сосредоточилась на своем деле. Ей, как и гиритцам, нельзя было позволить демонам добраться до волшебников.

Девушка рубила и колола клинком, разбрасывая противников и рассекая бесчисленные уродливые лица, вырастающие перед ней из мрака. Она видела, как лапа с длинными кривыми пальцами смела сражающегося слева от нее гиритца и окровавленный шлем слетел с бессильно поникшей головы.

Место павшего сразу же занял седой бездушный, знакомый паладину. Он носил имя Фалкон и сражался тяжелым молотом. Лисандра услышала или, возможно, ей просто показалось, как старый монах произнес молитву о павшем брате, обрушивая свой гнев на противника, забравшего жизнь монаха.

Молот с треском сломал уродливо сросшиеся ребра на груди демона, отбросив того назад и Лисандра, быстрым выпадом, рассекала твари горло, после чего Фалкон, вновь поднявший свой молот, размозжил рогатый череп, превратив его в вонючее месиво из слизи и обломков костей.

Внезапно пространство перед Лисандрой расчистилось, и она увидела, как поначалу отрезанные от основного отряда зверолоды продолжают сражаться при поддержке Миаджи. Их осталось меньше десятка, но дети Урсулы не отступали, круша противников направо и налево.

Взгляд Лисандры выхватил из общей ужасающей картины фигуру в красных доспехах, с

пропитавшейся кровью волчьей шкурой на плечах.

Скар Кровожад, вожак зверолодов, явно не зря получил свое прозвище и по праву мог называться избранным сыном Великой Праматери. Он сражался на острие атаки, тесня напирających на него со всех сторон противников. Смеясь тварям в лицо, бесстрашный воин отрубал тянущееся к нему когтистые лапы. Паладину даже показалось, что глаза Скара сменили свой янтарный цвет на ярко красный, и теперь угрожающе горят пламенем ярости в смотровой щели его шлема.

Демоны выпрыгивали из тумана беспорядочно и разрозненно. Это давало смертным хоть какой-то шанс осуществить задуманное. Отряд Грегора бросился на помощь зверолодам, стремясь объединиться с ними и продолжить продвижение к воротам.

Пока Лисандра бежала вместе со всеми, она не могла оторвать взгляда от неистово сражавшегося Скара.

Манера боя зверолода не походила на изящное фехтование, которому учили рыцарей и паладинов. Не была она и красивым искусством боя дуэлянтов и не скупыми движениями мастеров меча. В каждом движении зверолода читалась необузданная ярость, нашедшая воплощение в непредсказуемых выпадах и диких, молниеносных ударах.

Скар бился с упоением, словно клыками вгрызаясь в толпу врагов. Его топоры с грохотом обрушивались на костяную броню оскверненных и панцирные наросты демонов, с треском проламывая их и жадно погружаясь в разлагающуюся плоть.

Не успев вдоволь насытиться отбираемой жизнью, грозное оружие с чавкающим звуком, сопровождаемым стоном предыдущей жертвы, покидало страшную рану, вырывая мясо и разбрызгивая черную кровь.

Топоры Скара вновь вздымались к беззвездному небу, поливающему поле боя кровавым дождем, чтобы со свистом, в котором слышалась хвала великой Праматери, вновь вгрызться своими стальными клыками в тело врага, дабы утолить бесконечный голод жестокой богини.

Поглощенный боевым неистовством зверолод не замечал сыплющихся со всех сторон ударов — прочный доспех оберегал его тело, дар Урсулы — защищал его душу, а сам Скар являлся воплощением ярости своего народа, изредка хрипло выкрикивая, словно в боевом трансе:

— К смерти и славе, братья!

— Сквозь ливни крови! — Дружно подхватывали оставшиеся в живых зверолоды.

Кольцо порождений Скверны грозило сомкнуться вокруг редееющего отряда, и даже ярость воинов вкупе с силой Миаджи не могли исправить ситуацию. Демоница, с ног до головы залитая черной кровью рвала длинными когтями тела родичей, и ее мелодичный смех отдавался злорадным эхом, отражаясь от приближающихся стен обители Нерушимых Врат.

— Сражайтесь храбро, братья и сестры! — чистый голос капеллана разнесся над Проклятыми землями, и белоснежное знамя в его руке засияло с новой силой. — Наша цель уже близка!

Гиритцы с грохотом и гвалтом врезались в толпу тварей, напирających на зверолодов, круша черепа еретиков и топча их латными ботинками.

Лисандра поднырнула под ужасной клешней мускулистой лишенной головы твари, пялящейся на нее узким глазом, размещенным на середине груди, прямо над раскрывшейся в животе клыкастой пастью.

На ходу порезав заросшую черной шерстью ногу, паладин устремилась дальше, слыша,

как за спиной, молот Фалкона обрушился на не доставшего ее противника.

Не замедляя бега, Лисандра пронзила еще одного врага в затылок, и лезвие клинка вышло из обезображенного порчей лица. Крутанувшись, девушка отсекла тянущуюся к ней когтистую лапу, лишив еще одну пары крючковатых пальцев, распоролла чей-то живот, грубо оттолкнула тщедушное, покрытое язвами тело и оказалась рядом с одним из зверолодов, орудовавшим двуручным топором.

— Не слишком-то вы спешили! — хохотнул Бриор, неистово вращая грозное оружие.

Бурая грива зверолода растрепалась, сквозь разорванную во множестве мест броню струилась кровь. Воин потерял один глаз, но, по-прежнему, держался стойко, без усталости разя нападающих врагов.

Не найдя что ответить, Лисандра вступила в схватку сразу с двумя тварями, похожими на безобразных близнецов, сросшихся отвратительными ремнями склизкой плоти. Когда один из них атаковал паладина в голову, она парировала атаку клинком, но тут второй оскверненный, как две капли воды похожий на первого, бросился ей в ноги. Все что оставалось Лисандре — отпрыгнуть, что она и сделала.

Оступившись, девушка споткнулась о чье-то тело и растянулась на вонявшей кровью и тленом земле. Обрадованные неожиданным успехом твари прыгнули на нее, но одну из них прямо в полете рассек топор Бриора, а другая напоролась грудью на выставленный палладином меч.

Девушка не успела даже подняться на ноги и поблагодарить своего спасителя, как на того налетела целая туча мелких тварей, облепив тело могучего воина.

Пока зверолод с руганью отрывал от себя вгрызающихся в его раны демонов, к нему подскочил оскверненный с кривым и ржавым клинком. Коротко размахнувшись, он одним ударом лишил воина левой руки, отрубив ее по локоть.

Взвыв, словно раненный зверь, Бриор бросился на оскверненного, что уже поднимал меч для нового удара. Не останавливаясь, зверолод ударил врага головой в лицо. Невзирая на боль, он взмахнул топором, могучим ударом разрубив противнику ключицу и грудину.

Подхватив покачнувшегося Бриора, Лисандра попыталась оттащить его назад, за спины прикрывавших их гиритцев, но зверолод грубо оттолкнул ее окровавленной культией.

— Пробивайтесь! — Рыкнул Бриор, резко мотнув головой в сторону обители. — Я уже слышу, как Урсула зовет меня и дальше нам с вами не по пути! — Сверкнув единственным глазом, воин громогласно расхохотался и бросился в гущу сражения.

Потрясенная Лисандра видела, как Бриор на бегу сокрушил трех оскверненных и сцепился с огромным демоном, в своем последнем поединке: раны зверолода были слишком серьезными, чтобы он смог выжить, без воздействия целительной магии жрецов, которые, если и уцелели, сейчас находились рядом с капелланом.

Налетевший черный туман скрыл силуэт израненного зверолода, но Лисандра уже не смотрела в его сторону, так как была вынуждена снова вступить в бой, лишь мысленно попросив Лигею Благодетельницу об упокоении души храброго воина.

Между тем, стальной кулак гиритцев объединился со зверолодами и теперь двигался к воротам обители, оставляя за собой горы обезображенных трупов.

Вспышки высшей магии и молнии шаманов отбрасывали основную массу тварей в стороны и отряд, оцетинившись смертоносной сталью, прорывался вперед, пока волны обитателей Проклятых земель, не сомкнулись вновь.

Когда до древней обители сидонитов оставалось совсем чуть-чуть, оскверненная земля

затряслась от чьих-то тяжелых шагов и, разбрасывая в стороны сгущающийся мрак, в поле зрения отряда ворвался громадный, взбешенный опустошитель, первым добравшийся до долгожданной добычи.

— А вот и тяжелая кавалерия подросла, — выдохнул Таллаг, рассекая впалую грудь худого оскверненного.

— Они, видимо, очень злы, — Калеос вымученно улыбнулся, тут же поморщившись от боли в раненном плече, когда, забывшись, отразил левой саблей атаку костяного клинка, заменившего одному из демонов руку.

— Они всегда злы, придурки. Не отвлекайтесь! — рыкнула Исель, из-за спин мужчин посылая стрелу за стрелой в открывающиеся во мраке глаза.

Бойцы Крыльев Удачи двигались вместе с отрядом капеллана — теперь единственным относительно безопасным местом для тех, кто не обладал стойкостью в Скверне.

Двое жрецов, до сих пор следующих за отрядом, полностью, сосредоточились на поддерживающих заклинаниях и теперь, дух людей защищал лишь Алектис — единственный из выживших пастырей и сам капеллан.

Впрочем, со смертью солдат Ариарда, защита требовалась лишь магам, да темным эльфам. Гиритцы и зверолоуды были не подвержены осквернению, а Кисару и некроманта защищал их собственный темный дар.

Разумеется, оставалась еще и странная девочка, которую таскал за собой колдун, но после трюков с ужасной косой и пугающей скорости, ни у кого не осталось сомнений в ее, не совсем, человеческом происхождении.

Сам колдун вел себя поразительно тихо и Таллаг мысленно посылал ему уже далеко не первое проклятье, за то, что тот бездействует. Зверолоуд несколько раз видел Эгистеса, вокруг которого мелькала девочка с косой, убивая каждую тварь, что смела приблизиться к некроманту, а сам колдун рылся в своей сумке, что-то бормоча себе под нос.

— Берегитесь! — кажется, голос, дрожащий от перенапряжения и усталости, принадлежал Кисаре, но гвалт битвы делал его почти неузнаваемым. — Я не сдержу их всех!

Не все воины успели броситься в рассыпную, когда блестящий от льющейся с небес крови опустошитель, врезался в отряд на полном ходу.

Земля сотряслась, зазвенели доспехи и послышались стоны и хрипы тех, кому не посчастливилось быстро убраться с дороги обезумевшего демона.

Почувствовав, как усталость робко скользнула по его телу, Таллаг понял — жрецы, скорее всего, мертвы и теперь рассчитывать можно лишь на знамя капеллана. Сам зверолоуд успел отскочить с пути несущегося напролом монстра и теперь бегло пытался оценить нанесенный разворачивающейся для второго захода тварью, ущерб.

То, что увидел Таллаг, совсем не порадовало его — гиритцы в покореженных латах поднимались с земли, но неожиданная атака демона, все же, застала многих врасплох.

Обостренное зрение зверолоуда не отыскало среди встающих тех, кто носил одежды жрецов — опустошитель врезался в переднюю часть отряда, где, как раз, и находились служители Лигеи Благодетельницы.

Если бы громадный демон, не растоптал на своем пути множество сородичей, то выжившим людям пришлось бы туго, но, по счастью, не обладающая разумом тварь, перла, не разбирая дороги, нещадно давя и своих и чужих.

Время, казалось бы, замершее, вновь полетело с привычной скоростью и все вернулось на свои места — выжившие твари Потерянных земель бросились на людей, а те, поднявшись

на ноги и придя в себя, встретили нападающих сталью и магией.

Что-то полыхнуло зеленым пламенем, и замогильный вой перекрыл шум битвы. Размахивающий своим посохом некромант, беззвучно шевелил губами и Таллаг почувствовал, как волосы у него на спине встают дыбом.

От дуновения древней магии смерти, даже оскверненные на несколько мгновений застыли на месте. Эгистес что-то подбросил над головой, кажется, это были обломки костей. Почти сразу же над колдуном закружился безумный вихрь, в который стягивались окровавленные кости, с треском вырывающиеся из плоти павших.

Кольцо на правой руке колдуна охватило бледное сияние.

Произошедшее не оказало никакого впечатления только на опустошителя, бросившегося во вторую атаку. Когда усеянная рогами голова демона наклонилась к земле, чтобы смести гиритцев, на пути твари появился огромный скелет, в чьих пустых глазницах разгоралось зеленое пламя. Собранные заклинанием колдуна кости сформировались в настоящего колосса, не уступающего опустошителю в размере.

Некромант взмахнул посохом и костяной голем, издав жуткий скрежет, столкнулся с опустошителем, вонзившись в тело твари сотнями обломанных костей.

Загудела магия и в бок демону прилетело два огненных шара, значит кто-то из магов все еще жил.

Порождение Бездны издало безумный рев и оскверненные, вострапавшись, набросились на людей с новой силой, а из мрака вынырнуло еще двое опустошителей, бросившихся на горстку выживших.

Живая волна тварей разбила пытавшийся сплотиться отряд, разделив людей и лишив их шансов выжить.

— Все к ворот... — договорить капеллан Грегор не успел, так как выбившаяся из сил Кисара больше не смогла удерживать осквернителя — двуногую тварь в три человеческих роста с шестью много суставчатыми руками, кончавшимися костяными лезвиями.

Осквернители не обладали такой силой, как опустошители, но наличие неких зачатков разума и чудовищная скорость делали их куда более опасными противниками. Словно кровожадный ураган, опустошитель ворвался в гущу гиритцев, разя их своими руками-клинками и разбрасывая в стороны противников.

Взмахнув знаменем, капеллан Грегор отважно бросился на мощного противника, чтобы вдохновить обессиливших воинов собственным примером.

Но силы были явно неравны — предводитель монахов смог отразить несколько атак, но возраст и поученные в бою раны, все же сделали свое дело — один из костяных наростов пробил плечо капеллана насквозь и демон, скалясь, поднял его над землей.

— Сделай что-нибудь! — бросил Колд, едва стоящей на ногах Кисаре, но девушка не ответила — в ушах южанки непрерывно звенело, к горлу подкатывал ком тошноты, в глазах помутилось, а из носа непрерывно текла кровь.

Демонолог, рыцарь — защитник, капеллан и еще трое гиритцев оказались полностью окружены и теперь, когда один из монахов погиб от клинков осквернителя, их судьба была предрешена. Метнувшись вперед, Колд вступил в схватку с демонами, что хотели воспользоваться замешательством заклинательницы.

Кисара, собрав все оставшиеся силы в кулак, набросила на осквернителя фигуру ослабления, попытавшись сковать его хотя бы на короткое время, и у нее это получилось.

Обереги в браслетах невыносимой болью обожгли запястья девушки, и Кисара упала на

колени. На глаза южанки навернулись слезы, и она не видела, как капеллан, воззвав к своему богу, дернулся на клинке демона, перерубив кость своим мечом.

Тяжело упав на землю, Грегор вскочил на ноги и вонзил обломанное древко знамени в грязь у своих ног.

Между капелланом и демоном встал гиритец вооруженный щитом и мечом. Стрет, разделенный с отрядом Алектиса, знал, что его долг — защитить капеллана ордена любой ценой. Поэтому он бесстрашно бросился на порождение Бездны, поймав два удара на щит и несколько раз атаковав в ответ.

Но скорость демона, даже замедленного опутывающими чарами Кисары, превышала усиленные рефлексy гиритца. Отбив в сторону щит и меч Стрета, осквернитель, хищно оскалившись, полоснул бездушного по горлу. Второй удар пришелся Стрету в грудь — доспех выдержал, но самого воина отбросило далеко назад.

Твари помельче с визгом бросились к поверженному монаху. Но осквернитель издал грозный рев, обозначая свои права на добычу, и остальные вынуждены были отступить.

— Я заберу твою жизнь, падаль, — прошипел осквернитель на ломаном имперском.

— Нет! — Взявшись за рукоять меча обоими руками, капеллан ордена Гирита бросился на демона.

За мгновение до удара, осквернитель окончательно избавился от пут демонолога, и все его клинки одновременно вонзились в тело капеллана гиритцев, пробив его насквозь и убив на месте, но демон не успел порадоваться победе — меч Грегора, брошенный своим хозяином за мгновение до смерти, несколько раз крутанувшись в воздухе, пробил горло твари.

Голубоватое пламя на клинке вспыхнуло, выжигая сущность чудовища, и погасло, как и жизнь осквернителя.

Кисара почувствовала смерть сильного демона, так же, как почувствовала и приближение остальных противников. Но девушка не могла найти в себе сил, даже для того, чтобы подняться. Ее руки безвольно упали в бурю грязь проклятой земли, и сама Кисара готова была опуститься на нее, отдавшись судьбе... Но чьи-то сильнее рыки рывком поставили девушку на ноги.

— Соберись! — прорычал Колд. — Ты нужна нам! — Он заглянул в глаза Кисары, после чего быстро огляделся — атака осквернителя уничтожила несколько его братьев, а остальные вынуждены были отступить. — Мы должны прорываться к воротам!

— Мы не сможем, — прошептала Кисара, чувствуя, как к ним не спеша подбираются твари Бездны.

Порождения Скверны еще не осознавшие, что осквернитель мертв, все еще опасались его гнева, но, с каждым мгновением становились смелее, подходя все ближе.

Демоны хотели насладиться болью и страхом отбившихся от основного отряда смертных, но Колд не дал им такого шанса. Резко развернувшись, рыцарь — защитник быстрыми выпадами сразил нескольких противников, но тех оказалось слишком много.

Отбросив покоренный щит, Колд одной рукой подхватил тело Кисары, потащив ее за собой и прикрывая своим телом, словно живым щитом. Они двигались в направлении стен обители, мимо места гибели капеллана и, все еще, воткнутому в землю знамени, рядом с которым поднимался на ноги Стрет. Храмовник из отряда Алектиса, зажимал рану на шее и был смертельно бледен.

Колд неистово рубил мечом оскверненных, отшвыривая их тяжелыми ударами и

принимая на себя все атаки, предназначающиеся южанке — он знал, что должен защищать девушку, если не от силы, что внутри нее, то от тварей, которым она нужна. Таков был приказ пастыря и гиритец не собирался слушаться. Даже если это будет стоить ему жизни — Колд должен умереть прежде, чем погибнет демонолог, только так он сможет считать, что его долг исполнен.

Глаза храмовника говорили ему, что у них нет надежды на спасенье, но он, все равно, продолжал упрямо двигаться вперед. Меч бездушного вздымался и опускался, рассекая оскверненную плоть. Колд отнимал жизни тварей, не заслуживающих места в этом мире, но и их удары достигали цели, находя бреши в броне рыцаря.

Кисара, чувствуя, как содрогается от ударов тело монаха, попыталась идти сама, но ноги подогнулись, и она едва не упала. Колд удержал ее, пропустив еще одну атаку, пробившую его нагрудник. Ответным ударом монах снес голову твари, вонзив свой меч в брюхо другой.

Руку Колда пронзила боль, и он, против своей воли, выпустил рукоять меча, оставшись без оружия.

Ударом ноги, отбросив назад одного из самых проворных демонов, гиритец, тащивший на себе южанку оказался у погибшего осквернителя, в чьем горле до сих пор торчал меч капеллана. Тело Грегора лежало неподалеку и его лицо хранило выражения спокойствия и умиротворения, столь противоестественных этому месту.

Оскверненные и демоны вновь замерли, не спеша приближаться к трепещущему знамени и телу поверженного осквернителя. Где-то за их спинами слышался рев опустошителей, видимо, все еще пытающихся прикончить отчаянно сопротивляющихся воинов.

Не решавшиеся приблизиться к знамени, оскверненные дали своим жертвам небольшую передышку, образовав правильный круг и скаля ужасные пасти.

Поднявшийся Стрет, молча, приблизился к брату — монаху, зажимая рану на своей шее. Не говоря ни слова, он взглядом указал на южанку и Колд удовлетворенно кивнул, когда девушка издала слабый вздох, больше похожий на плачь.

— Жива? — рыцарь — защитник, наконец, позволил Кисаре встать на ноги.

— Я... да... — девушка, расширившимися глазами смотрела на израненного гиритца, несколько раз спасшего ее от смерти, пусть та и ждала их обоих через несколько мгновений. Кисара не верила своим глазами — словно выточенный из стали, монах продолжал стоять на ногах с такими ранами, получив которые любой смертный давно бы уже умер.

— А ты, брат? — Колд устало взглянул на Стрета, но тот лишь плотнее прижал ладонь к шее и покачал головой. Жизнь мелено покидала бездушного, и он понимал, что дни его сочтены.

— Сестрица! — Миаджи, сложив крылья, так неожиданно приземлилась рядом с монахами и южанкой, что Стрет едва не проткнул ее мечом.

— Убери это, бездушный, иначе... — демоница, ослепленная сиянием знамени Гирита, оскалилась, но Колд перебил ее: — Сможешь вытащить свою хозяйку отсюда? — спросил гиритец, мрачно глядя на медленно приближающихся тварей Бездны.

— Она и сама может, у нее есть камень Возврата...

— Нет! — Рявкнул Колд так, что Миаджи вздрогнула, а оскверненные, подбирающиеся все ближе — замерли. — Ты должна доставить ее в обитель! Кто-нибудь из братьев выжил?! — запоздало опомнился рыцарь — защитник, но ответом ему послужил всплеск

магии почти у самых ворот — огненная вспышка, струя зеленого пламени и молния ударили одновременно, с грохотом врезавшись во что-то.

— Да, — уже готовая было солгать Миаджи поняла, что теперь рыцаря не проведешь.

— Тогда хватай хозяйку и неси к ним! — Приказал Колд. — Найди Гириона или Алектиса. Они знают что делать!

— Не указывай мне, смертный! — угрожающе сузила глаза демоница.

— Миаджи, пожалуйста, — еле слышно прошептала Кисара, сжимая руку подопечной. — Мы должны помочь им, там осталась Лисандра и Таллаг с...

— Знаю! — прошипела Миаджи. — Но я, даже если успею вернуться, не смогу поднять в воздух кого-то из вас — ваша броня слишком тяжела, да и обжигает меня.

— Тебе не придется возвращаться, — Колд наклонился и с неприятным звуком вытащил меч капеллана из тела осквернителя. — Просто доставь демонолога к моим братьям.

— Но, — Кисара растерянно посмотрела на бездушных: израненные и залитые кровью, те не выказывали никакого страха. Взгляды храмовников оставались такими же безразличными, как и всегда.

— Наша миссия важнее жизни, — Колд стряхнул с меча демоническую кровь, и лезвие оружия вновь загорелось голубоватым свечением. Сейчас он, наконец, понял, в чем заключалось его предназначение, его священный долг перед Гиритом. Колд понял, почему бог-защитник избрал его для этой миссии, и осознание этого наполнило сердце храмовника решимостью.

Демоны и оскверненные, скаля клыки, почти окружили их.

— Мы задержим тварей! Лети! — крикнул Колд и Миаджи, двумя руками обхватив протестующе вскрикнувшую Кисару, поднялась в воздух.

— Мы не можем бросить их, — сквозь вой ветра крикнула южанка.

— Их не спасти, — зло бросила демоница, едва набрав высоту начавшая стремительно снижаться. — А я не могу долго летать рядом со стенами, в которых так много оберегов! Мы приземлимся у ворот, если кто-то выжил — они будут там, а если нет — сразу используй камень Возврата!

— Но...

— Никаких но, сестрица! — резко тряхнула головой Миаджи.

* * *

Меч капеллана пел в руках нового владельца, а знамя Гирита вливалось в тела Колда и Стрета новые силы. Но этого было недостаточно, перед множеством уродливых лиц Бездны, окружавшей монахов. Однако твари не могли пройти мимо, пока чувствовали биение сердце верующих. Вся орда демонов преследующих отряд, сейчас наседали на двух гиритцев. Но Колд и Стрет не дрогнули. Она знали, что каждый их вдох, каждый удар сердца, дает их братьям и другим выжившим, сделать еще один шаг к обители Нерушимых Врат.

Стрет бился плечом к плечу с братом по ордену, чувствуя, как горячая кровь толчками вытекает из раны на шее. Но он не боялся. Не боялся Стрет, и когда его рука с обломком меча перестала подниматься, а сам он провалился в пучину забвения. Последним усилием воли Стрет сжал пальцы на горле ближайшего врага и смял его за миг до того, как грудь бездушного разорвала вспышка боли, а сердце остановилось.

Колд пытался спасти брата по ордену, но наседающие твари все-таки смогли разделить их, темной массой набросившись на Стрета и поглотив его. Бросившись на выручку, Колд вынудил тварей попятиться, но Стрет был уже мертв.

— Ты пал не зря, — прошептал рыцарь — защитник. — Наши уцелевшие братья сделают то, что должны. Не мы, но они! — Колд еще несколько раз успел взмахнуть клинком, прежде чем что-то обрушилось на него сзади, опрокинув на землю.

Уже готовый к смерти, Колд неожиданно почувствовал прилив тепла, наполнивший его тело. Оно исходило от знамени, которое монах, ранее вырвав из грязи, так и не выпустил из рук. Сила плавно струилась по теплому древку и перетекала в тело гиритца.

Демоны, готовые разорвать рыцаря на куски, отпрянули, глядя, как белоснежная ткань стяга распадается серебристой пылью, накрывая тело монаха и впитываясь в его броню. Колд не мог описать свои чувства, столь странными они ему казались. Боль гиритца ушла, хотя он и ощущал, как кровь струится из множества ран, а дух его наполнился таким спокойствием и верой, что он и не надеялся когда-либо испытать.

— И мой Бог смотрит на меня, зверолод. Теперь я знаю. Колд даже не думал о том, что Скар его не услышит. Но, все равно, произнес эти слова больше для самого себя, чтобы услышать собственный голос, чтобы понять, что все еще жив, а значит — может сражаться.

— За бога Защитника! За Гирита и павших братьев! — пальцы монаха сжались на рукояти меча, готового вот-вот упасть на усеянную телами землю. В глазах гиритца, пустых и отрешенных, как и у всех его братьев по ордену, вдруг вспыхнул огонь веры.

Поднимаясь с колен, Колд смотрел, как к нему приближается смерть. Рыцарь — защитник встретил ее с гордо поднятой головой и широко расправленными плечами. Стиснув зубы, он бесстрашно взглянул в мириады пялящихся на него глаз, не испытывая трепета пред силами Бездны, обладающими пред ним одним, израненным и истекающим кровью, огромным преимуществом. Но Колд не дрогнул. Теперь он знал, для чего Гирит избрал его. Храмовник понял, что сейчас может сделать то, чего не смог бы никто другой и именно поэтому бог-защитник направил его стопы именно в это проклятое место.

Теперь Колд твердо знал, что ему суждено пасть, жертвуя жизнью для общего блага. Но храмовник всем сердцем благодарил Гирита за то, что может исполнить свой долг и уйти достойно.

Гирит избрал его, и он не подведет.

Плотнее сжимая рукоять меча, храмовник сплюнул кровь, прорывчав:

— Я щит Его! И вы не пройдете, пока я дышу, вероломные еретики! Труссы! Придите и попробуйте убить меня!

Волна оскверненных нахлынула на рыцаря — защитника, отскочив от него, словно воды от нерушимых скалы.

Колд громко запел молитву Гириту и сам бросился на опешивших противников.

Сияющий клинок гиритца не знал усталости и пощады, и твари отступили перед его неистовым натиском. Но даже благословленный Гиритом, храмовник не мог драться вечно... Возвышаясь на горе мертвых тел, Колд последний раз, взглянув на обитель сидонитов. Он увидел, как отряд почти достиг цели. Казалось, сам Гирит в своей милости направил взор Колда и он увидел Миаджи, что несла в руках Кисару. Они добрались до врат.

Бледных губ храмовника коснулась улыбка.

— Благодарю тебя, Гирит, за то, что позволил мне исполнить свой долг. Я послужил твоим щитом и не смею желать большего. Моя жизнь принадлежит тебе!

Колд отсалютовал мечом ониксовому небу Потерянных земель и, выкрикнув имя бога — защитника, бросился в свой последний бой.

* * *

Все, кто мог сражаться в ближнем бою, сейчас полукругом стояли у запертых ворот обители сидонитов, из последних сил сдерживая напирających противников. Перед смертными выросла настоящая гора из измененных Скверной до безобразия тел.

После того, как из мрака выскочил еще один опустошитель, всем показалось, будто из черного тумана вырвалась сама смерть, в лице вычеркнутого из пантеона светлых богов Велеса Скорбящего.

Однако демона удалось остановить заклинателям.

Опустошитель ревел, когда магия терзала его тело, оставляя на костных наростах глубокие, дымящиеся борозды. Таллаг Буревестник, Хагран Шепчущий и Аркис Зовущий Шторм, непрерывно посылали в массивную тушу цепи молний, давая Гранеру Ласкниру и его ученице время, чтобы подготовить требующие более тщательной подготовки заклинания людей.

Волшебство шаманов имело скорее интуитивный и стихийный характер, требующий сильного духа и первобытной ярости, нежели основанные на долгой подготовке и символах, заклинания подвластные людям и эльфам.

Зверолюды устали, их силы были на исходе, но чрезвычайное упрямство и развитые инстинкты самосохранения не позволяли им сдаться.

Некромант поддерживал зверолодов своей магией, от которой у тех сводило зубы, но, казалось, колдуна больше занимают ворота, нежели происходящее вокруг.

Наконец, архимаг и его ученица закончили подготовку и на опустошителя, словно упал невидимый кулак, размером в два раза превышающий его самого. Сила магии созидания могла быть очень опасной, если знать, как ей пользоваться. Дар магов молотом обрушился на демона, вмяв его в землю и расплющив, словно маленький мальчик крохотного жучка, мешающего ему играть.

А потом оскверненные и низшие демоны вдруг отступили.

* * *

— Вы должны пойти со мной, — темные глаза Алиры впились в лицо гиритца.

— Деточка, ты в своем уме? — тяжело дыша, спросил Фалкон, отбрасывая одну из нерасторопных тварей ударом молота.

Старый монах остановился, ища глазами противников, но таковых поблизости не оказалось: живое море оскверненных всколыхнулось и отпрянуло назад, будто что-то манило их туда с такой неистовой силой, что перебивала безумие и жажду крови.

— Что там такое? — пробормотал гиритец, стряхивая капли крови с седой бороды. Его скула была рассечена, так что каждое слово причиняло мужчине боль.

— Некогда думать, — Алира покачала головой. — Скоро они вернуться и нам надо открыть ворота, прежде чем это произойдет.

— А я здесь причем? — не понял Фалкон, недоверчиво глядя на черный туман, который теперь не дрожал, а спокойно струился у ворот.

— Вы нужны моему господину.

— Некроманту? — не понял Фалкон.

— Да, — холодно ответила девочка. — Вы один из немногих, кто может открыть эти ворота.

— Что ты несешь? Я здесь первый раз, откуда мне знать...

— Кровь сидонитов. — Коротко пояснила Алира.

— Чего? — Фалкон остолбенел. — Откуда ты знаешь?

— Ваш капеллан сам рассказал, — пожалала плечами девочка. — Поэтому именно пастырю Алектису и вам, его отряду, выпала честь сопровождать Грегора. А теперь — идемте.

— Но это абсурд! — Несмотря на недоверие, Фалкон все-таки побежал следом за быстро перемещающейся посланницей некроманта. — Пастырь, — монах на ходу обратился к спешащему к нему Алектису. — Что она говорит? Как я могу открыть эти... — неожиданно старый гиритец остановился, и, расширившимися от удивления глазами, воззрился на темное небо в той стороне, откуда отряд пришел к обители.

— Какого... — не успел Фалкон договорить, как яркий столп серебряного света мимолетной вспышкой унесся ввысь, лишь на мгновение осветив беспросветный мрак Потерянных земель.

Не успела вспышка погаснуть, как тьма сотряслась от яростного многоголосого воя, переполненного злостью.

— Невероятно, — потрясенно прошептал Алектис, глядя куда-то вверх. — Это просто невероятно!

— Пастырь, — Гирион опасливо покосился в сторону, куда недавно отступили твари Скверны. — Это, это же было...

— Вознесение! — С трепетом прошептал Алектис, закончив за рыцаря — защитника его фразу. — Удел избранных!

— Но ведь мы больше не можем, — на лице Гириона, впервые за долгое время, проскользнули человеческие эмоции — недоверие и сомнение сменились благоговением.

Однако гиритец снова не договорил, так как клочья мрака разлетелись в разные стороны и из них один за другим начали выскакивать озлобленные твари, только лишь недавно отступившие под покров темноты.

— Быстрее. — Алира схватила Фалкона за руку и потянула за собой. — Нужно открыть врата.

— Но мое место здесь! — Воспротивился монах. — Я буду сражаться вместе с братьями. Пастырь, отступите, ваша молитва нужна незащищенным!

— Фалкон, я все объясню потом, — слова Алектиса потрясли седого гиритца. — Иди с ней и делай то, что велит некромант. Обереги обители защитят тех, кто в этом нуждается, а я нужен здесь.

— Как прикажете, пастырь, — смирив гнев, Фалкон покорно склонил голову.

Следуя за девочкой, бездушный прошел мимо Лертаса, но брат по ордену был полностью поглощен приближающимися тварями.

Рядом с гиритцем стояли темные эльфы, паладин ордена Лигеи Благодетельницы и пятеро звероловов, один из которых поглаживал огромного волка, а другой, самый старый

из всех, тяжело дышал, постоянно сплевывая кровь. Кроме них, за исключением некроманта, архимага с его ученицей и странной девочки, за которой бежал Фалкон, больше живых не было.

— Выжил! — Как показалось Фалкону, некромант улыбнулся при виде него.

— Ты так рад меня видеть? — скривился гиритец.

— Конечно, — серьезно кивнул Эгистес. — Без тебя попасть внутрь было бы намного сложнее, поэтому я послал Алиру, чтобы она поискала твои останки, нужна лишь рука, но раз уж ты цел и жив — иди сюда! — Он жестом поманил монаха к левой створке окованных почерневшим железом ворот.

— И останки бы сгодились? — Нервно хмыкнул Фалкон, которому не нравились все эти колдовские игры.

— Вполне, — вместо некроманта ответил Гранер Ласкнир. Старик выглядел более дряхлым, нежели раньше. — Удачи вам, господа, а мы пойдем и попробуем выиграть для нас еще времени, — устало опираясь на посох, он направился к зверолодам и его ученица, рассеяно поклонившись, поспешила было за наставником, однако ее окрикнул некромант:

— Ты. Стой! — Резко бросил Эгистес, даже не взглянув в сторону волшебницы. — Иди сюда и встань рядом. Не смей умирать и лишать меня награды.

— Хорошо, — дрогнувшим голосом вымолвила Кая, однако не стала подходить к некроманту, а предпочла остаться на месте.

— Теперь ты, гиритец, — нарастающий топот тварей и их непрерывные завывания то и дело перебивали тихий, невыразительный голос некроманта. — Подойди к дверям и прикажи им открыться.

— А?

— Не а, а быстро! — потребовал Эгистес Отверженный.

— Ты тут колдун, а не я! — зло прорычал Фалкон, сжимая молот.

— Просто делай так, как тебе говорят и мы все, возможно, проживем еще немного. — Едва некромант договорил, как выступивший на навершие его посоха череп зло оскалился, сверкнув зелеными глазами.

— Демоны с тобой, колдун! — Фалкон в два шага приблизился к огромной створке и требовательным голосом выкрикнул: — Откройтесь!

Ничего не произошло.

— Ты поздно решил стать учеником волшебника, гиритец! — хрипло рассмеялся Скар, краем глаза наблюдавший за происходящим у ворот.

Раздосадованный Фалкон собрался дать зверолоду достойный ответ, после чего ринуться на почти подобранных к ним тварей, как вдруг некромант звонко щелкнул пальцами:

— Они запечатаны! Алира!

Фалкон вначале и сам не понял, как девочка, ловко стянула с него латную перчатку и неуловимо быстрым движением впилась зубами в сухую ладонь.

— Мелкая тварь! — гиритец отдернул окровавленную руку, до сих пор чувствуя на коже горящие холодом следы острых зубов Алиры.

— Приложи ладонь к воротам и прикажи им открыться снова!

— У нас нет времени воплощать твои задумки, колдун! — Фалкон нервно оглянулся.

— Быстрее!

— Это последний раз! Если не получится — дай мне умереть достойно, встретив врага

грудью, а не спиной, в попытке протиснуться под эти клятые ворота! Откройте! — Фалкон, что было силы, ударил окровавлено ладонью по воротам и замер с открытым ртом — с тихим скрежетом створки пришли в движение. Затем, седой гиритец почувствовал, будто из него разом выжили почти все силы и, не устояв на ногах, упал на колени.

Пробужденные обереги, заключенные в воротах и стенах обители с низким гулом исторгли волну древней магии, испепелившей передние ряды приблизившихся к ним демонов.

* * *

Миаджи едва не упала на землю, когда что-то ярко вспыхнувшее за ее спиной обожгло крылья жарким пламенем благословения светлых богов.

Шипя и сквернословя на наречии демонов, она услышала, как Кисара, сквозь слезы, произнесла одно единственное слово — Колд.

Но демоница даже не думала скорбеть о смерти гиритцев. Конечно, она была благодарна им за спасение хозяйки и удивлена тем, чем сопровождалась их смерть, но не более того. Куда больше Миаджи интересовала ее собственная шкура, поэтому она натужно захлопав кожистыми крыльями, поспешила вперед.

Когда демоница уже собиралась приземлиться у ворот, где собралась небольшая горстка выживших, то ее оглушила волна непонятной силы, с разрушительной скоростью распространившаяся от обители Нерушимых Врат. Если бы не сила демонолога, защищавшая ее, Миаджи обратилась бы горсткой пепла, как и ее сородичи, ослепленные жаждой крови и рискнувшие приблизиться к древней обители.

Однако ни сила Кисары, ни ее присутствие, не смогли в полной мере защитить демоницу от сокрушительного удара.

Южанка поняла это слишком поздно, но ничего не смогла подлететь. Вместо того, чтобы убить порождение Скверны на месте, высвобожденная магия сидонитов развоплотила Миаджи, изгнав ее в родной мир и надолго лишив сил, а сама Кисара едва не потеряла сознание, когда демоническая кровь в ее жилах едва не вскипела под воздействием вспышки древнего защитного волшебства.

Девушка вскрикнула и, беспомощно взмахнув руками, начала падать вниз. Ей показалось, что она успела увидеть удивленное лицо Лисандры и кричащих что-то Калеоса и Исель, а затем, когда до земли оставалось совсем немного, южанка словно упала на мягкую подушку.

В очередной раз за недавнее время ее кто-то грубо поднял и потащил за собой. Слезящимися глазами Кисара увидела лицо Гириона, показавшееся ей неожиданно приятным. Рыцарь — защитник бежал вперед, а его глаза, сейчас более голубые, нежели обычно, горели непонятной надеждой.

— Отличная работа, старик! — услышала Таллага Кисара.

— Спасибо, юноша, — ответил старческий голос. — А теперь отступим!

— Архимаг, нам следует задержать тварей! — Теперь заговорил Алектис. — Я чувствую, что обереги врат перестали действовать!

— Естественно, — спокойно ответил старый волшебник. — Створки же распахнуты. Круг разомкнулся. Пока двери не закроются вновь — обереги не возобновят свое действие.

— Но мы не успеем закрыть их! — Алектис остановился, повернувшись к хлынувшим из восстановившего свои границы мрака тварям. — Бегите, а мы сдержим их!

— Не говорите ерунды, пастырь, — неожиданно грубо произнес Гранер Ласкнир. — Без магии вас сметут за несколько мгновений! Отходим все, нас и так осталось слишком мало, а мы должны достичь цели!

— Мы не успеем! — Алектис, все же, поспешил следом за остальными, хотя и оглядывался назад.

Каждый из бегущих под защиту крепостных врат понимал, что демоны и оскверненные, двигаются намного быстрее.

— Уходите! — Резко развернувшись, Алектис приготовился к бою, но, сверкающая молния проскользившая рядом с ним заставила пастыря отпрянуть. Обдав Алектиса целым снопом искр, заклинание врезалось в первые ряды тварей, разметав их обугленные тела в разные стороны.

— Уходи, гиритец, — просипел Хагран Шепчущий, тяжело опираясь на короткий посох и выходя вперед. — Если тебя не станет, то некому будет защищать остальных.

— Не мели ерунды, старик! — К седому шаману подскочил Скар, потянув того за плечо.

— Оставь! — Хагран сбросил руку вожака со своего плеча. — Настал мой черед отправиться к предкам, я чувствую их зов...

— Хагран! — В голосе Кровожада промелькнула горечь и мольба, но шаман лишь покачал седой головой. Сплюнув густой сгусток крови на ладонь, он продемонстрировал его Скару.

— Слишком стар, — криво усмехнувшись, прокашлял Хагран. — Уходите.

— Тихой спячки тебе, — Кровожад последний раз взглянул на шамана.

— А тебе долгого лета, Скар, — Хагран Шепчущий отвернулся от молодого сородича. — Уходите, быстрее. — Шаман вскинул свой посох. Вырвавшиеся из навершия молнии опять отбросили оскверненных назад, но древко посоха треснуло и обуглилось.

— Да благословит тебя Гирит, — Алектис осенил зверолода знаменем бога — защитника, но тот лишь презрительно скривился:

— Худшего прощания я и представить не мог, бездушный, — Хагран наградил Алектиса неожиданно веселым взглядом. — Меня уже ждет Мать волчица, так что благословение своего бога оставь при себе.

— Тогда, пусть Праматерь встретит тебя с улыбкой, — Алектис поклонился усмехающемуся в лицо смерти шаману и бросился к воротам.

— Она уже улыбается мне. Она и мои предки, — шаман зверолодов без сожаления отбросил искореженный дымящийся посох в сторону и воздел руки к небу. — Даруйте же мне свою силу, духи стихий! Благословением предков заклинаю вас и кладу свою жизнь на ваш алтарь!

Земля под ногами шамана затряслась, когда он произнес эти слова. Старик сжал кулаки, и его острые когти впились в ладони, разрывая кожу. Теплая кровь закапала на землю, красноречивее любых слов подтверждая намерения того, кто обращался к древним духам.

— Обрушитесь же на моих варгов и пусть моя жизнь станет вам платой! — Выцветшие глаза Хаграна заискрились молниями, а его тело начала переполнять энергия стихий, приподнимая зверолода над грязью Потерянных земель. Духи приняли жертву и откликнулись на зов. — Я уже иду к тебе, Праматерь! — Выкрикнул Хагран Шепчущий, широко улыбнувшись и чувствуя, как разрушается его смертное тело, не выдерживая

переполняющей шамана мощи стихий. — Иду, сквозь ливни крови!

Матовый оникс неба над Потерянными землями раскололся на тысячи осколков, когда десятки молний обрушились с небес на проклятую землю. Безудержная ярость стихий за мгновение превратила то место, где только что стоял старый шаман в выжженный котлован, уничтожив и Хаграна и всех, кто был перед ним.

Вскоре черный туман вновь вернулся к стенам крепости сидонитов, скрыв под собой изуродованные останки своих созданий и исторгнув новых, но те уже ничего не могли поделать — врата обители начали медленно закрываться.

Забытая обитель

Не успел грохот последнего заклинания Хаграна Шепчущего стихнуть, как Эгистес прокричал:

— Закрывай, быстрее!

— Не все еще прошли! — Фалкон, замерший рядом с воротами смотрел, как к нему бежит Гирион, неся на руках южанку. Алектис отставал от них на несколько десятков шагов.

— Они успеют, закрывай, пока твари не опомнились! — Некромант выглядел встревоженным. — То, с чем мы столкнулись на пути к обители — всего лишь оскверненные и мелкие демоны, ты хотя бы представляешь, что будет, когда опасные твари доберутся сюда?!

— Не успеют, — старый гиритец тряхнул головой, упрямо не желая прислушиваться к словам колдуна. — Мы обманули их, и они не смогут так быстро добраться до обители Нерушимых Врат, от стен Вечного Бдения!

— Они уже здесь! Разве ты не чувствуешь? — улыбка колдуна вышла пугающей. — Разве ты не ощущаешь их присутствия?

— Я... — Фалкон не договорил, обратившись к своим чувствам.

Монах — воин не обладал чутьем пастыря и поэтому не всегда мог распознать угрозу Скверны, пока не сталкивался с ней лицом к лицу. В Потерянных землях дыхание Бездны билось в каждом уголке, и гиритец не мог определить, какая из угроз является более явной.

Пока Фалкон стоял в нерешительности, Гирион пробежал между приоткрытыми створками и, сжавшаяся на его руках Кисара, казавшаяся маленькой, хрупкой девочкой рядом с гиритцем, хрипло крикнула: — Ворота! Скорее, закройте их! Они... Идут!.. — едва заклинательница успела договорить, как пронзительно вскрикнула и потеряла сознание.

— Быстрее пастырь! — Фалкон бросил взгляд в сторону бегущего Алектиса. Плотнo прижав окровавленную ладонь к теплoму металлу обивки, он приказал: — Закройтесь!

Створки ворот, протяжно скрипнув, пришли в неспешное движение. И тут Фалкон, смотревший в сторону приближающегося Алектиса увидел их: зловещие тени, выступающие из черного тумана. Они выглядели иначе, нежели оскверненные или демоны, с которыми привык сталкиваться гиритец.

Раньше он вообще не видел демонов в доспехах, только оскверненных солдат, но те нисколько не походили на существ, увиденных им сейчас. Высокие, даже выше гиритцев, они казались настоящим воплощением ночных кошмаров. По их грубым, усеянным шипами костяным доспехам струилась кровь. На самые острые выросты были насажены потрескавшиеся черепа, чередующиеся с отрубленными головами, еще сохранившими плоть. Безумные глаза на оторванных головах все еще жили: пропитанные страданием и болью, они

скользили невидящим взглядом из стороны в сторону, а бледные губы то и дело открывались в немом крике.

Вместо знамен демоническое войско использовало человеческие тела, насаженные на колья или прибитые к столбам острыми костями. Жуткие стяги содрогались в бесконечных конвульсиях, а с их покрытых кровавой пеной губ срывались мольбы и стенания.

— Гирит Защитник, — выдохнул Фалкон, левой рукой сжав рукоять молота так, что пальцы под латной перчаткой захрустели. — Что это?

— Истинные хозяева Потерянных земель, — Некромант, как и все, кто стоял у ворот, не сводил глаз с приближающихся существ. — Те, кто получил благословение высших демонов!

Алектис вбежал в почти закрывшиеся ворота и сразу же бросился дальше, туда, где замерли темные эльфы, Лисандра и архимаг с ученицей. На их лицах застыло выражение ужаса, а взгляд стал абсолютно безжизненным.

Пока пастырь был далеко, а обереги обители прекратили свое действие, тьма с жадностью метнулась к незащищенным сердцам, стремясь осквернить их. Лишь архимаг и Лисандра, стиснув зубы, изо всех сил сопротивлялись зловещей ауре присутствия, расползающейся от демонического войска, причем волшебник преуспевал в этом явно больше. Он сделал странный жест, будто что-то оттолкнул от себя, после чего свободно выпрямился.

— Не смотрите! — хрипло выкрикнул не успевший восстановить дыхание пастырь. — Не смотрите на них, иначе они пожрут ваши души! — Он поспешно осенил всех знаменем Гирита Защитника, зашептав молитву. При первых словах, обращенных к светлому богу, тьма нехотя отпрянула, выпустив сознание смертных из своих цепких ледяных когтей.

Створки обители Нерушимых Врат со скрежетом сошлись, вновь запечатав крепость сидонитов и ее обереги зажглись с новой силой, отгоняя тьму и защищая всех, кто оказался внутри. И снова рассерженный, полный негодования рев, казалось бы, сотряс древние стены.

— Твари прошли через все Потерянные земли и снова остались ни с чем, — смех Фалкона вышел хриплым и неуверенным. Даже его закаленных дух, подвергся тяжелому испытанию, под воздействием мощнейшей энергии Скверны, исходившей из ее порождений.

Наконец оторвав ладонь от створки, Фалкон потряс головой, смахнув со лба капли пота. Он прикрыл глаза, вслушиваясь в слова молитвы, читаемой пастырем Алектисом и повторяя ее слова. Несколько раз глубоко вздохнув, гиритец осмотрелся и почти сразу же наткнулся взглядом на фигуру в черных, покрытых пробойнами доспехах ордена Гирита Защитника, распластавшуюся справа от него.

Тело предшественника монаха уже истлело, превратившись в пожелтевшие изъеденные временем кости. Рядом с погибшим рыцарем лежал скелет много меньше, насколько смог судить Фалкон, то был еще ребенок, скованный проржавевшими цепями и насквозь пробитый тусклым клинком монаха. Руки убитого были вытянуты в направлении ворот.

— Что... — Седой гиритец скользнул взглядом по створкам и с трудом разглядел почти исчезнувший отпечаток крохотной ладони на обивке врат, на уровне своего колена.

— Заметил? — спросил подошедший к воротам Скар, кивая на останки. — Мы тут осмотрелись — здесь полно твоих братьев и, кажется, они тут уже давно.

— Дело не в этом, — покачал головой Фалкон, стараясь понять, почему его предшественник пронзил мечом несчастное дитя.

Возможно, ребенок поддался осквернению, и у монаха не осталось другого выбора, но как же отпечаток? Именно старая кровь на створке волновала гиритца больше всего.

Отпечаток явно детский, но, если бы ребенок был осквернен, то в стенах крепости умер бы мгновенно.

— Думаешь, зачем он проткнул мальчика? — зверолоду не потребовалось магии, чтобы прочитать мысли монаха. Не потребовалось ему ее и для того, чтобы понять, что он прав, хотя Фалкон не ответил. — Вот что я скажу тебе, — глубокомысленно продолжил Кровожад, смахивая с топоров темную кровь, с шипением пузыряющуюся на святой земле. — Этой крепости не один век и она простояла там, где долго не живет ничего хорошего. Никто теперь не скажет тебе, какая дрянь здесь творилась и что послужило причиной для случившегося в этих стенах. Просто делай свое дело, бездушный. Ты здесь не для размышлений и твой молот поможет нам гораздо больше, нежели твой острый ум.

— Твоя правда, — Фалкон с сожалением признал правоту зверолода, отвернувшись от истлевших тел и сразу же заметив то, о чем говорил его собеседник — множество трупов в доспехах его ордена.

Набравшийся было решимости гиритец снова замер на месте, увидев, что монахи, судя по позам, сражались друг с другом.

— Говорю же, только духи предков знают, что тут произошло, — важно заметил Скар. — Пойдем.

Когда мужчины присоединились к остальному отряду, Алектис уже дочитал молитву и теперь, как и все, удивленно разглядывал внутренний двор крепости.

Обитель Нерушимых Врат, по праву считалась самой старой крепостью сидонитов, служа сердцем их ордена. По размерам она в несколько раз превышала обитель, сохранившуюся во Фририарде, поражая взгляд высотой массивных колонн, уходящих в ночные небеса.

Поразительно, но над острыми шпильями крепости было видно клочок звездного неба, вокруг которого по спирали закручивался темный водоворот вязкого мрака. Он будто пытался поглотить и башни, и трепетавшие на них стяги сидонитов и саму обитель, до сих пор стоящую в Потерянных землях, не взирая ни на что. Внутренний двор крепости больше напоминал настоящую площадь. Высланный когда-то ровными, а теперь разбитыми плитами и украшенный разрушенными статуями рыцарей, теперь он оказался испачкан темными пятнами крови и устлан телами гиритцев.

Тела лежали везде: у выложенного в центре двора фонтана, вода в котором высохла очень давно, у подножья постаментов и вдоль внутренних стен. Но больше всего трупов оказалось у входа в саму обитель. Широкие мраморные ступени почти полностью скрывались под распластавшимися на них телами. Гиритцы лежали друг на друге, в иссеченной броне и неестественных позах, коими наградила их смерть. Тела монахов, по какой-то причине, устилали вход в обитель их давно сгинувших собратьев.

— Это невозможно, — потрясенно дернул головой Алектис, изо всех сил стараясь не потерять присутствия духа. Даже заметив среди тел менее массивные тела пастырей, он пытался выглядеть невозмутимым. — Ни один из наших походов к обители не увенчался успехом.

— А мои глаза говорят обратное, — Лисандра мрачно оглядела присутствующих. — Может эти монахи дошли сюда, а вот выйти обратно уже не смогли.

— Ага, именно так, — Скар хмыкнул. — Давайте все сядем рядышком и дружно подумаем о случившемся. Мы же именно за этим сюда пришли.

— Вообще-то, зверолод, именно за этим. — Гирион все еще продолжал держать Кисару

на руках, почти не замечая ее веса. — Возможно именно из-за того, что произошло здесь, Гирит отвернулся от нас. Наши братья здесь накинулись друг на друга, словно дикие звери. Это противоречит нашим учениям и нашей вере.

— Какой толк отворачиваться от живых, когда те, кто был неправ — мертвы? Люди, я не понимаю вашей веры!

— Тебя никто и не просит. — Огрызнулся Фалкон, но Скар не обратил на его тон внимания, так как отвлекся на совершенно другое происшествие — за стенами обители громко взревели тысячи глоток и ворота сотряс мощнейший удар. Обереги на стенах вспыхнули, но новый удар достиг дрогнувших створок.

— Они идут, — прошептала Кисара, сжавшись на руках Гириона. Лицо девушки смертельно побледнело, на лбу выступила испарина, а тело ее непрерывно била мелкая дрожь. — Он, идет!

— Кто он? — Лисандра уже была рядом с подругой. Взяв южанку за руку, она встревожено всмотрелась в ее глаза. — Кто идет, Кисара?

Но демонолог не смогла ответить. Бездна, сдавливающая сейчас стены обители, стремительно врывается в ее разум, замутняя рассудок. Девушка чувствовала приближение чего-то настолько темного, что одно его присутствие внушало трепет. Что-то приближалось и перед его мощью меркли древние обереги крепости.

Все же найдя в себе силы, Кисара с трудом разомкнула пересохшие губы:

— Врата открылись, и обереги потеряли много энергии. Они не смогут восстановить ее и скоро погаснут. Тогда вернется он...

Внезапно кто-то громко вскрикнул и, повернувшись на звук, все увидели, как с крепостной стены падает тело в разорванных шкурах.

— Аун! — вскрикнул Аркис.

Гранер Ласкнир вскинул руки, повторив заклинание, что применял ранее и к падающей Кисаре — зверолод замер над каменными плитами, тогда как его сломанный пополам лук с сухим звуком ударился о камни.

Таллаг и Скар подбежали к не шевелящемуся воину, но их обогнал огромный волк. Животное первым добралось до хозяина, принявшись обнюхивать и облизывать его лицо. Ткнувшись влажным носом в заросшую бородой щеку Ауна, его питомец вскинул клыкастую голову к небу и громко взвыл.

Подоспевшие Таллаг и Скар выругались, увидев застывшие глаза соплеменника, не мигая уставившиеся на далекие звезды. Тело Ауна, удерживаемое волшебством архимага все еще парило над землей, а на плиты под ним непрерывно лилась теплая кровь.

— Мертв, — Скар скрипнул зубами, увидев страшную рваную рану на груди и животе воина. Того почти разорвало пополам и две части тела держались лишь на позвоночнике и тонких обрывках плоти.

Ладонью закрыв глаза павшего собрата, Скар срезал с его плеча колчан со стрелами, забрав их с собой.

— Но что убило его? — Аун уже стоял рядом. — Он поднялся на стену, чтобы оглядеться и вот...

От нового удара по воротам затряслась даже земля. Низкий гул почти выгоревших оберегов теперь стал слышен всем.

— Наверно то, что сейчас ломится сюда и убило бедолагу Ауна, — ухватив жалобно воющего волка за загривок, Скар потащил его прочь, словно безвольного щенка. — Но

теперь он под теплым боком Праматери. Он пролил для нее достаточно крови, чтобы заслужить милость. А мы, если хотим еще пожить, должны убираться отсюда. Зверолюды побежали обратно. Скар первым заметил, как наблюдавшие за ними спутники вдруг резко обернулись назад. Перескакивая через мертвых гиритцев, воин выглянул из-за плеча опирающегося на молот Флакона и увидел Кисару, сидящую на коленях прямо на разбитых камнях.

По щекам девушки катились слезы, а взгляд был прикован к сжатой в кулак руке. Это зверолод заметил лишь краем глаза, выхватывая топоры и вставая рядом с Лисандрой, закрывающей южанку от обнажившего меч Гириона.

Мгновенно оценив ситуацию, он понял, что в их отсутствие произошло что-то, что заставило гиритцев ополчиться на демонолога.

— Она не может уйти сейчас! — Медленно процедил сквозь стиснутые зубы гиритец. — Она нам нужна! Брось камень, Кисара!

— Вы не вправе заставлять ее, — пылко вступилась за подругу Лисандра.

— Она останется!

— Я никуда не уйду, — неожиданно грустно произнесла Кисара, разжав пальцы, и все увидели камень Возврата на ее узкой ладони. Прошло всего лишь мгновение, как камень без видимой причины распался на две ровные половины.

— Зачем ты его сломала, женщина?! — Удивленно завопил Таллаг, тыча пальцем в ладонь девушки. — Он же стоит целое состояние! Теперь ты не сможешь... — неожиданно зверолод замолчал и достал свой камень, точно такой же, какой был у Кисары и теперь точно такой же разломанный на две части. Удивленно воззрившись на свою ладонь, Таллаг несколько раз моргнул. — А мой-то, зачем сломала?!

— Это не она, — Гранер Ласкнир виновато улыбнулся. — Простите друзья, но я не могу позволить никому из вас покинуть наш отряд. Но уверяю вас, как только мы найдем то, что ищем — вернемся домой и...

— Старый пенек! — Таллаг живо перекинул свое негодование на архимага. — У тебя труха в твоей седой башке?!

— Давай я проделаю в ней дыру, — сразу же поддержал брата Скар, потрясая топором. — И мы узнаем что там!

— Кхм, простите, что отвлекаю, — некромант прочистил горло. — Но я бы не отказался от помощи. — Он кивком указал на запертые ворота, заваленные трупами гиритцев. — Нам необходимо попасть внутрь прежде, чем внутренний двор заполонят твари из-за стены.

— Времени мало, — неизвестно откуда появившаяся рядом с колдуном девочка сосредоточенно кивнула. В руках она, по-прежнему держала огромную черную косу, а ее в нескольких местах порванное платье пропиталось темной кровью. — Защита обители ослабела и скоро она падет. Тварей за стеной не сдержать.

Как бы подтверждая слова Алиры, в ворота вновь ударилось что-то большое и тяжелое. Гул защитных оберегов усилился и теперь тяжело давил на уши раздражающим гудением. Обереги раскалились до предела и теперь над стенами обители Нерушимых Врат завился белый дым, вырывающийся из потрескавшихся стен.

— В крепость! — Гирион, забросив за спину меч, подхватил сидящую на полу Кисару и первым бросился к лестнице, не заботясь о том, что под его ногами трещат кости его же предшественников.

Мысленно рыцарь — защитник попросил у павших братьев прощения, за то, что он

тревожит их покой, но больше ступать было некуда.

Остальные поспешили за гиритцем.

— Проклятый старый баран! Ты должен мне золото за мой камень! — Таллаг выбросил бесполезные обломки, под ноги архимагу. — Колдун, — вдруг обратился зверолод к некроманту. — Я заплачу тебе, если вдруг этот идиот подойдет, не вернув мне долг! Ты поднимешь его старые кости, и я скормлю их волкам, а череп утоплю в отхожем месте!

— Не стоит так сердиться, мой друг, я все возьму, — улыбаясь, ответил Ласкнир.

— Демоны за стеной тебе друзья, придурок! — огрызнулся Скар.

Вожак зверолодов в несколько широких прыжков оказался у внутренних врат и, бесцеремонно подхватив иссохшее тело в черных доспехах, отшвырнул его в сторону, освобождая заваленные створки.

Броня гиритцев оказалась очень тяжелой, но сила Скара превосходила не только человеческую, но и многих из его сородичей. Алира отстала от зверолода лишь на один удар сердца и удивила его тем, что с легкостью подняла тело, в несколько раз превышавшее в размерах ее хрупкую фигурку.

— Чем тебя кормили? — с нервной улыбкой спросил Скар, вновь взявшись за работу. Он не ждал ответа и не расстроился, когда не получил его. К моменту, когда Гирион достиг ворот, Кровожад и помощница некроманта отбросили прочь уже более пяти тел. Зверолод столкнул с лестницы еще одно, пинком ноги послав отвалившийся шлем следом.

Погнутый шлем несколько раз перевернулся в воздухе и из него, так же вращаясь, вылетела оторванная голова, ударилась о камни, и в нарастающем шуме четко раздался хруст треснувшего черепа.

— Прояви уважение к павшим, зверь! — Гирион поставил пошатывающуюся Кисару на ноги и нагнулся к одному из мертвых предшественников, чей нагрудник был смят словно старый пергамент.

— Обязательно, — сосредоточенно кивнул Скар, выбросив в сторону чью-то отрубленную руку. — Эй, старик, как насчет почистить здесь все магией?

— Прошу прощения, — Гранер, добравшийся еще только до середины лестницы, развел руками. — Я исчерпал почти все свои силы, а то, что осталось, может нам еще пригодиться, чтобы вовремя покинуть это темное место.

— Устал он, ха! — Зверолод скривился под шлемом. — А мы, можно подумать, не устали! А ты чего застыл? — он взглянул на Гириона, до сих пор сжимающего в руках тело в смятом нагруднике.

Взгляд бездушного был прикован к почти истлевшему табарду ордена, солнце на котором обернулось черепом, а его лучи причудливо изогнулись, напоминая черные щупальца.

— Осквернение, — наконец, Гирион брезгливо отбросил мертвеца от себя. — Что здесь произошло?!

— Половина твоих братьев здесь подверглись осквернению. Если бы у нас было больше времени, я смог бы ненадолго вдохнуть жизнь в останки кого-то, кто не был гиритцем, — некромант почесал подбородок. — Но ваше оружие убивает раз и навсегда, да и необходимые ингредиенты найти здесь не удастся, не говоря уже о том, что времени у нас в обрез. К тому же ворота... — он не договорил, слишком увлекшись рассматриванием створок.

Вскоре к некроманту присоединился и Гранер Ласкнир, со странной улыбкой

погладивший врата.

— Попасть в обитель сейчас важнее, — новое тело, подхваченное могучим рыцарем-защитником, полетело вниз по ступеням.

Когда к работе присоединились остальные члены отряда, площадка перед воротами начала быстро расчищаться. Темные эльфы, Кая и Лисандра вчетвером с трудом сталкивали тела монахов вниз, Таллаг и Аркис управлялись вдвоем.

Искалеченные тела мертвых гиритцев скатывались по мраморным ступеням, образуя у их подножья настоящий завал, который непрерывно увеличивался. Алектис неустанно читал молитвы над павшими предшественниками, одновременно усиливая словами благословений души членов отряда.

Фалкон, которому все еще не давало покоя увиденное у ворот, даже не заметил, как перед ним оказался некромант, только что осматривавший вход во внутреннюю крепость.

— Руку! — потребовал Эгистес Отверженный. — Дай мне свою руку!

— Это срочно. — Кивнул архимаг. Седой гиритец собирался воспротивиться и указать колдуну на его место, но новый удар, едва не высадивший стонущие ворота заставил его передумать. Фалкон не страшился того, что так страстно желало прорваться внутрь крепости. Не страшила его и собственная смерть. Однако он не желал умирать, не выполнив миссии, возложенной на него и его братьев.

Смерив гордыню, храмовник быстро снял латную рукавицу и протянув некроманту открытую ладонь. Тот выхватил странной формы нож и, прежде чем гиритец успел удивиться, несколькими ловкими движениями вырезал на грубой коже странный символ.

— Ворота можно открыть лишь изнутри! — Гранер Ласкнир еще раз коснулся створки, проведя по ней сухой ладонью. — Нам понадобится память твоей крови и метка этого юноши, — он кивком головы указал на некроманта. — Символ на его ладони укажет на кое-что, сокрытое за этими стенами. — Я смогу, — быстро зашептал Эгистес, прикладывая свою ладонь, к руке монаха. — Продержитесь до того, как я смогу это сделать. Алира, присмотри за ученицей мага!

— Как прикажете, — кивнула девочка.

— Готов? — Подняв над головой свой посох, спросил архимаг и Эгистес кивнул. — Триаса, менере хигрус! — хрипло выкрикнул Гранер Ласкнир.

Руку некроманта отхватило странное свечение, и он мгновенно растворился в фиолетовой вспышке.

— Проклятый колдун, куда он делся? — Фалкон огляделся так, будто ожидал увидеть некроманта прямо за своей спиной. Но того, естественно, там не оказалось. В несколько широких шагов достигнув створок, гиритец приложил к ним ладонь и крикнул:

— Откройтесь!

Ничего не произошло.

— Не ты первый, старина, — Таллаг кивком головы указал монаху на множество отпечатков кровавых ладоней, которые беспощадное время почти стерло с массивных створок.

— Обитель запечатана изнутри. Господин откроет нам, — по тону Алиры не было возможно понять, пытается она всех успокоить или же просто констатирует факт. — Наверное, — слегка задумчиво добавило девочка.

— Он сумеет, — уверенно поддержал Алиру архимаг, перехватив посох подмышку и нетерпеливо потирая ладони. — Метка на его ладони и кровь сидонитов открыли Эгистесу

путь. Теперь все в его руках.

— Как бы то ни было, — Гирион резко отвернулся от врат во внутреннюю обитель, взявшись за меч. — Судя по отпечаткам, не мы первые пытались открыть эти ворота. Стало быть, сидониты зачем-то запечатали свою крепость изнутри, а наши братья здесь сцепились друг с другом. Возможно, мы найдем ответы, а может, и нет. Наши жизни теперь зависят от некроманта. И ему лучше поспешить.

Острием клинка рыцарь указал на покореженные створки внешних ворот, едва не слетевших с огромных петель, от нового удара. Грохот оглушил всех присутствующих, но сильнее треска сломанного дерева и надрывного скрипа покореженного металла, оказался пронзительный и тонкий звук, с которым лопнули обереги внешних стен.

Кисара вздрогнула, а Алектис, переставший молиться, произнес:

— Гирит, защити нас!

Огромная кроваво-красная лапа с черными, как ночь когтями, вцепилась в отогнутый край правой створки внешних врат, со скрежетом вминая ее вовнутрь. Каждый из много суставчатых пальцев существа, выламывающего ворота обители, оказался длиннее, чем самый рослый гиритец, так что о размерах самой твари можно было только догадываться.

Мощный рывок вырвал правую створку, и мрак темной волной хлынул в крепостной двор.

* * *

Эгистес чувствовал, как символ на ладони обжег его кожу, распространяя по телу неприятную волну томления и жажды. Пробуждая древнюю магию, дремлющую в руке, он изо всех сил сосредоточился на том, зачем пришел в эти земли.

Гранер Ласкнир, старый друг отца некроманта, сказал, что это должно сработать, так как произнесенное им заклинание берет свои истоки из магии искажения пространства, при помощи которой работают врата Пути. Только сами врата подчиняются желанию управляющего ими мага, который переносит желающих к другим порталам.

Сейчас же роль управляющего досталась Эгистесу, вратами послужил символ на его руке, что пробудился от крови Фалкона, а маяком его перемещения стало то, зачем некромант пришел в обитель Нерушимых Врат.

Архимаг, как оказалось, очень сведущ в этом вопросе и без его помощи некроманту вряд ли удалось совершить задуманное. Теперь же Эгистес оказался так близко к своей цели, что едва сдерживал нетерпение.

Посох Фирота Лишенного Скорби, величайшего некроманта прошлого не давал Эгистесу покоя с тех самых пор, как тот узнал о нем от Гранера Ласкнира перед тем, как навсегда покинул родной дом. Древние трактаты, что показал ему волшебник, говорили, будто посох впитал души всех, кого погубило колдовство его хозяина, став средоточием боли и страданий, безумия и неминуемой гибели, всего того, что давало жизнь темной магии.

Когда-то Эгистес даже подумать не мог, что станет охотиться за темным артефактом не для того, чтобы уничтожить его, а ради собственной выгоды. Его родные, те, кому он верил, отвернулись от него, лишив отчего дома и душевной теплоты. Теперь колдун мог рассчитывать лишь на самого себя и для того, чтобы приумножить свои силы, Эгистес уже давно собирал сокрытые по всему миру предметы, таящие в себе самую суть темной магии.

Но он делал это не ради величия, как многие могли бы подумать. Разумеется, мысль о могуществе посещала его и далеко не раз, но истинная причина заключалась в другом — некромант стремился к самодостаточности. Стать сильным настолько, что никто и никогда больше не смог бы отнять у него то, что принадлежит ему.

Эгистес хотел жить в мире, где его не обязывали бы слепо следовать чьим-то правилам и где он сам смог бы выбирать свою судьбу.

Некромант не знал, как воплотить свою мечту в реальность, но надеялся, что посох Фирота даст ему ответы и подскажет дальнейший путь. Недаром же сидониты, после того, как расправились с древним некромантом, спрятали его посох в своей обители. Они не стали уничтожать артефакт, так как сила, заключенная в нем должно быть настолько велика, что выплеснись она неконтролируемым потоком — ничто не смогло бы остановить ее.

Эгистес почувствовал, как теплая кровь гиритца коснулась символов на ладони, когда-то принадлежавшей Фироту, единственной частичке оставшейся от его смертного тела. Некромант древности лишился этой руки в первом бою с Алардом Дарием. Тогда, если верить преданиям, земля почернела вокруг сражающихся и начала обрушиваться, разделяя храмовника и колдуна. Фироту удалось уйти, но он потерял руку, долгое время пролежавшую под землей. Он искал ее, но Верховный лорд сидонитов нашел древнего некроманта прежде, положив конец злодеяниям Фирота Лишенного Скорби и пронзив его черное сердце своей алебардой.

Алард Дарий сжег останки колдуна, забрав с собой его посох и надежно укрыв его ото всех. Силу, запечатанную в посохе, мог пробудить лишь его владелец и Эгистес надеялся, что рука Фирота поможет ему в этом.

Едва некромант завладел подобным сокровищем, как сразу же посетил Ариард, заглянув к Гранеру Ласкниру, в надежде, что тот поможет. И он не ошибся.

Старый волшебник, действительно, смог убедить гиритцев в новом походе к обители Нерушимых Врат, причем сделал это довольно охотно, объяснив свой поступок личной выгодой.

Гранер Ласкнир был просто одержим магией созидания и конкретно перемещениями в пространстве. Он давно слышал об Изначальных вратах, сокрытых в этой обители и не желал упускать шанса лично убедиться в их существовании.

Эгистес Отверженный не знал, какие доводы привел гиритцам архимаг, но это сработало. Когда некромант только ступил в Потерянные земли, он сомневался, получится ли у него совершить задуманное до тех самых пор, пока не достиг обители Нерушимых Врат. Только здесь Эгистес почувствовал, как посох зовет его и чем ближе колдун подходил к самой обители, тем сильнее и явственнее становился зов.

Оказавшись перед воротами, Эгистес выполнил то, что сказал ему Гранер Ласкнир: кровь потомка сидонитов открывала не только материальные двери их обители, она могла разрушить стены тюрьмы, в которой покоился посох Фирота. Эгистес не мог знать этого наверняка, но это знал сам посох. Он звал своего нового владельца, откликаясь на магию в украшенной символами руке. Все что оставалось сделать Эгистесу, так это последовать этому зову, при помощи крови и архимага.

Когда кровь гиритца коснулась символов, Эгистес Отверженный услышал явственный зловеющий смех, прозвучавший у него в голове. В глазах некроманта потемнело, а в уши ударили множество стонающих голосов. Все вокруг погасло в одной вспышке боли, отступившей так резко, что Эгистес не сразу понял, что произошло.

Дымка перед глазами быстро рассеялась и некромант увидел, что больше не находится перед воротами в обитель сидонитов. Он стоял посреди небольшой округлой комнаты, стены и пол которой почти полностью покрывали строки из молитв Сидонию и защитные обереги, чье слабое мерцание заполняло помещение мягким алым светом.

Единственной вещью в пустом зале оказался постамент, находящийся точно посередине. На нем, окутанный лентами со священными писаниями, лежал изогнутый потрескавшийся черный посох, чье древко плотно стягивала кожа. Некромант знал, что она принадлежит отнюдь не животным, посох Фирота украшали ленты из выделанной человеческой кожи.

В том, что перед ним вещь, принадлежавшая древнему некроманту, Эгистес не сомневался. Дрожь в ладони с символом усилилась настолько, что мужчина вынужден был выпустить свой посох, перехватив запястье другой рукой и прижав ее к себе. Пальцы колдуна конвульсивно сжимались, и он скрипнул зубами, невольно сделав шаг к постаменту.

Обереги на стенах предостерегающе загудели.

Что-то в Эгистесе Отверженном вдруг воспротивилось тому, к чему он стремился несколько лет. Цель его путешествия была на расстоянии вытянутой руки, нужно лишь забрать посох и все...

Но некромант медлил. Он вдруг явственно ощутил, как что-то вторгается в его мысли, стремясь подчинить волю. Что-то темное, древнее и злое.

Кольцо на пальце колдуна вдруг ожило: змей на нем выпустил кончик собственного хвоста, вонзив клыки в кожу человека. Мгновения потекли мучительно медленно, голову Эгистеса пронзила боль, и он рухнул на колени. В попытке удержаться, мужчина вскинул руку, и его пальцы сомкнулись на ледяном древке.

Сознание Эгистеса помутилось, он зажмурился до боли в глазах, а когда с усилием раскрыл их, увидел, что стоит на коленях на мертвой выжженной земле.

Вокруг не было ничего, только черный пепел, скрывающий небо и горизонт. Из неоткуда, прямо перед пытавшимся подняться Эгистесом появился человек. Молодой и черноволосый, с нахальным и злым взглядом темных глаз. Зловещая улыбка и надменный вид выдавали в нем властную и жесткую натуру. Черты лица этого мужчины напомнили Эгистесу Алиру, оставшуюся где-то далеко.

Опустив глаза, некромант увидел, что у незнакомца нет кисти правой руки.

— Ты принес мне то, что я когда-то потерял, — голос напоминал скрежет могильных плит.

Эгистес молча смотрел на мужчину, которого раньше видел лишь однажды, на обгорелом холсте в одном давно брошенном поместье. Он сразу узнал Фирота Лишенного Скорби, невольно отметив, что Алира очень похожа на отца.

Колдун чувствовал, как его рука с зажатым в ней посохом сама тянется к Фироту, а тот, сохраняя на лице довольную ухмылку, вытаскивает из поясных ножен короткий изогнутый меч.

— Ты думал, что я так просто умру и не оставлю себе лазейки в мир живых? — Продолжил древний некромант, поднимая левую руку для удара. — Не ты пришел ко мне, тебя привело кольцо, впитавшее в себя часть моей души. Ты слепой щенок, присвоивший себе мою плоть и так следящий за ней, что не заметил истины! Ты добровольно принял часть меня, и теперь я заберу себе все!

Эгистес, заморожено смотрел на тусклое лезвие меча, которое вот-вот должно было опуститься на его руку. Он не мог ничего сделать, его волю полностью сковал тот, кого

давно считали мертвым. И он же скоро заберет его жизнь себе. Жизнь...

Не сводя глаз с острия меча, Эгистес увидел в нем свое отражение, и яркая вспышка памяти осветила давно забытое прошлое, которое он, как ни силился, не мог вспомнить раньше.

Некромант увидел самого себя, лежащего на окровавленном снегу. Рядом в неестественных позах были разбросаны люди и лошади. Все они были мертвы, как и он сам.

Несколько стрел торчали из груди молодого Эгистеса, облаченного в одежды жреца Лигеи Благодетельницы. Кажется, тогда он перевозил подношения, чтобы отдать их другим жрецам, что строили новый храм в честь богини в крупной деревне, неподалеку от Гривиса.

Отец Эгистеса, служивший, как и сын, жрецом, задерживался в храме и он сам решил привезти золото, собранное пожертвованиями. Эгистес искренне желал, чтобы деньги, собранные прихожанами, как можно скорее пошли на благое дело.

Но судьба решила иначе. Бандиты, прознавшие о том, что по тракту будут везти крупную сумму денег, устроили засаду. Но вместо отца в нее попал сын.

Все произошло очень быстро. Нападавших было много, и они задавили защитников жреца числом, а сам он пал, пронзенный стрелами.

Эгистес удивлено взирал на свое мертвое тело со стороны. Раньше он не помнил этого. В обрывочных воспоминаниях некроманта все было иначе: они, действительно попали в засаду и его ранили, но отец с отрядом стражи успели вовремя и все обошлось.

Отец Эгистеса, и правда, приехал, но опоздал.

Разбойники почти покончили с последними защитниками, когда конный отряд стражи налетел на них и смел, подобно урагану.

Эгистес видел, как отец, не в силах сдержать слез, склонился над ним. Видел, как что-то изменилось в глазах седого мужчины, и он решительным жестом отогнал своих охранников прочь. Он вырвал стрелы из груди мертвого сына и сам отвез тело в город. В тот самый храм, в котором Эгистес очнулся от ранения.

Но от смертельной раны нельзя очнуться.

Только сейчас некроманту открылась правда — его мать, ради любви к единственному сыну решила на страшный грех. Она презрела заповеди богини, вдохнув жизнь в тело мертвеца.

Жрецы Лигеи верили, что все в этом мире смертно и всему отмерен свой срок. Никто не должен был вмешиваться в планы богов, несмотря на то, что магия исцеления могла совершить практически невозможное от продления жизни, до ее возвращения, но лишь в том случае, если тело еще не остыло, и душа не покинула его окончательно.

Мать Эгистеса, верховная жрица Благодетельницы насильно вернула в его тело душу, вдохнув в него жизнь и воскресив из мертвых. Но пожертвовав при этом собой.

Верховная жрица Лигеи сама нарушила запрет, не желая понимать, что тот, кто однажды умер — никогда не станет прежним. Горе матери, потерявшей сына, ослепило ее, придало решимости, и женщина провела ритуал обмена душ, запрещенный еще во времена, когда поклонялись Велесу Скорбящему.

Древние знания, которыми обладала верховная жрица, помогли ей осуществить задуманное и она вернула душу сына с того света, отдав вместо нее свою.

Но смерть оставила в душе воскрешенного Эгистеса свой отпечаток, наделив его способностями, неподвластными большинству живых. Лишь тот, кто однажды уже видел смерть, мог познать все ее тайны, овладев древней и темной магией — некромантией.

Когда в Эгистесе пробудился этот дар, его отец переживавший смерть жены, счел это проклятьем, карой богини за то, что Эмилия осмелилась, послушаться ее завета.

Старший жрец, Ромир Ларк сказал всем, что его сын выжил, пусть и был тяжело ранен, скрыв тем самым правду. Умолчал он и о причине смерти супруги, сказав, что та давно уже болела.

Но все тайное, рано или поздно становится явным: дар Эгистеса горел все явственнее и темнее и его больше не получалось держать в тайне.

Однако Ромир Ларк так и не смог поднять руку на того, кто был его сыном, и из-за кого погибла его жена. Боясь того, что о воскрешении Эгистеса и о поступке Эмилии станет известно остальным жрецам или гиритцам, Ромир Ларк изгнал сына из дома и отрекся от него, для того, чтобы уберечь.

Воскрешенного ждала казнь, а некроманта лишь допросы и проверки, на которых внимание уделялось его дару, а не тому, как он получил его. Ромир Ларк никогда прежде не преступал запретов Благодетельницы и истово молился ей, чтобы она позволила его сыну жить и чтобы смерть жены не была напрасной.

Видимо, всемилостивая Лигея откликнулась на молитву жреца и жертву верховной жрицы, даровав Эгистесу свое благословение и позволив ему жить в Светлых землях. Но это не заменяло того, что сын Ромира Ларка, все же умер, пронзенный стрелами, на руках собственного отца.

Возрожденный некромант не мог быть сыном жрецов Благодетельницы.

Так умер Эгистес Ларк и появился Эгистес Отверженный.

Пустота в душе Эгистеса вдруг пропала. Все это время он думал, что отец предал его, обманул доверие и отрекся от сына из-за его дара. Он не знал истинной причины поступка своего отца и жертвы, принесенной его матерью, не догадывался об их душевной боли и любви к сыну. Любви настолько сильной, что ради нее они поступились тем, чем жили.

Эмилия Ларк приняла грех воскрешения на себя, позволив сыну жить дальше, а ее муж солгал остальным жрецам и гиритцам. Слезы потекли из глаз Эгистеса, отражаясь в метнувшемся к нему лезвии клинка. Губы некроманта зашевелились, но вместо темных заклинаний, с них слетели те слова, что он не произносил уже очень давно:

— Благодетельница, — прошептал Эгистес. — Молю, помоги мне.

Клинок Фирота врезался во вспыхнувшую перед Эгистесом стену серебристого свечения, отражение той веры, что осталась в душе некроманта от его прошлой жизни, в которую он верой и правдой служил Лигее Благодетельнице. С воспоминаниями о прошлом, к Эгистесу вернулось то, что он когда-то потерял — надежда и вера. Змей на пальце некроманта пронзительно зашипел, растворяясь в ярком свете и пропадая без следа.

— У тебя нет надо мной власти! — выкрикнул Эгистес, глядя в полные ненависти глаза Фирота.

— Ошибаешься, — прошипел древний некромант, и его воля стальными тисками сжала разум Эгистеса. — Ты сам принял меня, а теперь — слишком слаб, чтобы противостоять мне. Та темная сила, что течет в тебе — лишь отголоски моей!

— Ты сам... — Эгистес сопротивлялся всеми силами, призывая на помощь и богиню Благодетельницу и свой темный дар. — Ты сам теперь лишь свое собственное отражение!

Двое мужчин замерли, неотрывно глядя друг другу в глаза. Их напряженные до предела тела не шевелились, а на лбах выступали капельки пота.

Эгистес понимал, что противник намного сильнее и опытнее его. Только то, что Фирот

Лишенный Скорби являлся лишь призраком, частью души, заключенной в кольцо и не имеющей своего тела, давал Эгистесу слабую надежду на спасение.

Сила некроманта — сила смерти, которой более всего подвержено его смертное тело. Оно связывает загробный и живой миры, являясь проводником силы из одного в другой. Колдуны могут становиться почти бессмертными, но их тело, по-прежнему, остается уязвимым и их можно убить, в этом их слабость и их сила одновременно. Ухватившись за эту мысль, Эгистес собрал все свои силы, решительно отбросив от себя плотное сознание, навязываемое ему Фиротом.

Древний некромант пал однажды, падет и во второй раз! — Ты мертв и убил тебя — Алард Дарий... — сквозь стиснутые зубы прошипел Эгистес и в этот же миг черный пепел вокруг мужчин дрогнул и пропал.

Наваждение рассеялось, и они оказались в той самой круглой комнате, где ранее лежал посох древнего некроманта. Фирот Лишенный Скорби вскрикнул, отшатнувшись назад, когда обереги сидонитов взревели так, что даже у Эгистеса заложило уши.

— Ты лишь прошлое! — Эгистес ощущал, как благословение Светлых богов защищает его от бушевавшей силы оберегов. — Пршлое, навсегда заточенное в этих стенах!

— Нет! — Тело Фирота начало распадаться, обнажая почерневшую плоть

— Тебе не сбежать от судьбы! — Сжав руку на посохе древнего некроманта, Эгистес вдруг явственно увидел последние мгновения жизни его прошлого хозяина.

Стиснув рукоять так, что костяшки его пальцев побелели, Эгистес зашептал заклинание. Он мог воскрешать мертвых, пусть и не так, как это могли делать жрецы Лигеи. Некромантия позволяла воссоздавать тело, лишая его воли и силой удерживая внутри душу, вырванную с того света. Эгистес мог это сделать, но не с тем, кто сейчас был ему нужен.

Оставшихся сил некроманта хватило лишь на то, чтобы на мгновение оживить древний образ, едва завидев который Фирот Лишенный Скорби пронзительно завизжал, отшатнувшись назад и уперевшись спиной в постамент, на котором раньше лежал его посох.

Алая тень, размером больше Эгистеса, выросла рядом с ним и на ней явственно проступила древняя отделанная золотом броня, украшенная символами Сидония Воздаятеля и тяжелый длинный плащ.

Благородное лицо рыцаря, покинувшего этот мир много веков назад, заново взглянуло на него светлыми сверкающими глазами.

Несмотря на то, что это была лишь тень, у Эгистеса перехватило дыхание от мощной ауры присутствия и величия, исходивших от воплощенного воспоминания Фирота Лищенного Скорби. Он почувствовал то, что пережил древний некромант, столкнувшись с тем, кто убил его — непередаваемый ужас.

Не проронив ни слова, тень Аларда Дария сделала широкий шаг вперед, пробив грудь непрерывно кричащего Фирота длинной алебардой насквозь. Лезвие, в половину человеческого роста легко пронзило почерневшую плоть некроманта и, следуя воле сидонита, устремилось вертикально вверх. Искаженное жуткой гримасой боли и ужаса, лицо Фирота Лищенного Скорби разделилось надвое. Хриплый вой оборвался. Колдун прошлого пропал, навсегда исчезнув в алой вспышке.

Когда потрясенный и удивленный Эгистес решился открыть глаза, то он был один в пустой комнате, а посох, ранее принадлежащий древнему некроманту, теперь не казался таким холодным.

В тот же миг стены обители, словно почувствовав присутствие тени верховного лорда

сидонитов, вздрогнули.

Облегченно выдохнув, некромант опустил руку в карман, вытащив оттуда камень Возврата и лишней раз усмехнувшись предусмотрительности архимага Гранера Ласкнира. Старый волшебник не любил рисковать и проделал с камнем Эгистеса то же самое, что и с другими — руна на теплой шероховатой поверхности треснула, и камень развалился на несколько частей. Старика даже не смутило то, что Эгистес выразил заинтересованность в награде за заботу о его ученице.

Неужели архимаг все знал с самого начала? Колдун сбросил бесполезные обломки с ладони. Его изначальный план предполагал быстрое возвращение. После того, как он завладел бы посохом, судьба остальных спутников перестала бы его интересовать. Но обстоятельства изменились. Сила Лигеи Благодетельницы защитила Эгистеса и теперь его черед вернуть долг богине, ведь, возможно, она сохранила его жизнь именно за этим.

Глубоко вдохнув, Эгистес сорвался с места, рывком распахивая дверь и выбегая в широкие коридоры обители Нерушимых Врат.

* * *

— Ну и как мы должны продержаться? — Скар не сводил глаз с выламывающего ворота демона — огромная тварь ростом совсем немного не дотягивала до крепостной стены, и зверолод не имел ни малейшего понятия, как с ней справиться без помощи маленькой армии.

В расширяющуюся усилиями демона щель между створками, толчками вливался черный туман и из него выбирались все новые порождения Скверны.

— Кисара? — Стоявший рядом с братом Таллаг, сжал рукоять топора, чье лезвие сразу же заискрилось всполохами молний. — Что там за тварь?

— Не знаю, — Южанке потребовалось все ее мужество, чтобы выпрямиться и отогнать от себя плотно липнувший к усталому телу страх. — Один из высших демонов, возможно. Я раньше не встречала таких.

— Все когда-то бывает в первый раз, — хмыкнул Скар, приготовившись к бою. — И в последний, — мрачно добавил он, оценивая с какой скоростью крепостной двор заполняется толпами оскверненных. — Держи. — Стянув с плеча колчан со стрелами, теперь уже не нужный мертвому Ауну, зверолод протянул его темной эльфийке.

— Спасибо, — коротко кивнула девушка, отдав половину стрел брату. Она понимала, что долго стрелять им не дадут, и придется вступить в ближний бой.

Подумав, Исель вручила удивленному Калеосу остатки стрел и полезла за пазуху, доставая оттуда слегка мятые и намокшие клочки белой бумаги.

— О! Неужели это колдовство темных эльфов? — сразу же оживился Гранер Ласкнир, которого, казалось, не очень-то смущает мысль о том, что скоро его могут сожрать порождения Тьмы.

— Не отвлекайте! — Резко бросила Исель, сосредоточенно раскладывая перед собой листы, прямо на каменные плиты. — Я только учусь и мне необходимо время.

— Попроси что-нибудь другое, девочка, — несмотря на шуточный тон, Скар выглядел серьезно. Взмахнув топорами, он вышел вперед, с пугающим восторгом глядя на приближающихся противников.

— Она смотрит на нас! — Аркис встал по левую руку от вожака и глаза молодого зверолода заискрились силой стихий. — Праматерь наблюдает за нами!

— И мы докажем ей, что она может гордиться своим выводком! — лезвия топоров Кровожада заскрежетали одно о другое, роняя яркие искры.

— Назад, — требовательный голос Гириона прозвучал сухо и решительно. — Наш долг...

— Засунь свой долг себе знаешь куда? — Таллаг присоединился к сородичам. — Ваш Гирит, несомненно, оценит, если мы умрем на пару мгновений позже, чем вы, наши защитники, — последнее слово, зверолод выделил.

— Приближаются! — Алектис сложил руки на груди и зычным голосом начал читать молитву.

Когда первые из демонопоклонников ступили к подножью лестницы, им пришлось перелезть через груды тел, что скатились вниз при очищении площадки у ворот. Именно здесь их и настигли стрелы Калеоса и магия демонолога.

Выйдя вперед, темный эльф выпускал стрелу за стрелой, безошибочно и быстро поражая одну цель за другой. Оскверненные падали вниз, хватаясь за стрелы, торчащие из их глаз, шеи и груди.

Кисара сковывала тела демонопоклонников и мелких порождений Скверный, составляющих авангард вторгшихся в обитель демонов. Лишенные способности двигаться они становились легкой добычей для бьющего без промаха Калеоса.

Когда же над баррикадой из тел начали появляться более серьезные противники, в бой вступила Кая. Ее учитель отступил к воротам, заявив, что ему следует беречь силы и теперь девушка, едва не падая от усталости, посылала в черный туман огненные шары.

Заклинаниям волшебницы начали вторить молнии Таллага и Аркиса, разбрасывающие оскверненных в стороны. Краем глаза Кая заметила, что Алира, стоявшая рядом с ней, каждый раз вздрагивает, когда сопровождающий заклинания зверолодов грохот, разрывает небеса. В руках девочки снова появилась жуткая коса, но она не спешила идти в бой, следуя приказу некроманта и оставаясь рядом с Каей.

— Оставьте и нам немного! — Глаза Скара горели жадной битвы, и он с трудом сдерживал себя, чтобы не ворваться в толпу врагов. Его топоры все быстрее скрежетали друг о друга, дыхание учащалось, а губы растягивались в жуткой ухмылке, обнажая длинные клыки. Только понимание того, что он лишь помешает шаманам и волшебнице, останавливали зверолода.

— И нам хватит... — бросила Лисандра и вдруг замолчала. — Знаешь, — глаза девушки вдруг влажно блеснули. — Я хотела сказать...

— Боги, женщина! — Скар даже топоры опустил. — Ты лучше времени найти не могла?

— Ты меня совсем не понимаешь!

— Ну, мне сейчас заняться-то больше нечем! — Парировал зверолод, указывая Лисандре на порождений Бездны, медленно преодолевающих ступень за ступенью и оставляя позади себя множество искалеченных трупов своих собратьев.

Некоторые оскверненные набрасывались на тела своих же предшественников, жадно вгрызаясь в гниющую плоть.

— Ты прав, — паладин решительно отвернулась от воина, скрыв блеснувшие в глазах слезы.

— Как же иначе, — улыбнулся Скар, слабо толкнув плечом девушку. — Но не смей

умирать, пока не скажешь мне то, что хотела. Если это, конечно, не очередная глупость.

— Приготовьтесь! — Гирион встал на острие атаки. По бокам от него замерли Фалкон и Лертас.

Но не успел рыцарь-защитник договорить, как старый ветеран, занявший место справа от него, шагнул на ступень ниже и одним мощным ударом молота отбросил назад сразу нескольких тварей. На мгновение Фалкон открылся, но попытавшийся достать его оскверненный рухнул со стрелой в ухе.

Калеос выстрелил еще трижды и, исчерпав свой запас стрел, взялся за клинки.

Волна порождений Бездны хлынула на площадку перед воротами обители. Ткнув молотом в грудь демонопоклоннику с широко разинутой пастью и бешеными вращающимися глазами, Фалкон ударом закованного в сталь кулака опрокинул на пол другого, сразу же раздавив его голову тяжелым сапогом.

Лертас оттолкнул щитом навалившихся на него противников, без устали опуская свою булаву, теперь напоминающую черное солнце, с чьих лучей срывались капли оскверненной крови. Мощным ударом Лертас раздробил высокому покрытому шипами демону колено, после чего обрушив булаву на рогатую голову, сломав твари шею.

Шипы на его оружии разорвали выкрикивающему богохульства оскверненному горло и тот, с булькающим звуком осел на землю, скатываясь по скользким от крови ступеням, где погиб под когтистыми лапами своих же сородичей.

— Защищайте демонолога! — Гирион широким взмахом разрубил пополам две тщедушные фигуры усеянные множеством беззубых ртов и слепых глаз.

Рыцарь-защитник смял еще одного противника ударом ноги и пронзил его грудь, приняв на наплечник удар шипованной палицы, и рукоятью меча разбил обезображенное Скверной лицо.

— Защищайте Кисару и пастыря!

Но призыв Гириона оказался напрасным: кольцо вокруг оборонявшихся быстро сжималось, и сомкнуться ему не давали лишь массивные колонны перед входом в обитель.

Аркис и Таллаг вступили в рукопашный бой, и лишившийся хозяина волк яростно сражался рядом с ними, разрывая напирających противников клыками.

Алектис продолжал читать молитву, а все силы стоявшей рядом с ним Кисары уходили на сдерживание огромного демона. Южанка держалась на пределе своих возможностей, но даже так она не могла остановить тварь, несущую смерть ей и тем, кто сражался рядом.

Заклинательница замедляла шаги чудовища, но этого было недостаточно. Оно все приближалось, обдавая смертных своим зловонным дыханием.

Сохраняющий поразительное спокойствие архимаг и его выбившаяся из сил ученица стояли дальше всех. К горлу Каи подкатывала тошнота, голова кружилась, из носа шла кровь, но она, едва не лишаясь сознания, посылала редкие заклинания в огромную фигуру, почти заслонявшую собой небо и надвигающуюся на обитель.

Гранер Ласкнир встречал каждое последующее заклинание своей ученицы одобрительным кивком, но продолжал бездействовать. Пошатнувшись после нового заклинания, Кая почти упала, но ее вовремя поддержала Алира.

Волшебница хотела произнести слова благодарности, но язык перестал ее слушаться. Несмотря на хрупкое телосложение, темноволосая девочка без труда удерживала Каю, не давая ей упасть и тщательно наблюдая за боем, разворачивающимся на расположенных ниже ступенях

Скар Кровожад наслаждался битвой и осознание того, что это его последний бой лишь придавало зверолоду сил. Кровавое безумие Урсулы охватило одного из ее избранных детей, и он со всей своей первобытной яростью обрушивался на противников, рассекая их на части и сталкивая с лестницы обезображенные тела.

Броня зверолода потемнела от крови, а шкура на его плечах пропиталась ей насквозь. Но он лишь злобно скалился, преподнося в жертву Праматери одну вражескую жизнь за другой.

Рядом со Скарсом пронзительно вскрикнул лишившийся ноги Аркис — кто-то из демонов подсек ее похожей на клешню конечностью, легко перерезав плоть и кость. Сразу же покачнувшийся шаман получил сильный удар копытом в грудь и услышал, как хрустнули его ребра.

— Духи, услышьте мой зов! — Зарычав и разбрызгивая кровавую пену с губ, молодой шаман встал на четвереньки и, изо всех сил оттолкнувшись от пола, прыгнул прямо в гущу врагов.

Твари торжествуя взревели, но, спустя мгновение их рев заглушил грянувший гром. Ударившие с небес молнии уничтожили все вокруг, включая и самого израненного шамана, который предпочел забрать с собой как можно больше тварей, чтобы заслужить одобрение Праматери, когда встретиться с ней.

Аркис Зовущий Шторм погиб в неистовстве стихий, обрушив их ярость на головы врагов, по праву заслужив свое место среди павших в бою предков.

Лисандра билась рядом с вожаком зверолодов и не переставала молить Лигею Благодетельницу о снисхождении. Она не знала, слышит ли ее Праматерь Урсула, которой поклоняются зверолоды, но воззвала и к ней, моля о том, чтобы храбрый подвиг Аркиса не остался незамеченным его покровительницей.

Несмотря на то, что Лисандра думала о других, ей и самой приходилось туго: плащ оборвался, искореженная броня утратила свой блеск, а волосы слиплась от крови и пота, а тело ныло при каждом движении, но паладин не сдавалась.

Кто-то из рухнувших к ногам Лисандры оскверненных, схватил ее за лодыжку и дернул так резко, что девушка упала на спину. Она уже видела, как на нее кидается очередная тварь, но Скар врезался в порождение Бездны плечом, отбросив его назад и встав перед Лисандрой.

Вожак зверолодов сдерживал неистовый натиск обезумевших от жажды крови чудовищ до тех пор, пока Лисандра не смогла подняться на ноги и помочь ему.

— Нашла время лежать! — Лишившийся шлема Скар сплюнул кровь в морду стоявшей к нему ближе всех твари, тут же разворотив ее страшным ударом топора. Голова зверолода была рассечена и кровь струилась по его коже, скатываясь с мочки острого уха.

Прежде чем Лисандра ответила, за ее спиной раздался шорох, почти неслышный из-за рева оскверненных и топота гигантского демона, наконец выломавшего ворота и теперь медленно и неотвратно надвигавшегося на горстку смертных.

Исель выкрикнула что-то на наречии своего народа и обрывки бумаги, которые она аккуратно раскладывала перед, собой взмыли вверх. Сами собой, разорвавшись на множество крохотных обрывков, они роем рассерженных пчел набросились на оскверненных, прошивая их насквозь и устремляясь к другим.

За спинами сражающихся вскрикнула Кисара и сдерживаемый ей демон торжествуя взревел. В несколько широких прыжков он достиг входа в обитель, даже не глядя на мелких сородичей или оскверненных, десятками гибнувших под его лапами.

Протянув когтистую лапу, тварь попыталась схватить темную эльфийку, но Лертас бросился вперед и успел оттолкнуть девушку. Но не смог спастись сам. Демон впился в гиритца когтями и, оторвав от земли, попыталась откусить ему голову. Бездушный встретил клык демона ударом булавы, успев защититься в последний момент. Оружие монаха обломало клык твари и та, яростно взревев, сжала огромный кулак.

Прежде чем погибнуть, Лертас успел швырнуть булаву и выбить порождению Бездны глаз, после чего его доспех оказался смят, а изломанное тело храмовника отправилось в клыкастую пасть.

Кровь Лертаса брызнула с небес, обдав всех теплым ужасающим дождем и его щит, звякнув, упал на гору трупов.

Демон злорадно взревел и одним ударом перебил колонну у входа в обитель. Каменные осколки брызнули в стороны и бульжник, размером с голову взрослого мужчины, ударил Калеоса в плечо. Эльф вскрикнул, выпустив оружие и едва не погиб, однако Фалкон успел рывком вытащить его из-под лапы демона, оттолкнув ближе к воротам.

Доспех старого гиритца покрывало множество свежих вмятин, но он, по-прежнему, твердо держался на ногах. Взглянув на огромного демона, как раз замахающегося для нового удара, Фалкон увидел за его спиной стройные ряды тех самых, закованных в ужасающую броню воинов, выходящих из черного тумана, плескавшегося на месте внешних ворот.

Жуткое темное воинство, украшенное отрубленными головами и обезображенными телами, заменявшими им боевые стяги, величественно ступило во внутренний двор обители Нерушимых Врат, как новые хозяева. Они шествовали неспешно и неторопливо, с видом победителей и смертоносностью палачей.

Больше книг на сайте - Knigolub.net

Мелкие демоны и оскверненные прыснули в стороны, освобождая путь темному воинству. Созданные магией Исель пчелы бросились вперед, но вдруг вспыхнули черным пламенем и бесследно исчезли прямо в воздухе.

Фалкон слишком поздно понял, что отвлекся. Лапа огромного демона рванулась к нему, замерев совсем рядом. Гиритец недоуменно уставился на тугие жгуты мышц и вздрагивающие когти.

— Назад! — Гирион потянул Фалкона за собой, оттаскивая, к горстке потрепанных выживших, что собрались на крохотном пятчке возле внутренних врат обители.

Стоило гиритцам отойти от демона, как Кисара полностью лишилась сил и чудовище, продолжая свой страшный взмах, снесло половину уцелевшей колонны. Новый удар твари должен был превратить стоящих у ворот в кровавое пятно...

Но прямо перед чудовищем вдруг закружился зеленоватый вихрь, затягивающий в себя мертвые тела. В тот же миг за воротами что-то щелкнуло, и одна из створок бесшумно отворилась. За ней стоял бледный некромант, сжимающий в каждой руке по посоху. Он непрерывно шевелил губами и скелет, не уступающий размерам заревевшему на него демону, вырастал прямо из груди тел.

Порождение Бездны ударило когтистой лапой, сокрушив костяные ребра, но их место сразу же заняли новые. Следующий удар демона пришелся по черепу, но пробоина нисколько не помешала созданию некроманта. Не до конца еще собравшийся скелет подался вперед, впившись руками в ноги чудовища и лишая его возможности двигаться.

— Закрывать ворота! — Гирион последним, пятясь, вошел внутрь обители. Прежде чем

тяжелая створка встала на место, он увидел, как обезумевший демона рвет на части созданный Эгистесом скелет. Некромант не мог поднять из мертвых гиритцев, но те, кто предал бога-защитника и павшие оскверненные были подвластны темной магии колдуна.

— Гиритец, теперь ты сможешь закрыть их, как внутренние ворота! Быстрее, внутренняя печать, кажется, снята и теперь ты сможешь вдохнуть жизнь в обереги самой крепости! — отрывисто бросил некромант, но Фалкон уже сам приложил ладонь к створке и четко произнес:

— Закройтесь!

— Ваши обереги не сработали в прошлый раз, на стенах, — Таллаг тяжело дышал, зажимая рукой длинную рану на плече. На его широкой груди алели рваные раны, оставшиеся от чьих-то когтей, и зверолоуд сильно припадал на левую ногу.

— Печать с внешних ворот снимали уже не раз, и она пришла в негодность за время, проведенное во тьме. Сама же обитель была заперта с того самого момента, как ее запечатали сидониты! — Дернул головой Эгистес, сбрасывая со лба темный локон. — Обереги должны выдержать!

Снаружи донесся глухой звук удара, но ворота обители даже не дрогнули. Напротив, они не только выдержали, но и отозвались низким гулом оберегов, которому тут же начал вторить вой боли и негодования.

— Какое-то время у нас есть, — облегченно выдохнул Эгистес, наконец, переведя дух. Он потратил много сил, чтобы подчинить себе посох Фирота Лишенного Скорби и теперь никак не мог отдышаться, чувствуя в висках пульсацию собственной крови.

— Сколько времени у нас есть? — незамедлительно спросил Алектис, только что закончивший молитву.

Внутри крепости, под защитой оберегов им ничего не угрожало, по крайней мере, пока. Пастырь выглядел измотанным и постаревшим, под его выцветшими глазами залегли мрачные тени, а губы по цвету начали напоминать седину в волосах.

— Не знаю, — честно признался Эгистес. — Этого не знает никто.

Пустые залы

— Все могут идти? — Гирион быстро огляделся. Единственным источником освещения являлся горящий зеленым огнем посох некроманта, поэтому все, что увидел гиритец — просторный зал, стены и потолок которого терялись во мраке. — Мы не можем терять времени.

— Он прав, — Скар потрепал по загривку волка, пережившего и этот бой. — Если те твари прорвутся сюда — нам конец.

— Надо хотя бы перевязать раны, — Лисандра сорвала с плеч остатки плаща, разорвав его на несколько неровных лент.

— Мне и братьям помощь не требуется, — покачал головой Алектис. — Милостью Гирита раны на нас заживают быстрее, а распространения Скверны в эти стенах опасаться не стоит. Обереги выжгут ее следы с вашей брони и очистят тела и души.

— Мы, также, обойдемся, — пожал плечами Скар, проведя пальцами голове и недовольно взглянув на оставшуюся на их кончиках кровь. — И на нас все быстро заживает, — буркнул он и Таллаг утвердительно кивнул.

В результате Лисандра быстро перебинтовала свою руку и щиколотку Каи, которую

зацепило обломком колонны. С Калеосом дело обстояло гораздо серьезнее — булыжник, врезавшийся в эльфа, явно сломал ему пару костей, и теперь каждое движение причиняло тому боль. Правая рука Калеоса безвольно свисала вдоль тела, а на плече разрастался огромный кровоподтек.

— Жить буду, — успокоил всех темный эльф с вымученной улыбкой, и его сестра недоверчиво покачала головой. После применения магия своего народа, Исель была немного не в себе. Перед взглядом темной эльфийки до сих пор было лицо Лертаса, что отдал свою жизнь за нее. Храмовник умер, выполняя свой долг, и Исель мысленно поклялась, что никогда больше не назовет орден своего спасителя бездушными.

— Учитывая недавние события — я бы с этим поспорил, — похоже, Скар не терял присутствия духа в любой ситуации.

Последнюю полоску ткани Лисандра повязала на лапу свирепому волку, по имени Карт. Прежде чем подпустить человека к себе, хищник тщательно обнюхал девушку, искоса взглянул на Скара, будто прося разрешения, и когда вожак зверолодов кивнул, Карт спрятал клыки и позволил перебинтовать рану на лапе.

Когда же Лисандра закончила, волк благодарно лизнул ее в щеку и ткнулся влажным носом в плечо.

— Учти, приятель, она ворчливая, — предупредил хищника Скар, заслужив недобрый взгляд паладина.

Гремя броней, Гирион приблизился к Кисаре, только что выровнявшей дыхание и теперь устало опустившейся прямо на холодный мраморный пол.

— Демоны, они ждут нас? — прямо спросил гиритец.

— Ждут, — южанке не требовалось обращаться к дару, чтобы ответить на вопрос бездушного. — Обереги отпугнули их, но не прогнали. Демоны отошли подальше и, наверняка, окружили крепость. Не знаю, сколько продержится ее защита, без духовной подпитки.

— Пока нас это устраивает, — задумчиво кивнул Алектис, внимательно слушая слова демонолога.

— Мало же вам надо для счастья, — покачав головой, Скар закинул топоры в заплечные крепления.

Несмотря на смерть товарищей, зверолод держался стойко. Воспитание и отношение к смерти его народа учили воспринимать ее как неизбежность. Для детей Урсулы значение имели лишь обстоятельства смерти, а не она сама. Воины, следующие за своим вожаком, ушли достойно, а на большее не мог надеяться ни один зверолод, посвятивший себя утолению вечного голода ненасытной и кровожадной Праматери.

— Может, вы еще и расскажете, что мы ищем? — Таллаг пристально посмотрел на Алектиса.

— Скоро сам увидишь, — снова уклонился от ответа пастырь, повернувшись к некроманту, задумчиво разглядывающему свой посох. — Тебе удалось осмотреться здесь?

— Если бы я это сделал, то мы вряд ли бы сейчас разговаривали. Я чувствовал Алиру и спешил, ориентируясь исключительно на это чувство. Иначе я заблудился бы в коридорах, — оторвавшись от своего занятия, Эгистес заметил, как Алира неотрывно смотрит на посох Фирота. Глаза девочки казались пустыми, а лицо сейчас походило на безжизненную маску больше обычного.

— Нам нужны архивы ордена Сидония Воздаятеля. Знаешь где они? — Не спеши, брат

Гирион, — остановил рыцаря-защитника Алектис. — Мы ищем нечто иное и, возможно, колдун сможет нас провести. — Вряд ли, — покачал головой Эгистес.

— Но ты же знал, как открыть ворота! — Фалкон решительно шагнул к некроманту. — Знал про мою кровь!

— Это далеко не тайна, — пожал плечами колдун, выразительно посмотрев на Гранера Ласкнира и, видя, что старик его не услышал, сам повторил когда-то услышанные от него слова: — Сидониты — орден отмщения, кровавый орден. Неудивительно, что они ограничили доступ к своим тайнам. Ты один из немногих, в чьих жилах течет кровь тех, кто служил Воздаятелю. Остальных, благополучно, уничтожил твой собственный орден.

— Что? — глаза старого гиритца удивленно расширились.

— Ты же сам все видел во внутреннем дворе, — невозмутимо продолжил некромант. — Не мы первые, кому удалось добраться до обители Нерушимых Врат. Те, кто прибыл до нас, смогли открыть ворота, но оказались запертыми во дворе, не сумев пробраться в крепость. Естественно, что они со временем обезумели. Могу предположить, что кто-то решил, будто потомки сидонитов решили им отомстить и специально удерживают их во дворе, не позволяя войти в цитадель. Кто-то предложил убить изменников, кто-то воспротивился, остальное, думаю, легко представить самому.

— Это невозможно! — пылко бросил Гирион. — Наши братья никогда бы...

— Не все так праведны, как ты, рыцарь-защитник, — безрадостно улыбнулся Эгистес, погладив посох. — Если сомневаешься, просто вспомни то, что видел снаружи. К тому же я смог воспользоваться останками твоих братьев, что лишний раз доказывает то, что они пали. Ни одному некроманту, прежде, не удавалось взаимодействовать с телами храмовников. Я пробовал сделать подобное, когда мы шли к этой обители. Тела гиритцев не подвластны некромантии, но не тех, что остались лежать во внутреннем дворе обители.

— Должно быть какое-то другое объяснение! — не сдавался рыцарь-защитник, отказываясь верить в то, что его братья могли пасть до того, чтобы убивать невинных.

— Возможно, оно есть, — со вздохом произнес Алектис, устало потеряв переносицу. — Но мы ничего не узнаем, если продолжим просто сидеть здесь. Нужно двигаться. Если эта обитель устроена также, как и большинство крепостей сидонитов, то архивы должны находиться где-то на срединных этажах.

— Ищем лестницу? — Исель отошла от остальной группы и сейчас оглядывалась по сторонам.

Темные эльфы отлично видели в естественном мраке и ночью могли обходиться без факелов или заклинаний.

Осмотрев просторную залу с высокими потолками, Исель увидела два коридора, обгибавшие огромную, в несколько десятков человеческих ростов статую закованного в броню красивого молодого мужчины. Он возвышался вдоль дальней стены, поражая своими размерами и искусностью скульптора, выточившего рыцаря из цельного куска мрамора. Положа руки на гарду широкого меча, лезвие которого упиралось в мраморный пол, мужчина взирал на раскинувшийся перед ним зал.

Не узнать бога возмездия — Сидония Воздаятеля было невозможно. Несмотря на то, что орден сидонитов упразднили, а их обители уничтожили, многие из изваяний божества не пострадали и были перенесены в храмы светлых богов. По бокам от Великого Воздаятеля, спускаясь с потолка, на полниспадали белоснежные стяги ордена, украшенные символом Сидония — алой латной сжатой в кулак рукавицей, усеянной острыми шипами — карающей

дланью бога.

Большие камни-обереги, вложенные прямо в кладку, заполняли помещение мягким лазурным светом. Эти артефакты создавали служители богов, вдыхая светлую магию в редкие породы, что добывались глубоко в шахтах дворфов. Камни-обереги не только отгоняли Скверну, но и источали приятный свет.

Но с оберегами обители явно было что-то не так. Они светили тускло и почти безжизненно, то разгораясь, то почти угасая так, что поначалу их было и вовсе незаметно.

— Лестницу, но не навверх, — задумчиво произнес Алектис.

Приблизившийся к пастырю архимаг согласно кивнул:

— То, что мы ищем гораздо важнее обычных хроник ордена, — произнес Гранер Ласкнир. — Такое не хранят меж пыльными томами и свитками! Мы должны узнать о том, почему пала обитель, а ответ на этот вопрос нельзя найти в старых фолиантах, его могут дать лишь эти стены.

— К чему ты клонишь, старик? — не выдержал Скар. Как и темные эльфы, зверолоуды могли видеть в темноте, и теперь воину не терпелось узнать, что же скрывается в коридорах старой твердыни.

— Мы должны отыскать сердце обители! — важно заявил Гранер Ласкнир.

— И что же является этим сердцем?

— А почему, по-твоему, сидониты нарекли свою крепость — обителью Нерушимых Врат? — усмехнулся старик.

— Здесь находятся врата между мирами, — мрачно ответил Алектис, когда вопрос архимага растворился в воздухе. — Их охраняли сидониты. По преданиям, Ифриил создал три мира, а врата — путь к каждому из них, правда, простые смертные не могут ими пользоваться. Сидониты охраняли Врата, чтобы твари Скверны, напитавшись силой людской злобы и через нее отыскивающие пути в наш мир, не смогли высвободиться полностью. Создания Бездны грезят уничтожением нашего мира и нас самих — тех, ради кого Ифриил запечатал Скверну, хотя и ее порождения, как и мы, являемся Его созданиями. Твари Бездны ненавидят нас и сделают все, чтобы уничтожить. Они хотят пошатнуть сами небеса и вторгнуться в высший мир светлых богов, обратив в пепел все, чему их отец, Ифриил, предпочел их самих. Врата могут помочь демонам осуществить желаемое. Но это лишь легенда.

— Но из-за этой легенды, ваш орден грезит возвращением крепости?! — догадался Таллаг.

— Именно, — кивнул пастырь. — Мы не можем рисковать. Пусть Врата давно погасли, а сидониты, те, кому боги доверили стеречь их, оберегали древний погасший артефакт. Многие из нас считают, что Гирит отвернулся от нас потому, что мы не поддержали сидонитов в их миссии много веков назад. Обитель Нерушимых Врат пала и в этом наша вина, наше бремя, которое мы должны скинуть!

— Но как? — К Кисаре начали возвращаться силы, и на ее щеках выступил легкий, едва различимый в разгорающемся свете оберегов, румянец.

— Вопреки нашим надеждам, мы не сможем вернуть крепость. Значит должны разрушить Врата! — Решительно заявил Алектис.

— Разрушить нерушимые врата!? — Скар едва сдерживал смех. — Отличная идея, почему бы и нет?!

— Это возможно, юноша, — как и оставшиеся братья по ордену, Алектис не разделил

веселья зверолода. — Мы должны найти врата. Великое счастье, что твари Бездны не добрались до них раньше нас, но теперь мы сами открыли им путь, сняв с обители печать, скрывающую ее от вездесущих глаз Скверны. Теперь наш долг уничтожить лазейку между мирами, которую сидониты берегли даже после своей смерти! Твари за стеной не уйдут, они почувствовали близость своей цели и теперь ничто их не остановит.

— Если все так, то в том, что печать с обители снята — вина гиритцев. Эти врата могли быть сокрыты от Скверны еще демоны знают, сколько времени, если бы вы сами не указали им путь. Похоже, ваше бремя станет еще тяжелее, бездушные, — зверолод совсем не расстроился, подмигнув угрюмым гиритцам. — Если эти Врата так важны, то понятно, почему сидонитов нет ни во дворе, ни в этом зале — они все охраняли их! — Скар уже направился к одному из коридоров. — Если в этой крепости и есть трупы сидонитов, то они там!

— То есть мы сами открыли тварям путь к тому, что темные силы искали так долго? — неуверенно произнесла Лисандра, глядя на гиритцев, выражения чьих лиц были красноречивее любых слов.

— Мы не знали, что так получится, — наконец ответил Алектис, чье лицо приобрело скорбное выражение. — Но и не станем отрицать вины. Все произошло так, как произошло и мы сделаем все возможное, чтобы не позволить случится трагедии!

— Одними разговорами делу не поможешь, — сплюнув под ноги, Таллаг покосился на статую Сидония, с немим укором глядящего на него с весьма внушительной высоты.

Вдруг почувствовав себя ничтожным, по сравнению с колоссальным изваянием, зверолод неприятно поморщился и поспешно затер плевков сапогом — не зачем испытывать терпение бога, в чьих владениях ты находишься. Тем более расположение Сидония для отряда сейчас было бы совсем не лишним.

Вся процессия быстро двинулась к коридорам. Рассудив, что разделяться в неизвестных стенах не разумно, все решили держаться вместе, выбрав уводящий вправо путь.

Первыми шли темные эльфы и зверолоды, затем архимаг с ученицей, паладин, демонолог и гиритцы. Кая, немного восстановив силы, разожгла на ладони небольшой огонек, ярким пламенем отгоняющий тьму.

В древние времена эти залы освещали камни-обереги, подпитываемые силами и верой хозяев крепости. Но теперь сидонитов здесь не было, и камни потускнели, почти потеряв свою силу, так что их света теперь сильно не хватало.

Гирион снял со стены факел, и волшебница попыталась зажечь его, но это оказалось бесполезно. Как Кая ни старалась, но пламя никак не воздействовало на факел. Будто облизывая камень, оно беспомощно скользило своими извивающимися и горячими языками по холодной поверхности, абсолютно не нагревая ее. То же произошло и со следующим факелом, и со следующим. Осознав тщетность своих попыток, члены отряда оставили их, продолжив путь.

Некромант замыкал процессию, постоянно ловя на себе настороженный взгляд темных глаз Алиры.

— Ты видел его? — наконец спросила девочка голосом настолько холодным, что завывание ледяных ветров дворфсйских гор, показалось бы приятным бризом с моря Границ.

— Видел, — кивнул Эгистес.

Седой высокий гиритец, что шел впереди, обернулся, тяжело посмотрев на него, но так

ничего не сказал. Высокие и аскетично пустые коридоры многократно усиливали негромкий голос колдуна, так что все спутники слышали каждое его слово.

— Какой он был? — голос Алиры дрогнул, и в нем проступили просящие интонации. — Я его почти не помню.

— Смерть, порою, забирает память, в этом нет ничего удивительного.

— Я видела отца очень давно, когда была еще совсем маленькой, я даже не помню его лица, — пожаловалась Алира, глядя в пустоту перед собой. Я надеялась, что он спасет меня, когда в поместье ворвались какие-то люди с факелами, но он не пришел...

— Мне нечего тебе ответить, Алира, — неожиданно мягко произнес некромант. — Твой отец прожил полную чужих страданий жизнь и получил по заслугам.

— А я?

— Твоей вины нет в том, кем был твой отец. Ты стала еще одной жертвой на его устланном трупами пути и теперь, как и обещал, я могу подарить тебе покой.

Алира молчала. Коса в ее руках распалась, осев пеплом на каменные плиты холодного пола, гулким эхом разносящие не звучащие много лет в этих стенах шаги. Эгистес видел, как Фалкон, вновь обернувшись, посмотрел на девочку. Некроманту показалось, что в светлых глазах гиритца промелькнула грусть.

— Вы изменились, господин, — прошептала Алира. — Что послужило причиной?

— Я кое-что вспомнил и понял, что не везде был прав, — повинуюсь непонятному желанию, Эгистес погладил девочку по голове, слишком поздно сообразив, что делает это рукой, ранее принадлежащей Фироту Лишенному Скорби, отцу девочки.

Некромант поспешил отдернуть руку, но Алира, ловко поймав его за запястье, удержала ладонь колдуна.

— Теплая, — шепнула Алира и Эгистес, кажется, впервые увидел искреннюю улыбку девочки, с которой путешествовал с тех самых пор, как воскресил ее на древних руинах давно сожженного особняка.

Некроманту, впервые за долгие годы, стало стыдно. Преследуя свои цели, он совсем не считался с той, что помогала ему, воспринимая ее помощь, как должное. Он думал об Алире, как об инструменте его воли, не замечая остального. Слова извинения уже готовы были сорваться с бледных губ Эгистеса Отверженного, когда верная спутница вдруг заглянула ему в глаза.

— Я не хочу уходить, — прошептала девочка. — Я хочу увидеть этот мир, хочу дальше путешествовать...

Эгистес не ответил. Он просто еще раз погладил девочку по голове, и та прикрыла глаза.

— А я всегда знал, что с девчонкой что-то не то! От нее веет смертью, — несмотря на то, что он шел впереди всех, Скар слышал каждое слово. Сейчас, вернувшись к основному отряду, он серьезно посмотрел на некроманта. — Но она сражалась бок обок с нами, так что даже не думай о том, чтобы обидеть ее!

— Но я, вообще-то, тоже сражался бок обок с вами, — возмутился Эгистес столь несправедливому, по его мнению, суждению.

— Ты, колдун! — Резко оборвал некроманта Скар. — А она, пусть и воскрешенная, но безвинный ребенок и, как я понял, она не раз спасала твою шкуру, за что ты ей должен! Если хочет остаться, пусть остается, иначе, помяни мое слово, я лично отправлю тебя следом за ней.

— Не надо угрозы, господин Кровожад, — подал голос Гранер Ласкнир, но внезапно

оказавшийся у него под носом кулак зверолода заставил его замолчать.

— Мы не в Ариарде, волшебник, — прорычал Скар. — Здесь мы все равны перед лицом смерти. Так что предоставь мне самому решать, что и когда я должен делать. Если бы ты не берег свою драгоценную магию, возможно, выжило бы больше из моих братьев!

Вопреки ожиданиям Лисандры, ни один из гиритцев не осадил озлобленного зверолода. Трое монахов выглядели понурыми, угнетаемыми тяжестью собственных поступков и тяжелыми мыслями о своей судьбе и судьбе ордена. Желая обрести утраченную милость своего бога, они подставили под удар все Светлые земли и теперь, как и говорил Скар, их бремя стало много тяжелее.

— Иди сюда, дикое животное, — вздохнув, Лисандра жестом поманила Скара к себе. — Ты одичал настолько, что кидаешься на людей? Мы ведь все, между прочим, прошли через Потерянные земли!

— Все, — насуплено кивнул Скар, признавая правоту девушки.

— Тогда прояви хоть каплю уважения! Архимаг... — Там что-то есть! — чистый и звонкий голос Исель многократно отразился от серых стен, покрытых слоем пыли и множеством белой паутины, почти скрывавшей старые знамена, висевшие вдоль удерживающих высокий потолок колонн.

Когда Эгистес подошел поближе и поднял свой мерцающий посох над головой, зеленое пламя выхватило из сумрака круглое помещение. Отсюда в разные стороны расходились пять коридоров, каждый без малейшего намека, куда именно он ведет.

Каждую ровную арку украшала мастерски выполненная лепнина, изображающая сцены сражений храмовников и демонов, выполненная настолько хорошо, что видны были малейшие детали, такие как гравировка на доспехах воинов или множество острых клыков отродий Скверны.

— Странно, — обойдя комнату по кругу и заглядывая в каждый коридор, Скар вышел на середину. Оглядевшись еще раз, он потрепал по высокой холке Карта, неотступно следовавшего за вожаком зверолодов. — Ни в первом зале, ни здесь нет, ни каких следов боя. Даже если сидониты просто отступили к воротам, то наступающие им на пятки твари просто обязаны были здесь все разгромить. Не зная, куда идти, мы можем бродить здесь вечно.

— Может он нам поможет? — Лисандра кивнула в сторону волка.

— Как? — скривился зверолод, которого предложение паладина очень позабавило. — Он, по-твоему, ищейка? Думаешь, стоит Карту понюхать исподнее сидонита, как он сразу же приведет тебя к Вратам? Он — хищник, обученный убивать, а не пес! Лучше бы колдун вызнал путь у одного из трупов на входе.

— Они же так и не смогли войти внутрь, — покачал головой Эгистес, опуская посох. Лепнина на потолке сразу же потускнела, а вырезанные на карнизах фигуры подернулись жуткими тенями, словно ожив, и вступив друг с другом в настоящий бой. — Нам нужен кто-то, кто знает точный путь, у нас нет времени на поиски.

— А вот твари снаружи, кажется, знают дорогу, — задумчиво и медленно протянул Гранер Ласкнир, одарив демонолога странным взглядом. — Думаю, они чувствуют свою цель, особенно теперь, когда с крепости сняты печати.

— Я, кажется, знаю что делать, — решительности в голосе Кисары не слышалось: он слабо подрагивал, выдавая усталость, страх и волнение южанки. — Если демоны жаждут захватить Врата, то один из них может знать, где они находятся. Если я создам круг призыва,

то он на какое-то время защитит демона от оберегов в стенах, а мы сможем угрожать ему разрушением защиты.

— Ты уверена, что это хорошая идея? — недоверчиво поинтересовалась Лисандра. — Лучше позови Миаджи, вдруг она...

— Она не отвечает на мой зов, — более резко, чем рассчитывала, ответила Кисара. — Прости, — поспешно извинилась она, отбрасывая со лба прядь непослушных волос. — С тех пор, как Миаджи изгнали обереги на стенах обители, я не чувствую ее присутствия и она не отвечает, когда я зову.

— Обереги сидонитов изгнали ее, — архимаг скрестил руки на груди. — Насколько мне известно, должно пройти время, прежде чем она восстановится настолько, чтобы вновь обрести материальную форму. Да и ты, девочка, истощена, так что вы увидите не скоро. Но я согласен с Кисарой, демон может помочь. Нужно попробовать.

— Ты не должна, — начала было Лисандра, но подруга жестом остановила ее.

— Должна, — тихо произнесла Кисара. — Если я этого не сделаю, мы не найдем Врат, а пробившиеся через гаснущую защиту обители твари, не только пожрут нас, но и найдут их сами.

— Демон может солгать, — Исель хмурилась, ей тоже не нравился план южанки.

— Не сможет, если добавить в круг призыва несколько формул. Я знаю, что делаю. — Голос Кисары теперь звучал более уверенно, и никто больше не стал ей возражать. По лицу и взгляду девушки было件нятно, что ее не переубедить.

По помещению разлилась гнетущая тишина. Все взгляды были прикованы к южанке. Даже гиритцы молчали, хотя все ожидали от них прежней решительности и жесткости, за что монахи и получили прозвище — бездушные.

Фалкон, хмурясь, опустил взгляд, в глазах Гириона явственно читалась мольба, не свойственная привыкшему отдавать приказы рыцарю-защитнику, а Алектис смотрел доброжелательно, с надеждой.

— Мы не вправе приказывать тебе или осуждать тебя, дитя, — наконец тихо произнес пастырь, приблизившись и положив руки на плечи девушки. — Наши действия, итак, стоили слишком многих жизней и привели нас в это место. Сами того не желая, мы поставили все Светлые земли под угрозу, это наша ошибка и наша вина. Если ты по доброй воле поможешь нам сохранить то, что у нас есть, дать нам хоть какую-то надежду — нашей благодарности не будет предела. Но никто из нас не станет навязывать тебе свою волю, принуждать или осуждать. Каков бы ни был твой выбор, он будет только твоим.

— Ущипни меня, — шепнул Скар Лисандре и стоявший рядом с ним брат согласно кивнул:

— Мне кажется, наших бездушных кто-то подменил по дороге.

— Тихо! — Лисандра выглядела напряженной, пристально наблюдая за южанкой. Как паладин ордена Лигеи Благодетельницы, она просто обязана была поддержать идею Кисары, но как подруга противилась подобному риску, пусть и понимала, что он необходим.

Понимала это и сама Кисара. Жестом она попросила Калеоса и Исель отойти от нее.

— Мне нужна кровь, — отрывисто бросила демонолог, посмотрев на Фалкона. — Лучше бы она принадлежала потомку тех, кто владел этими стенами прежде. Шанс призвать и подчинить сильного демона многократно возрастет, если приманкой станет тот, кого он ненавидит. Демон охотнее откликнется на зов...

— Получишь столько, сколько нужно, — Фалкон приблизился к Кисаре, протягивая ей

открытую ладонь.

— Освободите центр зала, — потребовала демонолог. — Мне понадобится время и... — она вдруг осеклась.

— И имя демона, что может нам помочь, так? — Понимающе усмехнувшись, Гранер Ласкнир выступил вперед. — Я немного знаком с подобной темной магией. Но, в моей крови нет примеси демонической, так что, как вы понимаете, это лишь поверхностные знания, не связанные с практикой. Но могу дать совет — нам нужен демон, который имеет особенное отношение к сидонитам...

— Вы правы, — Кисара, закусив губу, кивнула.

Заклинательница знала, как призвать лишенных воли тварей, весьма сильных, но те едва ли понимали человеческую речь. Для призыва сильного существа требовалось его истинное имя.

— Нам нужен демон обладающий разумом, к тому же тот, что сможет ответить на наши вопросы... — задумчиво добавила девушка.

— Штранризгар, — рыцарь-защитник будто выплюнул это слово, презрительно скривив губы, когда с них сорвалось одно из имен отродий Скверны.

— Точно! — Подхватил монаха Алектис, вытащив из-за пазухи потрепанный дневник, он протянул его девушке. — Здесь содержится истинное и полное имя демона. Лучше бы было никогда не произносить его в этом мире, но выбора нет. Он демонический принц, чей брат пал от рук Аларда Дария! — Пастырь открыл дневник на нужной странице, указав Кисаре на ровные строки. — Вот его имя!

— Не слишком ли опасно призывать тварь подобной значимости? — Всегда спокойный некромант выглядел озадаченным. — Чтобы сдержать его потребуется колоссальное количество силы.

— Получится, — энергично кивнула Кисара и ее украшения-обереги тихо звякнули. В мыслях девушки уже выстраивались необходимые формулы печатей сдерживания. — Следует лишь ограничить время пребывания демона в этом мире, чтобы он не смог пробиться сквозь защиту или подавить мою волю. — Достав короткий острый нож, южанка быстро провела лезвием по своей ладони, зашипев от боли.

— Я думал... — Фалкон растерянно взглянул на свою руку.

— Ваша кровь потребуется позже, — Кисара уже опустила на пол.

Роняя с пальцев капли крови, она ножом оставляла неглубокие царапины на каменном полу. Теплая кровь девушки, словно притягивалась к ним, заполняя и превращая в идеально ровные линии, складывающиеся в круг призыва, занявший почти всю комнату.

Остальные члены отряда, отступив к стенам, следили за действиями демонолога: гиритцы со странной смесью надежды и отвращения, зверолюды с любопытством, а маги с интересом. Архимаг не сводил восхищенного взгляда с Кисары, радуясь возможности наблюдать столь редкий дар в действии.

— Карт, ргране! — Скар несильно ударил пальцами по носу волку, потянувшегося к свежей крови. Огромный хищник по щенячьему расстроено опустил остроконечные уши и виновато покосился на зверолюда. Животное заметно нервничало и Скар, смягчившись, погладил его слипшийся от крови мех.

— Стой на месте, чтобы не случилось, — шепнул Кровожад волку и тот послушно уселся на холодный пол.

Лишь уши зверя дернулись, когда Кисара начала тихо читать заклинание, вписывая

множество фигур и печатей в ровный круг, добавляя к нему несколько странных завитков — духовных оберегов и неровные лучи сдерживающих писаний.

Заклинательница демонов кропотливо выводила каждый символ, понимая, что малейшая ошибка может стоить жизни не только ей. Немного поразмыслив над временем, что следует отвести призываемому демону в этом мире, Кисара сократила его так, как только могла, двумя быстрыми движениями перечеркнув глубокую дугу на символе призыва.

Пока девушка перемещалась внутри испещренного формулами круга, ее ноги не раз касались кровавых линий, но не нарушали их, словно южанка двигалась по прозрачному стеклу, накрывавшему рисунок сверху.

— Потрясающе, да, Кая? — Гранер Ласкнир улыбался, наблюдая за работой демонолога, а вот скупно кивнувшая ему ученица, похоже, не разделяла восторгов старого наставника. Не замечая этого, архимаг продолжал:

— Я и раньше видел ритуалы призыва, но каждый подобный случай для меня, словно впервые! Великая удача оказаться здесь! Я воочию видел магию темных эльфов, дикое шаманство зверолодов, темную некромантию и вот теперь вершину демонологии...

— Заткнись, или я тебя ударю, — пообещал архимагу Скар. Старик замолчал, но не перестал улыбаться. Подойдя вплотную к внешней линии, он присел рядом на корточки, внимательно разглядывая рисунок.

— Поразительно, — бормотал архимаг. — Вот здесь одна фигура перекрывает другую, но, не перечеркивая, а дополняя... Великолепная работа! — Он потянулся пальцем к одному из символов.

— Не нужно ничего трогать, — сосредоточенная Кисара вышла из круга, тщательно вытирая свой нож ставшим алым от крови платок.

— Хорошо-хорошо, простите старику его любопытство, — Гранер Ласкнир поднялся, тяжело опираясь на посох и отступил назад. — Демонология такого уровня — редкость в наше время, милочка. Вы очень талантливы!

— Спасибо, — от похвалы столь значимой фигуры в Совете магов, Кисара смутилась. — Думаю, демон откликнется на зов, от нас пахнет кровью его собратьев и нашей собственной. К тому же мне известно его имя, но спрашивать надо будет быстро. Даже если бы я не устала, я бы не рискнула удерживать подобное существо в нашем мире. Это может плохо кончиться.

— Делай так, как считаешь нужным, — Фалкон протянул демонологу руку, и та сделала два надреза на широкой и жесткой ладони старого гиритца, никак не проявившего признаков боли. — Если тварь решит задержаться здесь — мы о ней позаботимся.

— Надеюсь, — невесело улыбнулась Кисара, направляя руку потомка сидонитов так, чтобы капли его крови попали на оставленные ей царапины, стекающиеся из внутреннего круга, следующего сразу за внешним, прямоком к центру символа вызова.

— Сейчас начнется, — Гирион крепче перехватил меч, готовый в любой момент прийти на помощь, а Алектис зашептал молитву Гириту Защитнику, дабы уберечь души спутников, от пагубного воздействия Скверны.

Убедившись еще раз, что круг не нарушен и все символы находятся на своих местах, Кисара закрыла глаза, опустившись на колени перед знаками призыва и мысленно воззвав к толике демонической крови, текущей в ее жилах, с каждым ударом сердца все сильнее стучавший в висках.

Стоило южанке позвать, как ее дар с готовностью откликнулся, пробуждая разлитую по

полу кровь. Символы изогнулись и мелко затряслись, словно живые существа. Кровь Фалкона, стекшаяся в углубление в центре круга, закипела и старый гиритец, видя это, выругался сквозь зубы.

— Просто поразительно, — услышала Кая голос своего учителя. Архимаг произнес еще что-то, но девушка не разобрала его слов, увлеченная зрелищем.

Голос молившегося Алектиса стал громче и четче, чтобы никто из стоявших вдоль стен не слышал заклинания Кисары, которое она произносила на наречии демонов, способном помутить человеческое сознание одними своими звуками.

Тьма хлынула в разум демонолога и она, не прерываясь, ухватила за голос пастыря, служившей ей маяком в океане великой злобы и ненависти, бушевавшем в том мире, врата которого она сейчас приоткрывала.

Ранее южанка часто практиковалась в призыве демонов, но тогда она не была столь истощена, а сила призываемых созданий не могла сравниться с могуществом одного из принцев Бездны.

Демонолог призывала созданий Скверны, пропуская через себя энергию Тьмы, необходимую для воплощения подобного существа в чужом для него мире. Количество энергии, которое мог пропустить через себя демонолог, не лишившись рассудка или даже души, и определяло уровень его мастерства. Кисара уступала немногим мастерам своего дела, получившим благословение светлых богов, и верила в то, что у нее все получится.

Должно было получиться, ведь сейчас все зависит от нее.

Стоило Кисаре начать произносить имя демонического принца, как оно само начало складываться в сознании девушки прежде, чем она успевала произнести предыдущую его часть. Выговаривая чуждые всем существующим языкам слоги, Кисара вкладывала в них все свое мастерство, подкрепляя каждое слово защитными формулами и вплетая их в имя демона, чтобы сдержать его. Стены обители Нерушимых Врат ощутимо затряслись, перейдя на едва ощутимую вибрацию, чтобы сотрястись вновь.

— Штранризгар! — Громко и резко позвала Кисара, выкрикнув последнюю часть имени демона и, прежде чем что-нибудь произошло, южанка поняла, что ее зов услышан.

Кровь на символах призыва вспыхнула черным пламенем, превратившись в вязкий туман и сформировав внутри круга небольшую лужу вязкого мрака. Она быстро растеклась, упершись во внешнее кольцо, словно в невидимую стену, после чего на поверхности открылось множество глаз, рыскающих безумными взглядами из стороны в сторону и не задерживающихся ни на чем. Один за другим глаза закрылись, чтобы распахнуться одним, но огромным. Красное око с желтым зрачком заняло всю поверхность круга и почти весь зал.

— Смертные... — шипящий и резкий голос разнесся над древними сводами, гулко отражаясь от них и неприятно вибрируя в ушах. Его искажала злоба, ярость и нечеловеческое, отвратительное торжество, граничащее с безумием. — Как давно я не вкушал вашей плоти. Я даже рад, что позволил себе утолить любопытство, откликнувшись на зов, донесшийся до меня с запахом крови моих извечных врагов. Но я не вижу их. Зачем вы воззвали ко мне? Хотите восхвалять меня, вашего палача и отречься от своих лжебогов? Поздно!

Карт сжался у ног оскалившегося Скара, словно щенок. Сам же зверолод, как и его брат, обнажил оружие.

— Потомки предателей и трусов, я чую вашу кровь, — продолжил голос. — Я радовался вашей крови, едва та пролилась у этих стен, когда человечиски подышали во дворе крепости,

взывая к своему богу и не получая ничего. Я наслаждался, когда чувствовал, как они убивали друг друга. Вы, как и они, пришли за спасением, но найдете только свою смерть, обретя ее в этих залах, а мои прислужники вдоволь поглумятся над вашими трупами, прежде чем пожрать их! Именно этим они сейчас и занимаются снаружи!

— Тварь, — процедил сквозь зубы Фалкон, стискивая рукоять молота. — Это ты все подстроил!

— Нет, это твои братья убивали невинных! Они готовы были на все, лишь бы покинуть двор этой обители, дальше которого не смогли пройти. Вы предали сидонитов, предали своего бога, а под конец предали и самих себя. Таков удел всех смертных! Вы рождены быть рабами! скотом!

— Довольно! — Властно произнесла Кисара. — Умолкни! — Стоило девушке договорить, как звенящий и вибрирующий от ненависти голос, и правда, исчез. — Ты ищешь Врата? Отвечай!

— Да, — последовал задумчивый ответ. — Теперь, когда я увидел ваши лица, я уже представляю, как их пожирает агония и боль! Уже ничего не изменить!

— Знаешь где Врата?

— Да, — снова тот же голос будто бы смеялся над осмелившимися призвать его. Он даже не обращал внимания на слова молитвы Алектиса. — Я знаю путь, что приведет меня к триумфу!

— Где?

— Внизу. Глубоко. — Демон не собирался облегчать жизнь тем, кого презирал, жадно пожирая их взглядом пугающего ока.

— Как пройти! Отвечай! — Кисара чувствовала, как воля Штранризгар пытается подавить ее собственную. Принц — демон обладал силой, перед которой обереги демонолога были не властны. Лишь упорство и мастерство южанки, вкуче с оберегами в самой обители, не позволяли Штранризгару выбраться.

— Идите туда, — око дернулось, узким зрачком указав на один из путей, выводящих из зала. Отозвавшись на зов, демон попал во власть демонолога и вынужден был подчиниться ему. — Спускайтесь вниз и держитесь всегда левой стены, там вы найдете то, что ищете! Там вы найдете смерть! Скоро крепость падет, и я со своим войском выжгу ваши земли, уничтожу вас всех и пожру ваших детей, упиваясь горем, слезами и скорбью! Вам не убежать! Я видел вас! И я вас найду! Возврата отсюда нет!

— Замолчи! — Зубы Кисары скрипнули от напряжения. Из носа стекла теплая струйка крови. Получив ответ, девушка силилась разорвать связь с Бездной, но не могла этого сделать.

— Мы узнали достаточно, убери его! — Гирион первым почувал неладное.

— Пытаюсь, — прошептала южанка, сквозь чье тело медленно потянулись раскаленные иглы боли. Из глаз Кисары брызнули слезы, и она едва сдержала крик.

— Думала, что так просто сможешь призвать МЕНЯ?! — Голос демона перешел на пронзительный визг. — Думала — сможешь приказывать МНЕ?!

— Прочь! — выкрикнула Кисара, но ответом ей был только смех. Сквозь слезы нестерпимой боли южанка увидела, как трескается внешний круг призыва.

— Все назад! — Широко взмахнув мечом. Гирион бесстрашно прыгнул в центр зала, метя острием точно в подрагивающий зрачок. Храмовник не промахнулся и пронзил глаз клинком.

Смех прервался, и демоническое око пропало, оставив на своем месте лишь клубящиеся тени и искореженный круг призыва.

Кисара облегченно выдохнула и постаралась вымучено улыбнуться, как вдруг что-то в ее душе всколыхнулось...

Почти рассеявшиеся тени вплотную прижались к полу, закружившись на нем в бешеной пляске. Девушка не успела даже вскрикнуть, когда огромная красная лапа, вырвавшаяся из круга, одним ударом отшвырнула Гириона прочь, и он рухнул на своих собратьев.

Полный зловещего веселья смех пролетел по пустым коридорам оставленной обители, после чего круг призыва лопнул, распавшись на множество осколков, но, прямо перед этим, кроваво-красная лапа схватила Кисару, утащив ее за собой, в бурлящий омут мрака, окутывающий врата в саму Бездну.

Крик южанки прервался, когда в ее сознание хлынула тьма и Скверна взглянула на нее тысячью глаз.

* * *

— Очнулась? — Седой мужчина склонился над Кисарой, заглядывая в глаза.

— Фалкон? — Пусть зрение возвращалось очень медленно, девушка все же узнала седого гиритца.

Заклинательница попробовала встать, но ее тело отозвалось ослепительной вспышкой боли и девушка, едва не потеряла сознание.

— Что, что произошло, Фалкон? — она не упала на пол лишь благодаря тому, что мужчина успел поймать ее. Его латный доспех неприятно холодил кожу при прикосновении.

— Кто? — Морщинистое, покрытое шрамами лицо нахмурилось. — О ком ты говоришь, девочка?

Только сейчас Кисара поняла, что удерживающий ее от падения мужчина не совсем похож на Фалкона. Те же светлые глаза, крючковатый нос, схожий голос, но это был не гиритец, даже шрамы на лице отличались.

Сознание полностью вернулась к южанке, и она запоздало сообразила, что с ней говорят на безупречном древнеимперском наречии. Находящийся рядом мужчина аккуратно поставил Кисару на ноги, отстранив от себя и оглядев с головы до ног.

— Можешь стоять? — вежливо спросил он.

Кисара не ответила. Дыхание девушки перехватило, желтые глаза удивленно расширились, даже рот приоткрылся от удивления. Вытянув дрожащую руку, южанка указала пальцем на грудь высокого, стоящего перед ней мужчины.

— Что? — Тот, кого она назвала Фалконом, непонимающе опустил взгляд на свой изодранный, забрызганный кровью когда-то белый табард.

— Это... — голос Кисары предательски задрожал. Она не могла поверить в то, что произошло, но прямо перед ней стоял облаченный в красный доспех храмовник, на чьей груди красовалась алая, сжатая в кулак шипованная перчатка.

Так Кисара нервничала, когда впервые оказалась вблизи гиритцев и сейчас испытала схожее чувство смятения, но более сильное.

— Ты головой ударилась, Говорящая? — седой воин помахал широкой ладонью перед глазами южанки. — Слышишь меня?

— Да, — Кисара с трудом сглотнула, тряхнув головой. — Кто Вы? Что произошло?!

— Дрэтон Брин, капитан ордена Сидония Воздаятеля. — Представился храмовник пригладив короткие седые волосы. Не обращая внимания на вновь потерявшую дар речи южанку, сидонит схватил ее за руку, увлекая за собой. — Нет времени объясняться, Говорящая. Идем за мной, если снова не хочешь попасться в лапы этим тварям.

— Что... — Кисара едва не споткнулась о тела двух крупных демонов, распластавшихся на каменном, покрытом трещинами полу.

Одна тварь, чье тело напоминало покрытое чешуей человеческое но в несколько раз больше, лишился головы и его широкую грудь разделил на двое глубоки порез, сквозь который виднелись раздробленные кости. Другой демон, бесформенный и склизкий, оказался разрублен почти пополам. Он лишился одной из двух пар рук-щупалец, до сих пор выделяющих черную жидкость и слабо шевелящихся у дальней стены.

— Тебе повезло, что мы встретились, Говорящая! Сам Сидоний послал тебя в это проклятое место и направил мои стопы навстречу! — продолжал сидонит, широкими шагами двигаясь по ониксовому коридору. Единственным источником света здесь была медленно переливающейся в глубоких трещинах субстанцией ярко-красного цвета. Слизь вязко перетекала из стороны в сторону, находясь в постоянном движении и издавая неприятные булькающие звуки.

— Неизвестно, что они хотели сделать с тобой!

— Они? — Девушка с трудом оторвалась от созерцания проносящихся мимо трещин и взглянула на широкую спину сидонита.

Помятые наплечники и длинный алый плащ, изодранный вдоль и поперек, сквозь прорехи которого поблескивали доспехи — вот и все, что смогла разглядеть Кисара. Также ее внимание привлек какой-то предмет, тщательно замотанный обгоревшим тряпьем, который храмовник нес за спиной.

— Твари Бездны, — сплюнул Дрэтон, встряхнув зажатой в руке секирой, выполненной в форме кулака сжимающего расходящиеся в стороны лезвия. — Они волокли тебя куда-то, а я случайно наткнулся на вас. Как они здесь вообще ориентируются? — Сидонит замер на кривой развилке, больше похожей на оставленные в земле дыры от корней какого-то гигантского дерева, чем на коридоры.

— Здесь?

— Говорящая, ты сейчас пытаешься меня разыграть? — Резко повернувшись, храмовник недоверчиво прищурился. — Я люблю добрые шутки, но, право, ты выбрала не лучшее время!

— Говорящая? — несколько раз моргнув, переспросила Кисара. По тону мужчины она поняла, что это обращение, но Кисара понятия не имела, почему он так говорит о ней. Ни в одном из древних писании, что она читала, не было ничего о говорящих.

— Сюда! — Резко дернув девушку за собой, капитан сидонитов поспешил в выбранном направлении, и южанке пришлось постараться, чтоб не отстать от него.

— Я не понимаю, о чем вы говорите! Я выполняла ритуал призыва, а потом демон утащил меня за собой... Больше ничего не помню. — Пораженная внезапной догадкой, Кисара едва не остановилась. — Я в Бездне?

— Сказал бы я, где мы, — не оборачиваясь, хмыкнул Дрэтон. — Но при дамах я себе подобных выражений стараюсь не позволять. — Но в целом ты права. Направление верное.

— Невероятно, — Кисара попыталась на бегу оглядеться, но они двигались все по тому

же странному и, одновременно пугающему тоннелю.

— Да что за! — Сидонит сдержал проклятье, вновь оказавшись на развилке и снова свернув влево, нырнув в уводящее вниз ответвление.

Как и гиритцы, сидониты отличались высоким ростом, так что Дрэтону пришлось пригнуться.

— Твари волокли тебя в этом направлении, скорее всего где-то здесь у них темница или вроде того, нужно ее найти. Мы блуждали в этих проклятых катакомбах слишком долго, много братьев погибло, остался лишь я и я не могу подвести остальных. Я должен выполнить возложенную на меня миссию! Нужна твоя помощь! Клянусь, сам Сидоний послал тебя мне! Неисповедимы Его пути!

— Моя помощь?

— Ты — Говорящая, тебе по силам подчинить некоторых из тварей, узнать у них то, что нужно, — бегло пояснил сидонит, не замедляя шага и рыская взглядом по сторонам. — Со мной они говорить не станут, скорее, подохнут и приложат все силы, чтобы прикончить меня. Так исполни же свой долг, призови своих слуг, пусть укажут нам путь!

— Я не совсем понимаю...

— Послушай! — Резко остановившись, Дрэтон ухватил девушку за плечи. — Мне плевать на твое понимание, сейчас нет времени на манеры! Эти твари уже учуяли кровь сородичей и скоро возьмут наш след. Если они нас догонят — я умру, а что сделают с тобой, я не знаю, но уверен, тебе это не понравится. В тебе течет та же кровь, что и в них, ты понимаешь их, но, в тоже время, носишь на себе благословения светлых богов. — Он указал на браслет, что дала южанке Лисандра, который до сих пор висел на ее запястье и на кольцо, что выдали ей вместе с разрешением на пребывание в Светлых землях. — Так что, готов поспорить, что мое общество понравится тебе больше, чем компания безумных уродов.

Говорил сидонит крайне убедительно и Кисара, отбросив неуверенность, сосредоточено кивнула:

— Согласна.

— Тогда призови своих слуг и спроси у них, где темница!

— Легко сказать, — пробормотала южанка.

Недавний призыв демона отбивал желание проделывать что-то подобное еще раз. Здесь, в своем мире, порождения Бездны во много раз сильнее, чем те, с которыми она привыкла иметь дело. Да что говорить — одна только мысль, что она оказалась в мире демонов, сводила девушку с ума.

Но Кисара тщательно боролась с безумством за свой рассудок, стараясь мыслить трезво. Выходило у нее не очень хорошо, и сидонит заметил это.

— Что? — нетерпеливо спросил старый храмовник.

— Я боюсь, — нехотя призналась Кисара, когда мелкая дрожь, бьющая ее тело, выдала волнение. Девушка не могла сосредоточиться, постоянно озираясь и ощущая, как тьма стущается над ней, готовая поглотить ее всю, без остатка. — Призывать сущность в ее же мир это...

— Кто тебе сказал, что это их мир? Твари заперты здесь так же, как и мы. Просто призови своих слуг! Сделай то, о чем я прошу!

Услышав подобное, Кисара совсем растерялась. Она не знала, что делать и понятие не имела о чем говорит один из тех, кого считали погибшим столько веков.

Кисара ничего не понимала и боялась. Это чувство оказалось знакомым девушке: тогда,

в темном подвале, когда она впервые призвала демона, то ощутила, то же самое — страх перед неизвестностью. В пораженном паникой сознании южанки, забилося одно единственное слово. — Миаджи! — полный отчаяния голос Кисары разлетелся по тоннелям.

Заклинательница понимала, что демоница, развоплощенная оберегами обители Нерушимых Врат еще долго не сможет найти сил, чтобы откликнуться на зов хозяйки, обретя материальное тело в не родном для нее мире. Но не смогла совладать с эмоциями.

Пространство между сидонитом и Кисарой пошло неестественной рябью и, спустя несколько мгновений, из него вышла ярко одетая девочка с красными волосами и хитрыми раскосыми глазами.

— Сестрица? — Миаджи оглядела себя так, будто видела впервые, после чего перевела непонимающий взгляд на Кисару, удивленную не меньше чем она сама. — Ты в порядке? Не ушиблась? Меня же... А!.. — Демоница заметила возвышавшегося над ней сидонита и словно напуганная кошка отскочила от него, спрятавшись за спину хозяйки.

— Быстрее, служанка, — Дрэтон взглянул за спину Кисары и снова перевел взгляд на Миаджи. — Выведи нас к темнице!

— Что?! Кто?! Я, я не могу, — демоница отступила на шаг назад, замотав головой. — Где мы вообще? Что происходит?

— Проклятье! — Разозленный сидонит ударил кулаком по стене, отломав от нее огромный кусок, рухнувший к его ногам. Вязкая жидкость, перетекающая по трещинам, с шипением закапала с неровного края разлома. — Неужели ничего не выйдет? У тебя есть другие слуги? Те, что старше, сильнее?! — С надеждой спросил он у Кисары, но та лишь виновато покачала головой.

— Я сильно истощена и моих сил не хватит на многое. Простите...

За спиной южанки вдруг послышался топот и далекие, но нарастающие завывания.

— Наши, — решительно отодвинув демонолога и Миаджи к стене, Дрэтон сделал шаг навстречу приближающемуся гулу. — Значит, я умру здесь, что же, надеюсь, мой лорд простит меня за то, что я подвел его... — Он оглянулся через плечо. — Бегите, возможно, вы сможете выбраться, хотя я не стал бы на это надеяться.

— А как же вы? — Кисара чувствовала приближение разъяренных демонов, жаждущих крови и чувствующих близость добычи.

— Я встречу свою судьбу и, если смогу, просто завалю этот проход трупами тварей! И их вонь... — В голосе старого сидонита заскрежетал металл, а глаза яростно сверкнули, но почти сразу же погасли. — Запах! — Дрэтон развернулся так резко, что его наплечник высек сноп искр из твердой стены тоннеля. — Ты можешь отыскать путь по запаху или ощущениям?

— Я, по-твоему, похожа на ручную собачку? — Возмутилась было Миаджи, но сидонит, прислонив секиру к стене, сорвал с плеча свой сверток. Сунув его под нос демонице, он слегка приподнял край грязной ткани, сквозь который пробилось алое свечение.

По коже Кисары пробежали мурашки, а Миаджи словно кипятком ошпарили — едва ноздри демоницы расширились, втягивая спертый и теплый воздух, как она чуть на стену не запрыгнула.

— Что это?! Что там! — Быстро спросила Миаджи и Кисара впервые увидела в ее глазах неконтролируемый страх.

— Сможешь найти? — Вместо ответа Дрэтон повторил свой вопрос. — Ищи этот запах или запах крови, что-нибудь!

— Пожалуйста, Миаджи, — заметив сомнения и страх демоницы, южанка легко погладила ее по голове.

— Если уж сестрица просит, — все еще недовольно пробормотала Миаджи, опасливо поглядывая на сверток храмовника. — Ладно, это проще чем кажется, просто надо идти туда, куда меня совсем не тянет. Я попробую, но ничего не обещаю.

— Веди, — кивнул Дрэтон и спустя несколько ударов сердца они уже мчались по извивающемуся подобно живому существу тоннелю.

Миаджи ловко входила в резкие повороты, петляя меж ониксовых стен, и Кисаре приходилось использовать все свое проворство, чтобы не врезаться в них. Только сидонит, кажется, не слишком заботился о подобных вещах. Закованный в тяжелую броню, рыцарь несся вперед, с грохотом врезаясь в стены, когда не успевал вовремя завернуть.

Невольно южанка позавидовала своим новым спутникам: демоница была быстрой и стремительной, а сидонит, кажется, не знал, что такое усталость. Сама же Кисара, после трудного перехода и изматывающей череды почти непрерывных обращений к дару чувствовала себя плохо: ноги почти не сгибались, тело не слушалось и ныло, а в голове не стихал назойливый гул, отдающийся в висках.

— Берегись! — Миаджи неожиданно отскочила назад, прижав охнувшую Кисару к стене и тем самым защитив от атаки трех человекоподобных существ, в которых демонолог узнала оскверненных, вооруженных ржавыми клинками.

Взвыв от злости и досады, некогда бывшие людьми создания бросились вперед. Но встретились вовсе не с испуганной девушкой, а с несущимся во весь опор сидонитом.

Стоящий ближе всех оскверненный, чье тело покрывали гнойные язвы и костяные наросты, рухнул, поверженный страшным ударом секиры и его череп лопнул под латным сапогом храмовника.

Не успел меч мертвеца звякнуть о пол, как второй нападавший, с витыми рогами и копытами, получил наплечником в острые зубы. Его шейные позвонки противно хрустнули, а тело отлетело в сторону. Врезавшись головой в стену, оскверненный сполз по ней вниз, оставляя за собой след черной крови из разбитой головы.

Последнего оставшегося противника, Дрэтон попросту снес со своего пути, протаскив по коридору и впечатав в стену, навалившись еще и всем своим немалым весом. Треск ломающихся костей ударил по ушам, и храмовник отступил назад, позволяя искалеченному телу безвольно рухнуть к своим ногам.

— Куда дальше? — Капитан сидонитов брезгливо смахнул с груди кровавый сгусток, след от которого уже начал с шипением пропадать с освященной брони.

— Хотела бы я сказать что туда, — покосившись в сторону, произнесла Миаджи. — Потому что в другую сторону мне совсем не хочется.

— Понятно, — хмуро кивнул сидонит. — Веди дальше, времени мало.

Сумасшедшая гонка по извилистым коридорам продолжилась.

Гомон преследователей все нарастал позади. Кисара спиной чувствовала, приближение выходцев из Бездны. К тому же она до сих пор не понимала, что происходит — спросить невесть откуда здесь взявшегося сидонита заклинительница не могла, так как опасалась окончательно сбить дыхание. К тому же доносящиеся сзади непрерывные сквернословия и неистовый вой, не давали сосредоточиться и все обдумать. Инстинкты самосохранения брали свое, и южанка неслась вперед, забыв об усталости.

В глазах девушки потемнело, кровь тяжело застучала в висках, отдаваясь в ушах гулким

барабанным боем, а голова предательски закружилась. Подавив тошноту, Кисара встряхнула головой и с трудом втянула в грудь влажный воздух, которого сейчас очень не хватало ее телу.

Выбивающаяся из сил южанка едва не пропустила очередной поворот и сразу же за ним налетела на спину замершего сидонита. Удар вышел довольно сильным и Кисара, словно врезалась в каменную стену, отлетев от храмовника и больно ударившись затылком так, что слезы сами брызнули из глаз.

— Не ушиблась? — удар девушки даже не заставил Дрэтона пошевелиться.

— Вроде бы, — она с благодарностью ухватилась за протянутую сидонитом руку, и тот легко поднял ее. — Почему мы остановились?

— Хороший вопрос, — согласился Дрэтон, кивком указав на Миаджи, озадаченно разглядывающую странную преграду прямо перед ними.

Поначалу Кисара решила, что демоница привела их в тупик. Но, приблизившись, сразу поняла, что ошиблась: преграждающая путь стена, словно состояла из гниющей пульсирующей плоти, чей омерзительный вид едва не вынудил южанку попроситься с содержимым своего желудка.

Спасло Кисару лишь то, что она давно ничего не ела. Молитвы капеллана гиритцев, жрецов и пастыря поддерживающие отряд в пути, еще не утратили своего благотворного эффекта, поэтому, несмотря на пустой желудок, девушка не чувствовала голода.

— Не понимаю, — покачала головой Миаджи, проведя кончиками пальцев по пульсирующей плоти и коснувшись толстого полупрозрачного сосуда, по которому текла мутная жидкость. — Я уверена, что нам именно сюда.

— Тогда в сторону, — перехватив рукоять секиры двумя руками, Дрэтон ударил по стене.

Лезвие оружия глубоко вошло в податливую плоть, недовольно зашипевшую под острием секиры.

— Мерзкое творение Скверны! — Вырвав оружие из начавшей кровоточить раны, сидонит ударил снова. Эффект был таким же но, стоило ему рывком высвободить секиру, как нанесенная Дрэтоном ранее рана затянулась прямо на глазах. Зарывав, храмовник ударил дважды, но ничего не изменилось.

— Будь проклята Бездна, осквернившая плоть праведников и создавшая из нее эту богомерзкую темницу!

— Так мы ничего не добьемся, — покачала головой Кисара, останавливая сидонита. — Здесь нужен иной подход.

— Некогда нам подходить, Говорящая, — капитан храмовников посмотрел себе за спину. — Скоро твари будут здесь...

— Я бы попросила без оскорблений! — С негодованием бросила Миаджи. — Я, между прочим, помогла вам!

— А что толку? — шипованный кулак храмовника с хлюпающим звуком ударился о живую преграду, оставив на ней глубокий след, сразу же начавший затягиваться. — Все равно дальше не пройти.

— Это точно создала Скверна, значит, я могу... — поборов отвращение, Кисара прикоснулась к склизкой плоти.

В нос сразу же ударил противный запах, а к горлу поднялся неприятный ком. Воззвав к своему дару, южанка попробовала воздействовать им на преграду и та, к ее удивлению,

поддалась. Трепещущая плоть расступилась перед пальцами Кисары и плотно обволокла ее руку, беспрепятственно проходящую сквозь студенистую массу.

Не в силах больше терпеть подобную мерзость, касающуюся ее кожи, Кисара отдернула руку, скрючившись пополам в борьбе с рвотными позывами.

Наблюдавшая за действиями демонолога Миаджи, повторила ее действия и, как оказалось, стена пропускала и ее. Лишь сидонита ждала неудача. От его прикосновения плоть зашипела и задымилась, оттолкнув храмовника назад.

— Я пройду, — Кисара ничего не говорила, но Миаджи поняла ее без слов и выступила вперед. — Что нужно делать внутри?

— Ты должна отнести туда это, — сняв со спины свой сверток, сидонит протянул его демонице, но та сразу же с ужасом отшатнулась. Фигура демоницы замерцала. — Так я и думал. — Вздохнув, Дрэтон протянул завернутую в тряпье вещь Кисаре. Ноша сидонита оказалась длиннее руки девушки. — Сам я не способен контролировать подобную силу, а твоя служанка не сможет и коснуться этого. Даже твой дар не защитит ее.

— Я пойду с тобой, — незамедлительно вызвалась Миаджи, видя, как Кисара потянулась к свертку. — Ой, — она вдруг уставилась на свои руки, ставшие прозрачными.

— Твое время в этом мире кончается, — не решаясь взять сокрытое под грязными тряпками, южанка взглянула на демоницу. — Я слишком устала, чтобы поддерживать тебя здесь, а ты все еще ослаблена оберегами обители. — Отдохни...

— Но я не хочу! — запротестовала демоница, однако южанка уже завершила формулу принудительного изгнания, силой воли преградив прислужнице путь к возвращению в этот мир. — Сестрица... — Миаджи исчезла в клубах черного дыма и ее голос стих.

— Разумно ли? — спросил сидонит.

— Если во время моей смерти она будет здесь, то окажется запертой в этом странном мире, я этого не хочу, она дорога мне.

Дрэтон Брин понимающе кивнул, делая шаг навстречу южанке.

— Ты добра, Говорящая. Думаю, ты сможешь взять его. — Он бережно положил свою ношу на протянутые руки Кисары.

Девушка едва удержала неожиданно тяжелый сверток. Но она мгновенно забыла о его весе ноши, когда ее душу захлестнуло ни с чем несравнимое чувство трепета и благоговения. Волна тепла коснулась пальцев Кисары, протекла по рукам и, кажется, коснулась самого сердца.

— Что это? — непонятно откуда взявшиеся слезы навернулись южанке на глаза.

— Наша надежда, — серьезно ответил Дрэтон. — Ты должна пронести ее сквозь эту стену.

— А потом?

— Ты все поймешь, а теперь — уходи. — Топот нарастал, дикий рев и богохульства смешанные с угрозами стали слышны уже явственно, поэтому сидониту пришлось повысить голос. — Я сдержу их столько, сколько смогу, а ты — не мешкай.

— Мне бы вашу храбрость, — с трудом поднявшись на ноги, Кисара подошла к стене, внушающей ей стойкое чувство отвращения.

— Храбрость нужна лишь тем, кто испытывает страх и не может изгнать его из своего сердца, — слова Дрэтона Брина заставили южанку обернуться и встретиться взглядом с сидонитом. — В наших же душах нет места сомнениям. — Правая рука мужчины сжалась в кулак, похожий на тот, что он носил на своем табарде. — Нас ведет пламя Возмездия!

Латная перчатка гулко ударила в нагрудник, и массивную фигуру в красных доспехах охватило багровое свечение, пугающее и прекрасное одновременно. Взяв тяжелую секиру наизготовку, храмовник повернулся лицом к наступающим противникам.

Больше Кисара ничего не видела. Зажмурившись и воззав к своей магии, она сотворила несколько фигур ослабления, небрежно швырнув их на пульсирующую преграду перед собой. Что было сил прижав к груди твердый предмет, сокрытый от ее взора лентами грязных тряпок, девушка задержала дыхание, словно хотела нырнуть под воду. Разом отбросив все свои сомнения, Кисара широко шагнула вперед.

Обереги в украшениях девушки предупреждающе обожгли ее кожу и погасли. Южанке показалось, как откуда-то издалека до нее доносится шум битвы, но он быстро отдалялся, становясь почти не различимым в пульсации плотно облегающей ее плоти.

Кисара задрожала от неприятных склизких объятий, ледящих кожу, замутняющих разум и не дающих дышать. Она с трудом делала шаг за шагом, а в ее голове билась мысль о том, чтобы повернуть назад.

Застыв в нерешительности, девушка уже хотела обернуться, но усилием воли сдержалась, сделав очередной шаг. Чтобы не было в свертке, что дал ей сидонит, оно согревало душу Кисары, вселяя в нее уверенность в собственных силах. До боли впившись пальцами в свою ношу, она, уже задыхаясь, почти упала вперед, неожиданно не обнаружив перед собой преграды.

Рухнув на мягкий, гноящийся и противно вздрагивающий пол, девушка, словно выброшенная на берег рыба, широко открыла рот, шумно глотая скверный воздух этого места. Из миндалевидных глаз текли слезы, непрерывно дрожащие руки и ноги будто принадлежали тряпичной кукле, а мысли путались в абсолютном беспорядке.

Кисара просто растянулась на полу, спиной вжимаясь во что-то липкое, позабыв обо всем и не в силах даже пошевелиться. Только сверток, лежащий на ее груди, был единственным, что привлекало ее и не давало забыть.

Застонав от усилия, южанка с величайшим трудом подняла собственную руку, чувствуя, как тело перестает ее слушаться. Ухватившись негнущимися пальцами за край одной из тряпок, она слабо потянула за нее, скрипя зубами от натуги.

Грязная ткань нехотя поползла в сторону, и между ее расступающимися краями прорезалось мягкое свечение, схожее с тем, что охватывало фигуру Дрэтона Брина перед тем, как Кисара закрыла глаза.

Свечение становилось ярче по мере того, как ткань, следуя за рукой девушки, соскальзывала вниз. Глядя на этот свет, Кисара чувствовала, как силы возвращаются к ней. Это было сравнимо с теми чувствами, что она испытывала когда смотрела на реющее на ветру знамя Гирита, что нес капеллан Грегор. Но, в то же время, эти схожие чувства отличались.

Обретя контроль над собственным телом и поспешно сев, девушка судорожно принялась разворачивать ткань, отбрасывая оторванные лохмотья в стороны, пока удивленный возглас не сорвался с ее губ.

На коленях Кисары лежал золотой клинок, лишенный рукояти. Широкое, в две человеческие ладони лезвие источало багровое свечение, мерно танцевавшее вдоль кромки острия. Не потерявший своей остроты клинок был неровно сломан у основания, где Кисара различила надпись на древнеимперском: Для воздающей длани — вот рукоять моя. Для оскверненных душ — сталь острия.

Южанка сразу же вспомнила эти слова. Именно они, согласно легендам, были выгравированы на Аренвире Вершителе Возмездия, алебарде самого Аларда Дария! Не верь своим глазам, Кисара, едва касаясь теплого лезвия, провела по нему рукой и почувствовала, как клинок завибрировал на ее коленях, словно призывал южанку к чему-то.

Кисара поднялась на ноги, бережно держа тяжелое лезвие на ладонях. Ее дрожащие руки едва выдерживали такую тяжесть, но южанка не смела относиться к бесценному артефакту без должного трепета. Заклинательница отчетливо слышала в голове крепнувший зов Аренвира, манящий ее вглубь зала, в котором она очутилась, миновав стену из плоти. Ступая по таким же отвратительным полам, окруженная пульсирующими стенами, под потолком из тысячи находящихся в непрерывном движении глаз, девушка сделала неуверенный шаг.

Она сразу же ощутила, как зов обломка стал явственнее, а лезвие будто затрепетало в руках. Свет, исходящий от клинка освещал путь, разгоняя мрак, и Кисара увидела, как из кровоточащих стен к ней оборачиваются лишенные кожи лица, взглядами пустых глазниц провожая ее фигуру. Глаза на потолке перестали двигаться и мигать, пристально уставившись на девушку, а неведомые голоса наперебой зашептали ей о страхе, отчаянии, смерти и боли.

Мысленно отрешившись от всего, южанка шла вперед, глядя лишь на обломок Аренвира. Она окружила себя множеством защитных формул, чувствуя, как артефакт в ее руках возвращает ей силу.

Шаг за шагом, Кисара продвигалась к тому месту, куда звал ее Аренвир, пока прямо перед ней не оказалась еще одна стена, во множество раз более мерзкая, чем те, что окружали ее до этого. На новой преграде непрерывно открывались красные злые глаза, гнойные отростки тянулись навстречу южанке, а раскрывающиеся перед ней рты роняли к ее ногам капли едкой слюны и кровавой пены.

Обломок алебарды завибрировал в руках Кисары, когда она поднесла его ближе к стене. Щупальца сразу же отпрянули назад, вжавшись в податливую, изъеденную язвами и покрытую струпьями плоть. Красные глаза зажмурились, словно от нестерпимо яркого цвета, а рты зло зашипели, бессильно скаля множество желтых клыков.

Треск лопающихся сосудов и рвущейся плоти гулким эхом пронесся, отражаясь от стен, подхваченный разинутыми на них пастьями. Что-то за спиной Кисары тяжело шагнуло к ней и пол под ногами, судорожно затрясся.

Едва не упав, девушка обернулась, встретившись взглядом с единственным глазом драконоподобной твари, выползающей из кровоточащего разлома в полу. Сотканное из плоти и костей чудовище оскалило изогнутые клыки, вытянув склизкий раздвоенный змеиный язык, словно ощупывая им воздух перед собой.

Уродливая морда мотнулась из стороны в сторону и полный злобы глаз, расположенный точно в центре покатога усеянного рогами лба, впился в застывшую от страха Кисару.

Выбравшаяся из-под пола тварь была огромна, и заняла собой почти все свободное место. Она хлестала себя по крутым бокам, кое-где сокрытым под бурой чешуей, остроконечным хвостом, оставляя на тлеющем мясе яркие отметины.

Костяные обломки когда-то широких крыльев дракона безостановочно колотили по спине чудовища, разбрызгивая капли мутной жидкости, с едким шипением прожигаящие пульсирующие стены. Некогда красивое и гордое создание, как и многие другие, пало жертвой Скверны став ее кровожадным, озлобленным и безумным, но бесконечно

преданным рабом.

Опомнившись, Кисара попробовала набросить на тварь сдерживающие формулы, осыпала ее целым градом развоплощающих заклинаний и атаковала множеством духовных оберегов, но все было тщетно. Силы вернулись к девушке, но Аренвир не вернул ей растраченный и пока не восстановившийся дар.

Быстро выбившись из сил, Кисара прислонилась к стене, содрогаясь от страха. Тварь перед девушкой была куда страшнее чем все то, что она видела раньше. Даже демон, высадивший врата обители сидонитов уступал оскверненному дракону, почти нечувствительному к магии демонолога.

Тварь никак не отреагировала на заклинания южанки и, даже не поморщившись, переставила похожие на столетние дубы когтистые лапы, подтягивая свое гигантское тело к демонологу.

Не зная, что делать, Кисара зажмурилась и выставила перед собой клинок Аренвира, направив его на приближающуюся тварь. Охваченное багровой дымкой лезвие больно впилося в кожу девушки, и ее теплая кровь окрасила золото оружия в алый цвет.

— Помогите... — голос заклинательницы задрожал, и был едва различим в гортанном рыке чудовища. — Кто-нибудь...

Кисара уже чувствовала смрадное дыхание оскверненного дракона, когда сильный толчок в спину отпихнул ее от стены, и она повалилась прямо под ноги рычащей твари.

Вскрикнув, девушка откатилась в дальний угол, сжавшись там, в ожидании смерти, но ничего не происходило. Решившись, Кисара открыла глаза, увидев прямо перед собой морду оскверненного дракона, отчего-то потерявшую к ней интерес. Единственный глаз застыл на месте, глядя прямо перед собой, на вздувающиеся на стене бугры.

Клинок Аренвира, что южанка выпустила при падении, теперь неподвижно висел в воздухе в том же месте, где ранее его держала девушка. Она даже увидела собственные капли крови, срывающиеся с острия.

Дракон угрожающе зарычал, когда один из бугров на стене лопнул, и оттуда показалось окровавленное золотое древко, заканчивающееся будто бы гардой меча, чье перекрестье сверкало выпуклыми изогнутыми лезвиями.

Острие на древке оказалось обломанным, рванувшись вперед оно соединилось с висящем в воздухе клинком. Раздался тихий мелодичный звон — неровная линия разлома смкнулась и сразу же вспыхнула алым, затопив собой весь ужасающий зал.

Но Кисара даже не зажмурилась. Поднявшись на дрожащие ноги, она заворожено наблюдала, как следом за частью древка из кровоточащей плоти стены показалась алая латная перчатка с острыми шипами на костяшках.

Стены зала конвульсивно содрогнулись, глаза на потолке беспорядочно забегали и даже оскверненный дракон отступил назад, когда тяжелый сапог, сокрушив гноящуюся преграду, ступил на податливый вздрагивающий пол.

Разрывая неровные края разлома, открытой раной разверзшегося в стене, оттуда показался человек, одним широким шагом вырвавшийся наружу. Закованный в полный латный доспех алого цвета, украшенный искусной золотой отделкой, с белоснежным табардом и тяжелым плащом, он сжимал в руке поющий Аренвир Вершитель Возмездия.

Обритая голова мужчины была горделиво вскинута, а светлые, сияющие нерушимой решительностью глаза пылали праведным гневом.

Кисара рухнула на колени, едва не забыв, как дышать. Ее сердце бешено заколотилось

в груди, на глазах выступили слезы, а точеный подбородок мелко затрясся. Сейчас девушка смотрела на появившегося перед ней мужчину и чувствовала, как прямо перед ее взглядом оживает древняя легенда.

Чувство трепета и благоговения оказалось таким сильным, что южанка не смогла вымолвить ни слова. Одна лишь аура присутствия этого мужчины сразу же давала понять, что перед ней не простой смертный.

— Алард Дарий... — едва слышно прошептала Кисара, глядя, как взмахнувший своей алебардой Верховный лорд алых храмовников, человек, прозванный Клинком Возмездия, бесстрашно ринулся навстречу оскверненному дракону.

Ослепительно вспыхнул восстановленный Аренвир и его владелец выкрикнул: — Дни твои сочтены, отродье Скверны. Трепещи перед карающей дланью бога Воздаятеля! — Чистый и властный голос Аларда Дария заставил немые рты на потрескавшихся стенах зайти в воплем страха и боли.

Цена тщеславия

Верховный лорд сидонитов атаковал стремительно — широким прыжком сократив расстояние между собой и драконом, он обрушил страшный удар Аренвира на облезлую морду.

Оскверненное создание попыталось избежать атаки, но не сумело сделать это полностью, лишившись сразу нескольких рогов, что пали под лезвием древней алебарды, словно колосья пшеницы под острым серпом жнеца.

Не останавливаясь, Алард Дарий резко развернулся, ткнув пяткой своего оружия в единственный глаз противника. Заканчивающиеся острым шипом древко скользнуло совсем рядом, оставив в разлагающейся плоти дракона глубокую борозду и едва не повредив глаз.

Зашипев от боли, чудовище отскочило назад, атаковав храмовника хвостом, но тот легко поймал его закованной в латную перчатку рукой.

Подтянув за тварь за хвост, Алард Дарий одним ударом отсек противнику переднюю лапу. Взревев, измененное Скверной создание попыталось вырваться из стальной хватки сидонита, но тот держал крепко. Тогда, изогнувшись всем телом, чудовище попыталось достать храмовника зубами, но шипованный кулак с хрустом врезался в нижнюю челюсть оскверненного существа, отбрасывая назад.

— Как смеешь ты противиться справедливой каре, отродье?! — Фигуру в доспехах охватила багровая дымка.

Аренвир взметнулся вверх и в этот момент оскверненный дракон, глубоко вдохнув, изверг из страшной пасти тугую струю черного пламени, ударившей точно в сидонита.

Кисара ахнула.

Языки пламени, похожие на темные щупальца жадно набросились на Аларда Дария, но тот не отступил. Выставив перед собой алебарду, Верховный лорд сидонитов вспорол ей поток огня и тот, разлетевшись в стороны, миновал его.

— Скольких невинных уничтожило твое смрадное дыхание, погань? — Сквозь рев пламени выкрикнул Алард Дарий, и голос его звенел. — Я долго скапливал свой гнев, и ты станешь первым, кто познает его мощь!

Одним неистовым рывком за хвост, сидонит опрокинул дракона на бок. Сверкающий взгляд храмовника встретился с единственным оком пытающегося подняться существа.

— Настал час расплаты!

Наступив твари на голову, Алард Дарий прижал ее к полу. Отростки крыльев дракона бешено заколотили по его спине, лапы бессильно заскребли по воздуху, царапая невидимую преграду кривыми когтями.

Затравленный взгляд чудовища метался по сторонам, пока не замер на сжавшийся в стороне Кисаре. В разинутой пасти дракона всколыхнулось черное пламя, готовое в ближайший миг пожрать южанку, но этому не суждено было случиться: крутанув в руке алебарду, Алард Дарий перехватил ее острием вниз, погрузив светящийся клинок прямо в глаз дракона, пробив уродливую голову насквозь и пригвоздив ее к содрогающемуся полу.

Струящийся по Аренвиру свет перетек в пол, забившись в кровотокающих трещинах. Он растекался все дальше и дальше, проникая в мечущиеся немые лица-маски, заполняя их собой и лишая того уродливого подобия жизни, что подарила Скверна.

Всего лишь несколько мгновений и лица перестали существовать, замерев навеки. Ослепленные светом, глаза на потолке остановились и выжженные глазницы больше не двигались, а дыхание Бездны, отражавшееся от стен ужасной темницы, уже не ощущалось так сильно, как прежде. Оно быстро затихало, пока не пропало вовсе.

Оскверненный дракон дернулся в последний раз и затих. Пламя в его пасти погасло.

— Вы в порядке? — высвободив свое оружие из головы мертвого противника, Алард Дарий стряхнул с благородного лезвия капли черной крови, которую жадно пожирал бушевавший вокруг оружия огонь.

Приблизившись к Кисаре, сидонит протянул ей руку, предлагая помощь.

— Вы спасли меня, Говорящая, освободили от долгого плена. — Тон Аларда Дария изменился, когда она заметил медальон Лигеи Благодетельницы руке девушки, теперь в нем не слышалось ни угрозы, ни злости.

Храмовник говорил мягко и вежливо.

— Я? — тупо переспросила Кисара, растерянно хлопая длинными ресницами. Несколько запоздало она вложила свою узкую ладонь в руку храмовника, и тот легко помог ей встать на ноги.

— Вы, — кивнул сидонит. — Я — Алард Дарий, Верховный лорд ордена Сидония Воздаятеля.

— К-кисара, — запинаясь, кое-как выговорила девушка.

— Я обязан вам своим спасением, Кисара. — Он заглянул в ее глаза. — Во мраке темницы я блуждал во тьме, пока не услышал ваш зов, словно маяк, указывающий мне путь к спасению. Даю слово, я сделаю все, что вы попросите. Скажите же, чем я могу отблагодарить вас?

— Женитесь на мне! — Кисара сказала первое, что пришло ей в голову, чем ошарашила не только мужчину, но и саму себя.

Миаджи бы хватил удар, а Таллаг и Скар аплодировали бы мне стоя — отчего-то подумала девушка, нервно хихикнув и заглянув в удивленные светлые глаза Аларда.

— Что, простите? — несмотря на взгляд, лицо храмовника осталось невозмутимым.

— Простите, — поспешила объясниться девушка, не зная, с чего начать. Мысленно она много раз мечтала о подобном моменте, но понимала, что такого произойти попросту не может и, как выходило — ошибалась. — Я...

— Поговорим о вашем желании, — Алард Дарий справился с услышанным гораздо быстрее, чем сама демонолог и его ответ буквально парализовал девушку. — Сначала, нам

нужно выбраться отсюда. — Он огляделся.

— А?! — открыв рот и глядя прямо перед собой, южанка замерла, подобно статуе.

— Сюда. — Не обращая внимания на то, что его спасительница, кажется, потеряла способность не только двигаться, но и здраво мыслить, сидонит, по-прежнему сжимающий ладонь девушки, потащил ее за собой.

— А Вы монахи? — мысли Кисары путались и текли в собственном направлении, не подвластном логике и здравому смыслу.

Несмотря на то, что она находилась непонятно где, в комнате со стенами из плоти в компании мертвого оскверненного дракона, окруженная демонами, с малыми шансами выжить, в голове Кисары уже проносились мысли о счастливом будущем, о котором она грезила в самых своих смелых мечтах.

— Сидониты — воины храма Сидония Воздаятеля. Мы не монахи, — странно взглянув на девушку, все же пояснил Алард.

— Замечательно... — со стороны южанка понимала, насколько неуместно и глупо сейчас выглядит ее счастливая улыбка, но ничего не могла с ней поделать.

— Пожалуй, — остановившись перед стеной, сквозь которую прежде прошла Кисара, сидонит вонзил в нее алебарду, одним резким движением вспоров тошнотворную плоть.

Девушка не без удивления отметила, что рана не затягивается, а наоборот, становится больше, обугливаясь в тех местах, где ее коснулось древнее оружие. Еще дважды рубанув по преграде, храмовник ударом ноги выбил кусок стены и, выпустив руку Кисары, бросился вперед, сразу же обезглавив налетевшего на него демона.

— Хвала Воздаятелю! Мой лорд, Вы снова с нами! — Прижавшийся спиной к стене Дрэтон Брин, охваченный багровым свечением взмахнул секирой, отбрасывая одного из множества противников, заполонивших узкий коридор. Старый сидонит, чье лицо заливала кровь, завалил изувеченными трупами весь пол, но нападавших это не останавливало.

Скупно кивнув капитану, Алард Дарий поднял Аренвир, указывая его острием на порождений Скверны, заполонивших весь тоннель.

— Вы долго держали меня в цепях, — тихо произнес Верховный лорд сидонитов и свет на наконечнике его алебарды разгорелся сильнее. — В темнице из плоти и крови моих братьев, отравляя мой разум и мою душу своей Скверной. Вы истязали мое тело в попытке сломить дух. Но вы не преуспели! Голос храмовника стал громче и теперь в нем слышался сдерживаемый гнев. Замершие при появлении Аларда оскверненные неуверенно попятились.

— В бреду ядовитого забвения, окруженный телами праведников, я грезил этим моментом. Я жаждал обрести свободу, дабы выплеснуть на вас, презренных, всю ту ярость и ненависть, что возвращал в своей душе каждый миг своего заключения. Мне не ведомо, сколько крови моих братьев пролилось, чтобы я обрел свободу, но я оплачу за нее с избытком. Взывайте к своим лживым идолам, прячьтесь за телами своих братьев-червей, молитесь Скверне в своей испорченной крови, но даже Бездна не защитит вас! Ничто и никто не спасет вас от моего гнева! Он мой щит и он же мой молот!

Сияние Аренвира стало практически невыносимым. Заскользив по золотому древку, оно слилось с багровой дымкой, окутывающей самого храмовника.

С изумлением Кисара наблюдала, как Верховный лорд сидонитов расправил плечи и, оторвавшись от земли, приподнялся над полом. Южанка так и не поняла, померещились ли ей алые крылья, за спиной Аларда Дария или они на самом деле выросли прямо над его плащом того же цвета.

Сияние, исходящее от святого и захлестнувшее душу девушки теплой волной заставляло ее задышаться от восторга и плакать от счастья. Над толпящимися в тоннеле оскверненными, аура храмовника возымела обратное воздействие — они зашипели, пронзительно завизжали, забившись в истерических припадках и пытаясь отступить. Твари нелепо перебирая конечностями, разворачивались, натываясь на спины своих сородичей и, охваченные ужасом, принимались терзать их.

— Вам не уйти! Никто не уйдет от Возмездия, что несут воины Сидония, ведомые Егс божественной дланью!

Едва Алард Дарий успел договорить, как с наконечника Аренвира сорвался стол ослепительного света, ударивший разрушительной волной по копошащимся в тоннеле тварям. Осязаемая энергия смела оскверненных, полностью выжигая их тела и обращая их в пепел, пока от них ничего не осталось.

Верховный лорд сидонитов повел рукой выше и луч света, врезавшись в стену обугленного коридора начал плавить ее, пробивая путь наверх. Луч света под углом бил в стену, прожигая ведущий наверх тоннель, чьи края обугливались под воздействием магии храмовника.

— Мой лорд, — кое-как стерев с лица свою же кровь, Дрэтон посмотрел на плавающий потолок. — Нам нужно прорваться наверх, братья уже должны были взять внутренний двор!

— Именно туда мы и направляемся.

— Так Вы знаете, где мы?

— Да, — не отрываясь, кивнул Алард. — Эти стены... Они сказали мне все, пока держали в своем плену, хотели сломить мою волю правдой, подчинить себе. Мы были правы, это не Бездна и не наш родной мир. Это место, которое когда-то создал Ифриил. Его изначальное творение, позабытое создателем. Мир, где раньше жили люди. Таким он был в тот момент, когда Созидатель понял, что людские пороки завели слишком далеко.

— Но наша обитель, откуда она здесь?

— Проекция, перенесенная сюда Изначальными вратами. Не знаю, как так вышло. Возможно, замешан хранитель врат и... гиритцы. — Алард Дарий опустил алебарду и бьющий из нее свет погас, сменившись слабым свечением.

— Проклятые предатели! — Сквозь стиснутые зубы процедил Дрэтон Брин. — Труссы! Клянусь, если я выберусь отсюда, они получат по заслугам!

— Гиритцы — предатели? — Кисара, наконец, нашла в себе силы говорить.

Шок, вызванный встречей с ожившей у нее на глазах легендой, немного прошел, как и трепет перед силами, чьим проводником являлся Алард Дарий.

Все, кто владел даром волшебства, черпали его из различных источников: демонологии из Бездны, шаманы из стихий, маги из неосязаемых потоков арканы, охватывающих весь мир, а храмовников и жрецов силой наделяли их боги. Они позволяли смертным коснуться частички своей мощи и использовать ее на благие дела.

Отличие между обладателями дара было лишь одно — количество энергии, которое способна выдержать смертная оболочка. Именно этот критерий, изменяющийся со временем, определял силу тех, кто мог использовать какую либо магию.

Чем дольше наделенный даром пользовался им, тем больше магической энергии он мог провести через свое тело, придав ей форму и используя по своему усмотрению.

Духовная мощь Аларда Дария, воистину, была несравненна. Обычный человек, пропустив через свое тело хотя бы толику той энергии, что сейчас выплеснул храмовник, не

смог бы выжить, как, к примеру, шаманы зверолодов.

Но Алард Дарий выжил. Более того, он выглядел так же, как раньше.

— Тебя что-то удивляет? — капитан сидонитов насторожился.

— Да, — южанка осторожно кивнула. — Гиритцы много раз пытались отбить вашу обитель.

— Много раз? — предостерегающим жестом Алард остановил мрачнющего лицом капитана. — Сколько времени прошло, с тех пор, как обитель Нерушимых Врат пала?

— Боюсь, мой ответ Вам не слишком понравится...

— Сколько?

— Даже не знаю, как сказать, — с трудом выдавила Кисара. — Вас считали погибшими.

— Погибшими?.. — эхом отозвался потрясенный Дрэтон Брин. — Как же так? Ты не ошиблась?

— Разберемся потом, — Алард Дарий тряхнул бритой головой. — Сейчас нам нужно поспешить вверх, чтобы отбить обитель Нерушимых Врат. Пусть даже это и пустая проекция, но я уверен, что и в ней существуют Изначальные врата и они связывают этот мир с нашим. Поэтому, порождения Бездны так яростно бьются за это место.

Капитан сидонитов кивнул, соглашаясь со словами Верховного лорда.

— Говорящая, — Алард Дарий повернулся к южанке. — Не отступай от меня ни на шаг, чтобы ни случилось.

— Всю жизнь я мечтала только об этом, — прошептала Кисара, но храмовники не услышали ее слов, они уже спешили по выжженному пути вверх, откуда доносились звуки битвы.

* * *

— Мы не можем ее бросить! — Лисандра пыталась упираться с тех самых пор, как потеряв Кисару, отряд принял решение двигаться дальше.

Они спускались вниз, следуя пустыми коридорами довольно долго. Все это время девушка отчаянно пыталась сопротивляться, но Скар ей не позволил. Он просто взвалил паладина на плечо и сейчас тащил на себе, не обращая внимания на вес доспеха и клинка.

Лисандра могла бы выхватить меч или же лягнуть мужчину, но не делала этого. Горе от потери подруги оказалось сильнее нее.

— Заткнись, — в очередной рыкнул зверолод.

У Скара на душе было паршиво от случившегося, но закаленный в боях, он привык к потерям. В том, что демонолог не могла выжить, Кровожад не сомневался, как и все члены отряда, за исключением упрямой Лисандры.

Они быстро продвигались в направлении, что указал демон. Почти все молчали, переживая недавние происшествия, даже равнодушный некромант выглядел еще более угрюмым, нежели обычно. Неотстающая от него Алира, то и дело оглядывалась назад. Где-то впереди угадывались силуэты темных эльфов. Способные видеть в темноте, они взяли на себя обязанность вести отряд, пусть и переживали случившееся с Кисарой не меньше паладина.

Таллаг тоже ушел с эльфами, поддерживая Калеоса, который едва переставлял ноги.

— Пусти меня, дикое животное! — потребовала Лисандра, уже зная, что ответит ей

зверолюду, но не угадала.

— Заткнись и изображай походный мешок дальше, женщина, — привычно огрызнулся Скар, но потом продолжил:

— Твои вопли уже надоели мне. Южанку не вернуть, так что смирись. Если придется сражаться — ты можешь стать обузой. Посмотри на себя! Хочешь что бы кто-нибудь погиб, защищая тебя, пока ты бьешься в своей истерике?

— Пусти меня, пожалуйста. — Слова мужчины неожиданно отрезвили девушку, и она смогла взять себя в руки. — Я все понимаю.

— Ой ли? — язвительно скривился Кровожад. — Уверена?

— Да, я смогу идти сама. Я не стану обузой.

Тон девушки стал решительным. Это вызвало у зверолюда хищную ухмылку и он, остановившись, поставил свою ногу на каменный пол.

— Пришла в себя?

Лисандра кивнула, пряча лицо в волосах.

— Хорошо, пойдем, — Скар несильно подтолкнул паладина и та послушно пошла рядом. — Жрать охота... — мечтательно протянул зверолюд, тяжело вздохнув. — А тут еще ты дуришь. Больше так не делай.

— Хорошо, — что-то ткнулось ей в ладонь и Лисандра с грустной улыбкой погладила волчью морду.

Мокрый нос животного оставил на доспехе влажный след, отчетливо заметный в зеленоватом свете, что исходил от посоха некроманта.

— Докатилась, женщина, даже животное тебя жалеет, — Скар фыркнул.

— Потому что от тебя не дождешься, — сердито буркнула Лисандра себе под нос. Она сделала это настолько тихо и неразборчиво, что даже острый слух зверолюда не смог различить ее слов.

Вдруг пол, под ногами идущих ощутимо затрясся, а гул берегов, оставшихся где-то над их головами, усилился. Теперь амулеты в стенах обители разгорелись до предела своих возможностей и начали трескаться один за другим.

С потолка посыпалась пыль.

— Скоро обитель не выдержит, — Алектис взглянул на каменный свод над головой, жмурясь от каменной крошки, падающей на его морщинистое и осунувшееся лицо. — Нужно поспешить.

Шагающий следом за гиритцами архимаг, согласно кивнул, и его ученица не смогла сдержать удрученного вздоха.

— Скажи что-нибудь, что не так очевидно, храмовник. — Скар погладил рукоять топора, выглядывающую у него из-за спины. — Расскажи лучше, почему твои братья — монахи грызли друг другу глотки во внутреннем дворе.

— Знай свое место! — Гирион обжег зверолюда взглядом, но тому это было безразлично.

— Зверолюд прав, — неожиданно поддержал Скара Фалкон. — Что случилось в этом месте? Капелланы и пастыри должны об этом знать!

— Капелланы — может быть, но мне ничего неизвестно, клянусь. — Алектис выглядел подавленным и говорил очень тихо, так, что его слова почти растворялись в гулком эхе шагов, отражающемся от голых каменных стен. — Я не ожидал, что все обернется именно так. Ни один из отрядов, отправившихся к этой обители — не вернулся. Я даже представить

не мог, что наши братья способны убивать друг друга.

— Людям свойственны подобные поступки, — равнодушно заметил некромант. — Все мы ошибаемся... — он почти погрузился в мрачные размышления о собственных ошибках, но ему помешала Алира.

— Особенно часто ошибаетесь Вы, мой бестолковый господин, — безжалостно заметила девочка.

— Вы — определенно, очень интересный экземпляр, милочка, — Гранер Ласкнир давно наблюдавший за Алирой, приблизился к ней, но посох некроманта неожиданно преградил ему дорогу.

— Еще раз назовете ее экземпляром, и я заставлю вас пожалеть об этом, — серьезно произнес Эгистес Отверженный, добавив с мрачной улыбкой:

— Неоднократно пожалеть.

— Учитель, — Кая потянула архимага за рукав. — Не нужно провоцировать его. Вы видели, что он может делать. Некромант опасен!

— Именно это в нем меня и привлекает, — беззаботно улыбнулся Гранер Ласкнир. — Лояльные светлым богам некроманты — редкость, а настолько сильные — тем более.

Гирион, услышав эти слова, недоверчиво покосился на колдуна, ледяным взглядом выражая свое отношение к подобному заявлению. С детских лет воспитанный монахами и посвятивший свою жизнь защите страждущих от сил Тьмы, гиритец смирился с компанией некроманта, но не принимал ее.

Эгистес заметил взгляд рыцаря-защитника и вознаградил его в точности таким же — холодным и полным недоверия. Некромант чувствовал себя чужим в отряде, хотя зверолоды, признаться, заслужили его симпатию своей честностью и простотой, пусть они и недолюбливали колдовство. Дети Урсулы никогда ничего не скрывали и говорили то, что думают.

Эгистес Отверженный еще раз пожалел о том, что они потеряли демонолога, единственную, кто, возможно, смог бы понять его, за исключением Алиры. Эгистес как сейчас помнил ту ночь, когда он вернул к жизни дочь Фирота Лишенного Скорби. Девочка стала верной спутницей и, благодаря наследию своего отца, выгодно отличалась от любой нежити. Алира выглядела как человек, не разолгалась, не утратила способности мыслить и оказалась весьма сильным спутником после того, как переступила грань смерти.

Некромант давно понял, что привязался к той, кого считал своим единственным другом, несмотря на дурной характер и язвительность. Пусть он и обещал Алире отпустить ее, вернув в загробный мир, но не хотел терять девочку.

В глубине души Отверженный радовался, что дочь Фирота не пожелала покидать этот мир и ему не придется прощаться с девочкой навсегда. Это звучало эгоистично, но это было именно так.

Эгистес боялся остаться в одиночестве. Именно поэтому он хотел бы поговорить с Кисарой. Они оба обладали темным даром, но южанка жила среди обычных людей и могла бы многое рассказать Эгистесу, что так и не решился подобный шаг.

Но теперь южанки нет. Неизвестно, выживет ли сам колдун, когда все закончится и закончится ли это при его жизни. Умирать еще раз Эгистес не хотел и, если бы не фокусы архимага, его вместе с Алирой здесь бы уже не было.

Но сейчас, когда камень Возврата уничтожен, остается только держаться вместе со всеми. Эгистес не доверял никому, кроме Алиры и это угнетало его, не давая покоя.

— Мы кое-что нашли, — бесшумной походкой из темноты вышла Исель, недовольно взглянув на направленный ей в грудь меч Гириона.

— Что именно? — Рыцарь-защитник окинул темную эльфийку взглядом и опустил оружие.

— Большой зал, в середине что-то похожее на врата Пути, только очень старые и, — эльфийка отвела взгляд. — Сломанные. Они разбиты и, судя по следам, не магией. Мы проверили путь и само помещение — никаких ловушек нет.

— А какая-нибудь магическая дрянь? — поинтересовался Скар. — Может, пустим вперед старикана? Убьет — не жалко. Он свое уже отгулял.

— Благодарю за доверие, — сухо бросил архимаг, смерив ухмыляющегося зверолода укоризненным взглядом. — Я был о Вас лучшего мнения, господин Кровожад.

— Прости, что разочаровал, — хмыкнул Скар, не проявляя ни капли раскаяния. — Теперь, наверное, не смогу нормально спать по ночам, без твоего-то доверия... Если выживу.

— Я проверила зал и на магию тоже, — вставила эльфийка. — Как я и говорила — я только учусь чародейству, но даже моих способностей хватает, чтобы распознать ловушки, если бы они были. Поверьте, в этом мой народ разбирается.

— Веди. — Несмотря на присутствие пастыря в отряде, команду отдал Гирион, а сам Алектис, казалось, замкнулся в себе.

Немного восстановив силы, Кая вновь разожгла на своей ладони маленький огонек и он, вместе с посохом некроманта осветил ровные гладкие стены, слегка подрагивающие в слабом пламени.

Подземелья обители Нерушимых Врат не отличались от убранства верхних этажей: знамена ордена и тексты молитв, выгравированные в камне чуть выше уровня глаз. Где-то писания прерывались вырезанными фресками, изображающими деяния Сидония Воздаятеля или сценами минувших битв его ордена.

Идеально подогнанным каменным плитам могли позавидовать особняки вельмож, так же, как и высоким потолкам, чьи овальные своды поддерживали белоснежные колонны, которых совсем не коснулось время. Все в обители Нерушимых Врат, будто замерло и лишь обереги учащенно бились в древних стенах, словно сердце самой цитадели, переживающей свои последние мгновения.

Как и говорила темная эльфийка, они вышли в темное помещение, в центре которого стояли врата Пути. Задумчивый Таллаг бродил кругами, а Калеос замер у дальней стены, изучая что-то сокровенное от остальных непроницаемым мраком подземелья. Обернувшись к прибывшим, зверолод удостоил их мимолетного взглядом, после чего вновь склонился над вратами, вода по камням ладонью.

— Плохо видно, — проворчал Таллаг. — Посветите.

Архимаг подошел поближе, жестом подозвав Каю, и пламя волшебницыхватило из темноты то, что когда-то являло собой портал. Чтобы не произошло с вратами Пути, пользоваться ими теперь не получилось бы при всем желании: камни с магическими символами кто-то нещадно обломал чем-то тяжелым, обратив в груды бесполезных булыжников.

— Так и знал, — Таллаг указал на явственные царапины на боку одного из обломанных столбов. — Это даже не молот, скорее булава, но уж точно не магия. — Острый коготь зверолода поскреб раскрошившийся край глубокой царапины. — Кажется, у одного из

ваших братьев было подобное оружие, булава в виде солнца. Его звали... Лертас! При упоминании храмовника, что спас ее жизнь, Исель опустила голову.

— Это не мог быть он, — недоверчивый Гирион в несколько широких шагов подошел к месту, рядом с которым сидел Таллаг. Внимательно изучив следы от оружия, гиритец помрачнел еще больше.

— Я же говорил, — с чувством превосходства, Таллаг выпрямился.

— Все булавы в нашем ордене выглядят так, — рыцарь-защитник продолжал изучать царапины, словно желал найти какой-то несоответствие. Но такового не нашлось. Гирион прошел множество сражений и легко мог узнать следы, оставленные оружием братьев по ордену. Так же, как и сейчас.

— Зачем гиритцам ломать врата Пути в обители сидонитов? — Фалкон посмотрел на обломки так, будто искал в них ответ на свой вопрос. — И где тот, кто это сделал?

— Его здесь нет, как и того, что мы ищем, — Гранер Ласкнир встал в центр круга на платформе и широко раскинул руки.

Между тонкими пальцами архимага промелькнули фиолетовые всполохи, искрами слетевшие на забытые каменной крошкой линии символов. Но ничего не произошло. Волшебство архимага почти сразу же погасло.

— Только не говори, что ты снова все сломал! — Таллаг скривил губы. — Опять оставил нас без шанса вернуться домой!?

— Отнюдь, — устало покачал головой старик.

Долгие переходы измотали немолодое тело мужчины. Он с трудом выровнял дыхание, но ничего не мог поделать со слабостью в ногах и болью в костях, терзавшей его долгие годы.

— В этих вратах Пути уже нет магии. Она исчезла в тот миг, когда кто-то уничтожил большую часть фокусирующих столпов. Думаю, что даже при должной подготовке, этот портал никогда не заработает. Он, как бы сказать, мертв.

— Замечательно, — буркнул Скар. — Прекрасные новости!

Пол в помещении вдруг резко дернулся, причем гораздо сильнее, чем прежде. Обломки камней на платформе врат тревожно зашуршали, обваливаясь с привычных мест, которые начали занимать новые, отваливающиеся от стен и потолка.

Не стовариваясь, все подняли головы вверх и в последние мгновения сумели отскочить назад, когда огромный обломок плиты, отколовшийся от потолка, рухнул вниз, похоронив под собой все, что осталось от врат Пути.

— Теперь уже точно — все, умер портал, — Таллаг еще не договорил, а его уже перебил Алектис:

— И мы все скоро умрем. Мужайтесь. Обереги...

С тревожным звоном обереги обители Нерушимых Врат начали один за другим лопаться, лишенные подпитки и не выдерживающие давления Скверны. Что-то наверху с грохотом обрушилось, и потолок вновь затрясся. Торжествующий и страшный смех разлетелся по верхним этажам цитадели и его отголоски, просочившись даже сквозь камни, достигли ушей тех, кто замер в комнате с уничтоженным порталом.

Эгистес Отверженный поднял посох и тот засветился сильнее, заполняя почти все помещение мягким и пульсирующим зеленым светом. Его было не много, но даже этого хватило, чтобы заметить, как по стенам поползли широкие паутинки трещин.

— Наверное, это упали ворота или вся стена, — резонно предположил Таллаг.

— Да ну? — Исель, нервничая, закусил губу.

— Серьезно, — как ни в чем не бывало, кивнул зверолод. — Предлагаю что-то делать.

— Отличное предложение, — не удержавшись, съязвила Лисандра. — Что, например?

— Сражаться, — не задумываясь, ответил Скар. — Последняя битва...

— Нас просто раздавит камнями еще до того, как твари Бездны найдут это место, — сжимающий свой молот Фалкон расстроился не меньше жаждущего боя зверолода.

— Сюда! — Калеос, все это время изучавший дальнюю стену, резкими жестами поманил остальных за собой и стремительно скрылся во тьме, не переставая шипеть от боли в искаленном плече.

Скар, собравшийся было встретиться с полчищами демонов лицом к лицу, вынужден был убрать топоры и попятиться назад, когда повалившиеся сверху осколки застучали по его броне каменным градом. Зверолод зарычал, но Лисандра ухватила его за плечо и увлекла за собой.

Кая замешкалась и слишком поздно сбросила с себя оцепенение. Когда над ней нависла тень, девушка запоздало подняла голову, увидев быстро падающий камень, размером с нее саму. Отказавшиеся повиноваться Кае ноги предательски подогнулись.

— Тлен!

Зеленое пламя прошелестело над головой волшебницы, обдав ее могильным хладом. Сорвавшееся с посоха некроманта, оно охватило камень прямо над головой Каи и вместо него, на девушку посыпался невесомый порошок, словно огромный великан мигом стер камень в пыль.

Д три прыжка Алира оказалась рядом с Каей. Прислужница колдуна легко подняла девушку и быстро отскочила к стене. Они последними покинули обрушивающуюся залу через открывшуюся в одной из стен дверь, обнаруженную темным эльфом. Едва успев сделать это прежде, чем огромный обломок стены упал вниз, замуравив вход.

Но никто не смотрел назад, все спешили лишь по одному оставшемуся у них пути — вперед.

— Жизнь после смерти едва ли придется тебе по вкусу, — бросил через плечо некромант, когда Кая сумела встать на ноги. — Если мы выживем, я хотел бы получить обещанную награду.

— Хорошо, — пробормотала ученица мага в след некроманту. — Спасибо. — Поблагодарила она и колдуна и уже шагавшую с ним рядом Алиру.

От этого подземелья у девушки мурашки шли по коже. Кае даже казалось, что в каждом темном углу ее подстерегает смерть. Вздрогнув, волшебница разожгла пламя на ладони сильнее.

Тихие голоса, которые Кая раньше не замечала, зазвучали в ее голове. Поначалу она приняла их за звон в ушах, после того, как лопнули обереги обители, но теперь поняла, что ошиблась.

Странные голоса требовали, просили и умоляли, смеялись и плакали, сводили с ума, раздражали и будоражили рассудок. В висках волшебницы разожглась искра боли и все перед глазами начало темнеть.

Где-то впереди тихо вскрикнула Исель, и предостерегающе зарычал волк.

— Пастырь! — Голос Гириона прогремел гудящим колоколом в ушах Каи, в которые словно залили воду.

Откуда-то издалека, сквозь охватившую разум волшебницы пелену, к ней начал

пробиваться знакомый голос, ярко выделяющийся среди дребезжащего хора других. Он звучал все яснее и яснее, проникая в сознание Каи и отбрасывая назад сгущающуюся в нем тьму.

Когда девушка смогла открыть глаза, то увидела, что стоит на коленях, прижав ладони к ушам. С трудом убрав дрожащие руки, девушка поняла, что слышит голос пастыря Алектиса, читающего молитву.

— Бездна проникла в эти стены, — Гирион помог ученице архимага подняться. — Кто-то еще находится под ее воздействием?

— Теперь все в порядке, — тяжело опирающийся на стену Калеос потряс головой. — Ты как? — обратился он к сестре.

— Я обладаю даром, — эльфийку ощутило мотало из стороны в сторону. Подоспевший Таллаг поддержал девушку и та благодарно улыбнулась ему. — На подобных мне, воздействие Скверны давит сильнее, но я смогу идти.

— Тогда ведите. — Приказал Гирион. — Против всей тьмы Потерянных земель долго не продержится даже пастырь. Он сделал знак Исель и темная эльфийка, только что выровнявшая дыхание, первым скользнула вперед.

Длинный и темный коридор, всегда уходящий вниз, дважды вильнул и вывел отряд к лестнице, чьи широкие ступени терялись в темноте. Казалось, в ровном вырезанном в полу проеме расплескался вековечный мрак. Он растянулся у ног еще одной статуи Сидония Воздаятеля. Бог Отмщения навеки замер в такой же позе, что и остальные его изваяния: расправленные широкие плечи, горделиво вздернутый подбородок и руки, покоящиеся на рукояти меча. Каменное лезвие упиралось в пол и словно указывало на путь вниз.

— Кладка здесь намного старше, чем остальная крепость, — присев рядом с краем проема, Исель провела рукой по шершавым камням его отделки. Эльфийка говорила непривычно громко, чтобы перекрыть грохот рушащейся обители.

— Вы правы! — Голос Гранера Ласкнира зазвенел от восторга. — Они должны быть там! Изначальные Врата! — Архимаг, невзирая на преклонный возраст и усталость, прямо таки подпрыгивал от радости и нетерпения.

Возбуждение учителя передалось и Кае. Как и ее наставник, девушка была увлечена магией созидания, и ей не терпелось воочию увидеть легендарные врата.

Огонек на ладони девушки затрепетал в такт ее учатившемуся сердцебиению, выдавая волнение волшебницы. Она чувствовала древнюю магию, сочащуюся откуда-то снизу, ровным потоком струящуюся по ступеням вверх и растворяющуюся здесь.

Слабый отголосок, похожий на неразборчивый шепот вот и все, что осталось от волшебства, заложенного в основе мироздания.

* * *

Впереди показался свет. Он отражался от оплавленных стен, принося с собою ветер, звон клинков и рев тысячи глоток. Множество безумных голосов выкрикивали имя принца-демона Штранризгара, захлебываясь и упиваясь его звучанием. Среди ликующих воплей оскверненных слышались и чистые, человеческие голоса, взывавшие к Сидонию Воздаятелю. Чем ближе Кисара подбиралась к выходу на поверхность, тем сильнее сомнения овладевали ее сердцем.

Наверху, прямо над ее головой, бушевала Скверна, закручивая в своем безудержном вихре темную магию, пропитанную болью и страданием. Если бы не благословение светлых богов, девушка давно лишилась рассудка, превратившись в марионетку Бездны. Это же благословение защищало ее и от молитв сидонитов, гремящих над битвой и заставляющих демонопоклонников заходиться истошными воплями.

Именно в это безумие вел заклинательницу Алард Дарий и, возможно, только это заставляло ее идти вперед.

Широкая спина Верховного лорда сидонитов, сокрытая алым плащом, загораживала почти все пространство перед южанкой. Но она была этому только рада, особенно когда под ногами девушки захлюпала кровь, густым ручьем стекающая в дыру, прожженную Аренвиром. Красная человеческая кровь смешалась с оскверненной черной, единым потоком устремившись вниз и питая эту проклятую иссохшую землю.

Южанка вспомнила слова Миаджи о том, что она слишком неуверенна в себе и пуглива. Демоница оказалась абсолютно права. Кисара знала это и всегда стыдилась своих чувств.

Всегда, но не сейчас.

Присутствие Аларда Дария вселяло в девушку такую уверенность в собственных силах, что она могла свернуть горы, только бы этот мужчина всегда был рядом. Поскальзываясь и стараясь не упасть, Кисара шагала по глубоким следам храмовника, на ходу собираясь с силами и разжигая свой дар. Чтобы ни ждало ее наверху, она будет к этому готова и не окажется бесполезной.

Стоило стенкам тоннеля остаться позади, как Кисару накрыл гвалт ожесточенной битвы. От бушевавшей здесь темной магии, у южанки перехватило дух, глаза заслезились, к горлу подступила тошнота, а в голове зазвучали голоса, нашептывающие ей страшные вещи.

Голоса усилились, когда один из браслетов-оберегов на руке южанки лопнул. Зажав голову руками, девушка упала на колени. Она готова была разрыдаться, но неожиданно боль и голоса отступили, в голове прояснилось и Кисара почувствовала на плече чью-то руку.

— Борись, — произнес Алард Дарий, заглядывая в ее глаза.

За широкой спиной храмовника уже лежали трое поверженных демонов.

— Борись с тьмой в себе, и она никогда не одержит верх, пока ты не сдашься. Неверие никогда никого не спасало — уверуй в свет внутри себя и все станет возможно. Ты одержишь верх над своим естеством и подчинишь его.

Храмовник легко помог девушке встать и та благодарно кивнула. Быстро оглядевшись, Кисара поняла, что находится во внутреннем дворе обители Нерушимых Врат, вот только выглядел он иначе, нежели раньше.

Выжженный Аренвиром тоннель вывел сидонитов и южанку к внутренним воротам обители, стекающая из-под которых кровь и просачивалась в тоннель. С высоких ступеней открывалась ужасная картина — на разрушенных стенах висели обезображенные человеческие тела в помятой красной броне, пригвожденные к камням острыми колючими шипами, а весь двор был устлан трупами, прямо на которых продолжали сражаться порождения Скверны и противостоящие им сидониты.

Рыцари ордена проникали в крепость сквозь широкий разлом в стене, сразу же вступая в бой с превосходящим их по численности войском Бездны. Сидонитам удалось отбросить защищавших крепость демонов назад, расчистив место у стены, чтобы остальные воины в красной броне смогли принять участие в битве.

Стальным кулаком своего бога сокрушив оскверненных, храмовники сейчас сцепились с

демонами в костяной броне. Обе стороны несли серьезные потери, но воины Сидония Воздаятеля не желали отступить, предпочитая бегству смерть.

Поглощенные битвой, демоны не сразу обратили внимание на то, что творится у них за спинами. Волны магии храмовников бушевали внутри содрогающихся стен. Разносящиеся над боем молитвы, мешали созданиям Бездны сосредоточиться.

— Нужно помочь, — Кисара взмахнула рукой, готовясь высвободить ослабляющие формулы, но Алард остановил ее.

— Твое рвение и храбрость достойны похвалы, Говорящая, но нужно ударить сильнее, пока нас не заметили. Отойди назад. Дрэтон, защищай ее.

— Но... — прежде чем Кисара воспротивилась, Брин отстранил ее назад, вынудив отступить.

Из-за широкой спины капитана сидонитов, Кисара наблюдала, как Алард Дарий простер вперед левую руку и над его ладонью заискрились алые искорки. Они кружили между пальцев храмовника, разлетаясь все шире и шире и формируя в его открытой ладони какой-то предмет.

Спустя всего лишь несколько ударов сердца, над дланью Верховного лорда сидонитов уже парил распахнутый фолиант, на чьих белоснежных страницах кровью проступали ровные строки.

С замиранием сердца, Кисара поняла, что видит Свод Приговоров, священную книгу сидонитов, о которой она читала в древних легендах. Согласно старым писаниям, лишь Верховные лорды ордена, наделенные богом Воздаятелем огромной силой, могли получить доступ к столь мощному артефакту. В этой книге содержалась летопись деяний самого Сидония и никто, кроме его самых преданных воинов не мог призвать и прочитать ее.

— Да восславится Воздаятель, — отчетливо прошептал Дрэтон, приложив к нагруднику правый кулак. — И обрушит он кару свою на головы неверным.

Сквозь шум битвы, Кисара не могла разобрать слов, что произносил Алард Дарий. Не этого не требовалось. Он лишь слышала сильный и чистый голос, звучащий, кажется, внутри ее сердца и наполняющий его трепетом, который лишь усилился, когда за спиной Верховного лорда распахнулись почти невидимые алые крылья.

Голос Аларда Дария стал сильнее, а его массивная фигура, закованная в латы начала медленно подниматься вверх. Храмовник парил прямо в воздухе, на уровне крепостных стен, продолжая читать священные писания, и теперь Кисара смогла разобрать его слова:

— Не устроясь Бездны, не польстившись посулами лживых языков ее и презрев всяческую Скверну, не дрогну я, ибо со мной вера моя и мой Бог. Без страха смотрю я в лицо Тьме и десница моя — карающая длань!

Аренвир засиял ярким золотым светом и Алард Дарий направил его острие на полчища демонов, заполонившие внутренний двор.

По рядам сражающихся пронесся воодушевленный возглас — сидониты первыми заметили своего лорда.

Дрэтон Брин начал повторять слова молитвы вместе с братьями по ордену и его тело охватила алая дымка. Кисаре даже показалось, что капитан сидонитов увеличился в размерах.

— Пусть слаб я перед лицом Воздаятеля, но силен величием Его! Ведь Он всегда со мной и я — воплощение воли и гнева Его! — Голос Верховного лорда прогремел на обителью Нерушимых Врат и задние ряды демонов обернулись к нему. Их глаза горели

жаждой крови и яростью. — Долг мой — вершить Возмездие! Вера моя — Его воля! Сам — карающий меч в Его руке!

Алард Дарий медленно поднял руку и выпустил Аренвир. Древняя алебарда поднялась над головой храмовника, направив свое острие на тех, в чью сторону пал его полный гнева взор.

— По деяниям вашим, осудят вас!

Аренвир, Вершитель Возмездия вспыхнул так ярко, что демоны дрогнули, а сражающиеся с ними сидониты наоборот, воспрянув духом, бросились в бой с новыми силами. Охваченные алым свечением, храмовники с поразительной скоростью и грацией, вкупе с непостижимой силой, продолжили бой, разбрасывая демонов в стороны и круша их черепа.

Демоническая плоть содрогалась от сильных ударов, а сами сидониты, будто не ведали усталости и боли. С горящими гневом глазами они подобно неуправляемым штормовым волнам сметали все на своем пути, и ничто не могло теперь остановить их.

Порождения Бездны, отвернувшись от храмовников, бросились к тому, кто парил над битвой, произнося обжигающие их черные сердца слова.

— Каждый, кто всем естеством своим отдался Скверне, — невозмутимо продолжал Алард Дарий. — Заслуживает казни, ибо приговорен Верховным Воздаятелем.

Над головой храмовника начали загораться маленькие алые звездочки, быстро изменявшие свой размер и вытягивающиеся. Прежде чем демоны успели подобраться ближе, фигуру Аларда Дария окружало множество призрачных подобий Аренвира, подрагивающих, словно в нетерпении.

— И да свершится Возмездие!

Верховный лорд сидонитов опустил свою длань и тысячи копий в едином порыве устремились к земле, пронзая измененные Скверной тела. Обитель Нерушимых Врат содрогнулась от многоголосого воя боли, когда гнев бога Воздаятеля обрушился с небес, не щадя ни одного нечестивого сердца.

Почти не дыша, Кисара взирала на то, как содрогаются пронзенные подобиями Аренвира демоны, пригвожденные к пропитанной кровью земле. Те, что не умерли сразу, изрыгали проклятья, стенали и выли, посылая богохульные речи и угрозы в лица подходящих ближе сидонитов. Без колебаний и жалости алые храмовники убивали одну обездвиженную тварь за другой и голосов, звенящих болью над полем боя становилось все меньше, пока они не затихли вовсе.

Южанка отвернулась от жестокой расправы, взглянув на Аларда Дария. Верховный лорд сидонитов опустился на землю. Фолиант пропал из его рук, как и крылья. Храмовник бесстрастно взирал на поверженных противников и сейчас походил на свою статую из Фририарда — гордый, величественный и готовый к бою.

— Свершилась, — Дрэтон отступил в сторону, пропуская Кисару вперед. — Скоро мы вернем нашу обитель! Верховный лорд снова с нами!

— Как получилось, что демоны захватили вашу крепость и пленили лорда? — Сила и стойкость воинов Сидония поразили южанку, и теперь она никак не могла понять, как получилось, что им пришлось уступить свою цитадель.

— Предательство, — капитан храмовников буквально выплюнул это слово. — Верховный лорд в одиночку прикрывал наше позорное отступление, чтобы сохранить наши жизни и дать время собраться с силами. Клянусь, тогда он бился, словно сам бог Воздаятель

и множество врагов пало от его руки, как и сейчас. Но даже Алард Дарий не всемогущ и он был пленен, когда его верный Арэнвир сломался. И виною этому...

— Гиритцы! — Догадалась Кисара, вспомнив недавнюю злость старого капитана на орден бога Защитника.

— Гиритцы, — Дрэтон согласно кивнул. — Те, кто звался нашими братьями, бросили нас! Во время вторжения их здесь было пятеро. Это гиритцы привели врагов в наш дом, а потом просто пропали! Надеюсь, бог Защитник покарал своих недостойных детей за трусость и отступление от клятв, что они приносили ему!

— Покарал, можете не сомневаться, — Кисара кивнула, представив, как жалко выглядят лишённые благословения гиритцы в сравнении с той мощью, что она видела только что. — Битва ещё не окончена, братья! — когда последнее демоническое сердце во внутреннем дворе прекратило биться, Алард Дарий обратился к братьям по ордену. — Настало время очистить от Скверны наш дом и смыть её следы кровью её же порождений!

Воодушевленные сидониты выстроились перед лордом ровными рядами, с готовностью выполнить любой его приказ и последовать за предводителем хоть в самую Бездну. Их осталось немного, не больше шести десятков, но удивительная харизма, решительность и властность лидера располагала к Аларду Дарию не только простых смертных. Каждый сидонит готов был отдать свою жизнь, за него, зная, что и сам Верховный лорд, не раздумывая, рискнет своей ради любого из своих братьев.

Решительным шагом Алард Дарий проследовал к внутренним воротам и, встав перед ними, приказал: — Откройтесь!

С протяжным скрипом древние створки поползли в стороны. Не сдерживаемая ими более кровь ручьями полилась по ступеням.

— Что это?! — Кисара отскочила назад.

— Ты же не думала, что мы отдали свою обитель без боя? — Дрэтон Брин последовал за своим лордом.

— Так кто же вас предал? — аккуратно ступая по камням, спросила южанка. — Кого привели гиритцы?

Обернувшись, капитан сидонитов обжег её взглядом:

— Те, кто управляет вратами Пути. Они сказали, что с помощью Изначальных врат смогут узнать, как предугадать или даже предотвратить появление врат Бездны. Когда же мы допустили их до священных залов — они предали нас. Жажда власти и стремление к знаниям, запретным для этого мира, гордыня, вот что двигало ими! Вовсе не добрые помыслы. Они были одержимы, но не Скверной, а собственным тщеславием! Проклятые маги!

Два мира

Голос пастыря Алектиса изменился, стоило отряду прекратить спускаться вниз. Теперь он звучал значительно сильнее, словно отражаясь от стен и высоких сводов, будто пастырь молился не в подземелье, а в главном соборе своего ордена.

Потрескавшиеся от времени каменные ступени привели отряд в огромную залу, сравнимую, пожалуй, с той, где они оказались, попав в обитель Нерушимых Врат.

Густая тьма, скрывавшая все вокруг, расступилась перед магией Каи и светом от посоха некроманта, но из мрака не показалось ничего, кроме пола. Идущий первым Калеос

удивленно присвистнул, разглядев то, чего пока не видели остальные.

— Как... — Исель замолчала, подбирая подходящее слово. — Величественно. — Темная эльфийка, как и ее брат хорошо видела в темноте.

— Эй, как тебя там, волшебница, можешь посветить получше? — Скар с укоризной взглянул на ученицу архимага. — Я не такой глазастый, как остроухие.

— Простите, я еще не восстановилась полностью, — извиняющимся тоном ответила Кая. Девушка сосредоточилась. Огонек на ее руке разгорелся немного ярче и границы тьмы сдвинулись лишь немного, так ничего и не открыв.

— Не так, милочка, — Гранер Ласкнир мягко отстранил ученицу, накрыв морщинистой ладонью огонек в ее руках и тот сразу же погас, погрузив зал в крошечный мрак.

— О, теперь гораздо лучше, — скептически заметил Кровожад.

— Не спешите с выводами, юноша, — с чувством превосходства, которого раньше в его голосе не замечалось, ответил Гранер Ласкнир и сухо щелкнул пальцами.

Навершие посоха архимага вспыхнуло множеством ярких огней, закружившихся и поднимающихся вверх. Огоньки поднимались все выше, пока не достигли высокого сводчатого потолка, чей пролет едва ли не превосходил находящегося где-то над ним крепостного двора.

Разгораясь все сильнее, огоньки достигли цели и быстро прыснули в стороны, десятком маленьких солнц засияв в гладком каменном небе купольного свода, отливавшего золотом.

На самом верху замерло всевидящее око — символ Ифриила Создателя. Оно бесстрастно взирало вниз, и его тяжелый взгляд ощущался в каждой точке залы.

Ниже раскинулись сферические треугольники подкупольного пространства. Украшенные яркой мозаикой, они изображали сцены создания Ифриилом нового мира и запечатывания старого — изменяющиеся под дланями бога.

Далее следовало великое множество ниш, так же, выложенных мозаикой. Здесь можно было увидеть весь пантеон Светлых земель! Сидоний Воздаятель с пылающим клинком, сражающийся с полчищами демонов. Гирит Защитник, башенным щитом прикрывающий стоящих за его спиной людей от Тьмы. Юная Лигея Благодетельница, исцеляющая раненных. Наделяющая магическим даром смертных, Арифа Чаротворица — красивая и немного надменная женщина с короткими светлыми волосами и глазами разного цвета. Склонившийся над книгами покровитель знаний старец — Киор Мудрый. Женственная и прекрасная Милиса Дающая Жизнь, баюкающая на нежных руках новорожденного младенца и глядящая на него ласковым взглядом. И даже Велес Скорбящий, повелитель смерти — бог изгой, чьи последователи первыми открыли врата в Бездну и выпустили Скверну из заточения, замер в одной из ниш в виде худой фигуры в глубоком темном капюшоне.

Были здесь и боги, коих почитали другие расы Светлых земель: Праматерь Урсула — почти нагая, светловолосая и хищно-красивая девушка в одной лишь волчьей шкуре. Ее окровавленные губы растянулись в улыбке, обнажая острые клыки, а во взгляде зеленых глаз застыла легкая насмешка и вызов; Фортаг Всеотец — суровый дворф с седой бородой, ледяным молотом и в полном боевом доспехе; Гномские богини сестры Нейва и Грейва, символизирующие удачу и неудачу. Их лица скрывались под капюшонами, в тени которых огнем драгоценных камней горели глаза. Черный дракон Фаэлигоазис — повелитель темных эльфов, раскинул свои широкие крылья рядом с золотой драконицей светлых эльфов — Арсимозой. Слева от них дремала покровительница лесов и обитающих там лесных эльфов — изумруднокрылая Ламиэриоза.

Та, кому поклонялись в далеком Шахриате — богиня жизни темноволосая Мириада с добродушной улыбкой смотрела вниз. Она держала в руках кувшин с узким горлышком, поливая живительной влагой золотой песок пустынь. Бог смерти Силиад, чье лицо скрывали белые повязки, наоборот, смотрел зло, зажав в руке хлыст из песчаной бури.

Отдельного места удостоились и боги зеленокожих — низкорослый Фурн, почитаемый гоблинами, как бог дождя, широкоплечая Шигар — мать земли и покрытый ритуальными шрамами бог войны орков — Баруг, в одной лишь набедренной повязке и с окровавленным топором в мускулистых руках.

Изображения хранителей Светлых земель не подверглись воздействию времени и выглядели так, будто неизвестный мастер сотворил их совсем недавно, вложив в работу всю свою жизнь. Они казались близкими и, в то же время далекими, замерев высоко над полом, изображавшим древнюю карту Светлых земель.

По краям многоугольного зала возвышались статуи сидонитов, с символами Воздаятеля на груди. Взоры каменных стражей подземелья были обращены к его центру, где находился округлый постамент, недвижно парящий над полом и медленно вращающийся. — Учитель, — робкий голос Каи заставили всех оторваться от созерцания великолепия этого места и взглянуть в сторону девушки. — У Вас что, кровь? — она указала на маленький красный след, оставшийся на полу за магом, направившимся к парящей платформе.

— Что? — Гранер Ласкнир даже не обернулся. — Тебе показалось, девочка, я не ранен.

Карт, не отходивший все это время от Скара, осторожно подошел к маленькому пятну, понюхал его, и хотел было слизнуть, но, покосившись на зверолода, прижал уши к голове и отступил.

— Погоди-ка, старик, — Скар нахмурился, делая шаг следом за архимагом, но тот его не слушал.

— О чем ты? — придержала зверолода за руку Лисандра, наблюдая, как он присел над алым следом, втягивая ноздрями воздух.

— Эта прожорливая скотина всегда только и ищет, где бы умыкнуть что-то, чего ему еще не запрещали. — Скар задумчиво взглянул на волка. — Карт бы слизал эту кровь, если бы ему не приказали этого не делать. Потеряв хозяина, он слушает лишь меня, но сейчас я молчал. — Сбросив руку девушки, Кровожад вскочил и сделал шаг за магом. — Кому говорю, стой! — В два широких прыжка, зверолод оказался перед старцем, заступив тому дорогу.

— В чем дело? — Раздраженно процедил Гранер Ласкнир сквозь зубы.

— В том, что у тебя посох в крови, — краем глаза Скар увидел, как гиритцы, насторожившись, подходят ближе. — Не скажешь, откуда она?

— Разве ее мало пролилось за время нашего похода? — передернул плечами архимаг, взяв себя в руки. — Отойдите, пожалуйста, в сторону, господин Кровожад, мне необходимо как можно быстрее осмотреть Изначальные врата.

— Архимаг прав, — рука Фалкона легла на плечо Скару. — Скоро твари проберутся через завалы.

— Послушайте храмовника, господин Кровожад. Мне необходимо начать работать прямо сейчас, если все мы хотим выбраться отсюда живыми. Врата могут перенести нас...

— Их следует уничтожить! — Вмешался в разговор Гирион. — Если их получают демоны, все Светлые земли будут в опасности!

— Мы все погибнем, если не покинем это место. — Возразил Эгистес.

— Значит, нам суждено умереть. — Не задумываясь, отрезал рыцарь-защитник. — Мы не можем оставить Врата в лапах отродий Скверны!

— Спокойнее, господа, — примирительно улыбнулся Гранер Ласкнир, подняв руку в предупреждающем жесте. — Думаю, что смогу перенести нас обратно. Эти Врата связывают не точки одного мира, они проходят через сами миры. Если я смогу их, скажем так, немного переделать, то они, вероятнее всего, разрушатся после первого же применения.

— Говори яснее, — потребовал Скар. Зверолюд все еще с недоверием смотрел на мага, но все же решил отложить разбирательства до более удобного случая.

— Я смогу и перенести нас и разрушить врата, — пояснил Гранер Ласкнир. — Но мне потребуется время. Я должен все здесь осмотреть. Просто недопустимо, чтобы единственные в своем роде Врата были уничтожены просто так. Я должен все запомнить и тогда смогу воссоздать их.

— Действуйте, но помните, времени у нас не много, — Гирион кивнул. — Если не успеете, и они все же прорвутся — мы будем их сдерживать столько, сколько сможем, а вы — разрушите врата.

Архимаг, чье внимание уже полностью занимала находка, рассеянно кивнул, постукивая посохом по полу и обходя платформу по кругу.

— Не нравится мне это, — сердито буркнул Скар, провожая старого мага недовольным взглядом, задержавшимся на конце посоха, то и дело ударяющегося о каменный пол. На нем отчетливо виднелась кровь.

— Пойдем, — Лисандра поманила зверолюда за собой. — Если демоны проберутся сюда, наша помощь потребуется, чтобы удержать вход.

— Двое гиритцев вполне преградят им путь, — не согласился Скар, кивком указывая паладину в сторону прохода. — Там не слишком-то широко, а храмовники довольно крупные — мы будем друг другу только мешать. Я лучше посторожу нашего всезнайку.

— Мы, как я поняла, тоже остаемся здесь, — Алира вопросительно взглянула на некроманта.

Эгистес Отверженный, как и архимаг, всецело был поглощен изучением платформы. За мужчинами робко следовала Кая.

— Тогда я, Исель, Калеос и Таллаг будем рядом с пастырем. — Решила Лисандра. — Стоит достопочтенному Алектису замолчать, как нам придется туго. Если демоны порвутся, в первую очередь попробуют добраться до него.

— Карт, — Скар потрепал волка по мощной холке. — Иди с ней.

Мохнатый хищник дернул косматой головой, оставшись со зверолюдом, которого теперь считал хозяином. — Как знаешь, — пожал плечами воин, проводив удаляющуюся Лисандру взглядом.

Девушка быстро шла к коленопреклоненному пастырю. Алектис молился чуть в стороне, напротив изображения Гирита Защитника, скрестив руки на груди и положив свой меч перед собой.

Скар отвернулся от входа, сосредоточив внимание на архимаге. Старик что-то говорил Кае. Они, кажется, спорили. Зверолюд напряг слух, и его острые уши дернулись, улавливая малейшие звуки.

— Учитель, эти Врата — давно мертвы, — шептала Кая, беспокойно глядя на платформу. — По крайней мере, с этой стороны они не откроются. Почему вы солгали всем?

— Я не лгал, — ответил Гранер Ласкнир.

— Но...

— Ты права — с этой стороны врата не открыть. Но нам нужно лишь подождать.

— Чего? — не поняла юная волшебница, удивленно захлопав длинными ресницами.

— Пока они откроются с той стороны, — улыбнулся Гранер Ласкнир. — А отсюда мы пробудим их кровью, — он с улыбкой посмотрел на собравшихся у входа в зал защитников. — Ждать осталось не долго, поверь.

* * *

Когда створки обители Нерушимых Врат полностью распахнулись, возглавляемые Алардом Дарием сидониты увидели выстроившихся в глубине зала противников. Те замерли у ног обезглавленной статуи Сидония Воздаятеля, чей меч был, также, сломан пополам и одна из его частей лежала у дальней стены.

Высокие, превышавшие в размерах храмовников, облаченные в жуткую костяную броню, перемазанную кровью и украшенную жуткими трофеями, срезанными с человеческих тел, демонические воины неподвижно застыли, глядя прямо перед собой.

Распятые на их стягах тела непрерывно извивались, роняя с пустых глазниц кровавые слезы и разевая рты с вырванными языками.

Впереди ужасающего строя возвышался настоящий гигант с усеянной черепами булавой. Он воздел свое жуткое оружие над головой, издав какой-то булькающий звук, доносящийся из-под глухого забрала его шлема, украшенного множеством рогов.

— Да свершится казнь, — Алард Дарий бесстрашно выступил навстречу врагу, сжимая в руке сияющий Аренвир. — Во имя Возмездия! — Он первым бросился вперед. Сидониты алой волной хлынули в обитель за своим Верховным лордом.

Алард Дарий вскинул руку с алебардой, посылая ослепительный луч алого света в сторону начавших движение демонов, но их предводитель ударом булавы отразил магию храмовника и та, скользнув по стенам, растаяла в воздухе и воины столкнулись.

Лязгнула сталь, и от потрескавшихся стен отразилось озлобленное шипение демонов и молитвы сидонитов.

Кисара оказалась в тылу храмовников. По приказу Дрэтона Бриана ее охраняло двое воинов. Их охватывала багровая дымка — рыцари стремились в бой, однако не смели нарушить приказ своего капитана.

Южанка не видела ничего перед собой, картину битвы закрывали спины сидонитов, но она слышала дребезжащие призывы предводителя демонов и сильный голос Верховного лорда алых храмовников, призывающий своих братьев сражаться.

Отбросив в сторону молодого рыцаря с раздробленной окровавленной головой, демон в рогатом шлеме издал полный удовольствия утробный рев. Монстр видел, как пробивающийся к нему Алард Дарий пронзил алебардой тело демонического воина, одним рывком разрубив того от живота до ключицы.

Костяные доспехи не выдерживали холодной ярости восстановленного Аренвира и рыцари Скверны падали под ударами Аларда Дария один за другим.

Но и сидонитам приходилось тяжело. Ослабленные боем и понесшие тяжелые потери, они сражались яростно и стойко, но силы были неравны. Все новые и новые воины Бездны врывались в главный зал обители из второстепенных коридоров, в надежде вкусить свежей

плоти.

Но чем больше становилось врагов, тем усерднее сражались храмовники и тем сильнее становились их удары. Они видели перед собой орды тех, против кого сражались всю жизнь, но не испытывали страха. В сердцах сидонитов для него не было места. Их вел в бой Верховный лорд, тот, кого прозвали Клинком Возмездия, тот, кому Сидоний Воздаятель даровал свое благословение и наделил силой, и пока Алард Дарий сражался с ними плечом к плечу, рыцари не могли проиграть.

Дрэтон Брин, чья секира описывая неровные круги и неустанно находила свою цель, первым начал выкрикивать слова молитвы и воины дружно подхватили ее, чувствуя, как разгорается в их крови пламя возмездия.

В ответ на молитвы сидонитов, демонические воины взревели, посылая в лица своим противникам богохульства и проклятья.

Лезвие Аренвира вспарывало воздух и расчищало путь сражающемуся в авангарде Верховному лорду. Алебарда в руках храмовника вращалась с угрожающей скоростью, оставляя после себя алые росчерки и мертвые тела демонов.

Пронзив одного противника, Алард Дарий схватил другого свободной рукой за горло и приподнял над землей. Сжав пальцы с такой силой, что костяная броня под ними с треском лопнула, он швырнул демона на пол, раздавив уродливую голову латным сапогом.

Демонический воин, чье тело насквозь пробил Аренвир дернулся, пытаясь глубже вонзить в себя раскаленный клинок и дотянуться до сидонита. Но Алард вырвал свое оружие и вторым ударом снес врагу голову, сразу же вогнав алебарду в плечо следующему.

Кто-то сильно ударил Верховного лорда в плечо. Броня выдержала, но храмовник едва устоял на ногах, пропустив еще один выпад в грудь. Скользнув по нагруднику и распоров табард, ониксовый меч вспорол кожу на щеке храмовника, и теплая кровь потекла по его подбородку.

Вслепую взмахнув Аренвиром, Алард почувствовал, как оружие нашло свою цель. В последнее мгновение он успел защититься от нового удара черного меча, ногой отбросив высокого демонического воина и сразу же ударив его пяткой алебарды прямо в опущенное забрало.

Неуверенно отступив на шаг, противник сидонита бросился на него с удвоенной яростью, но споткнулся, когда секира Дрэтона Брина врезалась ему в колено, почти начисто перерубив ногу.

Острие Аренвира, сверкнув хищным алым светом, со скрежетом вошло демону в горло, проскользнув в узкую щель между нагрудником и шлемом.

— Мой лорд, — вращая секирой, капитан сидонитов отсек тянущуюся к нему длинную лапу, вогнав шипованный кулак прямо в шлем нападавшего и пробив костяное забрало. — Какие будут приказы?

— Прорываться! — Алард Дарий бросился вперед, насадив на алебарду сразу двух демонов и мощным рывком опрокинув их на залитый кровью пол. — Мы должны добраться до врат!

— Понял! — Секира Дрэтона дважды опустила и корчащиеся на острие алебарды твари испустили дух, а капитан сидонитов выкрикнул:

— Вперед, воины Сидония! Сам Верховный лорд ведет нас в битву! Бог Возмездия благоволит нам и направит ваши клинки!

Кисара слышала призыв Дрэтона Брина и заметила, как рыцари перед ней меняют

строй. Сопровождающие южанку сидониты заняли места по бокам, защищая девушку своими телами.

Кисара заметила лишь смутную тень, а один из охранников, прикрыв ее щитом, уже вонзил свой меч в грудь прорвавшегося к ним врага.

Капля темной демонической крови попала южанке на лицо и та вздрогнула, будто очнувшись ото сна. Быстро сплетая многочисленные формулы ослабления и сковывания, демонолог принялась бросать их над головами сидонитов, которым подобное волшебство не причиняло никакого вреда.

Зато противники храмовников попятились назад, не понимая, что с ними происходит. Магия Кисары не могла полностью обездвижить демонов такого уровня, да еще в таком количестве, он определенно воздействие все же имела. Формулы южанки были словно капля в море темного неистовства, порожденного Бездной, однако даже этой капли хватило, чтобы чаша весов битвы склонилась в сторону алых рыцарей.

Но это было еще не все. Решимость и мощь Аларда Дария, кажется, передались и Кисаре. Она поняла, что способна на большее и выхватила из-за пояса узкий кинжал.

Ряды храмовников вытянулись, образуя острый клин, во главе которого оказался Алард Дарий с поющим Аренвиром в руках. Непреклонно прорываясь вперед, Верховный лорд, наконец-то, добрался до предводителя демонического воинства, и древняя алебарда столкнулась с булавой из черепов.

От сильного удара, древко оружия завибрировало в руках храмовника, но тот лишь сильнее стиснул рукоять. Он оттолкнул от себя наседающего демона, атаковав пяткой алебарды снизу вверх и, в тоже время, разворачиваясь, следуя в направлении удара и повторяя его же, но уже острием.

Плащ рыцаря на мгновение скрыл его от взгляда демона и тот едва не пропустил смертельный удар. Предводитель демонов отшатнулся, избегая древка, но так и не успел увернуться от клинка Аренвира, вспоровшего костяной доспех и опалившего темную плоть.

Костяная булава ударила Аларда слева, отбросив на несколько шагов назад. Плечо и рука храмовника отозвались болью, но он не обратил на нее внимания. В душе Аларда Дария бушевало священное пламя возмездия. Сейчас он ощущал дыхание самого Воздаятеля в каждом ударе своего сердца, поэтому храмовник снова набросился на пришедшего в себя противника.

Кто-то бросился на него справа, но сопровождавшие Аларда рыцари не позволили тварям добраться до своего предводителя. Поднырнув под вздымающиеся булавой, Алард врезался в демона, пробив ногу противника насквозь. Выпустив древко Аренвира, сидонит перехватил руку порождения Скверны, обрушив свой кулак на сочленение доспехов в локтевом суставе.

Что-то хрустнуло и демон, выронив булаву, попытался оттолкнуть от себя Верховного лорда сидонитов. Новый удар Аларда пришелся точно по рогатому шлему и тот треснул, свалившись с головы предводителя демонов.

Сверкнули длинные желтые клыки, и неестественно большая пасть метнулась к горлу храмовника. Под шлемом твари оказалась уродливая голова со множеством крохотных глаз, огромным ртом и четырьмя паучьими жвалами.

Но Алард Дарий не страшился созданных Скверной ликов. Вместо того, чтобы отступить, храмовник двумя руками вцепился в мощные челюсти, не давая им сомкнуться. От соприкосновения с освященной броней, демоническая плоть задымилась.

— Казнь твою, — произнес Алард Дарий, глядя в непрерывно бегающие глаза противника. — Свершаю я по воле и приговору Его! — Верховный лорд сидонитов резким рывком развел руки, слыша, как хрустнули суставы демона, и порвалась его плоть.

Не успело безжизненное тело предводителя чудовищ рухнуть к ногам победителя, как над головами сражающихся вспыхнули символы формул. Завертевшись в безумном круговороте они ливнем падали вниз, поражая демонов и пригвождая их к месту.

Сидониты не стали разбираться, что происходит с их противниками и продолжили истребление демонов, не испытывая жалости и сомнений.

Кисара слышала предсмертные хрипы порождений Бездны и старалась унять дрожь в коленях. С третьей попытки девушка сумела вложить кинжал в ножны — по ее телу неприятной волной растеклась слабость и движения стали нечеткими и смазанными.

Ощувив на губах стальной привкус, южанка коснулась их пальцами, и они окрасились кровью, идущей у нее из носа. Заклинательница еще никогда не пробовала творить столь мощные чары, не находя в себе смелости повторить ритуал крови описанный в дневнике ее отца.

— Я смогла, — прошептала девушка, чувствуя, как заплетается ее язык.

Поднеся к глазам подрагивающую ладонь, Кисара взглянула на символы, вырезанные на смуглой коже — заклинания подкрепленные кровью демонолога являлись довольно опасной практикой и занимались ими, в основном, демонопоклонники. Но, как оказалось, их оружие можно обратить и против них самих.

С трудом выравнивая дыхание, девушка чувствовала, как ослабевают многочисленные голоса у нее в голове и затягиваются вырезанные на ладони символы.

— Это было больнее, чем я думала, — вымученно улыбнувшись, южанка опустилась на пол, чтобы никто не заметил ее дрожащих коленей.

Несколько раз глубоко вдохнув и выдохнув, Кисара принялась растирать обожженные оберегами запястья и не заметила, как ее накрыла тень.

— Говорящая, — лицо Аларда Дария было испачкано кровью — над виском и левой скулой тянулись два свежих шрама, так же кровь струилась и из под смятого наплечника. — Ты нам очень помогла, спасибо.

— Я? — подняв взгляд, южанка обнаружила, что ее плотным кольцом обступили сидониты, с любопытством разглядывающие незнакомку.

— Ты, — кивнул Верховный лорд алых храмовников. — Но твоя помощь вскоре снова понадобится нам...

— Сделаю все возможное, — Кисара увидела сомнение, промелькнувшее в глазах Аларда Дария. — Вы в порядке? — понизив голос, спросила южанка. — Выглядите усталым.

— Еще бы! — Встрял Дрэтон Брин. — Лорда коснулась длань самого Сидония Воздаятеля там, во внутреннем дворе! Никто из нас не смог бы выдержать такое количество божественной силы и обрушить ее на головы неверных! Это было настоящее чудо, явленное нам! — Я слишком долго мечтал о мести и не рассчитал силы, — Алард Дарий выпрямился. — Увы, но я не могу пользоваться силой так часто и без последствий, ведь в итоге я всего лишь человек. Но бой еще не закончен. Наоборот, он ждет нас впереди.

— Это еще не все? — Кисара оглядела зал обители Нерушимых Врат, превратившийся в поле битвы.

— Нет, — покачал головой Верховный лорд. — Эти залы пережили два великих боя: первый — когда нас вытеснили из них и второй сейчас, когда мы вернулись. Но, пока что,

мы не одержали верх. Все решится внизу, в зале Изначальных врат. Мы или умрем, или победим, третьего не дано. Он, тоже, это понимает.

— Кто, он? — ощущая неприятное предчувствие, спросила Кисара.

— Штранризгар, — с ненавистью ответил Алард Дарий, сжав кулак. Благородное лицо храмовника потемнело. — Принц — демонов. Тебе знакомо его имя? — заметив недоумение на лице Кисары, мужчина вскинул бровь.

— Да, — девушка кивнула. — Он затащил меня в этот мир.

— Дрэтон, продвигаемся вперед, всем быть настороже. — Отдал приказ Алард Дарий. Когда рыцари начали продвигаться по залу, он вновь повернулся к южанке:

— Ты сказала, что он затащил тебя сюда? Как?

— Я сама вызвала его, в вашей крепости в... том мире, — Кисара тщательно подбирала слова. Общество ожившей на ее глазах легенды все еще воспринималось заклинательницей, как чудо. Но теперь, по крайней мере, она могла держать себя в руках и мыслить трезво.

— Если демон смог откликнуться на зов в стенах нашей обители, значит, она пала, — храмовник нахмурился, взгляд его сделался тяжелым и отрешенным. — Как я успел понять, время здесь начало течь по иному, с тех пор, как Тьма окутала обитель. Сколько времени прошло с тех пор? День? Месяц? Два?

— Э... — девушка нерешительно замаялась, не зная, с чего начать и как подготовить сидонитов к тому, что они должны услышать. — Я... — Алард Дарий внимательно смотрел на нее и, заглянув в его светлые глаза, южанка поняла, что не сможет лгать и увилить от ответа. — Почти две тысячи лет!

Кисара произнесла свои слова гораздо громче, чем хотела и сидониты остановились. Те, что стояли ближе к демонологу, быстро передавали весть своим собратьям. Но, к удивлению южанки, никто из храмовников не предался панике. Все они взирали на своего Верховного лорда, ожидая его слов.

— Две тысячи лет... — Алард Дарий не выглядел удивленным или потрясенным. Он воспринял новость с невозмутимостью, которой можно было лишь позавидовать. — Воистину, время в этом мире течет совершенно иначе. Никто из нас даже не изменился и не состарился.

— Мы прошли множество битв здесь, мой лорд, — Дрэтон Брин пригладил седые волосы. — Клянусь, они слились в моем разуме в одну кровавую бойню. Я совершенно потерял счет времени.

Некоторые из сидонитов согласно закивали. Кто-то стянул с головы шлем и принялся ощупывать свое лицо или же смотреть на ладони. Храмовники оглядывали друг руга, убеждаясь, что время, прошедшее в другом мире, несколько не изменило их. Разве что шрамов стало больше.

— Как бы то ни было, — голос Аларда Дарий мгновенно привлек внимание сидонитов. — Нет разницы, сколько минуло дней и ночей. Все это время мы верой и правдой служили делу своего ордена и богу Воздаятелю, и Он ни на мгновение не оставлял нас! Все равно, сколько бьются наши сердца — до последнего вздоха мы будем делать то, что должно. В этом мире или в каком-то другом мы были и остаемся самими собой. Наша вера и наш долг сильнее времени!

Сжатые в кулак латные перчатки храмовников почти одновременно ударили в нагрудники, и глухой звук вознесся к сводам высокого потолка.

— Пора искоренить Скверну в этих стенах! — Алард Дарий поднял над головой

Аренвир.

— Во имя Воздаятеля и возмездия! — поддержали сидониты своего Верховного лорда.

— Я поражена, — тихо призналась Кисара, когда храмовники возобновили движение. Она то и дело украдкой разглядывала шагающего рядом с ней мужчину в алых доспехах, восхищаясь его самообладанием и выдержкой. — Я даже и не знаю, как отреагировала бы, если бы мне сказали, что я провела в другом мире две тысячи лет.

— Мы не можем изменить того, что уже произошло, — с какой-то едва ощутимой горечью ответил Алард Дарий, глядя прямо перед собой. — Остается лишь идти вперед. Кстати, пока мы идем, прошу — расскажи мне все.

— Все? — переспросила южанка.

— Я не прошу пересказывать всю историю потерянного теперь мира. Только суть и то, что привело тебя в нашу обитель. Только коротко — у нас мало времени.

— Хорошо, — демонолог вздохнула, обдумывая, с чего лучше начать рассказ.

Сидониты шагали быстро, легко ориентируясь в пусть и обезображенных, но привычных стенах. Они безошибочно находили нужный путь, обходя завалы и с каждым вздохом приближаясь к своей цели. Времени, и правда, было мало, поэтому Кисара глубоко вдохнула и принялась быстро рассказывать внимательно слушающему ее храмовнику все, что знала.

Девушка управилась гораздо быстрее, чем рассчитывала. Алард Дарий слушал не перебивая. Лишь в конце рассказа южанки, он коротко произнес: — Мы многое пропустили, слишком многое. Они замолчали.

Кисара обдумывала слова храмовника, а он, кажется, придавался воспоминаниям, разглядывая знакомые стены, сейчас оскверненный богохульными надписями выполненными кровью его же собратьев.

Знамена ордена были сорваны и брошены на пол, копыта и лапы демонов втоптали их в пыль и кровавую слизь, покрывающую каменные плиты. Статуи Сидония Воздаятеля разбили, опрокинув их и превратив в груды бесформенных обломков.

Высокий потолок и покрытые трещинами стены затянула темная плесень, булькающая и перетекающая с места на место. Время от времени на ней распахивались глаза, с ненавистью вззирающие на сидонитов.

Ниши, где раньше покоились камни — обереги, сейчас были забиты их осколками и человеческими черепами, светящимися изнутри темно-фиолетовым светом.

Скверна полностью пронизала стены обители Нерушимых Врат, закрепившись здесь навсегда. Теперь это место перестало быть святилищем сидонитов, и они сами, прибывая в этих оскверненных стенах, понимали это.

Однако, вопреки ожиданиям Кисары, храмовники не выглядели напуганными или растерянными. В их глазах светилась решимость, а твердые шаги становились лишь шире. Несколько человек, повинувшись приказу Дрэттона, затянули боевые молитвы, вселяя в сердца собратьев силу и праведный дух возмездия и без того, охватывающий воинов Сидония.

Кисара вспомнила гиритцев, сломленных и подавленных из-за того, что они лишись благословения своего бога. Бездушные продолжали играть свои роли, нося на лицах маски безразличия и безответно взывая к Гириту. Но как бы стойко они не пытались держаться, их бремя давило на них, делая слабее и уязвимее.

Окружавшие сейчас Кисару сидониты лишились дома, множества боевых братьев и мира, в котором они родились и выросли. Они шли по останкам тех, с кем раньше сражались бок обок, шли навстречу неизвестности и, возможно, смерти. Но они не выглядели

сломленными.

— Мы не знаем, что случится, — Алард Дарий, словно почитал тяжелые мысли южанки. — Могу сказать лишь одно — ты попала сюда неспроста.

— Я пришла с гиритцами. Потому что...

— Нет, — Верховный лорд покачал головой. — Ты не понимаешь. Тебя привели специально.

— Что? — Кисара едва не остановилась. — Как это?

— Я не отрицаю, что твоя помощь, как Говорящей, требовалась гиритцам, чтобы пройти по этим, как их сейчас называют, Потерянным землям. Но было что-то еще. Ты говорила, что именно тебя больше остальных оберегали и защищали.

— Моя помощь требовалась постоянно, — девушка не понимала, к чему клонит сидонит.

— Гиритцы всегда были непреклонными и нетерпимыми, думаю таковы они и сейчас. Ты действительно считаешь, что они стали бы жертвовать собой ради той, в чьих жилах течет кровь Бездны? Им внушили твою необходимость. Кто-то, кто знал, что произошло здесь, в этих стенах две тысячи лет назад. Знал правду.

— Но это невозможно, — затрясла головой Кисара. — Прошло столько времени!

— Принц демонов ни за что не отозвался бы на обычный зов. Он почувствовал что-то, что заставило его откликнуться. Как ты призвала его? — При помощи круга призыва, — с готовностью отозвалась южанка. — Кто-то помогал творить круг?

— Нет, скорее наоборот, — Кисара вспомнила произошедшее.

Она словно мгновение назад рисовала на полу круг призыва, и Фалкон проливал свою кровь, чтобы помочь ей. Заклинательница старательно выводила каждый знак. Даже архимаг оценил ее работу...

— Архимаг! — воскликнула Кисара. — Он постоянно был рядом! Но этого не может быть!

— Маги предали нас, — в голосе Аларда Дария послышался ледяной звон стали. — Они предали нас, обманули гиритцев и, как выяснилось, сделали это не единожды.

— Вы уверены? — Кисара все еще не могла поверить, что такой доброжелательный старик, как Гранер Ласкнир, мог кого-то обмануть.

— Уверен лишь Великий Воздаятель, выносящий приговор. Я же — лишь человек и могу ошибиться. — Алард наблюдал, как сидониты замедляют шаг.

Отряд вошел в большой зал, освещенный жутковатым свечением раскрывшихся на стенах глаз, наполнявшим помещение призрачным светом. Сидониты медленно двинулись вдоль стен, обходя по краям то, в чем Кисара с трудом узнала врата Пути, портал, подобные которому стояли в городах светлых земель.

Однако портал обители Нерушимых Врат оказался разрушен почти до основания.

— Стойте, — властно произнес Алард Дарий, выйдя вперед.

Храмовник обошел платформу, переступая через лежавшие на полу останки. Что-то тихо звякнуло, и Кисара увидела потревоженный сидонитом черный нагрудник, почти погребенный под искореженными и измененными Бездной останками оскверненных.

Осторожно приблизившись к Верховному лорду, Кисара разглядела у подножья портала брошенное оружие — булаву в виде солнечного круга шипами — лучами и комплекта пустых и истерзанных доспехов гиритцев.

На нагруднике мятой тряпкой с темными застарелыми пятнами крови лежал табард

монашеского ордена с шестью черными лучами, как у рыцарей-защитников.

Проследив за хмурым взглядом Аларда Дария, южанка увидела неподалеку еще три истлевших трупа в помятых черных латах. Их некогда белые табарды стали серыми от времени и сырости, а черный символ Гирита защитника изменился. Став грязно-бурым, он исказился — солнце обратилось в череп, а его лучи стали изогнутыми и тянулись в стороны, словно странные щупальца.

Кости монахов, умерших рядом с разрушенными камнями врат оказались раздроблены, такая же судьба постигла и еще двух мертвецов, чьи скелеты сейчас белели между камнями разрушенных врат.

— Что здесь произошло? — в ожидании ответа, Кисара посмотрела на храмовника.

— Предательство, — коротко ответил Алард Дарий, опустившись на одно колено рядом с пустыми доспехами. — Магов в нашу обитель привели пятеро гиритцев: рыцарь-защитник Нолан, — сидонит взглядом указал на броню, лежавшую у разгромленного портала. — И его боевые братья — Кристор, Шэлид и Марр. — Теперь Алард указал на истлевшие тела в стороне. — Был с ними еще пастырь Сеграс, но я не вижу его тела.

— Вы говорили о предательстве, — южанка только сейчас заметила, что один из мертвых гиритцев, чей череп был обезображен страшным ударом, сжимает в руках меч, пробивший пустой черный нагрудник. Оставшиеся два тела гиритцев получили схожие травмы — сломанную шею и раздробленный висок.

— Рыцарь-защитник Нолан был хорошим человеком, — подобрав с пола пустой черный шлем, Алард покрутил его в руках, бережно положив на потрескавшуюся платформу, на которой виднелись глубокие следы, словно камень дробили чем-то тяжелым. — Он свято чтит Гирита и был верен долгу, до конца. — Теперь сидонит поднял булаву, выполненную в виде солнца, и Кисара увидела, что некоторые лучи погнуты, а их размер и положение полностью соответствует следам, оставленным на камнях портала.

— Он предал вас и сломал врата Пути?

— Наоборот, — покачал головой Алард. — Он сломал его, потому что остался верен клятве, данной своему богу. Нолан понял, что подмога не успеет вовремя, а сквозь этот портал, оскверненные могут попасть туда, куда захотят. Тогда он, видимо, принял решение сломать Врата.

Алард Дарий помолчал, окинув взглядом останки гиритцев.

— К сожалению не все братья Нолана были столь же верны своим идеалам, как сам рыцарь-защитник. Он сделал то, что должно, пожертвовав собой, а его братья, либо из желания угодить Скверне, либо в слепой надежде спастись, пытались остановить Нолана любой ценой. Рыцарь — защитник убил магов, чтобы те не открыли портал, а затем отбивался от оскверненных и от своих братьев. Он мог бы уйти во врата вместе с волшебниками, что управляли ими, но это означало бы навлечь беду на все Светлые земли.

— Изменники, — к говорившим подошел Дрэтон Брин, с презрением глядя на тела в черной броне. — Волшебники, что следили здесь за порталом, были проверенными людьми, но всего лишь людьми. Твари бы сломали их волю и вынудили бы открыть портал. Нолан поступил верно. Но что же такое посулили демоны гиритцам, что те решились предать не только своего брата и нас, но и своего бога? Я понимаю, что наши ордены не ладили, и они не захотели умирать ради нашего спасения, но предать Гирита... Это богохульство!

— А вы уверены, что так и было? — Спросила Кисара у которой в голове не укладывалось, что кто-то из гиритцев мог предать свой орден. Девушка вдруг вспомнила

внутренний двор обители Нерушимых Врат, тела в черной броне и поняла, что поспешила с вопросом.

— Я не один год знал Нолана, — выпрямившись, Алард отдал булаву гиритца одному из сидонитов и тот, склонив голову, принял ее. — Рыцарь-защитник по праву носил свое звание. Именно поэтому он и удостоился вознесения после смерти.

— Вознесения? — переспросила южанка, вспомнив, что уже слышала это слово, когда рыцарь-защитник Колд пал, защищая ее.

— Избранные и праведные дети Гирита Защитника не умирают, а возносятся к своему богу. Это величайшая честь, которой достойны лишь самые праведные и верные, чьи сердца никогда не знали страха и сомнений. Их тела не остаются на поругание еретикам, а души обретают вечный покой. — Пояснил Верховный лорд сидонитов. — С некоторыми из нас происходит то же самое.

— А что же с ними... — южанка взглянула на истлевшие тела в мятой броне.

— Надеюсь, что души предателей пожрала Бездна. Тем, кто предал светлых богов — нет прощения. — Глаза Аларда Дария сверкнули гневом. — Пора отправить следом и тварей, осквернивших эти стены! — Он дал знак стоящим рядом с демонологом рыцарям и те встали по бокам от девушки.

— Они будут защищать тебя. Мы не встретили сопротивления, а это значит, что Штранризгар ждет нас в зале Врат. Он и его самые преданные прислужники. В грядущем бою решится наша судьба.

— Алард! — когда Верховный лорд отвернулся от южанки, она несколько ударов сердца разглядывала его алый удаляющийся плащ с золотой отделкой, прежде чем решиться окликнуть храмовника.

Кисаре казалось, что фигура сидонита лишь мираж, являемый безжалостными пустынями ее родины путникам, чей разум они забрали. Кисара боялась, что Алард Дарий растает, как один из этих миражей, оставив ее здесь, среди отравленных Скверной стен.

Храмовник обернулся, взглянув на девушку.

— Вы ведь не пропадете? Не бросите меня? — с надеждой спросила Кисара.

Вместо ответа Алард Дарий мягко улыбнулся ей и, отвернувшись, быстро зашагал вперед.

* * *

— Они уже близко! — заостренные уши Таллага дернулись, и он вскочил на ноги.

— Что там с твоим порталом, старик? — Скар зло взглянул на архимага, по-прежнему расхаживающего вокруг платформы.

Но Гранер Ласкнир лишь невинно улыбнулся и развел руками:

— Я пока ничего не могу сказать, господин Кровожад.

— Тогда зачем ты распинался, что не хочешь тратить силы, раз не можешь открыть эти проклятые врата и вытащить нас отсюда?! — Вспыллил зверолоуд, хватаясь за топоры.

Скар затрясся от подступившей к нему ярости и оскалил клыки. Он никогда не понимал человеческой магии, но был уверен, что если бы старик не берег силы, то выживших осталось бы гораздо больше. Сколько воинов отдали свои жизни из-за того, что волшебник пожалел себя?

Скар не оплакивал своих павших собратьев. Если настал их час, и Урсула призвала своих детей, то так тому и быть. Но воин испытывал злость в отношении нахального старика, который словно играл в какие-то игрушки.

Скара бесила беззаботность мага. К тому же близость порождений Бездны, коих каждый зверолод ненавидел с рождения, существенно ослабили его самоконтроль. Все пережитое воином всплыло в его памяти, и неконтролируемая злость накрыла Скара с головой.

Полный ярости взгляд зверолода вновь остановился на крови, которой был испачкан посох архимага. Неожиданно Скар понял, почему волк не стал слизывать эту кровь. Сам Скар запретил ему слизывать кровь Кисары с круга призыва. Гранер Ласкнир что-то сделал с рисунками демонолога!

Когда Лисандра, обернувшись на низкий рык Скара, взглянула на него, то ненадолго даже потеряла дар речи. Зверолод менялся прямо у нее на глазах — его растрепанные волосы вставали дыбом, из под губ вылезли длинные клыки, взгляд стал безумным и даже цвет глаз сменился на кровожадный красный.

Паладину показалось, что она уже видела этот взгляд в узкой прорези шлема, когда охваченный боевым неистовством воин сражался с порождениями Скверны по пути к обители.

Из горла Скара вырвался хрипкое рычание, которое тут же подхватил оцетинившийся рядом с ним волк, готовый напасть на любого, кто посмеет приблизиться к его хозяину.

— Скар...

— Тихо ты! — подоспевший Таллаг зажал рот паладина ладонью. — Молчи! Не видишь, что происходит?!

— Это что, — Исель заморожено следила за Скарком. — Касание богини?! Это не сказки?!

— В мире много всякой дряни, — Таллаг шумно сглотнул. — Бури, пожары, наводнения, дрожь земли и ярость избранных Волчицей. Они обретают великую силу, но полностью теряют самих себя, обращаясь в диких зверей.

— Да что происходит? — Наступив зверолоду на ногу, Лисандра таки смогла оторвать его пахнущую кровью руку от своего лица.

— Кажется, скоро у нас станет одним магом меньше, — натянуто улыбнулся Таллаг и в этот момент его брат прыгнул на Гранера Ласкнира.

Взор Скара затянула кровавая пелена и он, не помня себя, кинулся на того, кого стал считать врагом. Одним мощным рывком воин перемахнул через парящую над полом платформу и почти настиг даже не успевшего удивиться архимага, как что-то промелькнуло рядом и с силой оттолкнуло зверолода назад.

Приземлившись на ноги, Скар утробно зарычал. Несколько раз судорожно сжав кулаки, он завел руки за спину, выхватив свой топоры и их хищные лезвия несколько раз вспороли воздух.

— Алира, — Эгистес уже стоял позади девочки, защитившей архимага.

— Я посчитала, то маг нам еще пригодится, — спокойно ответила та, будто ей прямо сейчас не угрожал обезумевший зверолод. — К тому же Вы, вроде бы, вызвались защищать его ученицу, а если этот зверь доберется до них то, наверняка, убьет.

— Очень не вовремя, — сухо заметил некромант, глядя на то, как Скар начинает медленно идти им на встречу.

Оскаливший клыки Карт, подходил к колдуну с другой стороны, бесшумно ступая

лапами по каменным плитам и явно готовясь к прыжку. Где-то за спиной зверолода оглянулись защищавшие вход гиритцы. Кажется, кто-то из них что-то крикнул, но все звуки поглотил низкий рык Скара.

— Право, господин Кровожад, я ожидал большего, — Гранер Ласкнир улыбнулся, и сорвавшаяся с его пальцев молния ударила разгоняющегося зверолода в грудь. — О! — Удивился маг, когда его цель, замедлив шаг лишь на мгновение, возобновила свой бег.

Скар снова зарычал, полностью проигнорировав еще один заряд, разбившийся о его нагрудник. Не заметил он и как каменную платформу, парящую рядом с ним, охватило яркое свечение.

— Довольно! — Гортанно выкрикнул архимаг, резко ударив посохом по полу. Волна неосязаемой энергии взметнулась к самому потолку, заставив каменные стены затрястись и раскидав в стороны всех, кто находился в зале.

Словно сухие листья бессильные перед порывами жестокого осеннего ветра, неизвестная сила подхватила людей, небрежно расшвыряв их в стороны.

Когда Алектис упал, проехав на спине по холодному полу, он перестал молиться и сразу же темные эльфы и Кая согнулись пополам, зажимая уши, от зазвеневшего в их головах голоса Скверны.

Еще будучи оглушенным, пастырь торопливо встал на колени снова начал произносить священные слова. Кровь из носа и глубокой ссадины на лбу стекала по лицу Алектиса, срываясь и попадая на сложенные на груди руки.

— Они идут! — пришедший в себя Гирион поднял меч. Как и Фалкон, он уже не смотрел на то, что творилось в зале, полностью сосредоточившись на предстоящей битве. — Мы задержим их!

Первая тварь прыгнула из мрака прямо на Гириона, едва он успел договорить, но взметнувшийся молот Фалкона вмял оскверненного в пол. Хрустнули кости, брызнула темная кровь, и на храмовников налетел целый вихрь измененных Скверной созданий.

С треском и грохотом над головами монахов пронеслась искрящаяся молния и врезалась в нападавших. Оскверненные разлетелись в стороны, наполняя помещение тошнотворным запахом опаленной плоти.

— Помощь не помешает? — Таллаг стоял рядом с гиритцами, а за его спиной Исель уже успела выпустить пару стрел, вновь натянув лук.

Проведя пальцами оперению стрел, виднеющихся из ее колчана, девушка поняла, что скоро придется взяться за клинки — времени на сотворение какого-нибудь заклинания не будет. К тому же дар Исель пробудился совсем недавно. Она лишь обучалась волшебству своего народа.

Гирион не удостоил ухмыляющегося зверолода даже взгляда, у него не было на это времени, так как все пространство перед бездушным заполняла сплошная масса из извивающихся тел.

Одним росчерком меча, рыцарь-защитник прикончил сразу трех тварей. Еще одну он на лету поймал за голову, и череп хрустнул под пальцами монаха.

Темная эльфийка опустошала колчан с катастрофической скоростью, всаживая в напирających тварей одну стрелу за другой. Ее брат стоял рядом, сжимая в здоровой руке клинок и слегка подогнув колени в боевой стойке.

Визжащие порождения Скверны отскакивали в стороны, стремясь избежать стрел, но попадали под непрерывно вздымающиеся меч и молот. Остальных испепеляли молнии

Таллага. Чудовища умирали десятками, но продолжали прорываться вперед, вынуждая защитников медленно пятиться.

— Есть кто не сильно занятой?! — Что было сил заорал Таллаг, видя, что создания Бездны вот-вот прорвутся в зал. — Помощь нам не помешает!

Лисандра слышала голос зверолода, но не могла решить, куда ей следует идти: с одной стороны ее друзья и гиритцы сдерживали бесконечный поток чудовищ, а с другой творилось что-то странное и страшное.

Архимаг Гранер Ласкнир стоял на замершей платформе Изначальных врат, выкрикивая слова на странном языке, казавшемся Лисандре знакомым.

Самого архимага окружала пульсирующая тьмой сфера, в которую колотил топорами обезумевший Скар, роняя с губ пену и грозно рыча, а ярдом с ним метался из стороны в сторону Карт.

Неподалеку некромант и Алира помогали подняться явно оглушенной Кае. Настигшая всех волна магии, выпущенная стариком, ударила по девушке сильнее остальных, так как та находилось близко к источнику. Ученица архимага полными ужаса глазами взидала на своего наставника. Ее ноги подгибались, руки дрожали, а губы побледнели.

Эгистес что-то спрашивал у волшебницы, но та лишь трясла головой.

Вскинув посох, некромант выпустил в охватывающую архимага сферу заклинание в виде оскалившегося черепа. Но то бесследно растворилось, едва коснувшись туманной стенки.

— Назад, все назад! — колдун и Алира подхватили Каю, которая была не в состоянии идти сама, и потащили ее в сторону Алектиса.

— Что стряслось? — Лисандра продолжала смотреть на обезумевшего зверолода.

— Демонология! — Опустив трясущуюся от страха Каю на пол, Эгистес выпрямился. — Причем весьма серьезная.

— Но это невозможно! — Запротестовала паладин.

— Другого объяснения у меня нет, — колдун пожал плечами. — Этот щит вряд ли пробьет какое-то заклинание. Без другого демонолога мы бессильны. Кажется, что этот маг черпает силы из самих Врат.

— Кисара... — прошептала Лисандра, неожиданно вспомнив кровь на посохе Гранера Ласкнира. — Он специально испортил круг Кисары, чтобы избавиться от нее?!

— Не знаю, — Эгистес, впервые на памяти Лисандры, выглядел взволнованным. — Я мог бы попробовать разобраться, но, боюсь, ваш приятель не даст мне подойти ближе, да и в бою с тварями нужна помощь. Мы тут зажаты.

— Я помогу им, а вы разбирайтесь здесь, мой бестолковый господин. — В руках Алиры появилась черная коса. Поклонившись, девочка размытой тенью заскользила к удерживающим проход соратникам. Она успела как раз вовремя, чтобы расцечь пополам оскверненного, что выпрыгнув из под самого потолка, едва не настиг Исель.

— Ты сможешь что-то сделать, если Скар не будет мешать? — Лисандра закусил губу, переводя взгляд с обезумевшего зверолода на некроманта.

— Думаю да, — кивнул Эгистес. — По крайней мере, попробую. Выхода у нас все равно нет. Но как его убрать? Я слышал, что безумие избранных у зверолодов священно. Его остановит только смерть. Он не успокоится, пока не перебьет всех, кого считает врагами и то, может никогда уже не стать прежним. Лучше бы убить его...

— Нет! — Решившись, Лисандра уже бежала к Скару.

Карт обернулся на звук шагов паладина, разобрав их даже в шуме бушевавшей у входа

битвы. Низко прижав уши к голове, волк припал к земле, готовясь к прыжку и скаля зубастую пасть.

Встретившись взглядом со слегка раскосыми глазами хищника, Лисандра поняла, что просто отогнать его не получится. Использовать меч она, так же, не рискнула. Во-первых — не хотела провоцировать зверя, а во-вторых, ей было его жаль. Бесконечно преданный зверолодам он скорее умрет, чем предаст своего нового хозяина.

Когда девушку и Скара разделял добрый десяток шагов, волк подался вперед. Но Лисандра, которая только что вспоминала хозяев зверя, вдруг выкрикнула фразу, услышанную от Ауна при их первой встрече в крепости гиритцев: — Карт, хграу! — старательно копируя интонацию зверолодов, почти прорычала Лисандра.

Уже готовый напасть на человека, хищник неуверенно замер, услышав знакомую фразу, к тому же его сбивал с толку знакомый запах девушки.

Неизвестно, сколько бы Карт так простоял, но Лисандре хватило лишь мгновения, чтобы миновать волка и повиснуть на плечах Скара. Она хотела успокоить воина, сказать что-то ласковое, но Скар не предоставил ей такой возможности.

Кровожад даже не обернулся, лишь раздраженно дернул плечом, и девушка упала на каменный пол, больно ударившись головой. Топоры снова заколотили по темной сфере, окутывающей Гранера Ласкнира.

Архимаг что-то громко кричал на непонятном языке, размахивая руками и явно проводя какой-то магический ритуал, так как платформа начала вращаться и на ее поверхности появились фиолетовые всполохи.

— Совсем разум потерял, дикое животное! — Лисандра вскочила и повторила свою попытку, на этот раз, обхватив мужчину за шею. — Успокойся! — Прокричала она прямо в ухо разъяренному зверолоду, который, не замечая ее, без устали рубил стоявшую перед ним преграду.

— Хватит, пожалуйста! Успокойся, Скар! — Лисандра попыталась оттащить воина, но это было бесполезно, силы явно оказались неравны.

Беспомощно оглянувшись назад, девушка увидела, как напирающие одержимые теснят гиритцев и ее друзей, вынуждая тех отступать вглубь зала.

— Прекрати!

В отчаянии паладин отвесила Скару сильную оплеуху, почувствовав, как ее латная перчатка рассекла кожу на голове мужчины.

— Ой!.. — Лисандра не успела спохватиться, как затылок Скара ударил ее прямо в подбородок. Коротко вскрикнув, девушка вновь оказалась на полу.

Рядом тихонько заскулил Карт.

Когда паладин с трудом поднялась, то увидела, что зверолод повернулся к ней и в его безумных глазах клокочет целое море кровавой ярости. Сделав шаг к девушке, Скар занес над ней один из своих топоров и когда его лезвие начало стремительно опускаться, Лисандра, повинувшись спонтанному желанию, бросилась мужчине на грудь, поднырнув под смертоносным оружием. Плотнo прижавшись к зверолоду, девушка шепнула ему: — Вернись, — и прижалась своими губами к его губам.

Зажмурившись, Лисандра ожидала, что смерть вот-вот настигнет ее, но ничего не произошло. Открыв глаза, девушка встретилась взглядом со Скарom, по-прежнему полным ярости.

Но, в тоже время, в глазах зверолода, по-прежнему сохранявших красный цвет, что-то

поменялось. Зародившаяся в них крупица здравомыслия начала стремительно гаснуть и Лисандра поняла, что если ничего не предпринять, то ярость вновь возобладает над разумом воина.

— Там демоны, — быстро сказала девушка, указывая себе за спину. — Они идут сюда, хотят убить твоего брата и меня. Таллаг сейчас сражается!

— Брат?.. — невидящий взгляд Скара скользнул по лицу паладина, устремившись ко входу в зал, где кипела битвы. — Демоны... — руки зверолода затряслись, с нечеловеческой силой сжимая рукояти топоров. — Убью!.. — прохрипел он. — Всех! Убью!

Грубо оттолкнув Лисандру в сторону, Скар бросился в самую гущу боя.

* * *

Оскверненные и демонические твари выбирались из темноты тоннеля одна за другой. Бурлящими волнами они обтекали двух гиритцев, словно черные скалы возвышавшихся над демонопоклонниками.

Монахи сражались молча. Клинок Гириона потемнел от демонической крови, не успевающей пропадать с него. Рыцарь-защитник вращал двуручным мечом, чье тяжелое лезвие разрезало демоническую плоть и кости, с каждым ударом отнимая сразу несколько проданных Бездне жизней.

Длина оружия и сила его владельца не давала демонопоклонниками приблизиться к гиритцу и они гибли десятками у ног Гириона.

Стоявший рядом с братом по оружию Фалкон, с грохотом опускал свой молот, круша черепа и разбрасывая наседающих противников.

Один из оскверненных с воплем вцепился в оружие гиритца и, взмыв вверх вместе с ним, с воплем полетел назад. Не удержавшись, он рухнул в груды изувеченных тел своих сородичей. Мощным ударом ноги Фалкон отпихнул тварь назад и сломал тонкую шею. Слева от седого ветерана с пронзительным треском промелькнула молния и сразу несколько оскверненных, задержавшись и задымившись, упали на пол, где их сразу же настигли стрелы темной эльфийки.

— У меня все, — Исель отбросила бесполезный лук, и стянул с плеча пустой колчан.

— А магия, — лицо Калеоса побледнело, под глазами залегли темные круги, но эльф продолжал сжимать окровавленный клинок, поражая им приближающихся к его сестре противников.

— На магию сейчас нет времени. — Исель выхватила парные слегка изогнутые сабли.

Вместе темные эльфы присоединились к гиритцам. Брат и сестра действовали как единое целое — их смертоносные клинки танцевали в неясном свете подземелья, сплетая искусный узор смерти, состоящий из серебристых росчерков стали. Они атаковали и защищались парой: если Калеос метил в грудь противника, то Исель подсекала ноги или колола в живот.

Принимавший на себя основное количество ударов, темный эльф, двигался с поразительной грацией своего народа, однако его дыхание становилось все тяжелее, а движение — медленнее. Однако Калеос все еще старался разворачивать противников так, чтобы его сестра оставалась в слепой зоне, и ничего не мешало ей прикончить врага одним точным ударом.

Темных эльфов надежно прикрывала Алира, орудующая превосходящей ее саму в размерах косой из мрака. Девочка, подобно жнецу, косила оскверненных. Ее страшное оружие легко проходило сквозь измененные Скверной тела, словно бесплотный призрак. Однако стоило косе пройти сквозь чье-то тело, как оно с треском разрывалось на части, орошая все вокруг черной кровью.

Алира металась среди чудовищ, и за ее движениями было очень сложно уследить. Помощница некроманта действовала быстро и непредсказуемо, словно воплощение самой смерти. Молнии Таллага Буревестника все еще сдерживали основную массу оскверненных, которых демоны снова пустили вперед, чтобы ослабить защищавшихся.

Но молодой шаман терял силы, тратя на передышки все больше и больше времени. Предыдущие бои сильно измотали его духовную мощь, так что зверолод держался из последних сил. Крепко сжимая рукоять своего топора, он перенаправляет силу оружия на противников, поражая их всполохами молний и чувствуя, как с каждым разом слабеет все больше и больше.

— Все, — шумно выдохнул шаман, переводя дух. — Больше не могу колдовать, — он удобнее перехватил рукоять Громовержца, а над его левым кулаком появились когти, с металлическим скрежетом покинувшие широкие наручи.

— К смерти и славе! — Выкрикнул Буревестник боевой клич своего народа. Он бросился было в рукопашную схватку, когда услышал знакомый голос: — Сквозь ливни крови!

Широким прыжком Скар Кровожад ворвался в толпу противников, резко обернувшись вокруг и располозовав всех оскверненных, пытающихся взять его в кольцо.

— Кровь для Праматери! — Взвыл диким голосом красноглазый воин и следующим прыжком оказался еще ближе ко входу чем гиритцы.

Топоры Скара начали вращаться с бешеной скоростью, отсекая конечности, вгрызаясь в плоть и выпивая жизни, словно клыки самой Матери волчицы. Зверолод рычал и явно наслаждался битвой, больше похожей на безжалостную резню, и полностью оправдывая свое прозвище — Кровожад.

Скар рывком высвободил один из топоров из впалой груди какой-то твари, похожей на отвратительную смесь человека и огромной птицы с руками-крыльями. Упиваясь воплем боли и треском ломающихся ребер, воин оскалил клыки в довольной усмешке.

Второй топор зверолода в это время распорол чей-то тугий живот и, продолжая движение, отсек когтистую лапу, метнувшуюся к незащищенной голове воина.

Скар отскочил, локтем впившись в чью-то страшную морду, и сразу же прыгнул вперед, нанося новый удар. Сверкнула венчающая топор стальная волчья пасть, сжимающая округлое лезвие и изъеденная язвами голова оскверненного упала под ноги его убийце.

Заметив сражающегося в окружении врагов зверолода, гиритцы начали прорываться к нему, но Скар не видел этого, так же, как и своих собственных ран, чье количество стремительно увеличивалось.

Сейчас его окружали враги и все мысли воина, охваченного голодом самой Праматери, заключались в безудержном желании пролить как можно больше крови и не важно, будет ли это кровь врагов или его собственная.

Со стороны, избранный Волчицей казался неудержимым вихрем из стали и крови, кидающимся на врагов и оставляющим после себя лишь мертвые тела. Неистовый натиск воина заставил оскверненных на мгновение отпрянуть и Скар, вопреки ожиданиям его

удивленных спутников, остановился, торжественно воскликнув: — Смерть и слава! — он затряс топорами над головой, разбрызгивая черную кровь.

Мрак тоннеля всколыхнулся, содрогаясь под гулким эхом чьих-то тяжелых шагов. Неясные тени заплясали по стенам, вязкими щупальцами мрака потянувшись в зал. Кто-то пронзительно вскрикнул и, вылетев из темноты, к ногам Скара упал разрубленный почти пополам оскверненный.

Зарычав, зверолод шагнул навстречу темноте.

— Нет, назад! — Эгистес отверженный взмахнул посохом и оскаленный череп, сотканный из зеленой дымки с протяжным воем пронесся у зверолода над головой и влетел в тоннель, освещая его и выхватывая из тьмы громоздкие фигуры в костяных доспехах.

Демонические воины безжалостно добивали осмелившихся отступить оскверненных и сейчас медленно двигались вперед. Под их ногами хрустели кости погибших прислужников и этот пробирающий до глубины души негромкий звук пугал больше, чем барабаны войны.

Рыцари Бездны наступали, и тьма неотступно следовала за ними.

— Это плохо, — Эгистес бегло оглянулся на творящееся у входа в зал.

Подробностей некромант не разобрал, но пока, вроде бы, защитникам удавалось сдерживать натиск. Тем более к ним присоединилась паладин. Действующий Эгистесу на нервы волк, к счастью, увязался за Лисандрой, скаля жуткие клыки.

Некромант заметил как один из темных эльфов, кажется мужчина, прислонился к стене, тяжело дыша и зажимая рукой рану на груди. Его прикрыл один из гиритцев. Седой монах двумя взмахами молота раскидал насевших на раненного демонов.

Эльф что-то выкрикнул, но Эгистес уже отвернулся.

Сейчас битва занимала некроманта меньше чем то, что творилось прямо перед ним. Об Гранере Ласкнире Эгистес знал мало, но здесь явно было что-то не так. Старик оказался намного сильнее, чем все из известных некроманту магов. Его безупречный щит не могли пробить даже самые сложные заклинания, которые Эгистес мог себе позволить в сложившейся ситуации.

— Очень плохо. — Колдун еще раз попробовал пробить щит архимага, но и эта попытка не увенчалась успехом.

Щит вокруг платформы казался абсолютным, идеальным воплощением магической энергии. Чтобы научиться так управлять своим даром, не хватит и целой жизни. В любом случае, все, что мог Эгистес уже испробовал, но у него оставался еще один вариант.

— Кая! — некромант встряхнул за плечи сидевшую на полу девушку. — Приди уже в себя!

Похоже, ему удалось достучаться до сознания ученицы архимага, когда он назвал ее по имени. Девушка подняла на колдуна испуганные глаза.

— Врата, — палец Эгистеса указал на платформу со стоящим на ней Гранером Ласкниром. — Как они работают? — Если верить старым записям, то, как и врата Пути, — несколько отрешенно произнесла Кая, словно повторяя заученный когда-то текст. — Платформы проходят сквозь пространство и время, перенося с собой того, кто стоит на них. По сути одна платформа замещается другой. Они меняются, обмениваясь и тем, что на них. Так происходит перемещение. Оно отличается от тех же камней Возврата, которые создал один из архимагов, более тысячи лет назад. Мой наставник много времени изучал его писания, он всегда был поглощен этой идеей, — кажется, от шока Кае требовалось выговориться, и она не замолкала: — Я еще шутила, что у них не только интересы, но и

имена похожи.

— Камни? — закусив губу, Эгистес лихорадочно пытался что-то придумать и машинально повторил одно из слов, услышанных только что.

— Камни возврата, — Кая кивнула. — Они действуют, как и врата, но привязываются к конкретному месту, в которое можно вернуться откуда угодно, но лишь один раз.

— Камни, — снова повторил некромант. — Был у меня такой и... слушай! — Он резко повернулся к девушке. — Ты знаешь, каким заклинанием твой учитель уничтожил камни тех, кто отправился сюда?

— Создатель камней, как говорят, не желал делиться своими секретами, но Совет магов вынудил его. — Девушка несколько раз моргнула. — Мой наставник, также, не любит раскрывать всех своих секретов.

— Проклятье...

— Но я часто заглядывала в его записи. Пока он не видит. Давно разгадала его защитные заклинания, за которыми он прятал свои записи, — улыбка Каи выглядела натянутой, а на глазах, все еще, блестели слезы.

— Тогда, прежде чем мы попробуем помочь остальным, я хочу, чтобы ты оказала мне услугу. — Теперь улыбнулся Эгистес Отверженный.

Но его улыбка, как и направленный на Гранера Ласкнира взгляд, выглядела пугающе.

Возвращение

Кисара чувствовала, как по мере спуска в подземелье, усиливается и так казавшееся абсолютным влияние Скверны. Оно билось в каждом уголке древних стен и сейчас его сердце отчетливо пульсировало где-то впереди.

Странно, но южанка не ощущала давления, а частичка ее демонической крови не трепетала от близости Бездны. Подобное спокойствие заклинательница ощущала, когда слышала молитвы Алектиса, защищавшие ее душу от Скверны.

Но сейчас пастыря гиритцев не было рядом. Девушка шла окруженная рыцарями в алой броне. Сидониты не взывали к своему богу просто так. Они не просили у него защиты или прощения, только силы для того, чтобы расправиться с врагами и свершить Его волю. Они молились только в бою или когда готовились к нему. Однако одного присутствия сидонитов хватало демонологу, чтобы не ощущать себя уязвимой для Скверны, открытой для ее всевидящих глаз.

Казалось, что Бездна боится смотреть в сторону алых храмовников и Кисара чувствовала себя в безопасности рядом с ними. Словно маленькая девочка, заклинательница смотрела на возвышавшихся над ней воинов, бесстрашно идущих навстречу неизвестности, ощущая исходящую от них решимость и мощь.

Сквозь шум шагов не скрывающихся сидонитов, Кисара разобрала многоголосое бормотание. Напрягая слух, девушка узнала демоническое наречие, но не могла понять, о чем идет речь.

— Не слушайте эти голоса, Говорящая, они несут лишь Скверну и скоро замолчат навсегда, — обратился к девушке один из приставленных к ней телохранителей.

Южанка не видела лица, сокрытого за глухим забралом шлема, в котором был лишь две узкие щели — одна горизонтальная для обзора и одна вертикальная, для дыхания. Когда же храмовник поднял забрало, то Кисара увидела немолодого мужчину с выражением мрачной

решимости на лице. Сидонит втянул носом воздух подземелья и скрипнул зубами, не ощутив ничего, кроме запаха тлена и разложения. — Расплата близка, — хмуро произнес он.

Кисара благодарно кивнула. Слова храмовника немного успокоили ее, но южанку, все равно, была мелкая нервная дрожь. Чтобы как-то собраться, демонолог начала плести формулы, сохраняя в уме их сложные рисунки. Это занятие требовало предельной концентрации и заклинательница, полностью сосредоточившись на своем даре, отвлеклась от тягостных мыслей.

Сидониты ускорили шаг, но Кисара этого даже не заметила. Лишь когда говоривший с ней рыцарь, с глухим щелчком опустил забрало своего шлема, девушка встряхнула головой, словно проснувшись.

— Не отходите далеко, Говорящая, — голос сидонита звучал глухо из-за шлема. — Клянусь Воздаятелем, вы вернули нашего лорда, и мы защитим вас даже ценой жизнью.

— Спасибо, — Кисара огляделась, неприятно поежившись, встретившись взглядом с одним из множества глаз на потолке, подернутым фиолетовым свечением.

Око Бездны, не мигая, уставилось на девушку, жадно пожирая ее взглядом. Поспешно опустив глаза на каменный пол, южанка заметила, что кладка здесь значительно старше, чем была раньше, до спуска в подземелья. Древние плиты украшали потертые, потрескавшиеся от времени орнаменты, почти сокрытые черным туманом. Рваные клочья беспокоили шаги сидонитов, разбрасывая их в стороны. Живым существом стелящийся по полу мрак, растекался в стороны под латными ботинками храмовников, сразу же смыкаясь вновь, стоило им убрать ногу.

— Наконец-то ты привел ее, — южанка вздрогнула всем телом, едва услышав этот голос. Единожды услышав принца-демона Штранризгара, его резкий и шипящий голос не спугаешь ни с чем.

— Если ты говоришь о своей смерти, то да, я не просто привел ее, я принес ее для тебя в своих руках!

Теперь говорил Алард Дарий, и Кисара различила впереди всполохи алого света, исходящие от Аренвира. Голос Верховного лорда разнесся по темному залу гулким эхом, многократно отразившись от стен.

— Ты уже пал единожды, смертный, падешь еще раз. — Невозмутимо продолжил принц-демон. — Просто отдай мне Говорящую, а взамен я подарю тебе океан сладостной боли.

— Я говорю с тобой вовсе не потому, что это доставляет мне удовольствие, отродье, и не потому, что преследую какие-то личные цели. Я лишь оглашаю твой приговор, вынесенный Великим Воздаятелем. Этот приговор — смерть! — Древняя алебарда Аларда засияла сильнее, озарив своим светом огромный зал. Подняв голову, Кисара увидела высокий сводчатый потолок. В центре венчающего его купола, судя по оформлению, должно было изображаться всевидящее око — символ Ифриила Создателя. Так было заведено во всех храмах светлых богов, но не здесь.

Сейчас, на самом верху замер воспаленный красный глаз, непрерывно вращающийся и источающий злобу. Символ бога Создателя обратился в нечто иное — в оскверненное подобие самого себя, вззирающее вниз с ненавистью и жадной уничтожения.

Кисара явственно ощутила на себе тяжелый взгляд, почувствовав горящую в нем злобу, от которой кровь стыла в жилах. Подкупольное пространство, видимо, раньше украшали изображения светлых богов, сейчас оскверненные, замазанные кровью и развороченные

острыми когтями. Когда-то яркая мозаика, окрасилась в бурый цвет, и теперь нельзя было понять, что изображалось на ней изначально.

Демонические символы пылали по всему потолку и стенам, полностью скрывая их под собой, а в высоких нишах навсегда замерли человеческие скелеты и полуистлевшие тела, пустыми глазницами или расширившимися от ужаса глазами смотрящие в самую Бездну.

— Я уничтожу тебя и всех, кто стоит за тобой, жалкий смертный, возмнивший себя невесть кем, — теперь голос Штранризгара стал булькающим и гортанным. — Вас всех ждут вечные муки! — Принц-демон взревел, и его поддержали несколько десятков пронзительных голосов, от которых у Кисары зазвенело в ушах.

— Сегодня ты — падешь! — голос Аларда Дарий вознесся к самому потолку, и даже демоническое око в самом верху на мгновение зажмурилось. — Во имя Возмездия!

— С именем Воздаятеля! — Поддержали сидониты призыв своего лорда и, следом за ним, бросились в атаку.

* * *

Алой волной храмовники хлынули в зал, сразу же наполнившийся лязгом стали. Рыцари Бездны, выступившие навстречу сидонитам, встретили их грозным ревом, обнажая костяные клинки, с острыми зубами по кромке кривых лезвий. Они восславляли принца-демона, а глаза и пасти на их броне широко открывались, вторя их словам.

Те, кто своими зверствами заслужил право примкнуть к свите Штранризгара, не знали себе равных в кровожадности и жестокости, настолько далеких даже от безумия, что ни один смертный не смог бы постичь их помыслы и намерения в полной мере, не лишившись рассудка.

Вонзая прямо в каменные плиты свои знамена, сотканые из человеческой кожи и плоти, рыцари Бездны рвались в бой, чтобы принести своему покровителю как можно больше сидонитских черепов, тем самым заслужив его расположение. Храмовники без страха схлестнулись с темным воинством, скрестив клинки с рыцарями Бездны. Десятки сидонитов возносили свои грозные молитвы, перемешивающиеся под высокими сводами с хриплыми еретическими призывами их противников. Охваченные алой дымкой, воины Сидония Воздаятеля сражались, убивали и гибли, одержимые мыслью о возмездии.

Среди рослых храмовников, Кисара казалась еще более хрупкой и женственной. За спинами окружавших ее воинов она не видела почти ничего, но чувствовала, как в зале сгущается энергия Бездны.

Южанка, как и рыцари, стремилась вперед, находясь ближе к концу образованного ими клина, на острие которого сражался Алард Дарий. Его Арэнвир яркими вспышками разрывал мрак.

Одна лишь мысль об отваге Верховного лорда, вдохновляющего своих воинов, придала сил и Кисаре. Широко раскинув руки, демонолог высвободила почти половину собранных формул, послав их над головами сидонитов и сразу же услышала пронзительный вой — ее заклинания нашли свои цели.

Волна слабости и головокружения подступили к девушке. Но та, встряхнув головой, продолжила сражаться. Окруженная самоотверженными рыцарями, она просто не могла стоять, сложа руки.

Мысль о собственной никчемности была Кисаре отвратительна. Заклинательница твердо решила, что лучше упадет без чувств, или даже умрет, чем позволит себе дрожать от ужаса. Новые заклинания сорвались с пальцев демонолога, отдаваясь в ее оберегах легкой вибрацией.

Раньше Кисара боялась использовать сильные заклинания, так как они могли лишить ее души, полностью затянув в пучину Скверны, но поход с гиритцами и встреча с Алардом Дарием навсегда изменили девушку. — Я больше не стану бояться! — воскликнула южанка. Выхватив кинжал, Кисара быстро нанесла на свою ладонь короткую формулу. Заклинание, состоящее из сложных символов, слетело с узкой ладони кровавыми каплями. Взмахнув рукой, демонолог послала множество развоплощающих формул прямо в раскрывшийся под куполом глаз.

Тугой, сотканный из символов столп, ударил точно в цель, заставив огромное око затрепетать. Вторым ударом Кисара полностью выжгла его, чувствуя, как подгибаются ее ноги и ощущая на пересохших губах металлический привкус крови.

Вопреки этому девушка улыбнулась. Раны, нанесенные заговоренным кинжалом, быстро затянулись, хотя боль от них не пропала совсем. Стиснув зубы, Кисара вырезала на ладони очередную формулу, послав ее под своды потолка и разорвав там на множество отдельных символов, шипящим дождем хлынувших сверху на головы рыцарей Бездны.

Попадая на костяную броню, символы въедались в нее, прожигая панцири и впиваясь в покрытую язвами кожу. Доспехам храмовников, волшебство южанки не причиняло никакого вреда, с шипением испаряясь с гладкой поверхности тяжелых алых лат.

Торжествующая улыбка Кисары слетела с губ, когда рядом с ней, под мощнейшим ударом шипованной палицы пал один из охранявших ее сидонитов. Демоническое оружие смяло его шлем, сломав шейные позвонки.

Храмовник замертво рухнул на каменные плиты.

Стоило телу коснуться пола, как лапа рыцаря Бездны с треском опустилась на его нагрудник, продавив его и пригвоздив безжизненное тело к полу. Торжествующе расхохотавшись, порождение Скверны подняло свое окровавленное оружие над головой Кисары.

Взглянув в глаза своей смерти, девушка вскрикнула, закрываясь руками. Страх, старательно отгоняемый ей, полностью сковал сердце южанки и если бы не сидонит, говоривший с ней незадолго до битвы, то Кисара бы умерла.

Встав между демонологом и рыцарем бездны, храмовник принял удар шипованной палицы на щит. Острые шипы скользнули по полированной поверхности, оставив на ней глубокие борозды и врезавшись в каменные плиты, раздробив древнюю кладку.

Меч сидонита ударил сверху, отсекая широкую кисть. Уцелевшей рукой рыцарь Бездны наотмашь ударил мужчину по лицу, сорвав со шлема глухое забрало. Отшатнувшись, храмовник полоснул по горлу противника. Отточенное лезвие проскрежетало по костяному нагруднику, скользнув в щель под шлемом и окрасившись в черный цвет хлынувшей из раны демонической крови. Оттолкнув захрипевшего врага щитом, сидонит быстро обернулся к Кисаре.

— Говорящая, вы в порядке?

— Да, — девушка с трудом перевела дух. — Спасибо!

Битва перешла в отдельные стычки. Строй храмовников распался, но и их противники понесли серьезные потери.

На полу в неестественных позах раскинулись тела воинов Сидония и посланников Скверны, а над бездыханными телами продолжали сражаться выжившие. И только сейчас Кисара увидела его...

В том, что перед ней именно принц демонов Штранризгар, у южанки не возникало ни малейших сомнений. Дух Скверны исходящий от этого существа был практически осязаемым и зловонными миазмами поднимался к потолку.

Огромное, похожее на уродливую личинку тело покрывали тысячи острых и кривых шипов. На которые был насажены мертвецы и останки тех, кто пал давным-давно. Лишенный задних конечностей, Штранризгара опирался на одну из двух пар многосуставчатых лап, заканчивающихся загнутыми когтями, сейчас покрытыми кровью. Другой парой своих пугающе длинных и мощных конечностей, принц демонов пытался достать сражавшегося с ним Аларда Дария.

Верховный лорд алых храмовников, стоя на груди поверженных врагов, сжимал в руках Аренвир, отражая атаки противника. Доспехи сидонита были помяты, голова окровавлена, а плащ и табард изодраны до неузнаваемости. Храмовник тяжело дышал, но, охваченный багровой дымкой, он продолжал сражаться и его светлые глаза горели жаждой мести.

— Тебе не победить! — ревел Штранризгар, разевая полную острых клыков пасть.

Плоская, лишенная носа и ушей голова затряслась, и демон плюнул в храмовника густой слизью. Алард Дарий закрылся наплечником, и его броня зашипела, когда на нее попал яд.

— Ты падешь! — продолжал реветь демон, брызгая слюной и тараща круглые темные глаза.

— Не сегодня, тварь! — сидонит, встретив новый удар демона, пошатнулся, когда его алебарда скрестилась с заскрежетавшими по древку когтями.

Провернув оружие, Алард отсек Штранризгару два пальца, вонзив в широкую ладонь лезвие Аренвира и резким рывком распоров гниющую плоть.

Взревевший от боли и ярости Штранризгар ударил одной из лап по горе трупов, на которой стоял Алард Дарий и храмовник, не удержавшись, сорвался вниз. На лету он вонзил алебарду в одно из тел и, ухватившись за нее двумя руками, смог встать на ноги.

— Вот и все! — Оттолкнувшись лапами от пола, Штранризгар приподнялся всем своим громоздким телом, обрушившись сверху на Аларда Дария и желая раздавить храмовника, посмеявшегося бросить ему вызов.

Коротко размахнувшись, Верховный лорд сидонитов метнул Аренвир в морду противнику. Но от движения принца — демона, гора из тел дрогнула, и Алард Дарий едва не упал, а его алебарда пролетела слишком высоко, взмыв к потолку.

— Умри! — Лапы Штранризгара рухнули вниз, смяв и растерзав множество тел, оказавшихся под ними.

В ужасе прикрыв рот ладонями, Кисара смотрела на происходящее. Но замершее в ее груди сердце радостно забило вновь, когда фигура храмовника поднялась в воздух за мгновение до страшного удара, проскользнув между падающих на него лап.

Алард Дарий, подхватил начавший падать Аренвир, после чего алые крылья, поднявшие его в воздух, вдруг пропали и рыцарь устремился вниз. Выставив перед собой алебарду, он упал на Штранризгара, вонзив оружие рядом с полным ненависти взглядом.

Провернув Аренвир, Алард Дарий ухватился рукой за дрожащее веко забившегося в судорогах демона, вырвав оружие и ударив еще раз. На этот раз он поразил око Штранризгара и принц демонов взревел так, что стены старого зала затряслись.

Из пустой глазницы повалил черный дым. Огромное порождение Бездны приподнялось на хвосте и его лапы начали беспорядочно молотить лапами по своей же морде, в стремлении стряхнуть с нее храмовника. Но Алард вонзал алебарду все глубже и глубже. Острые когти полоснули Аларда по ноге и разворотили доспех. Пробив сталь, когти разорвали плоть и оставили глубокие следы на боку, пробив сталь и разорвав его плоть. Верховный лорд сидонитов стиснул зубы, но не выпустил оружия.

Новый удар пробил наплечник и нестерпимой болью скользнул по руке. Когда когти демона прошли сквозь латы и плоть и коснулись кости, сидонит, все же не удержался. Алард выпустил оружие и сорвался вниз.

С торжествующим ревом принц демонов поймал рыцаря за ногу, подбросил вверх и, рванувшись вперед, поглотил... Увидев это, Кисара закричала. Девушка разом позабыла обо всем на свете. Ее крик был полон отчаяния и боли. Рассудок заклинательницы помутился и, одержимая жаждой отмщения, она решилась на то, чего опасались все демонологии, кроме тех, что желали навсегда отдаться Скверне. Не задумываясь о последствиях, южанка вонзила зачарованный кинжал себе в грудь, сдержав хрип боли и прошептав:

— Печати с первой по девятую — очищение, — на побледневших губах Кисары выступила кровь.

— Сестра, ты уверена? — голос Миаджи прозвучал в угасающем сознании демонолога и почти прозрачный силуэт девочки появился прямо перед ней. — Сейчас ты не сможешь создать для меня материальное тело, твоих сил не хватит.

— Тогда возьми мое!

— Я не знаю, чем это закончится, — Миаджи дотронулась до лица хозяйки и ее голос дрогнул. — Если мы объединимся...

— Мы и так с тобой едины, — выпустив рукоять кинжала, Кисара до боли сжала ладони демоницы дрожащими пальцами. — Перерождение! — угасающий шепот южанки неожиданно перешел в громкий крик.

Широкие браслеты с вживленными в них оберегами, на запястьях Кисары лопнули, когда, повинувшись ее воли, толика демонической крови в жилах заклинательницы пробудилась.

Силуэт Миаджи распался черным пеплом, устремившимся к выпрямившейся Кисаре. Он покрыл тело девушки плотным, непроницаемым саваном, окутав ее с головы до ног, и затвердел, превратившись в один блестящий кусок оникса. Всего мгновение камень казался одним целым, но длинные трещины, одна за другой начали появляться на его поверхности и он лопнул, рассыпавшись мельчайшими осколками блестящего мрака.

Кинжал, только что погруженный в грудь Кисары звякнул о камни, и она глубоко вдохнула, словно долгое время находилась под водой. Демоническая сила заструилась по ее изменившемуся телу, и южанка расправила широкие крылья, выросшие у нее за спиной.

Заклинательница взглянула на свои руки и увидела, как они изменились, словно ее тело обратилось во мрак, заменивший плоть. Лишь амулет Лигеи Благодетельницы, по-прежнему, блестел на узком запястье серебряной звездочкой.

Опустив взгляд, Кисара поняла, что все ее тело изменилась и его наполняет неуправляемая сила, о которой демонолог не могла даже мечтать.

— Сила... — голос южанки остался прежним и лишь слегка изменился, став более сладострастным и пугающе ласковым. — Я получила ее.

Мысли и желания с новой силой нахлынули на сознание девушки. Она подняла полный

ненависти взгляд на возвышавшегося в центре зала принца демонов и взмахнула крыльями, послушно поднявшими ее над полом. Клыки Штранризгара почти сомкнулись, но ликование на довольной морде демона сменилось недоумением. Принц Бездны силился сжать многочисленные зубы, но что-то мешало ему. Челюсти демона затряслись, слегка приоткрывшись, и Кисара увидела окровавленного Аларда Дария, почти сокрытого длинными клыками. Сидонит уперся спиной в нёбо Штранризгара и, широко расставив ноги, не давал твари захлопнуть пасть.

— За Воздаятеля! — крик Дрэтона Бриана прогремел подобно раскату грома и он, обезглавив схватившегося с ним рыцаря Бездны, метнул свою секиру, целясь в голову Штранризгара.

Грозное оружие с треском вошло принцу демонов между зубов, заставив его взреветь и разинуть пасть сильнее.

Но Алард Дарий даже не пытался бежать. Вместо этого он схватил Штранризгара за узкий, раздвоенный язык и рванул на себя.

— Никто более не услышит твоих пропитанных ядом Скверны речей! — Верховный лорд сидонитов продолжал тянуть извивающегося всем телом демона за язык.

Покрытое слизью нёбо твари вновь придавило плечи храмовника, смрадное дыхание обжигало кожу, но Алард Дарий не отступал.

Штранризгар безумно завертел головой. Одну из своих лап он закинул на покатый лоб, а другими подпер нижнюю челюсть, с силой пытаясь захлопнуть пасть. Из разинутого рта чудовища, не прекращающимися толчками выливалась черная кровь. Крылья слушались плохо, Кисару сильно мотало из стороны в сторону — пару раз она едва не упала. Но девушка понимала, что громадные челюсти Штранризгара могут сомкнуться в любое мгновение, оборвав жизнь дорогого ее сердцу мужчины.

Вскинув руки, Кисара попыталась набросить на принца-демона формулы ослабления, но ничего не произошло. Символы не желали подчиняться ей и южанка потрясенно уставилась на свои ладони, не чувствуя прежнего дара.

— В этом состоянии ты не сможешь пользоваться силой демонолога, сестрица, — услышала Кисара голос Миаджи, исходящий откуда-то из глубин собственной душ. — Используй свои злость и страх. Мы, демоны, питаемся из этих источников.

— Но как? — растерянный взгляд Кисары скользнул по Штранризгару и замер на фигуре Аларда Дария.

Храмовник, упираясь из последних сил, громко воззвал к своему богу: — Воздаятель, дай мне сил для последнего деяния! — Алая дымка вокруг сидонита вспыхнула с новой силой и с пронзительным, чавкающим звуком язык принца демона лопнул. Захлебываясь кровью, Штранризгар сильнее сжал зубы и Алард Дарий припал на одно колено, почти раздавленный мощными челюстями.

Одна лишь мысль о том, что храмовник умрет прямо у нее на глазах, забились в голове Кисары, словно птица в тесной клетке. Она всей душой не желала терять того, о ком мечтала всю жизнь.

Отчаяние, страх, злость и ярость сплелись в душе девушки в один горящий ненавистью комок. Он забился, стуча в такт ударам ее сердца, и устремился вперед, бесплотным призраком пройдя сквозь плоть заклинательницы.

Кисара и сама не поняла, как у нее в руках оказалась идеально ровная сфера бурлящего мрака. Сама тьма повисла над открытыми ладонями южанки и неистово закутилась вокруг

своей оси, словно требовала и жаждала чего-то.

— Да!.. Вот так!.. — одобрительный голос Миаджи прозвучал вновь. — Ты высвободила свою злобу, сестра, теперь просто направь ее и вели ей сокрушить то, что тебе ненавистно.

Повинуясь инстинктам и голосу демоницы, Кисара сначала плотно прижала темную сферу к груди, а затем одним резким движением швырнула ее в сторону Штранризгара. Промелькнув в воздухе, материализованные чувства Кисары совершенно беззвучно врезались в голову принца демона.

Южанка не сразу поняла, так ли тихо разорвалось ее заклинание или просто этот звук затерялся в диком вопле боли, который издал Штранризгар. От удара он запрокинул сильно дернувщуюся голову набок и Аренвир, от резкого толчка выпал из пустой глазницы, золотым лучом устремившись вниз. Кисара не смогла сдержать крика, когда поняла, что ее удар не слишком повредил могучему демону и скорее был для того неожиданным, чем опасным.

Но даже мгновения замешательства Штранризгара, вызванного атакой южанки, хватило для того, чтобы Алард Дарий, привыкший всегда сражаться до конца, мощным рывком распахнул пасть принца демона.

Оттолкнувшись ногами, храмовник проскользнул мимо смыкающихся острых зубов, в полете поймав свою алебарду и вонзив ее в основание длинной шеи Штранризгара. Увлекаемое весом храмовника лезвие легко вошло в задымившуюся демоническую плоть, вспарывая ее и скользя вниз, оставляя за собой страшную рваную рану из которой жутким фонтаном забила черная кровь. На уровне груди огромного демона, Алард Дарий вцепился рукой в его толстую шкуру и остановил свое оружие.

— Твой приговор — смерть! — Верховный лорд сидонитов вырвал Аренвир из плоти чудовища. — Отправляйся следом за своим братом!

Размахнувшись, Алард Дарий вогнал сияющую алебарду в тело демона, пронзив чегг черное сердце. Столп света прожег тело непрерывно визжащего и захлебывающегося своим истощенным криком Штранризгара насквозь и громадная туша покачнулась.

Издав последний предсмертный хрип, принц демонов начал медленно заваливаться набок, давя тела своих приспешников, что пятились под неистовым натиском воспарявших духом сидонитов.

Когда последние силы оставили Штранризгара и его уцелевший глаз окончательно потух, но рухнул на пол, похоронив под собой почти всех рыцарей Бездны. Оставшиеся создания Скверны, лишившись господина, падали один за другим, под ударами мечей храмовников.

Последнего рыцаря в костяной броне добил спрыгнувший с поверженного врага Алард Дарий, пробив его грудь Аренвиром.

Голова наблюдавшей за всем сверху Кисары закружилась. Силы стремительно покидали девушку, и заклинательница слишком поздно поняла, что крылья больше не держат ее. Не в состоянии даже вскрикнуть, она упала вниз, но не почувствовала боли.

Нерешительно открыв глаза, Кисара увидела залитое кровью лицо Аларда Дария.

— Ты снова спасла меня, Говорящая, — произнес храмовник, бережно удерживающий хрупкую девушку. Кисара подняла трясущиеся, ставшие прежними, руки. Крепко обняв мужчину за шею, она тихонько заплакала. Сквозь слезы южанка видела, как их окружают выжившие храмовники. Сидонитов осталось не более двух десятков. Они были истощены и изранены, но не утратили присутствия духа. В светлых глазах рыцарей сияла прежняя решимость.

Кисара хотела улыбнуться, но что-то внутри нее вдруг содрогнулось, и заклинательница ощутила новый порыв дыхания Бездны, просочившийся в подземелье откуда-то сверху.

— Они идут. — Алард Дарий тоже почувствовал неладное.

— Какие будут приказы, мой лорд? — Подошедший Дрэтон Брин сильно прихрамывал на правую ногу, баюкая на руках свою секиру. — Мы можем сдерживать тварей, пока Вы не уничтожите врата, даже ценой своих жизней, но... — старый рыцарь скорбно взглянул на Кисару.

— Мы не останемся здесь, — Алард покачал головой.

— Что Вы имеете в виду? — не понял капитан сидонитов.

— У нас есть она, — храмовник посмотрел в глаза Кисары. — Она наш ключ.

Все как один храмовники воззрились на смутившуюся южанку.

— Простите, — вымолвила девушка. — Но я не понимаю...

— Ты — Говорящая, — быстро пояснил Алард Дарий. Он сдвинулся с места, продолжая нести Кисару на руках. — Та, кто может говорить с Бездной, а не слепо следовать ее зову, внемля развращающему гласу. Такие как ты появились очень давно. Когда пороки стали одолевать созданий Ифриила, не все пошли на поводу у своих низменных желаний. Были те, кто нашел в себе силы сопротивляться. Я почувствовал в тебе эту силу, когда бродил в кромешной тьме. Я слышал твой чистый голос, что звал меня и слепо пошел на зов. И я освободился благодаря тебе. В древние времена, таких как ты звали Верными, а когда появилась Скверна и Ифриил заточил ее под землей, то вас стали называть Говорящими. Ты — потомок Верных, связующее звено между мирами. Родившаяся в нашем мире, частичкой души принадлежащая Бездне и посвятившая оставшуюся Светлым богам — ты объединяешь в себе эти миры и можешь пробудить Изначальные врата.

— Я не совсем поняла, — честно призналась пораженная Кисара, которую слова сидонита едва не лишили дара речи. — Что я должна сделать?

— Пробудить их, — кивком Алард указал девушке на парящую над полом платформу.

— Но как? — ранее Кисара не замечала ничего подобного, так как платформа скрывалась за телом Штранризгара.

— Поборники Скверны все уже подготовили за нас. Видимо они ждали тебя или кого-то похожего, для того, чтобы выбраться отсюда. Помнишь слова принца-демона? Что я привел тебя-

Верховный лорд сидонитов обошел вокруг платформы, и Кисара смогла увидеть множество символов начертанных на потертой поверхности.

— Когда на нашу обитель напали, мы оказались в этом мире. — Аккуратно поставив девушку на пол, Алард вздохнул. — Наш страж Врат, Эргрин, был той же крови, что и ты. Когда я видел его последний раз, он сказал, что не допустит торжества Скверны, даже если крепость падет. Тогда я не понял его слов и не познал их истинного значения до сегодняшнего дня. Как оказалось, это наш брат своей силой запечатал обитель в этом мире, а потом...

— Потом он убил себя, — старческий, дребезжащий голос донесся от дальней стены и сидониты схватились за оружие.

— Кто здесь? — спросил Алард Дарий, выхватывая из-за спины Арэнвир. — Тот, кто сможет помочь вам, — ответил тот же голос.

— Покажись, невежда, перед тобой Верховный лорд! — грозно потребовал Дрэтон Брин, делая широкий шаг навстречу голосу.

— Тот, по чьей воле обитель оказалась в этом мире пал на свой меч, едва свершив задуманное. Он не желал, чтобы его пленили и принудили распахнуть Врата. Страж сам отнял свою жизнь, я видел это сам, — от стены отделился сгорбленный силуэт и медленно побрел в сторону сидонитов. — Я видел, как его дух вознесся к вашему богу за то, что обрек всех нас на эту судьбу, а его тело пожрал взбешенный Штранризгар. Демон лично убил тех, кто не смог сбежать и оставил лишь меня, потому что я поклялся быть полезным ему, пригожусь и вам! Только заберите меня отсюда! — Из мрака выступил человеческий силуэт, но ни его лица, ни одежды нельзя было разглядеть. — Я больше не могу слушать эти голоса...

Когда говоривший вышел из тени, сидониты подняли опущенное было оружие. Щурясь на свет, исходящий от Аренвира, сутулый и сгорбленный старик, шаркая босыми ногами приблизился к храмовникам, недоуменно уставившись на наставленное на него оружие.

— Я буду полезен, — подобострастно закивал он, испугавшись.

— Это ты! — Вдруг воскликнул Дрэтон Брин, замахиваясь секирой. — Предатель, я помню твое лицо!

— Тихо. — Голос Аларда Дария прозвучал настолько жестко и отчетливо, что капитан остановился, так и не опустив ногу на пол. — Продолжай, Сеграс.

Кисаре это имя показалось странно знакомым. Она определенно слышала его где-то еще. Пытаясь вспомнить, девушка принялась разглядывать старика: сморщенное лицо, покрытое как-то грязью, выцветшие глаза, дрожащие тонкие губы и узкий нос. Волосы превратились в длинные спутанные космы и грязным ворохом лежали на дрожащих плечах. Тот, кого Алард назвал Сеграсом, кутался в рваное тряпье, будто что-то прижимал к груди.

— Благодарю, мой лорд, — пролепетал старик, отвешивая поморщившемуся храмовнику глубокий поклон.

Когда согнутая в три погибели спина Сеграса распрямилась, тряпье немного разошлось в стороны и Кисара увидела серую тряпку на которой с замиранием сердца узнала оскверненный символ Гирита Защитника — треснувшее солнце-череп с кривыми лучами, такие же изображения она видела прежде, на одеждах гиритцев, отрекшихся от своих обетов.

— Как низко ты пал, Сеграс, — в голосе Верховного лорда не слышалось ни жалости, ни сожаления и только сейчас Кисара вспомнила, что это же имя Алард называл ей раньше. Пастырь гиритцев Сеграс, один из пяти монахов, что привел магов в обитель Нерушимых Врат.

— Я просто хотел выжить, — оправдываясь и запинаясь, затараторил отрекшийся гиритец. Он нервно провел сухой ладонью по лбу, размазывая кровь, и Кисара поняла, что старик покрыт не грязью, а темными пятнами разлагающейся плоти. — Маг оставил всех нас здесь, а сам смог уйти, что мне оставалось?!

— Быть верным своему богу, ордену и братьям! — Жестко отрезал Алард.

— Все мы, рано или поздно, сдадимся, — отмахнулся старик, нервно хмыкнув. — Я видел, как обитель падет! Он показал мне это, и я согласился помочь, в обмен на вечную жизнь!

— Кто он? Быстрее!

— Маг, — передернул плечами Сеграс. — Ринксал Ренарг. Он долго изучал Бездну и Скверну, часто бывал в наших архивах. Он открыл мне правду о том, что Врата распахнутся и в наш мир вернется то, что мы считали побежденным! Он знал, что Штранризгар придаст обитель осквернению!

— А это он тоже знал! — лезвием Аренвира Алард указал бывшему пастырю на тело мертвого демона, после чего кончик алебарды приблизился к лицу старика и тот испуганно отшатнулся. — Говори! Или отправишься вслед за своим новым повелителем.

— Я скажу, все скажу! — Сеграс упал на колени. — Я живу, чтобы служить! — он затравленно оглядел хмурых сидонитов. — Маг сказал, что, скорее всего, портал можно открыть лишь отсюда. Он убедился, что я все запомнил и потом ушел. Сказал, что приведет нам ключ. У него был камень с руной! Маг воспользовался им, ноне взял меня с собой, как обещал. Я остался здесь, чтобы служить новому господину. Я рассказывал о мире, что ему предстоит покорить, и он сулил мне...

— Заткнись! Слушать противно, — во взгляде Дрэтона Брина явственно читалось желание убить изменника. — Ты — позор своего ордена!

— Показывай ритуал! — Бросил Алард. — Как открыть врата.

— Вы не убьете меня? Сначала поклянитесь!

— Даю тебе слово, что я не трону тебя, — мрачно кивнул Верховный лорд, и обрадованный старик сразу же начал суетиться вокруг платформы.

— Все что вы видите — обман, — говорил он, босыми ногами стирая нанесенные кровью символы. — Мне надо было доказать повелителю свою полезность, и я солгал ему, — с опаской Сеграс покосился на труп Штранризгара, словно тот мог восстать и убить его. — Ренарг говорил, что нужен лишь ключ, тогда время обратиться вспять. Он сказал, что приведет другого зрителя врат, но так и не появился.

Потому что все сидониты и их зрители врат — погибли, по крайней мере, все так считали — с горечью подумала Кисара, но промолчала.

— А потом, совсем недавно, кто-то позвал господина. Он сразу понял, что это за зов и с радостью откликнулся на него, ведь из этого места он мог слышать голоса лишь тех, кто находится в обители. А потом я увидел Вас!

От взгляда Сеграса у Кисары мурашки пошли по спине. В выцветших глазах отразилось какой-то извращенное Бездной чувство, давно утратившее свой истинный облик.

— Хозяин принес Вас из другого мира, чтобы открыть врата! Господин Штранризгар отдал Вас мне, велел подготовить все к ритуалу, но я не мог. Вы так красивы и так похожи на нее... Я снова солгал господину и сам велел заточить пленницу в темнице. Я хотел подарить Вам еще времени, побыть с Вами, ведь Вы так похожи... А он обещал... — Быстрее! — гаркнул Дрэтон Брин и Сеграс сжался, словно ожидая удара. — Я решил скрыть ее ото всех, поручил своим слугам спрятать ее глубоко под землей. Вы там ее нашли? Забрали ее? Она должна была послужить ключом, а потом мы вместе смогли бы встретить вечность. Он обещал... нужен был только сигнал, чтобы открыть Врата! — Что за сигнал? — спросил Алард.

— Вот этот, — глупо улыбнулся Сеграс, показывая на платформу, в центре которой начала закручиваться маленькая воронка. — Это значит, что маг нашел способ пробудить врата при помощи темной крови и госпоже надо только встать сюда и пожелать открыть их. Она просто послужит ключом к запертой двери. Замочная скважина находится здесь, в этом мире, а за единственную ручку потянет Ренарг, с той стороны. Только тогда дверь откроется, так он говорил. Ведь сидонит не успел закрыть врата полностью. Он не запечатал... — поняв, что сболтнул лишнего, старик поспешно зажал беззубый рот ладонями.

— Ты не дал ему! — Аренвир замер, коснувшись кожи на шее старика, и та задымилась.

— Я! — выпалил Сеграс, опрокидываясь на пол. Спиной вперед он попытался отползти

во мрак. Вскочив на ноги, падший гиритец бросился бежать и ему это почти удалось. Но Дрэтон, догнав старика, свалил его на пол, наступив ногой на живот.

— Лежать! — Капитан сидонитов подался вперед, и его пленник зашипел от боли. — Говори правду, отродье!

— Когда я понял, что произошло, врата уже перенесли крепость в этот мир. Я сказал хранителю, что буду защищать его, пока он не запечатает их полностью... А сам убил! Ударил в спину!

— Мразь! — Дрэтон поднял секиру для удара.

— Это не все, я знаю еще кое-что! Врата! — затараторил отрекшийся пастырь. — Врата эти гораздо сложнее, чем обычные врата Пути, но могут использоваться и как они! С их помощью вы сможете перенестись сначала в обычный мир, а потом туда, куда пожелаете! — Ты думаешь, что это смягчит твою вину!? — Глаза Дрэтона Бриана пылали ненавистью.

— Нет, — с презрением произнес Алард Дарий. — Не стоит марать оружие, старый друг. Он рассказал нам все, и я дал слово, что не убью его.

Капитан сидонитов плотно сжал губы. Но отступил, повинувшись приказу Верховного лорда.

— Говорящая, — Алард повернулся к Кисаре. — Ты сможешь открыть врата?

— Если все так, как он говорит, то, думаю да. — Южанка сосредоточено кивнула, приблизившись к платформе. — А как мы их закроем? — вдруг спросила она, услышав шум со стороны спуска в подземелье — оскверненные и демоны стремились добраться до сидонитов.

— Их не нужно закрывать, — Алард встал рядом с девушкой. — Магия врат просто поменяет местами их, с точной копией в другом мире, а у демонов здесь уже не будет ключа. Нам нужно лишь встать рядом. Дрэтон, — позвал храмовник. — Пора уходить.

— Как прикажете, мой лорд, — сидонит обжег скорчившегося под его ногой старика злым взглядом.

— А я?! Вы же обещали забрать меня с собой! — залепетал Сеграс.

— Лорд обещал, что он не убьет тебя. Ты помог и вот твоя награда, — с мрачной улыбкой произнес Дрэтон, с хрустом опуская поднятый было ботинок на колено старика.

Сегарс зашелся в хриплом вопле, схватившись за сломанную конечность. — Возмездие, за предательство, — отвернувшись, капитан сидонитов поспешил к Изначальным Вратам. Кисара уже стояла в центре платформы, а Алард Дарий, замерев рядом, держал девушку за руку.

— Ты можешь, просто представьте себе свой мир, — шепнул он на ухо южанке и та кивнула. Закрыв глаза, Кисара сосредоточилась на привычном ей мире, вспомнила друзей, оставшихся в нем и о том, как она хочет вернуться в Фририард вместе с Алардом.

Кисара всей душой пожелала вернуться, и стоило ей это сделать, как южанка ощутила легкую вибрацию, пробежавшую по платформе Изначальных врат.

Выжившие сидониты подошли ближе. Рыцари не смотрели на девушку, они поверили ей и, чтобы защитить, сомкнули строй, взяв врата в кольцо. Храмовники не знали, что ждет их впереди, но были готовы защищать Говорящую. — Будьте готовы ко всему! — предупредил рыцарей капитан, занимая свое место в плотном кольце вокруг платформы. — В старом мире нас может ожидать все, что угодно!

Платформа затряслась сильнее и вдруг замерла. Кисара ощутила, как вокруг все стихло. Она слышала тяжелое дыхание выживших сидонитов, беспокойное биение своего сердца,

нарастающий гул спешащей в зал орды демонов и чувствовала руку Аларда на своем плече. Но не более. Тяжело вздохнув, Кисара открыла глаза, желая извиниться перед всеми за то, что не оправдала их надежд.

— Нееееет! — она сначала услышала голос Сеграса и только потом увидела, как он, отталкиваясь здоровой ногой запрыгал к платформе.

Давясь собственным плачем, падший гиритец вытянул вперед руки, словно хотел дотянуться до чего-то, но так и не успел. Пространство перед Кисарой резко сжалось и все вокруг словно заполнило ночное звездное небо. Яркие огоньки далеких светил устремились навстречу девушке, замерев и растаяв совсем рядом. Она вдруг увидела кланяющегося Гранера Ласкнира. Архимаг склонился так низко, что едва не коснулся собственных коленей. Неожиданно он резко выпрямился. Самодовольная улыбка на старом лице сменилась недоумением, когда маг увидел вовсе не тех, кого ожидал. Вместо принца Бездны и его свиты, перед Гранером оказалась окруженная израненными сидонитами Кисара.

— Что?.. — Гранер Ласкнир открыл рот, но, так ничего и не сказав, растаял вместе со звездным небом.

Южанка даже не успела удивиться, как все вокруг наполнилось грохотом битвы и она, будто бы оказалась в том же зале, что и раньше, только вот на его стенах не было следов Скверны. — Кисара!? Хвала дракону!

Хриплый голос Калеоса привлек внимание девушки. Обернувшись, она увидела окровавленного темного эльфа, опирающегося на клинок рядом с истово молящимся пастырем Алектисом.

— Нам нужна помощь, быстрее... — Калеос зашелся приступом кашля, согнувшись пополам.

— Мы... — девушка вдруг поняла, что ее больше не окружают сидониты.

Воины Воздаятеля уже стремились в разыгравшуюся у входа в зал битву, на ходу затягивая боевые молитвы, заставившие демоническое воинство, начавшее теснить защитников, дрогнуть.

Впереди всех бежал Алард Дарий и его Аренвир ярко сиял, разгоняя льющийся из тоннеля мрак.

* * *

Лисандра пронзила клинком шею оскверненного, но, к ее удивлению, живучая тварь не спешила умирать. Порождение Скверны цепко ухватилось за лезвие меча и начала неистово дергать его из стороны в сторону, стремясь вырвать оружие из рук девушки.

Паладин устала и, кроме того, получила серьезную рану в сочленение доспехов на плече и поясе. Лисандра почти выпустила скользкую от крови рукоять, краем глаза замечая, как слева на нее надвигается огромный воин в костяной броне, заносая кривой зазубренный меч для удара.

Рычащий волк, чей мех полностью окрасился в цвет крови, врезался в грудь рыцаря Бездны, опрокинув того на пол. Впившись клыками в открытую шею, хищник вырвал из тела врага кусок мяса. Отскочив в сторону, Карт снова укусил рыцаря за изъеденное язвами гротескное лицо, лишая глаз и части прямого носа. Развернувшись, волк цапнул оказавшегося рядом оскверненного, удерживающего меч Лисандры и начисто перекусил ему

ногу.

Хватка твари ослабла, и паладин одним движением вырвала клинок из оскверненной плоти и отрубила противнику голову.

Откуда-то спереди вылетел Скар, тяжело ударившись о распростертые на полу трупы. Рыча не хуже волка, зверолод с трудом поднялся на ноги. Прямо под наплечником зверолода торчало длинное копьё. Оскалившись, воин перерубил костяное древко. Он покачнулся от приступа боли, но, встряхнув окровавленной головой, сильнее оскалил клыки и бросился снова в гущу боя, заняв место между Фалконом и Гирионом.

Старый гиритец получил сильный удар в живот. Усеянная шипами палица смяла его доспех и едва не размозжила голову, но Скар накинулся на рыцаря бездны, осыпая его множеством беспорядочных ударов и вынуждая отступить.

Потерявший над собой контроль воин слишком увлекся и не заметил направленной ему в бок атаки. Длинные когти измененного Скверной до неузнаваемости существа царапнули зверолода по шее, пройдя вскользь. Оставив после себя четыре кровавых полосы, когти заскрежетали по нагруднику, но кисть твари упала на пол, отрубленная Гирионом.

Развернувшийся Скар добил раненного противника несколькими рубящими ударами, превратив его верхнюю часть тела в месиво.

Поднявшийся Фалкон, взмахнул молотом, заставляя нападавших отпрянуть и в оскверненных с треском врезался воющий череп. Эгистес и Кая, решив, что ничего не могут сделать с защитной сферой архимага, поспешили поддержать спутников волшебством.

Некромант взмахнул посохом и костяные доспехи на одном из рыцарей Бездны смялись, словно старый пергамент, расплющив его тело. Черная кровь брызнула в щели между обломанных краев брони.

Взревело пламя, и ученица архимага послала огненный шар над головами союзников. Заклинание взорвалось где-то в тоннеле. Волна жара нахлынула на плоть столпившихся там демонопоклонников, обращая ее в пепел, но наступавших было слишком много.

На места павших вставали новые и новые твари, а силы защитников неумолимо подходили к концу. Даже Алира, чья коса вращалась уже не так быстро, как прежде, выглядела бледнее, чем обычно. Ее черное платье было порвано в нескольких местах, обнажая белоснежную кожу и зияющие на ней раны из которых не пролилось ни капли крови.

Исель и Таллаг держались рядом с девочкой, страхуя друг друга. Шаман все реже использовал магию своего народа, слишком истощив духовную силу. Его прерывистое дыхание участилось, из разбитого носа текла теплая кровь и один глаз почти полностью затек. В левой ноге зверолода крепко засел обломок меча, при каждом движении царапающий кость и причинявший мужчине дикую боль. Он почти не мог стоять и двигался рывками. Таллаг понимал, что если бы не помощь эльфийки, он был бы уже мертв.

Исель грациозно порхала рядом с молодым шаманом, словно извиваясь в смертоносном танце. Ее кривые клинки металась от цели к цели, безошибочно отыскивая брешь в защите врагов. Исель видела, как ранили ее брата, вынужденного отступить, и теперь жаждала мести, поражая одну тварь за другой. Одержимые злобой рыцари Бездны старались добраться в первую очередь до гиритцев, поэтому остальным достались оскверненные. Только это позволяло защищавшимся продолжать сражение. Они знали, что проиграют, но не сдавались.

Молитва Алектиса поддерживала отряд, но веры пастыря оказалось мало, перед

подобным скоплением Скверны. Энергия Бездны непрерывным потоком лилась в зал, вторгаясь в сознание смертных и рисуя им страшные картины собственной гибели.

Исель вскрикнула, когда ее плеча коснулись ледяные когти и сразу же пропустила еще одну атаку, оставившую на левом боку три глубоких борозды.

— Отходи! — Таллаг прыгнул вперед, развалив топором голову пораженного эльфийку оскверненного и вонзив острые лезвия в живот другому. Он дернул рукой, и стальные когти распоролы кожу создания Тьмы, вываливая слипшиеся в мерзкий ком внутренности.

— Нет, — упрямо бросила Исель. — Если я отступлю — мы не выстоим!

Услышав за спиной оглушительное шипение, девушка отскочила в сторону и рядом с ней пронесся сгусток зеленого пламени, легко прожегший дымящуюся дыру в телах наседавших на эльфийку тварей.

— Мы и так не выстоим! — Эгистес, сжимающий в руках два посоха непрерывно посылал заклинания в толпу.

Некромант все больше и больше опирался на свое оружие, чувствуя, что уже близок к своему пределу. Сделав над собой очередное усилие, он смял доспехи еще одного рыцаря Бездны.

Рядом раздался тяжелый вздох и Кая, полностью обессилев, упала на пол. Девушку стошнило, но она пыталась подняться. Создания Скверны оттеснили защитников, почти к центру зала, куда спотыкающийся Калеос отвел не прекращающего молиться Алектиса. Окруженные со всех сторон они понимали, что бог смерти Велес уже тянет к ним свои костлявые руки. Но тут платформа Изначальных врат за спинами сражающихся неожиданно пропала.

— Это... — Кая закашлялась, так и не договорив. Расширившимися глазами она смотрела, как пропавшая вместе с ее наставником платформа врат появилась снова, но на ней уже стояла та самая южанка, которую ранее утащил демон из круга.

Заклинательница что-то кричала.

Потом, прямо из ниоткуда, вокруг врат появились высокие закованные в броню мужчины, статью похожие на гиритцев, но в алой броне. Их вел рыцарь со сверкающей, словно солнце, алебардой. Мощь древнего артефакта ослепила волшебницу, а затем ее оглушила пропитанная мощью молитва на древнеимперском языке.

Полные священной мощи слова литании мгновенно разнеслась по просторному залу, загредев где-то под потолком, и алые рыцари ринулись в битву. Подобно яростному шторму они налетели на растерявшихся поборников Скверны, смяв их ряды и отбросив назад. — Вставай! — кто-то подхватил Каю, помогая подняться, и она увидела Эгистеса. Лицо некроманта оживилось и, впервые, девушка увидела в его взгляде отблеск надежды.

За спиной мужчины уже стояла Кисара: — Врата! — Она потянула волшебницу за собой. — Врата вернулись! Их можно использовать, как врата Пути! Ты сможешь пробудить их?

— Они уже пробуждены, — пробормотала Кая, удивленно уставившись на медленно крутящуюся платформу. Я смогу настроить их, но для перемещения нужно заклинание, ключ...

— Я — ключ! — Южанка прикоснулась к платформе и по камню проскользнули фиолетовые искорки.

Сеграс рухнул на колени и даже не обратил внимания на боль в одном из них. Все было кончено. Он навсегда останется в этом проклятом мире. Его обманули и предали еще раз! Он ведь помнил, помнил голос, обещавший ему власть, этот голос...

— НЕВОЗМОЖНО!

Этот голос Сеграс уже слышал. Он рывком поднял голову и сквозь пелену слез уставился на стоявшего на платформе человека, сразу узнав его. Маг постарел, но это определенно был он, Сеграс не мог ошибаться.

— Ренарг? — с надеждой спросил Сеграс. — Ты пришел?!

— Ты?! — когда маг посмотрел на отрешившегося пастыря, в его глазах полыхала злость. — Что... — теперь старик увидел и мертвого принца демонов. Штранризгар лежал в луже собственной темной крови, окруженный трупами своих рабов.

— Это все сидониты! — Сеграс бросился в ноги магу, но тот небрежным пинком отшвырнул его прочь.

Старик упал на спину и воздух с хрипом вырвался из его груди.

— Они, они забрали Говорящую, убили Штранризгара. Я пытался их задержать...

— Ты! — спустившись с платформы, архимаг пригвоздил Сеграса посохом к полу. — Все вы подвели меня! Жалкий, продавшийся Скверне раб! — Задыхаясь от злости, тот, кто носил сейчас имя Гранер Ласкнир, вонзил свой посох в грудь забившегося на полу старика.

— Я!.. — кровь выступила на губах Сеграса, и он дрожащими руками сжал древко, все глубже погружавшееся в его тело. — Я просто хотел быть с ней... она так похожа — каждое слово давалось старику очень тяжело. — Ты обещал...

— Глупец! Я должен был править миром с непобедимой армией! Моя сестра принесла себя в жертву, чтобы открыть врата, погубившие эту обитель еще две тысячи лет назад! Ты увидел похожую на нее девку, и все испортил?!

— Она погибла?! — Выцветшие глаза бывшего пастыря широко распахнулись. — Ты... Солгал!.. Обещание... — пальцы Сеграса разжались и его руки безвольно упали на пол. — Я вижу, — вдруг ясно прошептал он. — Теперь я снова вижу Его... Прости меня, Гирит. Я лишь хотел... — глаза отрешившегося пастыря остекленели, и он испустил последний вздох.

— Никчемная тварь! — Гранер Ласкнир вырвал посох из смертельной раны на груди старика. Черная кровь оскверненного быстро заструилась по древку, добралась до навершия и яркая сфера венчающая его заполнилась мраком.

— Теперь все придется начать сначала! — архимаг сунул руку за пазуху. — Я вернусь и все... — он осекся, поспешно вытащив руку и потрясенно глядя на свою ладонь, где лежал распавшийся на несколько частей камень возвращения.

Когда в зал ворвались демоны, они увидели мертвых сородичей и своего поверженного повелителя Штранризгара. Рядом с принцем демонов стоял сгорбившийся старик, потерянно глядевший на свою ладонь. Слепленные жаждой крови, создания Скверны взревели.

— Ты всегда была любопытной, Кая, — прошептал Гранер Ласкнир, не отрывая взгляда от распавшегося на части камня Возврата. — Я хорошо обучил тебя, — потерянно прошептал архимаг прежде, чем демоны накинлись на него.

— Нужно завалить вход! — Эгистес вскочил на край платформы.

С помощью сидонитов защитникам удалось ненадолго отбросить созданий Скверны назад, но новые противники продолжали пребывать, врываясь в зал через старый тоннель.

— Помогите мне! — Взмахнув двумя посохами, некромант направил их на потрескавшуюся арку. Ленты на его посохе затрепетали, обвиваясь вокруг руки, впиваясь в кожу. Посох Фирота Лишенного Скорби похолодел, льдом гор обжигая ладонь нового хозяина, читающего заклинание на мертвом языке.

— Тлен! — Эгистес Отверженный резко выпрямился и послал под потолок тоннеля два сплетенных между собой заклинания. Темная магия смерти сорвалась с разных посохов и слилась в единый разрушительный поток. Зеленый череп, что вырвался из посоха с черными лентами, обвила ониксовая змея, забравшись внутрь и выглянув из пустой глазницы.

Слева гортанно вскрикнул шаман зверолодов, поддерживая некроманта магией стихий. Треск его молний заглушил рев пламени огненной глыбы, созданной Каей.

Почти одновременно заклинания ударились в древнюю кладку, отламывая от нее огромные куски, с грохотом падающие вниз и погребаяющие под собой не только проход, но и всех, кто пытался пройти по нему. — Все к Вратам! — Таллаг орал так, что перекрикивал даже шум битвы.

Зверолод помог раненному Калеосу добраться до платформы и усадил его на край. Темный эльф потерял много крови, и сознание вот-вот должно было покинуть его. Однако Калеос все еще силился встать.

— Сестра, где моя сестра? — Повторял он снова и снова.

— Я здесь, — Исель первой добралась до Врат. Она схватила брата за руку и на его бледных губах появилась слабая тень улыбки.

— Не вздумай умирать, иначе некромант сделает из тебя живое чучело, — нервно хмыкнул зверолод. Вскочив на платформу, он снова закричал: — Всем назад, портал открыт!

Но Эгистесу было не до этого.

Размахивая двумя посохами, некромант, не жалея последних сил, сеял смерть и разрушения, уничтожая оставшихся в зале порождений Скверны. Словно ожившего героя древних легенд, он видел возвышавшегося среди скрюченных фигур сидонита с сияющей алебардой. Алард Дарий вел своих рыцарей в бой и не ведал пощады.

Рядом с храмовниками продолжал неистовствовать Скар. Неукротимый дух зверолода вызвал у колдуна невольное восхищение. Скар Кровожад едва держался на ногах и был весь залит кровью, но все же находил в себе силы продолжать бой.

Эгистес видел, как зверолод прикончил очередного врага, одним ударом лишив противника руки, затем подсек ногу и одновременно ударив двумя топорами сверху, раздробив голову вместе со шлемом.

Кровавое безумие покинуло разум Скара, его глаза снова стали обычными и он пошатнулся.

— Держись! — Лисандра успела вовремя, чтобы подхватить начавшего заваливаться на спину воина. Она попыталась оттащить его назад, но была слишком слаба для этого.

— Не смей умирать, слышишь! — дрожащими руками девушка попробовала стереть кровь с лица Скара.

— Не буду, — еле слышно ответил зверолод. — Ты же так и не сказала мне, чего-то... Эй!

Карт ухватил хозяина за обрывки шкуры, болтавшиеся кровавыми тряпками у него за спиной, и потащил к воротам. — Стой, скотина, — Скар слабо дернулся и шкура с влажным шлепком лопнула. Зверолюд больно ударился затылком о пол и зарычал.

— Я помогу, — хрупкие руки обхватили Скара и легко помогли воину встать.

— Ты девочка или просто странно выглядящий снежный исполин? — удивился зверолюд силе Алиры, но та не обратила внимания на вопрос.

Однако Скар не заметил этого. Он вдруг обеспокоенно заозирался, пока не наткнулся взглядом на запрыгнувшего на платформу брата.

— Хвала Праматери, — прошептал Скар и, морщась от боли, постарался идти быстрее.

Изначальные врата парили над полом. С их высоты Таллаг видел, как отступают гиритцы. Алектис и Гирион помогали хромающему Фалкону. Губы пастыря непрерывно шевелились, он читал молитвы, но выглядел при этом несколько иначе. Зверолюду показалось, что гиритец едва не плачет от счастья, пряча улыбку за напускной серьезностью. Алектис постоянно смотрел вверх, на изображение Гирита Защитника. Почти достигнув платформы, монахи остановились. Фалкон и Гирион удивлено переглянулись, когда в их глазах вспыхнуло спокойное пламя небесного цвета.

— Я чувствую Его, — выдохнул Фалкон. — Клянусь, я чувствую взгляд Защитника! — Он попытался развернуться, чтобы продолжить бой, но Гирион удержал его: — Он снова с нами, брат. Сидониты вернулись в этот мир, и мы заслужили прощения нашего Бога. Но пока мы слабы. Уйдем, и ты еще послужишь Ему.

Старый ветеран нехотя кивнул, захромав к Вратам. Достигнув их, он обернулся, чтобы еще раз взглянуть на заваленный мертвыми телами зал.

Не веря своим глазам, Фалкон смотрел на сидонитов, словно вышедших из тени прошлого. Они казались ему призраками, но он чувствовал их мощь. Воины Сидония вновь спасли всех.

Фалкон ощутил укол совести. Ему стало стыдно, что алые храмовники не раздумывая, вступили в бой, тогда как его собственный орден в свое время, не пришел к ним на помощь. Посмотрев на своих братьев, он понял, что они чувствуют то же самое.

— Быстрее, мы перенесем сразу всех! — Кая с трудом держалась на ногах.

Волшебнице пришлось потрудиться не только над тем, чтобы помочь завалить тоннель, но и над расширением зоны действия Врат. Если бы девушка не так устала, то она непременно восхитилась бы мощью древнего сооружения. Но сейчас ей лишь хотелось покинуть это место.

Закончив последние приготовления, Кая кивнула стоявшей в центре платформы Кисаре. Южанка, убедившись, что сидониты во главе с Алардом Дарием почти достигли Врат, закрыла глаза, представив себе ставший для нее домом Фририард.

Алые храмовники, справившись с последними противниками, как и все, подошли к Изначальным Вратам. Один за другим они перешагивали разгоравшиеся прямо на полу символы, второпях начертанные Каей. Платформа питала сложную формулу своей силой и, по заверению волшебницы, была вполне способна перенести их всех за один раз.

— Я читала об этом в дневнике учителя. Платформа, наверняка, разрушится, — с толикой грусти произнесла Кая, оглядывая платформу врат. — Жаль...

Магические символы засияли ярким фиолетовым огнем, закружившись в сумасшедшем круговороте. Сквозь мельтешащие перед глазами формулы, Алард Дарий последний раз оглядел зал, который он и его братья охраняли с давних времен.

Храмовник перевел взгляд на выживших воинов Сидония и увидел у одного из них булаву в виде солнца. То самое оружие, которым рыцарь-защитник Нолан уничтожил врата Пути, когда понял, что оскверненные смогут воспользоваться ими. Нахмурившись, Алард посмотрел в сторону заваленного тоннеля и увидел, как камни начинают осыпаться — Бездна отчаянно стремилась пробиться в этот зал. Верховный лорд сидонитов знал, что ее не остановит ни время, ни какая-то другая преграда.

— Мой лорд? — обеспокоенно спросил Дрэтон Брин, заметив задумчивость Аларда.

— Позаботься об ордене. — Рука храмовника сжала теплое древко Аренвира. — И еще, — Алард помолчал. — Скажи Говорящей, что я сожалею, но должен выполнить свой долг.

— Мой лорд, что Вы?!.. — Дрэтон Брин шагнул было к Аларду, протягивая к нему руку, но Верховный лорд, вдруг, вышел из круга мечущихся формул.

— Алард! — Воскликнул капитан сидонитов, но едва это имя успело сорваться с его губ, как он понял, что находится уже не в обители нерушимых Врат.

* * *

Алард Дарий отвернулся от завала, по склону которого скатывалось все больше камней и осмотрел Изначальные врата. Как он и думал, древний артефакт не разрушился. Сидонит не мог судить, лишились ли врата волшебной силы или нет, но он не мог рисковать. Если его рассуждения верны, то, истратив столько силы, врата сейчас уязвимы как никогда и это единственный шанс. Медлить Алард не мог. Еще несколько мгновений и Бездна ворвется в этот зал.

— Это мой долг. Прости меня, Воздаятель, но орден больше не в силах охранять врата. Теперь, когда обитель осквернена, я смогу лишь уничтожить их. Если этим деянием я заслужу твой гнев, то быть посему. — Алард взошел на платформу, воздев над головой Аренвир.

На миг храмовнику представилось лицо спасшей его девушки, и он улыбнулся:

— Теперь и я спасу тебя и всех остальных. — С этими словами Верховный лорд вонзил алебарду точно в центр платформы.

Камень протяжно застонал, словно живое существо. Алард почувствовал, как неизвестная сила пытается вытолкнуть клинок из расширяющейся трещины и надавил на оружие сильнее.

Древний артефакт неистово сопротивлялся разрушению, но ослабленный скверной он не мог полностью защитить себя, как сделал бы это раньше. Собрав все оставшиеся силы, Верховный лорд сидонитов провернул Аренвир и платформа покрылась причудливыми паутинами трещин.

Камень вблизи от лезвия начал плавиться, падая на пол.

Боль пронзила тело храмовника — Алард Дарий плотно сжал зубы. Мысленно воззвав к Сидонию, он лишь сильнее надавил на рукоять оружия.

— Ты, все-таки, именно такой, как в ее мечтах, — детский голос прозвучал за спиной Аларда, когда от Изначальных Врат осталась лишь горстка расплавленных камней и обессиливший мужчина упал припал на колени, вонзив верный Аренвир в пол.

Храмовник обернулся и увидел молодую девочку, лет пятнадцати. У нее были смешные

хвостики из красных волос и такого же цвета глаза и ногти. Она носила короткое ярко желтое платье с фиолетовыми кружевами и длинные черные чулки.

— Отважный и смелый, — улыбнулась Миаджи, глядя на неподвижно стоящего храмовника. — Готов пожертвовать собой...

Приблизившись, демоница коснулась пальчиком древка Аренвира, и от ее кожи к потолку заструился белый дымок.

— Но, увы, я этого не допущу, пусть мне и не хочется. Перед тем, как перенестись из этого места, Кисара поняла, что ты решишь остаться, но уже ничего не успела сделать. Ее чувства отчаяния и грусти были настолько сильными, что достигли своим порывом даже меня. Я не хочу больше видеть ее слез, так что терпи, может быть больно, а может, ты и вовсе не выживешь.

Демоница вдруг улыбнулась, обнажив острые клычки, и быстро подалась вперед. Крепко обняв Аларда, Миаджи вздрогнула. Она ожидала, что соприкосновения с освященной броней причинит ей нестерпимую боль, но почувствовала лишь приятную волну тепла. Никогда прежде демоница не ощущала ничего подобного и чувства переполнили ее. — Сделай сестру счастливой, — прошептала Миаджи.

И в этот же миг обе фигуры исчезли, распавшись черным туманом.

Дом

— Даже не знаю, как мне благодарить тебя, — Кисара стояла на балконе своего жилища, привычно наблюдая за входом в обитель сидонитов.

Теперь стяги ордена были высоко подняты, гордо рея на приятном ветру, что дул с моря, принося с собой легкий аромат пьянящей свежести. Девушка подставила ветру лицо, прикрыв глаза и позволив ему играть ее черными волосами.

— От твоих благодарностей, мне только хуже, сестрица. — Голос демоницы звучал не очень-то довольно. Сама Миаджи сидела на перилах, болтая обутыми в светло голубые туфельки ножками. Она то и дело косилась на обитель храмовников, каждый раз, недовольно морща острый носик.

— Ты же говорила, что после того, как мы прошли через перерождение, ты спокойно переносишь близость берегов, пока я с тобой.

— Так и есть, — сердито буркнула демоница, показав язык одному из двух рыцарей в алой броне, стоящих у врат обители.

— Тогда почему ты так недовольна? — подойдя поближе к Миаджи, Кисара погладила ее по голове.

— Да потому что эта неблагодарная скотина так и не соизволила появиться! — в порыве гнева девочка сжала маленькие кулачки. Ее красные глаза зло сверкнули. — Я понимаю, если бы он умер, но ведь нет! Упрямый сидонит пережил то, что, как я думала, не под силу никому из смертных! Я протащила его в этот мир, через самую Бездну, а он и глазом не моргнул! Более того, когда мои не успевшие восстановиться силы были на исходе, этот твой храмовник сам вынес меня из мрака, с улыбкой на своей роже! А потом еще и нагло поблагодарил за помощь! Меня, рожденную Скверной, храмовник спас, когда я сама хотела его спасти! Уму непостижимо!

— Он же сказал, что вы бы оба погибли, если бы не... — Кисара смутилась и замолчала.

— Если бы не ты, — закончила за нее Миаджи. — Сила Говорящей! Да! Ты так не

хотела разлучаться с ним, что докричалась до любимого даже сквозь Бездну, а он и рад стараться! Готова поспорить, что если бы с ним не было меня, и я не успела бы перенести нас к самой изнанке Бездны, этот сидонит прошел бы через нее на своих двоих, по пути прибавив еще парочку принцев!

— Ты преувеличиваешь...

— Трудно преувеличить силу святого. Миаджи, кажется, немного успокоилась. Впервые за десять дней с момента возвращения, она смогла обрести материальное тело в Светлых землях и теперь неустанно возмущалась происходящему.

— Ладно, — она глубоко вдохнула и выдохнула. — Храмовник был сильно измотан, даже когда я увидела его у обломков этих Врат, следуя за эхом которых мы и прошли следом за вами. Я еще удивилась, как это он на ногах держится, с такими-то ранами. А тут еще ты... Стоила нам появиться — бросилась ему на шею и только потом уделила внимание моей скромной персоне!

— Прости, — виновато потупившись, произнесла Кисара.

— Но я-то вот здесь! Ну а где твой ненаглядный?! — Спрыгнув с перил, Миаджи топнула каблучком по гладкому полу.

— Первое время он восстанавливался после полученных ран, так мне сказали сидониты. Да и я сама провалялась без сил пару дней, не в состоянии даже встать с постели. Молитвы пастыря поддерживали наши силы, но, стоило ему прекратить молиться, как я поняла, что полностью истощена. Потом Алард отправился в Ариард, по делам ордена и...

— И даже не заглянул к тебе! — Выпала Миаджи, ткнув пальцев в сторону памятника Аларду Дарию, почти по щиколотку усыпанному свежими цветами. — Его тут девушка ждет, весь город сходит с ума от счастья, а он!.. У-у-у! Неблагодарный!..

В дверь постучали и Миаджи недовольно засопела.

— Девочки, спуститесь вниз, пожалуйста, — голос Гвинет звучал, как всегда, заботливо.

— Сейчас, — отозвалась Кисара.

Ухватив сердитую демоницу за руку, заклинательница потянула ее за собой.

Когда они открыли дверь, главы гильдии за ней уже не оказалось. Пройдя по коридору, девушки спустились на первый этаж, где их дожидалась небольшая, но весьма разношерстная компания.

— Наконец-то! — Калеос первым заметил вновь прибывших.

Эльф выглядел вполне здоровым, однако под легкой черной сорочкой у него угадывались плотно наложенные на грудь, плечо и живот бинты. — Чего так долго? — жующий кусок мяса Таллаг привстал, потянувшись за новым куском. Синяк под глазом почти прошел, но то, как зверолод держал ногу, говорило, что не все раны еще полностью затянулись. — Сам-то, только что пришел, — острый локоть Исель впился зверолоду под ребра и тот едва не поперхнулся. — А где твой братец?

— Как только смог ходить — отправился за Лисандрой. Она так и не дала о себе знать с тех пор, как за ней прислали родители. Ни слуху, ни духу, — с набитым ртом ответил зверолод. — Не понимаю, как можно пропустить собственное посвящение. — Посвящение было позавчера, — тихо заметила Гвинет. — Не помнишь?

— А? Нет, — зверолод, действительно, выглядел удивленным и его разноцветные глаза расширились. — Вы серьезно? — Тебе следует меньше пить, — язвительно заметила Исель. — Действительно, — поддержала эльфийку Алира, беззвучно занявшая соседнее

место. — Это просто верх невоспитанности.

— Э... Откуда ты?.. — Буревестник не договорил, так как входная дверь отворилась и в нее вошел облаченный в черное Эгистес.

— Доброго дня, — вежливо поздоровался некромант, улыбнувшись уголками бледных губ.

— Здравствуйте, — из-за спины мужчины высунулась Кая. На девушке больше не было плаща мага, который сменила более удобная походная одежда.

— Явились! — не дав никому и слова вымолвить, нашелся Таллаг. — Ну что ж, раз мы теперь в одной семье — давайте, усаживайтесь!

Впрочем, приглашение зверолода никому не требовалось и некромант с волшебницей сели на свободную скамью. С другой стороны на нее же опустились и Кисара с Миаджи.

— Привет, бледная, — мило улыбнулась демоница, подмигнув Алире.

— Здравствуй, рогатая, — не осталась в долгу темноволосая девочка.

— Подружитесь чуть позже, — мягко откашлявшись, Гвинет поднялась со своего места. — Я надеюсь, что теперь, когда мы освежили память Таллага, все вспомнили, что нас стало больше. — Как первое задание? — Улыбнувшись, она вопросительно взглянула на некроманта.

— Вот, — Эгистес положил на стол увесистый мешок. — Здесь даже больше. Гиритцы обрадованы возвратившейся силой, так что денег не пожалели. Фалкон сказал, что Алектиса сделают капелланом. За него свидетельствовал сам Алард Дарий. Еще он сказал, что грех гиритцев перед его орденом полностью искуплен и свидетельство тому — возвращение благословения бога Защитника. Ранее гиритцы предали своего покровителя, не выступив на помощь сидонитам, но теперь смыли этот грех кровью. Не знаю, так ли это на самом деле, но, надеюсь, впредь мы будем заниматься чем-нибудь более интересным...

— Ты же знаешь, я посылала вас не только за этим, — несмотря на слова, Гвинет накрыла награду украшенным перьями плащом, и мешочек бесследно пропал со стола.

— Как она это делает? — удивился Таллаг, опрокидывая в себя полную кружку пенного напитка.

— Я встретился с отцом, — вздохнул Эгистес. — Мы поговорили. Все. — Некромант изъяснялся отрывисто, но что-то в его взгляде поменялось. Он стал немного теплее и Гвинет, заметившая это, удовлетворенно кивнула.

— Семья — это главное! — Глава гильдии Крылья Удачи, обвела всех собравшихся взглядом. — А как твои родители отреагировали на произошедшее? — спросила она у Каи.

— А, — девушка, все еще чувствующая себя не в своей тарелке, вздрогнула. — Они, естественно, хотели бы видеть меня при дворе. Но теперь, когда Совет магов временно распущен, да еще и из-за моего бывшего учителя, они сошлись во мнении, что мне следует некоторое время пожить отдельно и, желательно, не в Ариарде. И без того уже поползли слухи...

— Эй, — прервал девушку Таллаг. — Ты теперь и моя семья тоже, так что если кто-то вздумает распускать про тебя какие-то там сплетни, я лично вырву ему грязный язык! А если этого недостаточно, то можно попросить Скара и тогда...

— Э-э-э... спасибо, — не зная, как отреагировать на подобное заявление, Кая выдавила из себя смущенную улыбку.

— Обращайся, — серьезно кивнул зверолод. — А что там с этим стариком, архимагом?

— Здесь все сложнее, — задумчиво произнес Эгистес.

Сцепив пальцы в замок, некромант уперся локтями в стол, подперев голову руками.

— Весь Совет сейчас напоминает разворошенный муравейник. Гиритцы допрашивают всех и каждого, но пока ничего не нашли. Судя по записям в архивах, в которых успела порыться Кая — Гранер Ласкнир стал архимагом двадцать лет назад, до этого был учеником у Дариниса Урга. Его учитель умер не так давно, так что сам ничего уже не расскажет. Хотя, если удастся найти могилу...

— Что-то еще? — вопрос Гвинет заставил Эгистеса отвлечься от своих мыслей. — Известно, что Гранера Ласкнира, уже вполне взрослого и лишённого памяти нашли рядом с Пустошью Бездушных, сразу после того, как битва была выиграна и ворота в Бездну удалось закрыть. Именно тогда он и познакомился с моим отцом. Но это еще не все. О человеке, носившем имя Ринксал Ренарг, кое-что известно. Мало того, что это имя, тот же Гранер Ласкнир, прочитанный наоборот — это еще не все. Его, так же, ребенком отыскивали неподалеку от закрытых темных Врат, названных Жатвой Бездны. — Странное совпадение, — Кисара почувствовала, как холодок пробежал у нее между лопаток. — Таких — не бывает.

— Не бывает, — согласно кивнул некромант. — Кроме того, у меня сохранилось письмо архимага, которое позволит мне попасть в его покои и взять оттуда то, что пожелаю, в качестве награды. Плата за то, что я присматривал за одной непутевой ученицей.

При этих словах, сидящая рядом с некромантом Кая виновато потупилась. — Сейчас в башню магов никого не пускают но, думаю, я все же смогу там что-нибудь найти. — Продолжил Эгистес. — К тому же, Алира, — попросил он. — Расскажи им.

— Ринксал Ренарг — прошептала девочка в новом темном платье, глядя в пустоту перед собой. — Я знаю это имя...

— Ты выглядишь моложе своих лет, — хихикнула Миаджи.

— Я слышала это имя от отца. — Невозмутимо продолжила Алира. — Кажется, так звали одного из верховных жрецов Велеса Скорбящего.

— Ты не ошиблась, дитя? — сразу же переспросила встревоженная Гвинет. — Жрецы Велеса были первыми, кто распахнул ворота в Бездну. Если все это так, то я уверена, что мы еще...

— Да какая разница-то, а?! — не выдержал Таллаг. — Мы еще, мы не еще!? Мы уже! Вы, уже достали со своими разговорами! Мы ведь вернулись живыми из Потерянных земель, а это дорогого стоит! Предлагаю за это выпить! — Зверолюд резко встал со своего места, подняв кружку. — За нас!

— За нас! — разом повеселевшая глава гильдии первой поддержала тост зверолюда, и остальным ничего не оставалось, кроме как последовать ее примеру.

* * *

Тяжелые шаги за дверью, разбудили Кисару. Она услышала чей-то удивленный возглас, какое-то бормотание, после чего в дверь решительно постучали.

Девушка быстро поднялась с постели, на ходу закутываясь в теплое одеяло и отчаянно пытаясь проснуться. Проходя мимо окна, она заметила, что солнце только начало вставать и никак не смогла взять в толк — кто мог явиться к ней в такую рань. Так и не успев до конца раскрыть отчаянно слипающиеся глаза, южанка распахнула дверь и так и застыла с

открытым ртом.

— Прошу меня простить, — на пороге стоял Алард Дарий, в полном боевом доспехе и с Аренвиром в руках. — Я пришел так быстро, как только смог.

— А?.. — от удивления, южанка едва не выпустила одеяло, но в последний момент ее пальцы судорожно вцепились в его мягкие края.

— Произошедшее в обители Нерушимых Врат требовало срочного вмешательства, и я решил вначале разобраться с делами, чтобы они, хоть какое-то время, не мешали нам.

— Не мешали?

— Ты спасла меня, Кисара. Меня и всех остальных. — Алард склонил голову. — И я никогда этого не забуду. Я помню, что спрашивал, чем я могу отблагодарить тебя, и я помню ответ.

— Я... Это... Вы не подумайте, я... — быстро затараторила Кисара, заливаясь густой краской и не зная, куда деться от сжигающего ее стыда.

Но храмовник поднял руку, показывая, что еще не закончил: — Я всегда держу свое слово и никогда не отказываюсь от него. Но сейчас во мне говорит не долг, а мои истинные чувства. Если это сделает тебя действительно счастливой, я прошу твоей руки и сердца, — с улыбкой произнес Алард Дарий, и Кисара почувствовала, что ее собственное сердце едва не остановилось.

Глядя в светлые глаза рыцаря, Кисара не сразу заметила, что по ее щекам бегут слезы, но то были слезы радости, и девушка не стыдилась их.

— Это сделает меня самой счастливой на свете, — тихо прошептала она.

— Да будет так.

Храмовник опустился перед Кисарой на одно колено, подняв руку и протянув девушке алую розу, казавшуюся хрупкой в его латной перчатке и от того еще более прекрасной. Мужчина выпрямился, провел кончиками пальцев по щеке южанки и... Вдруг вцепился в нее.

— Сестрица, сестрица-а-а-а, — благородное лицо храмовника расплылось, меняя очертания, и его голос искажился, став более тонким и требовательным.

— А, что?! — Проморгавшись, Кисара обнаружила, что лежит на кровати, а над ней склонилась Миаджи, оттягивающая ее щеку двумя пальцами.

— Снова этот сон? — лилейным тоном осведомилась демоница и невинно улыбнулась.

— Сон, — тяжело и грустно вздохнув, Кисара кивнула. — Всего лишь сон. И ты снова не дала мне его досмотреть.

— Уже давно день и пора вставать. — Развела руками Миаджи. — А сон — это только твое разыгравшееся воображение, сестрица. Ты стала одержима, но не Бездной, а рыцарем в сияющих доспехах! Он снится тебе, чуть ли не каждую ночь...

— Ты не понимаешь, — сев на кровати, Кисара откинула с лица спутавшиеся локоны. — Мне кажется, что он вот-вот, и правда, постучит в мою дверь.

— Кажется ей, ха! — демоница не скрывала своей злой иронии. — Когда кажется...

Миаджи застыла с открытым ртом, когда в дверь жилища южанки, действительно, постучали.

— Кто там? — дрогнувшим голосом спросила Кисара.

— Прошу меня простить, — донесся из-за двери чистый и властный голос Аларда Дария. — Меня задержали неотложные дела, и я пришел, как только смог. Могу я войти?

— Не может быть... — потерянно произнесла Миаджи, чьи расширившиеся от

удивления глаза стали напоминать столовые блюда.

Но Кисара этого не заметила. Она уже бежала к двери, поспешно кутаясь в одеяло.

Больше книг на сайте - Knigolub.net